

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЗАПАДНОСИБИРСКИЙ ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. Н. Корнева

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА:
проблемы исследования
и тенденции современного развития
(1985–2005)

КЕМЕРОВО
КУЗБАССВУЗИЗДАТ
2007

ББК 63.3 (4Гер)
К67

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Кемеровского государственного университета*

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор Н. П. Шуранов
(Кемеровский государственный университет)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. И. Борозняк
(Липецкий государственный педагогический университет);
доктор исторических наук, профессор М. Е. Ерин
(Ярославский государственный университет)

Корнева Л. Н.

К67 Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005) / Л. Н. Корнева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 275 с.

ISBN 5-202-00023-5.

На основании работ немецких авторов 1985–2005 гг. анализируются основные тенденции развития историографии национал-социализма, проблемы и результаты исследования.

Предназначается для научных работников и преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов, всех, кто интересуется историей и историографией национал-социализма.

ББК 63.3 (4Гер)

ISBN 5-202-00023-5

© Корнева Л. Н., 2007
© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	----------

Глава 1

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

1.1. Проблемы «историзации» национал-социализма	19
1.2. Западногерманская историография национал-социализма в контексте «исторических дебатов»	26
1.3. Объединение Германии и перспективы исследования нацизма	36

Глава 2

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

2.1. Национал-социализм как тоталитаризм	53
2.2. Национал-социализм как модернизация	75
2.3. Национал-социализм как политическая религия	92

Глава 3

ИСТОРИОГРАФИЯ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ НАЦИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

3.1. Структура нацистского государства. Механизм контроля и подавления	119
3.2. «Народное сообщество» при нацизме	140
3.3. Некоторые проблемы социально-экономической политики	160
3.4. Наука и культура в свете «историзации» национал-социализма ...	180

Глава 4

**ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА
В РАМКАХ СПОРОВ О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ
ХАРАКТЕРЕ ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

4.1. Проблемы расизма, геноцида и Холокоста	206
4.2. Немецкая армия и преступления нацистского режима	223
4.3. Историки о преступном характере войны на Востоке	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН АВТОРОВ	269
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ	274
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

После Второй мировой войны общественное и политическое сознание в Германии и в Европе в значительной степени формировалось как антипод национал-социалистической идеологии, практике и планам гитлеровского «нового порядка» в Европе. Послевоенная историография национал-социализма сыграла важную роль в укреплении антифашистского общественно-политического сознания.

На трактовку причин появления и победы нацизма в Германии длительное время оказывали особенно сильное влияние идейные и политические обстоятельства. Наметившийся ещё в 1920–30-е гг. водораздел между коммунистической и некоммунистической историографией фашизма после войны был более чем на 40 лет углублён и закреплён расколом Европы на два противостоящих друг другу лагеря. В Германии он проявился в разделении страны на «капиталистическую» ФРГ и «социалистическую» ГДР. При этом марксистская идеология в ГДР имела статус официальной, и работы по фашизму в подавляющем большинстве создавались в её рамках. Плюралистическая методологическая и политическая основа историографии ФРГ допускала оценки фашизма в широком спектре – от коммунистических трактовок «слева» до неонацистских интерпретаций «справа». Широкое распространение получили персоналистские интерпретации фашизма. Господствующее положение в ФРГ переходило то к консервативному направлению, то к либеральному и примыкавшему к нему социал-демократическому¹.

В немецкой историографии, как ни в какой другой, большое значение при изучении фашизма имеют политические, идеологические и моральные аспекты. Зачастую именно они являлись отправной точкой дискуссий. При этом груз ответственности за нацизм в наибольшей степени оказывал давление именно на западногерманскую историографию, т. к. Федеративная Республика 1949–1990 гг., строя демократическое государство западного образца, признавала свою моральную ответственность за наци-

стское прошлое. В её истории были также подъёмы и спады неонацизма. Наличие различных идейно-политических течений и методологических школ обостряли споры вокруг узловых проблем фашизма. Коренные идеологические разногласия между «социализмом» и «капитализмом» побуждали марксистскую историографию ГДР выступать непримиримым оппонентом буржуазной историографии ФРГ.

Несмотря на указанные обстоятельства, географическая близость двух немецких государств, общие историко-культурные традиции, антифашистская позиция подавляющего большинства немецких историков не допустили полного разрыва историографии ФРГ и ГДР. И в этот период происходило их взаимодействие. Под обоюдным влиянием шло изучение определённых тем, своеобразное соревнование, знакомство одних с работами других. К концу существования двух германских государств оценки национал-социализма сблизились, по крайней мере, в пунктах об империалистической основе германского фашизма, мировоззренческого характера «войны на Востоке», ответственности реакционно-консервативных политических сил за приход фашистов к власти. Близость генерализирующих оценок позволяла историкам обоих государств сотрудничать в изучении фашизма (правда, в ограниченном размере), несмотря на «холодную войну».

Германские историки накопили и подвергли анализу большой фактический материал по истории нацизма. Его систематизация – важная научная задача сегодняшнего дня. Подведение итогов стимулирует дальнейшую работу в этом направлении. Постановка новых тем исследований, переосмысление старых с новых методологических позиций естественно пробуждают интерес к тому, что в этой области было сделано и делается немецкими историками.

Особый интерес представляет этап развития немецкой историографии, начавшийся с середины 80-х гг. XX века и продолжающийся до настоящего времени. В течение этого периода обозначились и получили развитие новые тенденции в общественной и политической жизни, повлиявшие на дальнейшее осмысление национал-социализма. К таковым можно отнести:

- 1) начавшееся в это время «перемещение» национал-социализма из истории современности в историю прошлого;
- 2) приход нового поколения историков, напрямую не связанного ни со временем фашизма, ни с послевоенными годами;
- 3) проблемы континуитета германской истории.

Опосредованное, но немаловажное влияние оказали изменившие Европу и мир политические процессы второй половины 80-х – начала 90-х гг.:

перестройка и последовавший за ней распад СССР, ликвидация «социалистического блока», объединение Германии.

В результате этих изменений появился новый этап историографии национал-социализма. Впервые с 20-х гг. XX века историография германского фашизма развивается без серьёзного оппонирования «буржуазным оценкам» нацизма со стороны марксистских авторов. В связи с осмыслением истории коммунистической системы в Европе оживились дискуссии о тоталитарных режимах, и вновь был поднят вопрос о причинах их появления в XX столетии. Интерес учёных к этой странице германской истории усилился в связи с открытием архивов стран Восточной Европы и бывшего СССР и с расширением источниковедческого потенциала, давшим реальную возможность дополнительного изучения политики нацизма, особенно в период войны.

Облегчение доступа к архивам Восточной Европы оживило изучение преступного характера войны Гитлера. Сыграло свою положительную роль начавшееся более активное сотрудничество с историками бывших социалистических стран, где также был накоплен значительный опыт исследования фашизма. В Германии, в связи с уходом поколения современников нацизма, были сняты некоторые «табу» с вопросов вины и ответственности отдельных групп или персон за утверждение нацизма в стране. Эти обстоятельства дали толчок к новому пониманию такого явления, как поддержка немецким народом Гитлера². Спецификой историографии «новой» ФРГ стало осмысление «второй германской диктатуры» (режима СЕПГ) и её сравнительный анализ с нацистской диктатурой.

Девяностые годы XX века явились также периодом активных методологических и теоретических поисков в области углубления исторических исследований по национал-социализму и тоталитаризму в целом. Определённое влияние на изучение фашизма оказали и продолжают оказывать постмодернистские методы исследования. Показать, каким образом все эти тенденции повлияли на современную историографию ФРГ национал-социализма – одна из задач настоящего исследования.

В предлагаемой работе автор проследивает влияние общественных и профессиональных дискуссий на оценку исторического места национал-социализма в условиях разделённой и объединённой Германии.

Автор стремилась отразить оценку немецкими историками национал-социализма с разных точек зрения. Из теорий, занимавшихся объяснением феномена национал-социализма выбрано три «модели обобщений». Из них две зарекомендовали себя как более-менее «успешные». Это теория тоталитаризма и теория модернизации. Третья модель – старая, но менее известная – теория политической религии. Перечисленные модели

были по разным причинам реанимированы после объединения Германии и вызвали ожесточённую полемику.

Специальные главы посвящены основным результатам исследований сущности нацистского государства и общества, характера гитлеровской войны на Востоке Европы. Автор при этом обращалась и к истокам – традициям изучения этих проблем в ФРГ.

Немецкая историческая наука по нацизму необозрима по количеству исследований. В ней представлены работы разного уровня и стиля. В центре нашего исследования находились книги и статьи немецких авторов, которые привлекли внимание историков и общественности, внесли весомый вклад в науку и преподавание. Это были также работы, отмеченные печатью нового направления или новаторских суждений. На выбор литературы определённое влияние оказывал фактор доступности.

В Советском Союзе традиционно большое место занимали освещение и критика западногерманской историографии нацизма. Ей посвятили свои работы И. Я. Биск, А. С. Бланк, А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова, В. И. Салов, Н. С. Черкасов и другие советские учёные. Как часть западной историографии фашизма, она рассматривалась в работах, П. Ю. Рахшмира, Б. Г. Могильницкого³. Критический анализ взглядов западногерманских историков на отдельные проблемы фашизма был представлен практически во всех работах, посвящённых германскому фашизму: А. А. Анিকেева, А. А. Галкина, Л. И. Гинцберга, М. Е. Ерина и др. В центре их внимания стоял преимущественно анализ идейно-политических течений и направлений в изучении западными историками отдельных проблем нацизма, а также Второй мировой войны. На работах советского периода лежит отпечаток политико-идеологического противостояния двух общественных систем в Европе. Характерными чертами этих работ было переплетение энергичной критики теоретических подходов «буржуазных» историков к оценке фашизма со скупыми похвалами достижениям в его изучении. Преувеличивались успехи марксистской историографии ФРГ и ГДР.

Большой вклад в изучение проблем развития немецкой и, особенно, западногерманской историографии нацизма и антифашистского Сопротивления 60-х – начала 70-х гг. XX века внёс томский историк Н. С. Черкасов. Об этом свидетельствуют его статьи, посвящённые как тенденциям развития историографии, так и взглядам её крупных представителей таких, как Эрнст Нольте, Карл-Дитрих Брахер и др.⁴. Историк откликнулся полемическими выступлениями на так называемый «спор историков ФРГ» середины 80-х гг., инициаторы которого с апологетических позиций пытались пересмотреть сложившиеся в этой стране оценки нацизма. Работы Черкасова по западногерманской историографии не были связаны толь-

ко с потребностью «борьбы с буржуазными фальсификаторами истории», хотя её тень и лежит на этих работах. Прежде всего они были обусловлены стремлением проанализировать оценки исторического места национал-социализма немецкими историками, представить обстановку полемики, острых дискуссий, неоднозначных суждений в их выводах. Внимание Н. С. Черкасова привлекали также вопросы становления и развития марксистской историографии национал-социализма.

Развитие историографии национал-социализма в ГДР в систематическом виде было изложено в учебном пособии Ю. В. Галактионова, Л. Н. Корневой и Н. С. Черкасова. В нём были показаны тематика и логика восточногерманских исследований проблем германского фашизма, роль отдельных историков. Некоторые темы изучения фашизма получили освещение в работах Ю. В. Галактионова. Несмотря на определённую критику историографии ГДР, её успехи авторами были преувеличены⁵.

В конце советского периода российской истории большую работу по систематизации исследований западногерманской историографии фашизма и антифашизма в 70–80-х гг. XX столетия проделала Л. А. Мерцалова в двух монографиях⁶. На оценках Людмилы Андреевны уже сказались времена перестройки и её суждения о «буржуазной» историографии ФРГ стали более дифференцированы и взвешены. Она отмечает значительный вклад западногерманских авторов в научную разработку истории фашизма и Сопротивления, отмечает хорошую изученность преступлений нацизма, будней фашистской Германии. Её книги отмечены глубокой проработкой отдельных тем историографии фашизма, опираются на весьма широкий круг источников в виде монографий и публицистики, информативны и до сегодняшнего дня представляют научный интерес. К сожалению, мало внимания в её работах уделяется дискуссионным проблемам историографии, в значительной степени повлиявшим на ход дальнейшего изучения нацизма.

В 1990-е гг. начали складываться и развиваться возможности для более объективного и непредвзятого изучения достижений и недостатков немецкой историографии фашизма, её роли в осмыслении и преодолении нацистского прошлого. Попытка нарисовать обобщающую картину исследования нацизма историками обоих германских государств без идеологических клише была предпринята автором настоящей работы в небольшой монографии 1998 года⁷. Автор посчитала необходимым продолжить работу в этом направлении⁸.

В ряде статей одного из видных российских историков – А. И. Борозняка⁹ получил освещение вклад историков ФРГ в формирование антифашистского согласия в стране. Он был первым, кто проанализировал мате-

риалы немецкой выставки о преступлениях вермахта и проходивших по ней дискуссий¹⁰. В статьях даётся и оценка общего процесса развития историографии нацизма¹¹. Заслужила признание и высокую оценку российских и немецких коллег его книга: «Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?»¹². В этой работе отражена напряжённость борьбы демократической общественности ФРГ с попытками правых сил различными способами реабилитировать историю национал-социализма, замазать его преступления. Автор приходит к выводу, что только постоянное внимание к истории нацистского прошлого и напоминание о его преступлениях помогают немецкому обществу сохранять и развивать демократические и антифашистские ценности.

Отдельные темы книги «Искушение» позднее были развиты А. И. Борозняком в очерках по истории и историографии Германии под названием «Прошлое, которое не уходит». В этой работе Александр Иванович выделил наиболее чувствительные точки в обращении с историей национал-социализма в современной ФРГ: концлагеря-мемориалы, споры вокруг памятника жертвам Холокоста, судьбы советских военнопленных, вклад отдельных крупных деятелей при «преодолении прошлого» в развитие согласия и мира между Германией и Россией. Некоторые сюжеты нашей работы пересекаются с темами, поднятыми А. И. Борозняком. Однако содержание его работ располагается не в строго историографическом поле, а в пространстве историко-педагогического, культурологического методов.

Историки М. Е. Ерин и А. М. Ермаков осветили в специальной статье ход историографической дискуссии по проблеме «нацизм и модернизация»¹³.

Новым подходом к историографии отдельной темы истории Второй мировой войны характеризуется работа известного российского германиста М. Е. Ерина¹⁴. В своей книге «Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг.» он провёл сравнительный анализ отечественной и германской историографии немецкого плена, эволюцию его освещения германскими, советскими и постсоветскими учёными. Историком выявлены узловые проблемы и дискуссионные вопросы, обозначены направления дальнейших исследований в этой области. Изучение этого вопроса, как справедливо отмечает Михаил Егорович, имеет «не только чисто научное, но и гораздо большее – общечеловеческое значение»¹⁵. Такой сравнительный анализ имеет большие перспективы – особенно в области изучения проблем советско-германских отношений, использования принудительного труда «восточных рабочих» и других аспектов российско-германского исторического соприкосновения.

Несмотря на наличие важных материалов о связи изучения нацизма с общественно-политическими проблемами современной Германии и России, вышеупомянутые работы не носят обобщающего характера и представляют только отдельные ветви историографической практики национал-социализма. Наша работа ориентируется на комплексный подход к современной историографии с выделением приоритетных тематик исследования для настоящего времени.

Обобщающие работы по историографии национал-социализма регулярно появляются за рубежом. Картина, наиболее полно воссоздающая становление и развитие историографии национал-социализма в XX веке, создана английским историком Я. Кершоу – специалистом по германскому фашизму. Он является автором одной из последних значительных биографий А. Гитлера¹⁶. Кершоу анализирует интерпретации происхождения и сущности германского фашизма в широком формате: начиная с 20-х гг. XX века и до середины 90-х гг. Он рассматривает попытки учёных объяснить национал-социализм в различном измерении: историко-философском, политико-идеологическом, моральном, каждое из которых правомочно. В его труде отражена эволюция трактовки нацизма в рамках международной историографии марксистского и немарксистского направлений, включая оценку нацизма как тоталитаризма и феноменологические интерпретации.

Работы этого и других авторов помогали ориентироваться в эволюции международной и немецкой историографии европейского фашизма и тоталитаризма в целом. Это, например, работы немецких авторов В. Виппермана, Б. Фауленбаха, Г.-У. Тамера¹⁷. Построенные по разным принципам – идейно-политическому, хронологическому, проблемно-хронологическому – они дают суммарную оценку немецкой и международной историографии нацизма и сосредоточивают внимание на задачах конкретно-исторических исследований в связи с расширением источниковедческой базы, анализируют возможности и границы применения различных теорий и методов. Ряд коллективных работ немецких авторов содержат основательный анализ истоков и текущего состояния историографии тех или иных проблем нацизма¹⁸.

Особый интерес представляют статьи и выступления на тему эпохи национал-социализма Н. Фрая, как специалиста по истории нацизма и его преодоления в ФРГ¹⁹. В одном из своих докладов на международной конференции он поставил вопрос об истоках и причинах пристального изучения национал-социализма в настоящем. Он говорил: «... нужно вспомнить, как начинала складываться сегодняшняя конъюнктура темы «национал-социализм». Это значит, нам нужно вернуться в восьмидесятые годы, точ-

нее – в 1983 г., когда политико-культурный класс ФРГ пошёл на то, чтобы широко отметить 50-летие нацистского «Machtergreifung»²⁰ ...Это было началом не виданного доселе цикла общественных мероприятий и дискуссий, продолжавшегося двенадцать лет, т. е. до 1995 г., в ходе которого «Третий рейх» был в воспоминаниях как бы пережит заново»²¹.

Историк высветил морально-нравственные и поколенческие аспекты в изучении национал-социализма, высказал предположения о влиянии «ухода современности» на историографию национал-социализма²². Фрай сказал: «нельзя исключать и некоторой опасности, что конец современности приведёт к тому, что политически надуманное, спекулятивное, случайное и неточное станут брать верх над серьёзной постановкой вопроса и опирающейся на источники наукой»²³.

Однако, он не исключил, что «освобождение истории национал-социализма от оков современности не только грозит новыми рисками, но и предоставит новый шанс и новые возможности»²⁴. Автор настоящего исследования стремилась показать, насколько оказались велики риски и насколько были использованы новые шансы и возможности в изучении нацизма.

Ввиду большого количества работ по оккупационной политике в Европе в целом²⁵, автор ограничилась анализом изучения этой проблемы на Востоке и, частично, на Юге Европы. Состояние исследования войны нацистской Германии против СССР нашло отражение в комментированном библиографическом издании, предпринятом известными специалистами по истории войны нацистской Германии против Советского Союза Р.-Д. Мюллером и Г. Р. Юбершером²⁶. В библиографии представлены публикации источников и литературы по всем основным темам: политика и стратегия, военное руководство, мировоззренческий характер войны на уничтожение, оккупационная политика, а также прямые следствия войны: советская оккупация, изгнание «восточных немцев», судьба военнопленных и т.д.

В книге кратко анализируются источники и литература, включая советские публикации. Правда, авторы оговаривают, что «написанные под партийным давлением работы и мемуары (советские. – Л. К.), хотя и открывают подходы к фактам и событиям, но их оценки должны быть критически перепроверены и в то же время в обозримом будущем вряд ли эти работы смогут быть заменены». Мюллер и Юбершер замечают, что «развитие формирующейся критической историографии в этих странах (бывшего СССР) показывает ещё только рудиментарные начала, так что невозможно полностью избежать вовлечения старой литературы»²⁷.

Некоторые проблемы исследования оккупационного режима на Востоке Европы осветил в своей статье К. К. Патель. Он пишет о печати

германоцентризма, которая лежит на исследовании этой темы. Между тем, утверждает он, «этого недостаточно, чтобы понять всю полноту оккупационного режима. Нет сомнения, что вина за массовые расстрелы литовских евреев лежит на немцах, но в то же время большую роль в этом сыграло и нееврейское население Литвы, как это показали в своих работах немецкие историки... Это не означает смягчение вины Германии, но количество действующих лиц должно расшириться, их поле деятельности следует уяснить, чтобы сделать картину полной и многомерной, а главное – реальной. Это также поможет понять, насколько нацистская Германия в жестокостях обогнала другие авторитарные и тоталитарные режимы»²⁸.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказало фундаментальное библиографическое описание национал-социализма, предпринятое М. Руком²⁹. В нём можно почерпнуть сведения об источниках и литературе практически по всем проблемам национал-социализма и его преодоления в послевоенном германском обществе.

В последнее десятилетие оживилась работа отечественных германистов по конкретной тематике национал-социализма. Комплексное исследование, проводимое научным коллективом Института всеобщей истории РАН по проблемам тоталитаризма³⁰, имеет принципиальное значение для объективного и всестороннего освещения проблем фашизма и его нацистского варианта в современной российской историографии.

Новаторским подходом отличаются теоретические поиски определения: что же такое «фашизм» – старейшего исследователя этой темы А. А. Галкина. Они могут задать новый вектор в изучении фашизма и других праворадикальных движений³¹.

Особое внимание современных российских авторов привлекли те проблемы истории нацизма, которые оставались в тени советских исследований: идеология национал-социализма и «народного сообщества», роль отдельных нацистских организаций в системе власти Третьего рейха, гендерная политика, преследование евреев и других народов, оккупационная политика нацистов, судьбы советских военнопленных и т. н. «восточных рабочих». Чётко обозначился новый этап отечественной историографии национал-социализма³². Активно в этом направлении работают не только российские историки, но и наши коллеги в Украине, Белоруссии, Казахстане³³.

Критически осмысливая историографические работы, а также важные эмпирические исследования немецких учёных, автор настоящей книги попыталась проследить эволюцию современной немецкой историографии германского фашизма за период 1985–2005 гг. Представляется важ-

ным показать роль дискуссий и влияние новых методологических подходов для изучения проблем германского фашизма. Автор принимала также во внимание политические события в Германии и мире, которые, по её мнению, влияли на судьбу изучения национал-социализма. В основу работы положен проблемно-хронологический принцип: состояние историографии фашизма в последний период существования двух германских государств; главные проблемы интерпретаций и дискуссий; позиции и оценки событий периода фашизма историками различных направлений; наиболее интересные результаты исследований.

Автор работы не ставила своей задачей подробно исследовать проблематику историографии внешней политики нацистов. Это связано с тем, что в современной немецкой историографии практически сложилось единство мнений относительно её характера и направлений и не появилось каких-то новых, принципиальных работ. Практически все они получили достаточное освещение в работах отечественных историков, и автор соглашается с их основными оценками.

Отдельного внимания заслуживает дальнейшее изучение историографии немецкого Сопротивления, так как по этому вопросу за последние 20 лет появились новые материалы и оценки.

В своей работе автор проанализировала основные темы и методы исследования историков в контексте оценки природы нацистского движения, характеристики политики Третьего рейха и его вождей. Особое внимание автор уделяла суждениям историков относительно «народного» характера нацистского движения и режима, создания в Германии «народного сообщества», организации террора и Холокоста, историографии преступного характера «войны на Востоке».

Автор выражает благодарность коллегам-германистам, и особенно профессорам А. И. Борозняку, М. Е. Ерину, Ю. В. Галактионову (безвременно ушедшему в 2005 г.), научному консультанту профессору Н. П. Шуранову за ценные советы, полученные при работе над монографией. Автор признательна также коллегам по кафедре новой и новейшей истории зарубежных стран Кемеровского университета за поддержку при работе над книгой, а на заключительном этапе – особенно доцентам Ю. Л. Говорову, Л. С. Решетниковой, О. Э. Терехову, Ю. М. Трибицову. За научно-техническую и организационную помощь хотелось бы поблагодарить научных сотрудников и преподавателей кафедры, кандидатов исторических наук В. Г. Дорохова, С. В. Арапину, Н. Г. Костромину, а также Наталию Михаэлис (Германия).

Написание этой работы вряд ли было бы возможно без пристального внимания, организационной помощи и моральной поддержки со стороны

моего супруга А. Б. Корнева, которому я выражаю сердечную благодарность.

Участие в прямых обсуждениях проблем истории и историографии нацизма с рядом немецких и российских коллег – профессоров, доцентов, научных сотрудников германских и российских вузов помогло автору лучше расставлять акценты, уточнять выводы. Написание этой работы стало возможным благодаря научным стажировкам в Германии и России при финансовой поддержке Немецкой службы академических обменов (ДААД), Германского исторического института в Москве, Фонда Фольксваген (в ходе написания трёхтомного учебника по истории Германии), сотрудникам которых автор выражает свою искреннюю благодарность.

Ряд историков и политологов оспаривают применение термина «фашизм» к германскому национал-социализму (нацизму). Автор считает национал-социализм разновидностью международного фашизма 20–40-х гг. XX века. Поэтому названия «германский фашизм» и «национал-социализм» употребляются в настоящей работе как равноценные, а оттенки – всё же им присущие – определяются контекстом.

Примечания к предисловию

¹ См., напр.: Черкасов Н.С. О германском фашизме и антифашистском сопротивлении: Избранные труды. – Томск, 2006. – С. 220–243; 412. Мерцалова Л. А. Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. – Воронеж, 1990. – 208 с.

² Фрай Н. Национал-социализм и его эпоха // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Материалы международной научной конференции, посвящённой 10-летию объединения Германии. Кемерово, 19–22 сентября 2000 г. Кемерово, 2001. – С. 267–280.

³ Рахшмир П. Ю. Современная буржуазная историография фашизма // Методологические и историографические вопросы исторической науки (далее – МИВИН). Вып. 7–8. – Томск, 1972; Он же. «Гитлеровская волна» в буржуазной историографии Запада // Ежегодник германской истории, 1975. – М., 1976; Он же. Проблемы типологии фашизма в буржуазной историографии // МИВИН. – Вып. 13. – Томск, 1979; Могильницкий Б. Г. О некоторых тенденциях развития современной буржуазной историографии ФРГ // Средние века. – Вып. 40. – М., 1976 (в соавторстве с Н. С. Черкасовым); Мерцалов А. Н. Западногерманская историография второй мировой войны. – М., 1978 и др.

⁴ Черкасов Н. С. К оценке современного состояния западногерманской историографии // МИВИН. – Вып. 4. – Томск, 1966; Он же. «Левые национал-социалисты в исторической литературе // МИВИН. – Вып. 11. – Томск, 1976; Он же. Новый вариант старой теории (к концепции «тоталитаризма» К.-Д. Брахера) // МИВИН. – Вып. 14. Томск, 1980; Он же. К характеристике современной западногерманской историографии фашизма // Вопросы методологии, историографии и источниковедения. – Томск, 1984; Он же. О роли концепции тоталитаризма в современной буржуазной историографии // Вопросы методологии, историографии и источниковедения. – Томск, 1987; Он же. Рейнгард Опитц // Вопросы истории (далее – ВИ). – 1988. – № 10 (совместно с А. И. Борозняком); Он же. ФРГ: «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. – 1990. – № 1; Он же. Философия истории Эрнста Нольте и её критика // Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. – Екатеринбург, 1993.

⁵ Галактионов Ю. В., Корнева Л. Н., Черкасов Н. С. Марксистская историография германского фашизма. – Кемерово, 1988. – 83 с.; Галактионов Ю.В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления. Избранные труды. – Кемерово, 2006. – 165 с.

⁶ Мерцалова Л. А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. – М.: Наука, 1990. – 224 с.; Мерцалова Л. А. Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. – Воронеж, 1990. – 207 с.

⁷ Корнева Л. Н. Германский фашизм: Немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е гг.): Учебное пособие. – Кемеровский университет. – Кемерово, 1998. – 128 с.

⁸ Корнева Л. Н. Основные тенденции развития современной немецкой историографии национал-социализма // Германия и Россия в XX веке: две

тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. – С. 294–304; Она же. Дискуссия по проблемам тоталитаризма в современной историографии ФРГ (к вопросу о «ренессансе» теории тоталитаризма) // «Тоталитарный менталитет в XX веке: проблемы изучения, пути преодоления». Материалы международной научной конференции: Кемерово, 18–20 сентября 2001 г. – Кемерово, 2003. – С. 81–95; Korneva L. N. Die Diskussion über den Nationalsozialismus in den «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». 1993–2003 // Auseinandersetzungen mit der Diktaturen. Russische und deutsche Erfahrungen / Hg. Hans-Heinrich Nolte. – Gleichen; Zürich, 2005. – S. 153–158.

⁹ Наиболее значительные из них собраны в книге: Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит: Очерки истории и историографии Германии XX века. – Екатеринбург, 2004.

¹⁰ Борозняк А. И. «Так разрушается легенда о чистом вермахте...» // Отечественная история (далее ОИ). – 1997. – № 3.

¹¹ См. журналы: Новая и новейшая история. – 1997. – № 1; Вопросы истории. 1999. – № 10 и др.

¹² Борозняк А. И. «Искупление». Нужен ли России германский опыт преодоления прошлого? – М.: Независимое издательство «Пик», 1999. – 288 с.

¹³ Ерин М. Е., Ермаков А. М. Национал-социализм и модернизация: дискуссии историков // Германия и Россия: События, образы, люди. – Вып. 2. – Воронеж, 1999. – С. 158–177.

¹⁴ М. Е. Ерин. Крах политики и тактики партии центра в Германии (1927–1933). – Изд-во Саратовского университета. – 1988. – 181 с.; Он же. Католическая церковь Германии и фашизм. – Ярославль, 1990. – 82 с.; Он же. История Веймарской республики в новейшей германской историографии. – Ярославль, 1997. – 113 с. Он же (в соавторстве с А. М. Ермаковым). Имперская трудовая повинность в нацистской Германии (1933–1945). – Ярославль, 1998. – 195 с.

¹⁵ Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. – Ярославль, 2005. – 178 с. – С. 4.

¹⁶ Kershaw J. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. – Hamburg, 1998; Kershaw J. Hitler. T. 1: 1889–1936. – Stuttgart, 1998. – 972 S.; T. 2: 1936–1945: Nemesis. – Stuttgart, 2000. – 1343 S.

¹⁷ Wippermann W. Zur Analyse des Faschismus. – München, 1981; Wippermann W. Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. – Darmstadt, 1997. – 135 S.; Wippermann W. Totalitarismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. – Darmstadt, 1997. – 127 S.; Faulenbach B. Zum Stand der wissenschaftlichen und öffentlichen Diskussion über den Nationalsozialismus. – Essen, 1993; Thamer H.-U. Das Dritte Reich. Interpretationen, Kontroversen und Probleme der aktuellen Forschungsstandes // Deutschland 1933–1945. Neue Studien. (Hrsg. K.-D. Bracher u. a.). – Bonn, 1993. – S. 507–531.

¹⁸ Например: Herbert U. Der Holocaust in der Geschichtschreibung in der Bundesrepublik Deutschland // Loewy H. (Hrsg.). Holocaust – Grenzen des Verstehens. – Reinbeck, 1992. – S. 101–109.

¹⁹ Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft. – München, 1987 (новое

расширенное издание – 2001. – 335 С.); Он же. *Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit.* – München, 1997. – 464 С. Юбилейное издание его статей на тему исторической памяти о нацизме: Norbert Frei. *1945 und WIR. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen.* – München, 2005. – 224 С.

²⁰ «Machtergreifung» – нацистский термин. Переводится как «захват власти».

²¹ Фрай Н. Национал-социализм и его эпоха // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. – С. 267 – 277. Цитата: с. 273.

²² Там же. – С. 273–277.

²³ Там же. – С. 275.

²⁴ Там же.

²⁵ См., напр.: *Nationalsozialistische Besatzungspolitik in Europa 1939–1945.* In 8 Bänden. – Berlin, 1996–1998.

²⁶ Müller R.-D., Ueberscher G.R. *Hitlers Krieg im Osten 1941–1945. Ein Forschungsbericht.* – Darmstadt, 2000. – 451 С.

²⁷ Обе цитаты: *Ibid.* – С. X–XI.

²⁸ Patel K. K. *Der Nationalsozialismus in transnationaler Perspektive // Blätter für deutsche und internationale Politik (BDIP).* – Heft 9. – 2005. – С. 1123–1134. Цитата: – С. 1128.

²⁹ Ruck M. *Bibliographie zum Nationalsozialismus.* Bd 1, Bd. 2.: *Wissenschaftliche Buchgesellschaft.* – Darmstadt, 2000. – 1610 С.

³⁰ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова и др. – М., 1996. – 540 с.

³¹ Галкин А. А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // *Политические исследования.* – 1995. – № 2. – С. 6–15.

³² См., например, работы М. М. Альтмана, И. А. Альтмана, А. А. Анিকেева, С. В. Арапиной, С. В. Артамошина, А. В. Васильченко, Н. Г. Надежды-Деметр, К. А. Залесского, В. Захарова и В. Кулешова, Е. Ю. Зубарева, М. Е. Ерина, А. М. Ермакова, В. В. Есипова, С. В. Кормилицына, Е. А. Паламарчука, П. М. Поляна, О. Ю. Пленкова, К. К. Семёнова, А. В. Хрякова, И. Храмова и др. Начало новой российской историографии национал-социализма, её задачи и направления развития были впервые проанализированы в монографии: Галактионов Ю. В. *Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945 – 90-х гг.* – Кемерово, 1999. – С. 64–76.

³³ См., например, работы А. Р. Давлетова, С. Е. Новикова, Г. К. Кокебаевой и др.

Глава 1

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

1.1. Проблемы «историзации» национал-социализма

В период, предшествующий объединению Германии, исследование фашизма в ФРГ достигло достаточно высокого уровня. Это было связано с публикацией архивных документов, дневников, воспоминаний и других материалов, которые и до сегодняшнего времени остаются важным источником по истории национал-социализма. Видное место среди них занимает 7-томный сборник «Сопаде»¹ под общим названием «Сообщения из Германии 1934–1940 гг.»². Публикация документов «Тайные сведения о положении в рейхе службы безопасности СС»³ содержит много интересных сведений о внутренней ситуации в Германии. Учёные получили хорошую возможность для сравнительного анализа сообщений о положении в нацистской Германии и критической оценки реального политического положения. И это тем интересней, что «Сопаде» и СД преследовали при сборе материала каждая свою специфическую цель.

Видное место в источниках частного характера стали занимать дневники влиятельного деятеля нацистского движения, руководителя пропагандистского аппарата нацистской Германии Йозефа Геббельса. Они являются, по существу, единственным по длительности свидетельством истории национал-социализма, исходящим из самого высшего круга нацистского руководства. Большая часть дневников стала известной широкому кругу читателей в 1970-е гг. В 1990-е гг. завершилась публикация много-томных дневников, записи в которые Геббельс вносил практически ежедневно – сам или под диктовку⁴.

В 1980-е гг. продолжают вестись оживлённые дискуссии по фашизму и неофашизму между учеными и «школами», регулярно издаются через определенный промежуток времени обобщающие труды по истории нацизма, работы теоретического и методологического характера, связанные с поисками определения фашизма, его специфики и места в новейшем времени, роли личности его вождей. Разнообразнее становятся темы и инструментарий исследования. Историческая наука ФРГ становится не толь-

ко частью западной и мировой исторической науки о фашизме, но и по многим позициям занимает лидирующие место⁵.

В отличие от историографии прошлых лет, предметом которой были в основном проблемы внешней и внутренней политики, структуры нацистского господства, – центр исследований германского фашизма всё больше стал смещаться в область исследования проблемы отношения населения к нацистскому режиму. Этому способствовало развитие региональных исследований, интерес к истории повседневности, соединение в истории будней социального, культурологического, психоаналитического подходов. Не только в больших городах, но и в маленьких местечках, земельных регионах – нередко по заказу местных властей – стали освещать период пребывания нацистов у власти⁶. В работах о «повседневной жизни под свастикой» ставились многие этические проблемы отношения населения к фашистской диктатуре⁷.

Вокруг нового метода развились довольно острые дискуссии. Отмечалось, что плодотворность этого метода состоит в сочетании эмпирической социальной истории с исторической антропологией. Обращалось внимание на необходимость того, чтобы локальные исследования и суждения индивидов были включены в общую политическую и структурную историю, отражали общие политико-общественные процессы и решения. Был признан новаторский характер исследования повседневности⁸. «История повседневности» стала составной частью исследований в других странах⁹.

Накопление большого количества исторических исследований по национал-социализму поставило учёных перед проблемой их систематизации. От части историков последовали призывы к окончанию исследований в области национал-социализма. Однако они не нашли поддержки у большинства учёных и общественности¹⁰.

В 1985 г. директор Мюнхенского института современной истории, (некогда созданного специально для исследований национал-социализма) Мартин Брошат выразил озабоченность тем, что истории нацизма, ввиду её хорошей разработанности, грозит впасть в простое морализаторство, при котором господствует, прежде всего, опора не на факты, а на мораль. С другой стороны он указал и на возможность другой опасности при анализе фашизма – опору только на профессиональный инструментарий и уход от моральных оценок, при котором фашизм можно представить, как некую «бездуховную конструкцию», «препарированную теорему». В противовес и тому, и другому подходу, Брошат выдвигает идею «историзации» национал-социализма¹¹.

Брошат понимает «историзацию» нацизма как многозначное явление.

С одной стороны – как начавшийся «переход» нацизма из стадии «современной истории» в «историю прошлого». Действительно, вторая половина 80-х гг. показывала тенденцию перехода национал-социализма из стадии «истории живущего поколения» (Г. Ротфельс) в стадию «коллективного воспоминания», но не перестала быть историей, которая «ещё мучает» (П. Штайнбах) и исход которой ещё не ясен до конца¹².

Стадии «настоящей истории» должны соответствовать строгая опора на фактический материал и освобождение исследований от излишней эмоциональности и политизации. Говоря об эмоционально-осуждающих оценках истории нацизма, Брошат в то же время признаёт, что этому способствовали жестокость войны, послевоенные потрясения общественной системы Европы и мира, свидетельства современников нацизма и участников войны. На взгляд Брошата, выставление эмоциональных суждений вперёд исторических фактов «стали заслонять и даже мешать постижению с достаточной глубиной сути нацистского режима»¹³.

Второй элемент историзации – требование от историка определённо-го дистанцирования от эпохи, которое, по мнению Брошата, «удаётся настоящему только новому поколению историков, не связанному воспоминаниями ни с войной, ни с послевоенным временем»¹⁴. Третий элемент историзации близок историзму и представляет собой процесс «более точного включения» истории национал-социализма в общую струю германской истории. При этом следует анализировать и феноменальный характер этого исторического отрезка, не ссылаясь на то, что он был просто «несчастливым случаем» германской истории¹⁵.

М. Брошат поставил, в частности, вопрос о необходимости изучения континуитета социальной политики периодов вильгельмовской, Веймарской, нацистской и Западной Германии, т. е. того, что не прерывает историю Германии. Кроме социальной истории это могли быть и другие исторические направления: история ментальности, гендерных отношений, повседневности, «истории снизу» и другие «постмодернистские» темы и методы исследования. История фашизма, по его мнению, это не только социально-экономическая история, идеология, террористический аппарат, история его преступлений – но и то, что сделало режим привлекательным для немцев и даже – в чём-то – для заграницы¹⁶. Брошат, таким образом, выступил за освещение не только тёмной, но и «светлой» стороны режима.

С доводами Брошата частично можно согласиться, так как исключительное сосредоточение внимания историков только на преступной стороне режима логично может привести к выводу о немцах как о нации преступников. В 1996 г. именно это и попытался доказать в своей книге американский историк Д. Гольдхаген¹⁷. С другой стороны, следует постоянно

держат в поле зрения наличие и в ФРГ, да и в других странах опасности забвения преступлений нацизма и его апологетики со стороны неофашистов и правых экстремистов. Наличие такой опасности вызвали по отношению к размышлениям Брошата скепсис и возражения со стороны некоторых немецких историков¹⁸, а также – израильских.

На эту тему завязалась переписка между Брошатом и известным учёным из Израиля Саулом Фридлендером, позднее опубликованная в «Ежеквартальнике современной истории»¹⁹. В ней Фридлендер писал, что «историзация» может поставить под вопрос тезис об исключительно жестоком характере преступлений нацизма, способствовать возможности их забвения. Проблематичными представляются ему и некоторые предложенные Брошатом методы исследования структуральной и социальной истории, особенно истории будней²⁰.

В чём он видит проблемы? Фридлендер считает, что неправильно рассматривать нацистский режим как государство «исключительного свойства» только по отношению к жертвам нацизма, в том числе к евреям, – но оно является таковым и по отношению к немцам. Работы же по континуитету немецкой социальной истории и исследования повседневности представляют режим для граждан Германии как «нормальный» («в прямую противоположность призыву самого Брошата»). Нацистская власть становится каким-то банальным, относительным явлением. А она не была «нормальной», т. к. решала, кому можно жить, а кому – нельзя, продолжает Фридлендер. Одновременно Фридлендер стал порицать немецких историков за то, что они рассматривают и анализируют историю нацизма как существующие параллельно два мира – мир тех, кто принял режим, и мир его жертв. Из-за этого, по его мнению, «стало невозможным более написание синтетической истории Германии»²¹.

Брошат, защищая принцип исторического континуитета применительно к нацизму, указывает на то обстоятельство, что забвение этого принципа и в ГДР, и в ФРГ привело к тому, что история нацизма часто писалась как история какого-то «другого» народа (который увлёкся Гитлером). Сейчас, по его мнению, наступило время преодолеть такой подход. В связи с этим, Брошат поднял вопрос о необходимости более глубокого изучения отношения современников нацизма к нему и ответа на вопрос: почему многие цивилизованные немцы поддержали национал-социализм²².

Рассуждения Брошата об «историзации» всё же таили в себе опасности ревизии антифашистских подходов к изучению нацизма. В определённых обстоятельствах они грозили поколебать даже и базовые оценки нацистского режима как преступного по своей сути. Не удивительно, что выступление учёного стало источником недовольства, особенно со сторо-

ны тех, кто вплотную занимался проблемами преступлений нацизма, в частности, Холокоста. Часть историков высказала опасения, что «историзация» нацизма приведёт к попыткам пересмотреть, а то и принизить исключительный характер преступлений нацизма²³.

Отвечая своему корреспонденту – Фридлендеру, Брошат отвергает его понимание «историзации» как ревизии сложившихся взглядов на нацизм как преступный режим. Он пишет в письме от 26 октября 1987 г., что «речь идёт о *дальнейшем развитии* историографии, о переходе её на новую ступень «разработки нацистского прошлого на *базе уже сложившихся* оценок политико-моральных основ национал-социализма»²⁴. Согласно с мнением А. И. Борозняка, что для учёного «приоритетными были «нормализация метода, а не нормализация оценки»²⁵.

Понятие «историзации» с этого момента и до настоящего времени стало ключевым почти во всех дебатах и работах по истории Третьего рейха. Термин «историзация» нацизма стал многослойным: здесь присутствуют вопросы и взаимодействия строгого научного исследования с воспоминаниями жертв нацистского режима (особенно Холокоста), и соотношения в аналитике традиций и новаций, и формирования исторического сознания²⁶.

Проблемы историзации в определённой степени спровоцировали новую дискуссию о нацизме, особенно об исключительности масштабов нацистских преступлений, прежде всего – против еврейского народа. Она приняла форму так называемого «спора историков ФРГ 1986–1987 гг.» и породила многочисленные публикации на эту тему²⁷. Консерваторы при этом выдвинули идею «подведения черты под нацистским прошлым», «выхода из тени Гитлера». «Спор» был также реакцией правых сил на покаянную позицию руководства ФРГ за войну и преступления фашизма²⁸. Известный немецкий историк Г. Моммзен, оценивая «спор», позднее писал, что «в ситуации тех лет сравнение нацизма с коммунизмом имело целью поддержку тех, кто мечтал о возвращении к временам холодной войны»²⁹.

С инициативой пересмотра оценки преступлений нацизма выступил известный специалист по фашизму Эрнст Нольте³⁰. Само появление фашизма, как и исключительность преступлений нацистов, он увязал с появлением в Европе большевизма и с преступлениями сталинского режима. «Не только немцы имели тяжёлое прошлое», – писал Э. Нольте. «Каждый большой народ имел свой Освенцим», – вторил ему другой публицист³¹. В своих рассуждениях о том, что «Гулаг был первичен, а Освенцим – вторичен»³², Нольте стремился преуменьшить тяжесть нацистских преступлений, что встретило понимание и поддержку со стороны консервативно настроенных деятелей.

В статьях и комментариях по поводу «спора» справедливо отмечалось, что «наступление консерваторов было остановлено» (Н. С. Черкасов), что большинство западногерманских историков и публицистов не приемлет ревизии сложившихся реалистических оценок национал-социализма. Косвенно этому способствовала позиция официальных кругов ФРГ.

При обмене мнениями в ходе «спора» их участники мало использовали научную аргументацию. Это было больше похоже на противостояние двух политических лагерей историографии, которые обменивались короткими или длинными словесными ударами. Однако вопрос о дополнительном изучении массовых преступлений Третьего рейха, об их причинах и последствиях вышел на передний план. Кроме этого, «спор» поставил вопрос о сравнимости «сталинизма» и нацизма, а также о научной значимости теории тоталитаризма. Всё это принципиальным образом повлияло на дальнейшее изучение проблем национал-социализма, и особенно после объединения Германии.

Параллельно со «спором историков» во второй половине 80-х гг. возникла дискуссия о необходимости формирования у западногерманских немцев чувства национальной идентичности. В статьях историка Михаэля Штюрмера в центре дебатов оказался вопрос об историческом месте нацистского государства. Им была высказана точка зрения, что сосредоточение внимания историков только на «негативе» Третьего рейха блокирует развитие положительного самосознания немцев. Ключ к образованию национальной идентичности, по утверждению Штюрмера, лежит в рассмотрении нацистского режима не изолированно, а с точки зрения «длительной» немецкой истории³³.

Диаметрально противоположную точку зрения выразили представители «социально-критического» метода (Ю. Кокка и Х.-У. Велер, Ю. Хабермас). Особенно резко против Штюрмера выступил Хабермас. Он защищал уже сложившееся в ФРГ «постнационалистическое» чувство идентичности, исходящее из «конституционального патриотизма», основанного на западных либеральных ценностях. Хабермас констатировал, что убеждение немцев в универсальности принципов конституции пришло к ним как к культурной нации, к сожалению, «после» и «через» Освенцим. И если поиски национальной идентичности будут вестись без учёта этого фактора, то, по мнению Хабермаса, «будет разрушен единственно надёжный базис нашей связи с Западом»³⁴.

Таким образом, в ходе споров довольно чётко обозначилось противостояние двух подходов к нацистскому прошлому. Первый подход (Штюрмер) предусматривал формирование чувства немецкой идентичности путём сближения со всем национальным прошлым. При этом нацистские

преступления не «утаиваются», а «укладываются» в процессе «историзации» в долговременную и расширенную перспективу, которая включает в себя разнообразные аспекты национальной истории. Другой подход (Хабермас) точкой опоры формирования новой, позитивной немецкой идентичности («постнациональной») считал, прежде всего, фактор осуждения Освенцима и всего того, что способствовало в истории его рождению.

Споры об «историзации» и национальной идентичности стимулировали оживление дискуссии об историческом месте и идейных корнях нацизма. Карл-Дитрих Брахер выступил с утверждением, что идеология фашизма (как и национал-социализма) родилась на волне развития в конце XIX века радикальных элементов – как в социалистическом, так и в националистическом движении. Обе идеологии были направлены против либерального общества. Антилиберализм – вот общий фронт и того, и другого течения, которые Гитлер соединил во «взрывной смеси национал-социализма»³⁵. Кризис либерализма в послевоенные 20-е годы способствовал подъёму фашизма.

По вопросу о месте нацизма в европейской истории высказался и Эрнст Нольте. Свой тезис, выдвинутый в «споре историков», о том, что появление нацизма явилось реакцией на появление большевизма, он развернул в своей работе «Европейская гражданская война 1917–1945 гг.»³⁶. Характерной чертой названного периода он считает противоборство между двумя партиями: фашистами и коммунистами. Общее, что их объединяет, – враждебность буржуазно-либеральной системе. В конечном итоге эта борьба оказалась на руку западным державам и подняла значение либерализма, консерватизма и социал-демократии³⁷.

Либеральный историк Ганс Моммзен считает возможным вписать нацизм в историю Германии только при условии выявления всей полноты социальных, экономических и технологических связей, повлиявших на развитие фашизма³⁸. Развивая этот тезис, Г. А. Винклер писал, что «немецкая катастрофа 1933–1945 гг.» не была «несчастливым случаем» германской истории. Она была следствием противоречий модернизации Германии, которую можно описать как историческое промедление с решением вопроса о свободе: «крах 1945 г. означает конец немецкого национального государства 1871 г.»³⁹.

Острые дискуссии второй половины 1980-х гг. между консервативной и либерально-демократической мыслью ФРГ по вопросу методов изучения нацизма, форм исторической памяти о нём стали зародышем новой волны осмысления национал-социализма, последовавшей за восстановлением единства Германии в 1990 г.

1.2. Западногерманская историография национал-социализма в контексте «исторических дебатов»

Вопросы «историзации» национал-социализма, споры о его преступлениях и историческом месте, вся политическая атмосфера второй половины 1980-х гг. способствовали появлению новых интересных работ по фашизму. Не последнюю роль в новом повороте исторической науки к изучению его проблем сыграл приход в науку в 1980-е гг. очередного поколения историков. Их историческое сознание формировалось в условиях либерально-демократических ценностей западногерманского государства и не было напрямую отягощено историческим прошлым национал-социализма. Его представители создали в это время ряд крупных работ, ставших на равных с исследованиями таких «мэтров» изучения национал-социализма, как Брахер, Нольте, Хильдебрандт, Хильгрубер, Моммзен и др. Особое внимание было обращено на внутреннюю политику и повседневную жизнь в условиях нацистского режима, на вопросы поддержки режима со стороны большинства населения.

Работы нового свойства, с одной стороны, базировались на методологических основах старой школы исследования нацизма, и в то же время учитывали новые фактические данные и их интерпретацию. Весомый вклад в новую историографию кануна объединения Германии сделали историки Тамер, Фрай, Манштейн, Фальгер, Райхель, Бенц и др. Призыв к «историзации» был воспринят ими как своеобразное задание «проверки на прочность» сложившихся концепций и оценок национал-социализма. Среди них оказались такие суждения о нацизме, как «диктатура Гитлера», как «общество социальной реакции», как власть мелкой буржуазии и др.

Новейшие подходы и широкий охват истории Германии 1933–1945 гг., попытка написать её с точки зрения «историзации» характеризует объёмную работу Тамера «Обольщение и насилие. Германия в 1933–1945 гг.»⁴⁰. Для характеристики истории и воссоздания жизни в Третьем рейхе автор использовал широкий спектр методологических подходов: ментальные, гендерные, психологические, хотя в целом работа создана в ключе социально-критической школы. На этой работе имеет смысл остановиться подробнее, так как она во многом отразила и достижения историографии «старой» ФРГ и открыла перспективы дальнейшего исследования проблем фашизма, являясь до настоящего времени работой высокого научного стандарта.

В противовес Э. Нольте, Тамер объясняет появление фашистских движений, в том числе и национал-социализма, не столько реакцией на большевизм, сколько кризисом либеральной политической системы. «Национал-социалистический тоталитаризм, – пишет он, – был рождён по-

литизацией и национализацией масс и отвечал их требованиям единства и идентичности, которые не смогла удовлетворить парламентская система»⁴¹. Это единство, которое сам Тамер считает фиктивным, было создано за счёт двойного действия – идеологического «совращения» масс и политического насилия над ним.

Двойственная природа характерна и для самой идеологии национал-социализма. «В нём, как и в других формах фашистских движений соединялись консервативные и революционные тенденции. Их руководители были одновременно и традиционалистами, и революционерами. Их партийные армии провоцировали гражданскую войну, в то время как их руководители объявляли себя спасителями нации»⁴².

Тамер, на наш взгляд, недостаточно убедительно обосновывает «революционный» характер идеологии национал-социализма. Ведь ни расовая идея, ни идея «народного сообщества» не были сами по себе новаторскими идеями. До нацистов они лежали в основе концепции «консервативной революции». Двойственность нацизма, на наш взгляд, проявлялась в лицемерии нацистских лозунгов и действий. «Двуликий Янус» при изображении нацистского режима показателен не только как явление имеющее две равные стороны медали, но как двуличный, лицемерный режим, где «светлая сторона» покрывает неприглядность целей и методов, которые являются изначальными в идеологии германского фашизма.

Тамер с большей степенью дифференциации характеризует нацистское движение до завоевания им власти. Так он считает, что на начальном этапе существования НСДАП главную роль играли и были движущими силами партии «фанатизм» и «активизм» ядра молодого поколения, имевшего опыт войны. Историк объясняет это стремлением бывших молодых фронтовиков к социализации их жизни после войны и к своеобразной коллективной защите в колоннах штурмовиков, в подчинении фюреру⁴³.

Историк показывает изменение «лица» движения к концу 1920-х гг., по мере возрастания массовости партии. Он пишет, что к этому времени «картину движения определяли не только активность постоянных пропагандистских мероприятий и уличные стычки, но и определённая бюрократизация и обуржуазивание партии»⁴⁴.

Анализируя притягательную силу нацизма, Тамер показывает, что она состояла не столько в применении насилия, сколько в решительной критике нацистами Веймарской демократии. По мере превращения партии в массовую организацию нацисты меняли и направление пропаганды, отходя от жёсткого антисемитизма ранних лет. В период экономического кризиса 1929–1933 гг. его место заняли лозунги социального характера, особенно – борьбы с безработицей и создания «народного сообщества».

Тамер указывает и на ментально-психологические причины возрастания массовости партии. Большую роль в этом, например, сыграло ожидание простыми немцами «народного обновления» (в смысле «большого равенства между людьми») ⁴⁵. Последние суждения автора представляются достаточно обоснованными, т. к. социально-классовые различия общества Веймарского периода были высокими, и в народе был велик спрос на идеи «равенства» и «социальной мобильности». Старые партии и левого, и правого толка по-прежнему ориентировались на классовые или сословные различия. Формула «народного сообщества» и миф вождя стали в этой связи очень действенными элементами национал-социалистической пропаганды, справедливо замечает автор. Сыграла свою роль и молодёжная ментальность движения ⁴⁶.

В русле суждений представителей «социально-критической школы» Тамер оценивает и социально-экономическую политику нацистов. Её успехи он считает лишь *фасадом* нацистского режима и пишет, что «нацистское “экономическое чудо” в своей основе было обеспечено конъюнктурой вооружения» ⁴⁷.

Через всю книгу автора проходит идея о «двойственности» нацистского режима. Его показателями, с одной стороны, выступило «обольщение» народа привлекательными чертами «модернистского» общества недолгих лет мирной жизни Германии. Это были: быстрая ликвидация безработицы, динамизм экономического и социального развития, успехи внешней политики, выдвижение молодых инженеров и технократов, создание новой партийной и государственной бюрократии, спрос на профессионализм. На людей оказывали влияние и парадные черты жизни нацистской Германии: красочные партийные съезды, пышные празднества, торжественная закладка различных зданий и сооружений и т. п. ⁴⁸

С другой стороны, пишет Тамер, это была мощная сила принуждения в лице тоталитарной идеологии и государственных средств подавления. Проводилось физическое устранение социально и расово неполноценных, вытеснение и уничтожение евреев.

Идея двойственности пронизывает суждения Тамера и относительно полномочий властных структур в нацистском государстве. Если многие авторы до него достаточно однозначно характеризовали режим либо как монархию, либо как поликратию, то Тамер пошёл по пути интеграционной оценки властных полномочий нацистств. «Третий рейх обладал сильной монархической вершиной и одновременно поликратическими властными структурами. Одно обуславливало другое» ⁴⁹.

До Тамера подобный учёт противоречивости нацистской системы власти отражался в таких суждениях о ней, как «авторитарная анархия» или

«тоталитарная поликратия» (Г. Шульц), «полицентризм» (Д. Шёнбаум), «организованный хаос» (Д. Ребенгиш), а ещё раньше – в довоенной работе американского историка Франца Ноймана «Бегемот» – в виде определённого сорта плюрализма тоталитарных субсистем или организаций»⁵⁰.

Оценивая влияние нацистской идеологии на немецкий народ, Тамер утверждает, что большинство её почитателей объединяли не мировоззренческо-политические убеждения, а «миф фюрера» как спасителя нации. Этот тезис автор обосновывает тем, что со смертью фюрера, нацизм исчез «почти на следующий день»⁵¹. Описывая общественные отношения в период Второй мировой войны, Тамер обращает внимание на парадоксы нацистского воспитания населения. К концу режима, пишет автор, «видна полная деполитизация населения, уход в личную жизнь, восприятие самой смерти фюрера либо с облегчением, либо с безучастием»⁵².

Рассматривая место национал-социализма в германской истории, Тамер подчёркивает, что хотя фашистский режим просуществовал в Германии всего 12 лет, он основательно изменил лицо и страны, и Европы. Достаточно подробно он анализирует результаты нацистского господства, которые оказались прямо противоположны тем целям, которые провозглашал Гитлер. Эти выводы стали «общим местом» историографии национал-социализма: вместо «тысячелетнего рейха» – утрата Германией государственности; вместо уничтожения евреев – образование государства Израиль; вместо господства в Германии в Европе – диктат в ней США и СССР и образование биполярного мира.

Тамер, кроме того, указывает, что противоположных результатов режим добился и в области внутривнутриполитических и общественных отношений. Так, вместо идеализации и усиления крестьянской жизни, реально произошёл большой отток населения из деревни в город. Вместо привязывания женщины к дому, семье и детям произошла её социализация в нацистских общественных организациях и на производстве, особенно во время войны. «Динамика индустриальной революции, – пишет автор, – не была заторможена, но усилилась». То же касается и поворота в социальной области. Национал-социалисты разрушили сословия. Однако социально-психологическое равенство в образе «народного сообщества» на практике не было достигнуто. Но вместе с тем оно было осуществлено и усилилось в виде «ожидаемого масштаба»⁵³.

Возвращаясь вновь к трактовке национал-социализма как революции, Тамер употребляет формулу «революция против революции». Эта игра слов обозначает у него восстание против модернистских идей того типа революций, которые были перенесены из XIX в XX век и «на чьих знамёнах были написаны человеколюбие и прогресс»⁵⁴.

Тамер настаивает на том, что именно двойственность режима, сочетавшего консервативные ценности единения и авторитета с динамичными элементами индустриального общества, отвечали ожиданиям значительной части общества. Особенно это касалось тех социальных групп, которые испытывали страх, неуверенность, угрозу потери социального статуса.

Книга Тамера, при всех её недостатках и противоречивости некоторых суждений автора, внесла большой вклад в целостное освещение истории Третьего рейха, исторического места национал-социализма – в ответ на вопрос, почему диктаторский, террористический режим пользовался поддержкой значительной части немецкого населения. Его книга означала дальнейший шаг к более полному и всестороннему освещению баланса социальной политики и политики подавления в нацистском государстве.

Во второй половине 1980-х гг. представители «социально-критической школы» инициировали более глубокое исследование электората нацистов. На этом пути было получено много новых интересных данных о мотивах и обстоятельствах тех, кто решил поддержать нацистов.

Одной из первых крупных работ на эту тему была книга П. Манштейна «Члены и избиратели НСДАП в 1919–1933 гг.»⁵⁵. Она дала во многом новую социальную картину нацистской партии. Книга опровергала широко распространенное в историографии мнение о том, что до прихода фашистов к власти в ней было мало представлены рабочие. Оказывается, рабочие составляли в партии до 1933 года очень сильную группу – более чем $\frac{1}{3}$ (36,4 %). Пик их представительства в партии – 1925–1928 гг. Причём число профессиональных рабочих всё время выше, чем рабочих без квалификации⁵⁶.

Средние слои населения также постоянно и без больших колебаний имели сильное представительство. Максимальное число мелких служащих в партии – в 1925–1929 гг.; самостоятельных торговцев и крестьян в 1930–1932 гг. (53,9 %)⁵⁷. Верхний слой (менеджеры, высший слой служащих, лица свободных профессий, предприниматели) тоже достаточно основательно был представлен в НСДАП. Наиболее сильно в 1930–1932 гг. (9,2 %)⁵⁸.

Однако работа Манштейна не опровергала тезиса о том, что большинство членов партии относились к так называемым «средним слоям» немецкого общества. Но всё же НСДАП в социальном плане была значительно шире и левее и простиралась, по его мнению, за «средний слой». Считать её просто мелкобуржуазной партией нельзя, указывает автор⁵⁹.

Внимание к социальной истории фашизма существенно расширило и дифференцировало в конце 1980-х гг. представления о происхождении нацизма, о глубинных причинах его успеха, о главных чертах режима, об отношении к нему различных слоёв и групп населения (женщины, моло-

дѣжь и т. п.). Вместе с тем структурализм отрывал социальные исследования от политико-идеологических и культурных процессов Третьего рейха. За это «структуралисты» справедливо подвергались критике. И в самой их среде с середины 80-х гг. проявляется тенденция к созданию синтетических, междисциплинарных работ во взаимосвязи экономических, политических, культурных и других факторов.

В сборнике статей и документов «Господствующая повседневность Третьего рейха» прослеживаются такие аспекты «будней» нацизма, как мифы и реалии популярности Гитлера, пути разрушения юстиции⁶⁰. В этой книге, анализируя состояние правовой системы Третьего рейха, Р. Ангермунд исходит из теории «двойного государства» американского социолога Эрнста Френкеля (1940 г.). Согласно этой теории, в нацистской Германии сочетались право «нормального» буржуазного государства («государство нормы») и чрезвычайные законы тоталитарного государства («государство мероприятий»)⁶¹.

На различных примерах автор показывает взаимодействие и противоречия этих двух «государств». Он приходит к выводу, что «государство нормы, почти без прямого давления, с 1933 г. всё больше отходило от своих основополагающих нормативно-государственных принципов и широко открыло двери вступлению «государства мероприятий» в собственную область компетенции... что и предопределило упадок юстиции в Третьем рейхе»⁶².

В статье Д. и Г. Никсдорфов анализируются законодательные и организационные формы политизации школы в Третьем рейхе с целью её вовлечения в интересы нацистского государства. Авторы констатируют, что полной «нацификации» школы не произошло, но за счёт изгнания из школ «неарийских» учителей и учеников «в области создания «чисто арийской школы» цель национал-социалистической школьной политики была достигнута»⁶³.

В работе Т. Зигель раскрывается значение и роль в производственной деятельности нацистского «заменителя» профсоюзов – «Немецкого Трудового фронта». Особое внимание автор уделяет деполитизирующему и социал-интегрирующему воздействию принципов «трудовых успехов» трудящихся на своём рабочем месте и предприятия в целом, которые всячески поощрялись Трудовым фронтом. Зигель пишет в заключении, что «принцип успеха мог быть точкой схода кажущейся рациональности, предлагаемой обществу в противовес вырабатываемой им бесчеловечности, коррупции, иррациональности. Гордость за свои успехи позволяла забыть собственное бессилие и отсутствие прав, и, наконец, успех обещал защиту от репрессий»⁶⁴. Исследование этого вопроса автором показывает важность

изучения психологического, морального воздействия «борьбы за хорошие показатели» на трудящихся и общество в условиях тоталитарной системы.

Также исследуется реакция немецкого народа на преследование евреев, которая, как следует из донесений «Сопаде», в первые годы нацистского господства квалифицируется большей частью как индифферентная. Бойкоты еврейских магазинов в 1933–1935 гг. не имели особого успеха в больших городах, где, по сообщениям из Германии, «при покупках люди явно руководствовались экономическими, а не политическими расчётами». В то же время в маленьких и средних городках давление антисемитов было больше, соблюсти анонимность при покупках было труднее, и бойкоты имели некоторый успех. Г. Моммзен и Д. Обст приводят жалобы нацистских органов, что «многие покупатели садятся на автобус или электричку, едут до ближайшего города и делают покупки в еврейских магазинах»⁶⁵.

В экономической области, несмотря на постоянные угрозы и репрессии со стороны нацистов, многие еврейские предприниматели сохраняли свои предприятия. Здесь «явное сопротивление попыткам нацистов ликвидировать еврейскую торговлю мясом проявилось со стороны крестьян, которые оказались не готовы заключать договоры с «арийскими» торговцами мясом... многие евреи до 1934–1935 гг., жили надеждой, что со временем положение стабилизируется»⁶⁶.

Анализируя отношение других слоёв общества к антисемитским акциям, авторы подчёркивают равнодушие к судьбе евреев со стороны немецких коллег по работе и творческой деятельности. Они пишут, что «практически нигде дело не доходило до протестов против вытеснения евреев из высшей школы, против их изгнания с видных постов общественной и экономической жизни»⁶⁷. Такие исследования позволяют составить впечатление об индивидуальном и коллективном поведении, о том, как решения сверху проецировались на нижний уровень и как там проявлялись.

Учёные стали активнее изучать степень фашизации школы и вузов, науки. Появились работы, посвящённые культурной политике нацистов, эстетике фашистского движения и режима. Больше внимания стало уделяться анализу деятельности нацистов по привлечению на свою сторону женщин, рабочего класса, молодёжи⁶⁸.

Большая литература была создана о преступлениях нацистского режима: деятельности карательных органов СС, СД, гестапо, чудовищной эксплуатации заключённых концентрационных лагерей, угнанного в Германию мирного населения, массовом уничтожении различных народов по расовым и политическим мотивам⁶⁹.

С развитием исследований в социально-экономической области во второй половине 1980-х годов вновь вырос интерес к периоду войны. Но

если раньше она изучалась в основном в контексте военном, внешнеполитическом и расово-политическом, то теперь усиливается изучение материального положения немецкого народа во время войны, послевоенного планирования нацистов, военного хозяйства, истории повседневности этого периода, вплоть до культурного воздействия⁷⁰.

При этом, как пишет Тамер, выявилась внутренняя взаимосвязь между фазой «блицкрига», «тотальной войны» и «обществом краха», наметившемся с конца 1944 г. Последнее тесно связано с переходом к послевоенному времени. Это подстегнуло исследования социально-политической и культурной жизни «общества краха»⁷¹. Расширение рамок и поля исследования, предпринятое историками «повседневности», помогло углубить анализ различных сторон и периодов существования нацистского государства.

Особое место в историографии национал-социализма занимает тема фюрера нацистского движения – Гитлера. К настоящему времени о нём создана большая литература, пережившая за десятилетия своего существования спады и подъёмы и вызывающая неподдельный интерес учёных и общественности. Постоянный интерес к биографии Гитлера имеет двоякий характер. С одной стороны, он отражает человеческую потребность в объяснении превращения первоначально ничем не примечательной личности в вождя нации. С другой – как факт научной трактовки феноменологии Гитлера. К концу существования «старой» ФРГ уже был пройден пик «гитлеровской волны» с его социальными, психоаналитическими и ментальными трактовками личности фюрера⁷². В это время больше внимания стало уделяться анализу мировоззрения Гитлера, проведению его в жизнь, а также положению Гитлера в нацистской системе.

В давних работах о Гитлере преобладала точка зрения, что фюрер был беспринципным, не руководствовался никакой программой. Официальная программа и идеология существовали только для завоевания масс, а Гитлер был циничным политиком, «оппортунистом» и главное для него – личная власть (Р. Раушнинг, 1938; К. Гейден, 1935; А. Буллок, 1952).

Часть историков и политологов (особенно правой ориентации) опровергали эти суждения. Они утверждают, что Гитлер искренне верил в проповедуемые им идеи и доказательство тому – внутренняя и внешняя политика нацистского режима. Они показывают достаточную согласованность и последовательность в проведении идеологических и программных установок. Эту точку зрения разделяет, например, Э. Нольте. Другой автор – Э. Йекель посвятил специальную работу теме «Мировоззрение Гитлера». Исследуя речи, статьи, книги и выступления Гитлера, он приходит к выводу, что, по крайней мере, двум идеям, стоявшим в центре взглядов

Гитлера – преследованию евреев и завоеванию пространства на Востоке – Гитлер следовал неукоснительно⁷³.

Известный знаток германского империализма конца XIX – начала XX века историк Фриц Фишер⁷⁴ оценил взгляды Гитлера с точки зрения исторического континуитета. Фишер исторически обосновал две вышеназванные цели гитлеровской политики. Он напрямую выводит их из антисемитских и реакционно-политических тенденций XIX – начала XX века⁷⁵. Делает это он, на наш взгляд, слишком прямолинейно. Особенно это касается антисемитизма. Всё же ведущей тенденцией взаимоотношений между немцами и эмансипировавшимися евреями в это время была тенденция терпимости. Фишер, на наш взгляд, недооценивает субъективизма Гитлера, пошедшего на слом этой традиции.

Спорными представляются суждения историков, что только двум целям Гитлер следовал неукоснительно. И в других идеях видна последовательность в осуществлении. Однако её нельзя абсолютизировать. Гитлер был и тактиком. Вряд ли в его «программу» входило, например, заключение советско-германских договоров в 1939 г. и др.

Другой объект спора историков – роль Гитлера в нацистской системе. Г. Моммзен и ряд других историков считают Гитлера «слабым» диктатором, «импровизатором», зависящим от других конкурирующих между собой структур власти в рейхе («структуралисты», «ревизионисты»)⁷⁶. Концепцию о «слабости» Гитлера отвергают «интенционалисты» – Брахер, Нольте, Йекель, Функе (историки консервативной направленности), которые настаивают на безоговорочном приоритете Гитлера как фюрера⁷⁷.

Анализ мировоззрения Гитлера вновь оживил вопрос о трактовке его личности – как революционной или контрреволюционной. Э. Нольте в своё время, как и другие историки, рассматривал появление фашизма как контрреволюцию в отношении Октябрьской революции 1917 г. и большевизма в целом. Этим он объяснял антимарксизм и контрреволюционность Гитлера и его движения⁷⁸.

Некоторые молодые публицисты и историки подошли к этому вопросу иначе. Не отвергая антибольшевистские и антикоммунистические мотивы действий Гитлера, они не считают их главными. Так, Р. Цительман, считает, что независимо от революции в России, Гитлер имел свою, «революционную» программу обновления общества на расовой и политической основе. Внешние события выступали лишь «катализатором» его идей и намерений. Особенно чётко эту мысль автор развил и попытался обосновать в работе «Гитлер: самосознание революционера». Цительман критикует тезис марксистов, что Гитлер хотел спасти и укрепить капиталистическую систему. Он хотел создать нечто «новое». Цительман считает,

что Гитлера нельзя считать ни революционером, ни контрреволюционером в обычном понимании этих слов. Гитлер претендовал в истории на нечто «альтернативное» как капитализму, так и коммунизму⁷⁹.

Структуралистский подход характерен для книги Н. Фрая «Государство Гитлера. Национал-социалистское господство 1933–1945 гг.»⁸⁰ Фрай выделяет три фазы внутреннего развития нацистского государства: фазу формирования (1933–1934), консолидации режима (1935–1938), фазу радикализации (1938–1945). В центре внимания – политические, социальные и экономические аспекты.

Касаясь роли Гитлера, автор отмечает, что фюрер стоял, конечно, в центре системы фашистского господства и был главной точкой интеграции общества. Его консолидирующая сила при этом приняла формы мифа и медиума. С Гитлером связывалось всё: успехи внешней политики, «экономическое чудо» и др. «Немцы прославляли, высоко оценивали, любили Гитлера. Только со второго периода войны началась денацификация немцев, разрушение мифа вождя»⁸¹. К сожалению, это утверждение автора не подкреплено конкретными данными о настроениях по отношению к фюреру.

Возражая теоретикам модернизации, Фрай справедливо отмечает, что национал-социализм не произвёл основательных и широких изменений ни в хозяйстве, ни в обществе⁸². Революции не было. Классовая структура оставалась прежней. Но пропаганда «народной общности», социально-политическая активность нацистов, прославление «человека труда» изменили осознание своего статуса большей части рабочих, как и самосознание немецкого общества в целом⁸³. Модернизация осуществлялась в специфическом варианте расового порядка. Варварство носило одежды модернизации⁸⁴.

Комплексные исследования по национал-социализму и ядра гитлеровского мировоззрения показывают, что не совсем верно именовать Гитлера «слабым диктатором» (Г. Моммзен). Но было бы также ошибочно считать, что Третий рейх был «монархической диктатурой», при которой существовала строгая иерархическая и централизованная структура проведения его решений в жизнь (К.-Д. Брахер). «Сила» Гитлера лежала не столько в области технологии «приказываю – выполняй», сколько в «харизме» вождя, именем и от имени которого можно было действовать в достаточно широких рамках. Своим именем Гитлер выдавал немцам, как «высшей расе», своего рода индульгенцию на заранее оправданные действия.

Таким образом, к концу 1980-х гг. западногерманские авторы сделали дальнейший шаг в постижении этой неординарной политической фигуры

XX столетия. При объяснении мотивов поступков Гитлера всё больше принимаются во внимание их многофакторность; более уравновешенным становится анализ субъективных и объективных моментов его деятельности. Образ Гитлера становится более понятным и объяснимым. Историки практически полностью отходят от широко распространённого в 50–70-е гг. тезиса о его «демонической личности».

К началу 90-х гг. XX века, фактически – ко времени объединения Германии, историография «старой» ФРГ предоставила обществу значительный объём аналитических и информационных материалов по нацизму. Выходят сборные тома (компедиумы) по истории Германии 1933–1945 гг., хронологические сборники, богатые фактическим материалом энциклопедии, книги по интерпретациям и дискуссиям вокруг проблем фашизма, личности Гитлера⁸⁵. В этот период были уточнены: характеристика массовой базы фашизма; место Гитлера в системе нацистской диктатуры; повседневная жизнь при нацизме в центре и на местах. В обобщающих работах с точки зрения проблемы «историзации» более чётко была обозначена «двойственность» лика Третьего рейха, когда его «светлая сторона» помогала затенять преступные цели нацизма

1.3. Объединение Германии и перспективы исследования нацизма

Накануне объединения Германии соседняя с ФРГ марксистская историческая наука ГДР достигла хороших результатов в области изучения империалистического характера германского фашизма. В своих исследованиях историки ГДР неукоснительно руководствовались характеристикой фашизма, данной Коминтерном с позиции деления общества на классы. Фашизм в этих документах определялся как открытая террористическая диктатура «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических кругов монополистического капитала»⁸⁶.

В центре внимания исследований фашизма в ГДР оказались прежде всего вопросы взаимоотношений крупного капитала и нацистской партии, подготовки нацистов к войне и милитаризации экономики⁸⁷. В других областях изучения национал-социализма результаты оказались более скромными⁸⁸. Это было связано не только с более узкой источниковедческой базой по сравнению с историографией ФРГ, но и с теоретической слабостью. Формулой Коминтерна поверялось всё многообразие проблем национал-социализма, что не могло не привести к догматизму, сужению

тематики исследований, стагнации и, в конечном итоге, к кризису марксистской историографии фашизма.

Историки ГДР большое внимание уделяли критике развития западногерманской историографии нацизма и её теоретических основ (Зюрбе и др.). Они вполне обоснованно характеризовали сущность трёх основных направлений западногерманской историографии: консервативного, либерального, демократического. Принадлежность к тому или иному течению определяла подходы к трактовке фашизма. Характерным для историографии ГДР являлся интерес к анализу и критике «теории тоталитаризма»⁸⁹. Так, Лоцек, называя теорию «доктриной», предугадал, что независимо от «холодной войны» и противостояния двух общественно-политических систем она длительное время останется частью западной общественной мысли. В 1985 г. он писал: «...становится очевидным, что доктрина тоталитаризма представляет концепцию, применяемую не время от времени, а постоянно; – не ту концепцию, от которой буржуазная идеология и политика раньше или позже могла бы отказаться. Доктрина тоталитаризма лежит в основе реакционной мысли современной эпохи»⁹⁰. Если отбросить политизированные в данном случае термины «буржуазный» и «реакционный», то эти выводы оказались верными, особенно применительно к 90-м гг. XX века, когда наблюдался всплеск интереса к теории тоталитаризма⁹¹.

Настоящие теоретические споры вокруг проблем фашизма в ГДР не велись, а если и велись, то в рамках единого методологического фундамента: теории классовой борьбы, ленинской концепции империализма и государственно-монополистического капитализма (ГМК). Дискуссии велись между историками ГДР и ФРГ либо прямо – на конференциях, либо косвенно – в статьях и книгах. Так, в ходе «спора историков ФРГ», видные представители историографии ГДР К. Госсвайлер и К. Петцольд напомнили, что преступный характер нацизма вытекал из его империалистической сути⁹². Они критиковали возрождение старых реакционных взглядов на нацизм как народное движение и реанимацию тезиса о превентивном характере войны фашистской Германии против СССР⁹³.

Дебаты о национальной идентичности немцев проходили в ГДР, но только в ходе разработки идеи о «социалистической немецкой нации». Её формирование было официально провозглашено в новой программе СЕПГ в качестве основополагающего вектора общественного развития в стране и основанного, в свою очередь, на революционных традициях немецкого рабочего и антифашистского движения⁹⁴. Разумеется, что в истории формирования «социалистической немецкой нации» не могло быть места вопросам континуитета нацистского режима.

Общественная и политическая стагнация, начавшаяся по разным причинам в обществе ГДР со второй половины 1980-х гг. отразилась и на исторической науке. Дифференциация при характеристике западногерманской историографии фактически сошла на нет, что усугубило предвзятость анализа состояния историографии ФРГ и затрудняло диалог с её историками. Перестройка в СССР и других социалистических странах вплоть до 1989 г. мало коснулась ГДР. Правительство и руководство СЕПГ до последней минуты изо всех сил стремились воспрепятствовать каким-либо серьёзным изменениям в обществе⁹⁵. Но смягчение с 1985 г. идеологической борьбы и потепление международного климата всё же привело учёных ГДР и ФРГ к некоторому подобию сотрудничества.

В 1986 г. немецкие историки обоих государств договорились о совместных проектах. Планы сотрудничества исходили при этом не от государственных учреждений, а от самих историков. Тема «национал-социализм» как таковая была отвергнута историками ГДР, и остановились на проблемах, где уже имелся опыт обмена мнениями и дискуссий. Ими стали темы «Оккупационная политика фашистской Германии» и «Немецкая элита. Путь во Вторую мировую войну». При этом было решено к 1989 г. издать не одну, а две книги, отражающие обе точки зрения. Базой должны были стать, несмотря на разные методологии, антифашистский консенсус и новый, неагрессивный стиль полемики⁹⁶. Ряд историков ГДР приняли участие в издании работ западногерманских авторов по крупным проблемам истории нацизма и Второй мировой войны. Так, большая статья Д. Айхгольца и Х. Умбрайт о политике монополистического капитала на пути к господству на континенте в период пребывания нацистов у власти была опубликована в коллективном издании историков ФРГ «Немецкий рейх и Вторая мировая война»⁹⁷.

Контакты и дискуссии, существовавшие между историками двух германских государств, не означали размывания марксистско-ленинской методологической основы исследований нацизма в ГДР. Об этом свидетельствовал обобщающий труд восточногерманских учёных «Государство и общество при национал-социализме», где нацистское государство квалифицируется как показатель «загнивающей» стадии капитализма. Военные цели изображаются как больше имеющие отношение к плану монополистического капитализма, чем к Гитлеру и к нацистской партии⁹⁸.

Антагонизм дискуссии о классовой сущности национал-социализма, существовавший с момента образования двух германских государств мешал эффективной работе над совместными проектами. Историков при этом разделяла не только идеология и методология, но и политические обстоятельства. С одной стороны, оказывали негативное влияние давние

претензии ФРГ на единоличное представительство всех немцев, а также сознание превосходства в экономическо-социальном развитии по сравнению с ГДР. С другой стороны, существовали долговременные претензии ГДР на своё первенство в вопросах антифашизма, в изображении самой Федеративной Республики как питательной среды для неофашизма. В подтверждение своей правоты восточногерманские авторы указывали на существование в ФРГ капиталистических концернов Ф. Флика, или на преемников химического «концерна смерти» ИГ Фарбениндурии и др.⁹⁹ Кроме того, историки ГДР, делая анализ исторической науки ФРГ, как правило, изображали её в состоянии кризиса и упадка, а свою – на подъёме, что являлось чисто политической спекуляцией.

Политическое и идеологическое давление официальных властей ГДР привело к тому, что из совместных проектов историков двух германских государств ничего не получилось. В 1987–1988 гг. шли встречи, плодотворное обсуждение проблем, но в январе 1989 г. последовал запрет на совместную работу. Правящие круги ГДР обвинили западногерманскую сторону в необъективности: КПГ сравнивается с НСДАП, оценки историографии ФРГ слишком «резкие» и т. п. Работа была прервана¹⁰⁰. Несмотря на разрыв, и западногерманские, и восточногерманские авторы выпустили свои книги по «элите» соответственно в 1989 и 1990 гг.¹⁰¹ Одновременно в ГДР началась многотомная публикация документов по оккупационной политике нацистов в Европе, завершённая уже после объединения страны¹⁰².

Книга «Путь немецкой элиты во Вторую мировую войну» – обобщающее и в чём-то завершающее исследование историков ГДР по проблемам отношений господствующих кругов Германии – крупного капитала, рейхсвера, крупных аграриев, немецкой аристократии и бюрократии, реакционно-консервативной интеллигенции с нацистским режимом. В этой работе участвовали практически все ведущие историки ГДР: Айххольц, Госсвайлер, Руге, Петцольд, Вайсбеккер, Цумпе и др.¹⁰³

Учёные развернули широкую панораму участия названных кругов Германии в строительстве нацистского рейха, в экономической политике, в разработке военных целей и экономической экспансии. Одновременно индустриальная и аграрная элиты преследовали свои корпоративные цели. Оценка же фашизма осталась по-прежнему узкодогматической. Он является, по мнению авторов, «господствующей формой государственно-монополистического капитализма». «Гитлер – помощник и проводник интересов крупного капитала и помещиков. Их интересы идентичны»¹⁰⁴.

Результаты сотрудничества историков ГДР и ФРГ в области военной истории всё же проявились в книге «Национал-социалистическая война»,

вышедшей по материалам международного симпозиума, посвящённого 50-летию начала Второй мировой войны¹⁰⁵.

В работе симпозиума приняли участие историки разных направлений западногерманской историографии – от консервативно-ориентированных, таких как Фест, до леволиберальных – в лице, например, Мессершмидта. В конференции приняли участие видные западногерманские авторы разных поколений, такие как Х.-А. Якобсен, Г. Грамль, Б.-Ю. Вендт, В. Бенц, Н. Фрай и др. Активно выступали и марксисты ГДР – О. Грёлер, К. Петцольд, Г. Шеель, а также ряд других восточноевропейских учёных.

В книге освещаются такие проблемы, как разжигание Гитлером военного конфликта, основные черты оккупационной политики, войны как инструмента проведения национал-социалистического мировоззрения, значение оккупированной и союзной Европы для немецкого военного руководства. Особое ударение было сделано на вопросе готовности Германии и немцев к войне.

В центре внимания восточногерманских историков оказались проблемы империалистического характера войны, а также значение антикоммунистического и антибольшевистского инструментария в подготовке и проведения войны¹⁰⁶. У западногерманских учёных оживлённый интерес вызвал феномен отсутствия воодушевления немцев по поводу начавшейся в 1939 г. войны с Польшей. Это явственно проступало на историческом фоне их патриотических настроений в связи с началом в 1914 г. Первой мировой войны. Историк Венд подчёркивал при этом, что такое настроение противоречило той огромной работе по организационному и пропагандистскому вовлечению населения (в особенности молодёжи) к предстоящей войне, которые проводили нацисты в 30-е гг.¹⁰⁷

Мессершмидт, ссылаясь на документы «Сопаде», а также на донесения о внутреннем положении СД, утверждает, что «народ» и «немцы» до 1939 г. отрицательно относились к идее войны. По его мнению, мирные настроения не стали противовесом тем, кто был настроен на войну, т. к. политическая система не давала возможности этим силам организовать. Оппозиция войне существовала только в мелких кружках¹⁰⁸. Настроенность на войну была делом элиты – националистически и «народнически» настроенной, а также военной и образованной её части¹⁰⁹. Всё это смешалось в мировоззренческой войне Гитлера. Мессершмидт и здесь проявил свойственное ему обострённое чувство историзма в подходе к идеологическим корням военных представлений нацистов.

С развёрнутым комментарием об отношении немцев к тотальной войне выступил Н. Фрай. Он показал, что оно было разным и зависело от длительности военных кампаний, степени сопротивления немецкому наступ-

лению, положения на фронтах. На первом этапе войны продолжала воздействовать на немцев социальная политика мирных лет и пропаганда. Историк выделяет 1943 г., особенно «Сталинградскую катастрофу» немецких войск, подействовавшую на население Германии как шок¹¹⁰. Возросло желание окончания войны.

В то же время Фрай отмечает, что попытка противостоять Гитлеру после военных неудач исходила только от руководящей элиты общества (заговор 20 июля 1944 г.). Большинство же населения было возмущено попыткой устранить Гитлера. Это, по мнению автора, объяснялось «страхом перед гражданской войной, но больше всего – верой, что никто другой, кроме Гитлера, не сможет закончить войну»¹¹¹. В этих выводах историк противоречил самому себе, т. к. ранее он писал в работе «Государство фюрера» о начале разрушения мифа вождя на заключительном этапе войны¹¹².

Последовавшее в 1990 году объединение Германии не оставило без воздействия историографический горизонт. Исторические институты и историческое образование было коренным образом реорганизовано, большинство восточногерманских историков были уволены. Часть учёных бывшей ГДР (Кюнрих, Петцольд, Айххольтц), не занимая официальных постов, продолжили свою научную деятельность в сфере изучения национал-социализма. В 1991 г. состоялась первая конференция, в которой совместно участвовали историки бывшего Западного Берлина и видные восточногерманские учёные. Они совместно обсудили результаты исследования германского фашизма на Западе и Востоке Германии, перспективы его дальнейшего изучения, лакуны, которые было бы необходимо закрыть. Западнберлинские историки высказали пожелание, чтобы марксистское течение сохранилось в историографии и стимулировало постановку новых проблем исследования.

В сфере изучения фашизма было обращено внимание на необходимость развития сравнительного исследования диктатур XX века. Так, Випперман говорил, что при определении «фашистского» содержания национал-социализма, его следует сравнить с итальянским фашизмом. Когда же речь идёт о «тоталитарном государстве» нацистов, то его следует сравнивать с «коммунистическим режимом»¹¹³. Историк Рот призвал уделять больше внимания анализу расовой теории нацизма, которая стояла в центре нацистской идеологии¹¹⁴.

Восточногерманские учёные настаивали на продолжении исследования империалистического характера и террористического аппарата нацистской Германии (Госсвайлер)¹¹⁵. Развитие историографии в последующее десятилетие подтвердило правоту высказываний участников конференции о необходимости более интенсивных исследований в области расовой

политики и империалистического характера войны (особенно их соединения)¹¹⁶.

После объединения Германии встал вопрос о коренном обновлении сотрудничества немецких и российских историков, т. к. вслед за в 1991 г. последовал роспуск СССР и образование государства Российской Федерации. В советские времена осуществлялось тесное сотрудничество историков СССР и ГДР на единой марксистской теоретической базе и единстве целей в построении коммунистического общества. Важную роль при этом играла созданная в 1957 г. постоянно действующая Комиссия историков СССР и ГДР. В её рамках вырабатывались главные направления исследований, проводились совместные конференции, выпускались сборники документов и статей. С 1968 г. (до 1988 г.) издавался «Ежегодник германской истории», публиковавший наиболее значимые работы по всему периоду истории Германии, а по новейшей истории дополнительно – «Бюллетень по истории Второй мировой войны»¹¹⁷. В ходе политических изменений в обоих государствах такого рода сотрудничество было утрачено.

После разрушения политической и идеологической «стены» между Западом и Востоком немецкие и российские историки стали заполнять образовавшийся вакуум, пользуясь преимуществами «открытого общества». Организация научных стажировок, совместных конференций, работа в архивах и библиотеках обеих стран, разработка совместных проектов стали приметной чертой обновлённого сотрудничества германских и российских историков. Основное финансовое бремя легло при этом на немецкую сторону, государственные и частные фонды которой рассматривали деятельность в этом направлении как своего рода «покаяние» за то зло, которое нацистский режим принёс советскому народу, как вклад в «преодоление враждебного прошлого» в российско-германских отношениях¹¹⁸.

Взаимодействие немецких и российских историков стало осуществляться не на классовый, а на деловой основе, где встречались представители разных политических и идеологических направлений, объединённых лишь одной общей идеей – противостоянием любой форме фашизма и неофашизма, нацизма и неонацизма, подавления прав и свобод человека¹¹⁹. Сотрудничество вышло далеко за рамки российских столиц¹²⁰.

Весной 1991 г. по инициативе исторической комиссии СДПГ в Германии состоялась одна из первых научных конференций нового, не официального типа, посвящённая проблемам изучения диктатур германского и советского толка, путей выхода из них. Советско-российская сторона была представлена такими видными специалистами по нацизму и тоталитаризму как Драбкин, Орлов, Мерцалова. Немецкую сторону представляли Фа-

уленбах, Мессершмидт, Циттельман, Рюруп и др. В конференции участвовал и Лев Копелев¹²¹ – знаменитый русский писатель-эмигрант и горячий поборник русско-германского примирения и дружбы.

По итогам конференции была опубликована книга «Диктатура и освобождение. К вопросу о российском и германском развитии 1917–1991 гг.»¹²². Немецкие авторы рассматривали тему диктатур, обращаясь к концепциям модернизации и тоталитаризма, уже доказавшим свою состоятельность в определённых пределах. Попутно они оценивали возможности этих теорий как инструмента сравнения режимов и тенденций¹²³, не только ставших достоянием истории, но и ныне существующих. Фауленбах при этом отмечал, что при оценке нацизма и сталинизма следует учитывать, что степень историзации этих идеологий весьма различна: «наследие сталинизма в Восточной Европе представляет собой ещё непосредственно политическую проблему»¹²⁴.

Историк Мессершмидт попытался объяснить национал-социализм и сталинизм с точки зрения категорий «модернизация» и «регрессия», касаясь одновременно вопроса о трактовке Нольте фашизма как «антикоммунизма, применяющего схожие или даже идентичные методы» (в ходе своего господства и в борьбе друг с другом). Довольно убедительно прозвучал тезис Мессершмидта, что до 1939 г. Советский Союз во внешнеполитической концепции Гитлера занимал второстепенное место. Он объясняет это тем, что между Гитлером и Сталиным «не стоял Версаль», что в предыдущий период успешно развивалось военное сотрудничество, а завоевание на Востоке – как главная цель Гитлера – выглядела ещё отдалённой перспективой. Поэтому историк считает «антибольшевизм» и «антикоммунизм» существующими, но не (системно) образующими элементами национал-социализма»¹²⁵.

С последним суждением автора трудно полностью согласиться. Действительно, в программе НСДАП «25 пунктов» не содержится антибольшевистских и антикоммунистических установок. Но в книге Гитлера «Майн кампф» антисемитизм тесно увязывается с большевизмом и коммунизмом. Поэтому для Гитлера борьба с «еврейством» как главным врагом Германии была одновременно борьбой с большевизмом: внутри страны – против социал-демократов и коммунистов; за пределами страны – против СССР. Кроме того, само название идеологии Гитлера звучит как антитеза большевизму, коммунизму и социал-демократии.

Историк Рюруп в своём докладе по существу противопоставил тезису Мессершмидта о второстепенной роли антибольшевизма для Гитлера тезис о его главенствующей роли. Приводя выдержки из документов кануна Второй мировой войны, он доказывает, что ожесточённость прика-

зов, докладных записок, выступлений командного состава вермахта происходила из того, что Гитлер изначально считал большевизм «мировой опасностью № 1», от которой он хотел «спасти цивилизованную Европу». Эти планы сочетались и со старой империалистической традицией экспансии на Восток¹²⁶.

В статье Цительмана интересным представляется выделение им нескольких типов «историографического преодоления» прошлого в сравнительном поле итальянской, немецкой и советской литературы. Что касается немецкой историографии, то здесь он выступает последовательным сторонником «историзации» нацизма и «нормализации нашего исторического самосознания» по Брошату, понимая это как отказ от искажений или замалчивания тех фактов истории нацизма, которые «нежелательны с «народно-педагогической точки зрения»¹²⁷.

После преодоления кризиса объединения вновь оживляется левый спектр немецкой историографии, группирующийся в основном вокруг СДПГ, Гамбургского института социальных исследований, Берлинского центра по изучению антисемитизма и Холокоста. Катализатором этого процесса явилась передвижная выставка 1995 г., осветившая преступления вермахта во время Второй мировой войны. Выставка была подготовлена Гамбургским Институтом социальных исследований и была развернута почти во всех крупных городах Германии¹²⁸. Она вызвала громадный интерес у населения и бурное обсуждение в печати.

Исследование национал-социализма в объединённой Германии обрело новое дыхание и продолжало развиваться быстрыми темпами. Важную роль стало играть начавшееся новое осмысление коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, в новой России, а также «второй немецкой диктатуры» – диктатуры СЕПГ в ГДР. Оно открыло путь для анализа и последующего сравнения причин появления и функционирования различных форм диктатур в XX веке.

Развитие исследований было связано также с более глубоким освоением архивов Восточной Германии, стран Восточной Европы и бывшего СССР, особенно по периоду оккупации. Появились дополнительные возможности для проверки тезиса о вермахте как организации, «чистой» от нацистских преступлений. В «новой» ФРГ была опубликована серия новых документов и материалов, как общего, так и частного характера: архивных партийных «сообщений», личных дневников и воспоминаний. Были обнаружены материалы о положении в Германии, собиравшиеся антифашистской группой «Новый почин»¹²⁹. В 1995 г. вышли в свет дневники известного немецкого филолога В. Клемперера – ежедневные записи о жизни еврейского населения в Германии на всём протяжении существова-

ния нацистского режима (1933–1945 гг.). Дневники в течение нескольких дней читались как захватывающий детектив по национальному радио и вызвали огромный интерес и резонанс слушателей¹³⁰. Широкий отклик получила публикация в Германии в 1996 г. книги американского историка Д. Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера. Обыкновенные немцы и Холокост», в которой он пришёл к однозначному выводу о приверженности всех немцев к антисемитизму и ответственности за Холокост¹³¹.

Обсуждение проблемы сохранения и обновления экспозиций музеев и памятных мест по истории нацизма, а также сооружения новых памятников жертвам фашистского режима (особенно памятника жертвам Холокоста в центре Берлина) также стало предметом ожесточённой дискуссии¹³².

Утвердившееся в «старой» ФРГ и ГДР к середине 80-х гг. сознание неизбежности существования двух германских государств породило в ФРГ надежды на завершение исследования нацизма и его «историзацию». Она имела только частичный успех и накануне объединения оказалась результативной в плане изучения социально-экономического континуитета, электората нацистской партии и других аспектов, помогающих объяснению массовой поддержки режима со стороны населения.

Несмотря на явные успехи в изучении истории нацистского государства, в обеих германских республиках ещё недостаточно глубоко и всесторонне были исследованы репрессивный аппарат и преступления нацизма, оккупационная политика, преследование по расовым и политическим мотивам, геноцид и Холокост. В ФРГ оставалась, по существу, нетронутой легенда о вермахте, как организации, свободной от нацистских преступлений.

Объединение Германии в 1990 г. нанесло сильный удар по бурно обсуждаемому в ФРГ «уходу нацизма в прошлое». Он снова становится предметом «истории, которая мучает». Разрушение противостояния между Западом и Востоком Европы, крушение стены между ГДР и ФРГ, изменение политических, идеологических, источниковедческих условий открыли новые горизонты для исследования и осмысления национал-социализма.

Примечания к главе 1

¹ Социал-демократическая партия Германии в эмиграции.

² Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940. 7 Bände. – Frankfurt am Main, 1980.

³ Heinz Boberach (Hrsg.) Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. 17 Bände und Registerband. – Herrsching, 1984.

⁴ Elke Fröhlich (Hrsg.) Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I: Aufzeichnungen 1923–1941. Bisher 7 Bände; Teil II: Diktate 1941–1945. 15 Bände. – München, 1993–1996.

⁵ Подробнее о состоянии развития и течениях западногерманской историографии национал-социализма 70–80-х гг. см. в вышеназванных работах Л. А. Мерцаловой «Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ», «Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ»

⁶ Наиболее основательная публикация на эту тему, ставшая научным стандартом была осуществлена Мюнхенским институтом современной истории по Баварии периода нацизма: Bayern in der NS-Zeit. Bd. 1–6. – München, 1979–1983, а также изданная на основе её материалов обобщающая работа: Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand. Bayern im Nationalsozialismus. – München; Zürich, 1987.

⁷ Focke H., Peimer U. Alltag unterm Hakenkreuz. – Hamburg, 1987.

⁸ Alltagsgeschichte der NS-Zeit. Neue Perspektive oder Trivialisierung? – München, 1984. Анализ немецкой историографии будней фашизма, научного потенциала и практического значения истории будней см.: Мерцалова Л. А. Немецкое Сопротивление..., гл. 4, с. 197–211.

⁹ В СССР одним из первых был профессор Ивановского университета Израиль Яковлевич Биск: Биск И. Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. – Иваново, 1990.

¹⁰ Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. – München, 2001. – S. 240.

¹¹ Broszat M. Plädoyer für die Historisierung des Nationalsozialismus // Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. – München, 1988. – S. 266–281.

¹² См. подробнее: Steinbach P. Zeitgeschichte – Geschichte, die ihren Ausgang noch nicht kennt // Die Normalität des Verbrechens. Bilanz und Perspektiven der Forschung zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen. – Berlin, 1994. – S. 132–147, особенно, 147.

¹³ Broszat M. Plädoyer für die Historisierung... – S. 137.

¹⁴ Все цитаты абзаца: Ibid. – S. 273.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. – S. 278.

¹⁷ Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und Holocaust. – Hamburg, 1996; О книге Гольдхагена см.: Julius Schoeps (Hrsg.). Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen – Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust. – Hamburg, 1996; Артёмов В. А. «Добровольные подручные Гитлера»: Критические заметки о книге Гольдхагена Д. // Германия и Россия. События. Образы.

Люди: Сборник российско-германских исследований. – Вып. 1. – Воронеж, 1997. – С. 194.

¹⁸ См. по этому поводу: Борозняк А.И. Искупление... – С. 110–111.

¹⁹ Um die «Historisierung des Nationalsozialismus». Ein Briefwechsel, v. M. Broszat u. Saul Friedländer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ), 36 (1988). – S. 339–372.

²⁰ Friedländer S. // VfZ, 36 (1988). – S. 345.

²¹ Ibid. – S. 347.

²² Broszat M. Plädoyer... – S. 381.

²³ Diner D. (Hrsg.). Ist der Nationalsozialismus Geschichte? – Frankfurt am Main, 1987. – S. 34–50.

²⁴ Broszat M. // VfZ, 36 (1988) – S. 349.

²⁵ Борозняк А. И. Искупление... – С. 110.

²⁶ Conze E. Historisierung im Spannungsfeld von Verstehen, Erklären und Bewerten... // Historisches Jahrbuch 118 (1998). – S. 345–352.

²⁷ См. наиболее важные источники: Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der Judenvernichtung. – München; Zürich, 1987; Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen will. Der sogenannte Historikerstreit. Darstellung, Auseinandersetzung. Dokumente. – Berlin, 1987; Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung. Kleine politische Schriften VI. – Frankfurt am Main, 1987; Wehler H-U. Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum Historikerstreit. – München, 1988; Dan D. (Hrsg.). Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit. – Frankfurt am Main, 1987; Kühnl R. (Hrsg.). Vergangenheit, die nichts vergeht: die Historiker-Debatte. Dokumentation, Darstellung und Kritik. – Frankfurt am Main, 1987.

²⁸ Подробнее см.: Черкасов Н. С. ФРГ: «Спор историков» продолжается? // НИИ, 1990, № 1; а также – с более свежей оценкой: Борозняк А. И. Искупление. Нужен ли России... – С. 115–122. Артёмов В. А. «Добровольные подручные Гитлера»... – С. 194.

²⁹ Mommsen H. Nationalsozialismus und Stalinismus. Diktaturen im Vergleich // Jesse E. (Hrsg.) Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. – Bonn, 1999. – S. 505.

³⁰ Нольте Эрнст (род. 1923). Профессор истории Свободного университета (Берлин). Важнейшие публикации: «Der Faschismus in seiner Epoche» (1963). (Русский перевод: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. М., 2001); «Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen» (1968); «Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus» (1987). (Русский перевод: Нольте Э. Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм. – М., 2003).

³¹ Die Zeit, 31. 10. 1986; Die Welt, 24. 11. 1986

³² Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen will // Kühnl R. (Hrsg.). Vergangenheit... – S. 32.

³³ Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick... 1995. – S. 346.

³⁴ «Historikerstreit». Die Dokumentation... – S. 75.

³⁵ Брахер Карл-Дитрих (род. 1922 г.) – видный немецкий историк и политолог. Член многих академий. Автор широко известных работ по истории гибели Веймарской республики и приходу нацистов к власти: «Die Auflösung der Weimarer Republik» (1955); «Die nationalsozialistische Machtergreifung» (1960); «Die deutsche Diktatur» (1969) и др. Здесь: Bracher K.-D. u. a. (Hrsg.). Deutschland 1933–1945. Neue Studien. – Bonn, 1993. – S. 574.

³⁶ Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Русский перевод: Нольте Э. Европейская гражданская война... Более подробно см. гл. 2. 1 настоящей работы.

³⁷ Nolte E. Streitpunkte heutigen und künftigen Kontroversen um den Nationalsozialismus. – Berlin; Frankfurt am Main, 1993. – S. 26.

³⁸ Der historische Ort des Nationalsozialismus. Annäherungen. Hrsg. von Pehle W.H., – Frankfurt am Main., 1990. – S. 31.

³⁹ Ibid. – S. 29–30.

⁴⁰ Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. – Berlin, 1986. Обновлённые издания: 1994, 1999 гг.

⁴¹ Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. – Berlin, 1986. – S. 38.

⁴² Ibid. – S. 39.

⁴³ Ibid. – S. 183.

⁴⁴ Ibid. – S. 182.

⁴⁵ Ibid. – S. 184.

⁴⁶ Ibid. – S. 283.

⁴⁷ Ibid. – S. 287.

⁴⁸ Ibid. – Главы 1, 7, 10.

⁴⁹ Ibid. – S. 338.

⁵⁰ M.v.Prollius. Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933–1939. Steuerung durch emergente Organisation und Politische Prozesse. – Paderborn; München; Wien; Zürich. – 2003. – S. 343.

⁵¹ Thamer. H.-U. Verführung und Gewalt... – S. 768–769.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. – S. 771.

⁵⁴ Ibid. – S. 772.

⁵⁵ Manstein P. Die Mitglieder und Wähler der NSDAP 1919–1933. – Frankfurt am Main; Berlin, 1988.

⁵⁶ Ibid. – S. 138.

⁵⁷ Ibid. – S. 139.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Manstein P. Die Mitglieder und Wähler... – S. 199.

⁶⁰ Herrschaftsaltag im Dritten Reich. Studien und Texte. Hrsg. von Mommsen H. und Willens S. – Düsseldorf, 1988.

⁶¹ Fraenkel E. Der Doppelstaat. – Frankfurt am Main; Köln, 1974.

⁶² Angermund R. Die geprellten «Richterkönige». Zum Niedergang der Justiz im NS-Staat // Herrschaftsaltag im Dritten Reich... – S. 336–337.

⁶³ Nixdorf D., Nixdorf G. Politisierung und Neutralisierung in der NS-Zeit // Herrschaftsaltag im Dritten Reich... – S. 260.

⁶⁴ Siegel T. Rationalisierung Stattklassenkampf // Herrschaftsaltag im Dritten Reich... – S. 142.

⁶⁵ Mommsen H. und Obst D. Die Reaktion der deutschen Bevölkerung auf die Verfolgung der Juden 1933–1943 // Herrschaftsaltag im Dritten Reich... – S. 378.

⁶⁶ Herrschaftsaltag im Dritten Reich... – S. 377.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Hellfeld M., Klönne A. Die betrogene Generation. Jugend in Deutschland unter dem Faschismus. – Köln, 1985; Klönne A. Jugend im Dritten Reich. – Düsseldorf; Köln, 1989.

⁶⁹ Подробнее о новой волне исследований в этой области см. в главе IV.

⁷⁰ Thamer H.-U. Das Dritte Reich. Interpretationen, Kontroversen und Probleme des aktuellen Forschungsstandes // Deutschland 1933–1945. Neue Studien... – S. 520.

⁷¹ Ibid.

⁷² Фест И. Гитлер. Биография. – Пермь, 1993. – Т. 1. 368 с. Т. 2. 480 с. Т. 3. 544 с.

⁷³ Jäckel E. Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft. – Stuttgart, 1986. – S. 93.

⁷⁴ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. – Düsseldorf, 1961. В этой книге он обосновал преемственность гитлеровских империалистических планов с экспансионистскими планами кайзеровской империи, что вызвало потрясение основ консервативной историографии ФРГ и привело к смене парадигмы исторических исследований в этом направлении. Подробнее о «контроверзе Фишера» и жизни историка см.: Борозняк А. И. Уроки Фрица Фишера // «Прошлое, которое не уходит». Очерки истории и историографии Германии XX века. – Екатеринбург, 2004. – С. 217–230.

⁷⁵ Fischer F. Hitler war kein Betriebsunfall// Hitler war kein Betriebsunfall: Aufsätze. – München: Beck, 1993. – S. 174–176.

⁷⁶ Mommsen H. Hitlers Stellung im nationalsozialistischen Herrschaftssystem // Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Ausgewählte Aufsätze. – Reinbeck bei Hamburg. 1991. – S. 67–101.

⁷⁷ См., напр.: Funke M. Stärker oder schwächer Diktator? Hitlers Herrschaft und die Deutsche. Eine Esse. – Düsseldorf, 1989.

⁷⁸ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. – Новосибирск, 2001. – С. 35, 368–369 и др.

⁷⁹ Zitelmann R. Hitler: Seltsverständnis eines Revolutionärs. – Hamburg, 1987. – S. 387.

⁸⁰ Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. – München, 1987.

⁸¹ Ibid. – S. 165–166.

⁸² Frei N. Der Führerstaat. 1993. – S. 170.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. – S. 172.

⁸⁵ См., напр.: Das Große Lexikon des Dritten Reiches. – München, 1985; Das Lexikon des Zweiten Weltkrieges. – München, 1988; Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. – Darmstadt, 1989; и многое другое.

⁸⁶ XIII Пленум ИККИ: Стенографический отчёт. – М., 1934. – С. 589.

⁸⁷ Наиболее фундаментальное исследование: Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Bd. 1. 1939–1941. – Berlin, 1979; Bd. 2. 1941–1943. – Berlin, 1985; Bd. 3. 1943–1945. – Berlin, 1988.

⁸⁸ Корнева Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма. – Кемерово, 1998. – С. 59–85.

⁸⁹ Die Totalitarismus Doktrin im Antikommunismus. – Berlin, 1985.

⁹⁰ Ibid. – S. 14–15.

⁹¹ Об этом см. далее, параграф 2.1.

⁹² См. статьи К. Госсвайлера, К. Пецольда в журнале «Blätter für deutsche und internationale Politik». 1986, Н. 12; 1987, Н. 2.

⁹³ Vergangenheit, die nicht vergeht... – S. 191, 292.

⁹⁴ IX съезд Социалистической единой партии Германии (Берлин, 18–22 мая 1976 г.). – М., 1977. – С. 259–260.

⁹⁵ Максимычев И. Крушение. Реквием по ГДР // Последний год ГДР. – М., 1993. – С. 24, 31 и др.

⁹⁶ Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang unserer Geschichte. – München, 1987. – S. 12–13.

⁹⁷ Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. V–I: Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereichs. – Stuttgart, 1988.

⁹⁸ Staat, Wirtschaft und Gesellschaft im Nationalsozialismus. – Berlin, 1987.

⁹⁹ Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang... – S. 9.

¹⁰⁰ Ibid. – S. 13.

¹⁰¹ Die deutschen Eliten und der zweite Weltkrieg: Nachtrag zu einer verhinderten deutsch-deutschen Publikation (Hrsg. Broszat M.–Schwabe K.). – München, 1989; Der Weg deutscher Eliten in den zweiten Weltkrieg. – Berlin, 1990.

¹⁰² Europa unterm Hakenkreuz. Die Okkupationspolitik des deutschen Faschismus (1938–1945). Achtbändige Dokumentenedition // Hrsg. W. Schumann u. a. – Berlin, 1988–1992.

¹⁰³ Галактионов Ю. В., Корнева Л. Н., Черкасов Н. С. Марксистская историография германского фашизма. – Кемерово, 1988. – С. 50–74; Корнева Л. Н. Германский фашизм: Немецкие историки в поисках... – С. 59–85.

¹⁰⁴ Der Weg deutscher Eliten... – S. 37.

¹⁰⁵ Der nationalsozialistische Krieg / Frei N, Kling H. (Hrsg.). – Frankfurt am Main, 1990. – S. 81–83.

¹⁰⁶ Ibid. – S. 122–136.

¹⁰⁷ Ibid. – S. 81–83.

¹⁰⁸ Ibid. – S. 76.

¹⁰⁹ Ibid. – S. 74.

¹¹⁰ Der nationalsozialistische Krieg... – S. 290, 293.

¹¹¹ Ibid. – S. 297.

¹¹² Frei N. Der Führerstaat... – S. 165–166.

¹¹³ Faschismus und Rassismus. – Berlin, 1992. – S. 108–119.

¹¹⁴ Ibid. – S. 131.

¹¹⁵ Ibid. – S. 102.

¹¹⁶ См. гл. 3.1. настоящей работы.

¹¹⁷ Корнева Л. Н. Развитие марксистской историографии ГДР о германском фашизме (статья первая: 1949 – 1960-е гг.) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1990. – С. 21.

¹¹⁸ Научное сотрудничество германских и российских историков за последние 15–20 лет могло бы стать темой интереснейшего исследования. О начале сотрудничества см.: Ю. В. Галактионов. Германский фашизм как феномен... – С. 75–76.

¹¹⁹ См., напр.: Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М., 1995; Россия и Германия. – Вып 1. – М., 1998; Россия и Германия. – Выпуск 3. – М., 1998.; Война и политика. 1939–1941. – М., 1999; и др.

¹²⁰ См., напр.: Германия и Россия. События. Образы. Люди // Сборник российско-германских исследований. – Вып. 1. – Воронеж, 1997; Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии... – Кемерово, 2001; Вторая мировая война. Уроки истории для Германии и России: Материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.). – Кемерово; М., 2006; и др.

¹²¹ О Лье Копелеве и его вкладе в германо-российское согласие см.: Борзняк А. И. Лев Копелев. Жил в Германии, но для России // «Прошлое, которое не уходит»... – С. 270–280.

¹²² Diktatur und Emanzipation. Zur russischen und deutschen Entwicklung. 1917–1991. – Faulenbach В., Stadelmaier M. (Hg.). – Essen, 1993. – 215 S.

¹²³ Подробнее об этом см. гл. 2.1, 2.2 настоящей работы.

¹²⁴ Faulenbach В. Probleme einer Neuinterpretation der Vergangenheit angesichts des Umbruchs 1989/91 // Diktatur und Emanzipation... – S. 13.

¹²⁵ Messerschmidt M. Nationalsozialismus und Stalinismus // Diktatur und Emanzipation... – S. 88–89.

¹²⁶ Rürup R. Die Deutschen und der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945 // Diktatur und Emanzipation... – S. 136–137.

¹²⁷ Например, не доказано, что поджог рейхстага совершили нацисты, но с «народно-педагогической точки зрения» об этом не стоит распространяться: Zitelmann R. Historiographische Vergangenheitsbewältigung // Diktatur und Emanzipation... – S. 115.

¹²⁸ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. – Hamburg, 1995.

¹²⁹ Stöver В. (Hrsg.) Berichte über die Lage in Deutschland. Die Meldungen der Gruppe Neu Beginnen aus dem Dritten Reich 1933–1936. – Bonn, 1996.

¹³⁰ Klemperer Wiktor. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933–1945.

Bd. I–VIII. – 10. Aufl. – Berlin, 1998; Сокр. перевод с нем.: Клемперер В. Свидетельствовать до конца. Дневники 1933–1945. – М., 1998.

¹³¹ Goldhagen. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und Holocaust. – Hamburg, 1996; Schoeps J. (Hrsg). Ein Volk von Mördern? Die Dokumentstion zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust. – Hamburg, 1996; Heil J. / Erb R. (Hrsg). Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen. – Frankfurt am Main. 1998; Артёмов В. А. «Добровольные подручные Гитлера»: Критические заметки о книге Гольдхагена Д. // Германия и Россия. События. Образы. Люди // Сборник российско-германских исследований. – Вып. 1. – Воронеж, 1997. – С. 194 и далее. См. также: Buchbesprechungen 20. Jahrhundert // Historische Zeitschrift, Band 265 (1997). – S. 255–259.

¹³² См. библиографию дебатов: Ruck M. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Bd. 2. – S. 1330–1334.

Глава 2

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

2.1. Национал-социализм как тоталитаризм

Историография ФРГ всегда отличалась теоретическими и методологическими спорами и исканиями для более точной оценки нацизма. Регулярно печатаются обобщающие работы по историографии фашизма 20-х – начала 90-х гг. Исследуются её течения и направления (Випперман, Зааге и др.)¹. Кризис марксистской и либеральной идеологии в первые годы после объединения Германии, усиление консервативных идей в поисках новой национальной идентичности способствовали в 1990-е гг. новому всплеску интереса к методологии исследования фашизма. Наблюдается «ренессанс» старых методологических конструкций с точки зрения возможности их применения в новых условиях, а с другой стороны, в эту область вторгаются т. н. постмодернистские методы исследования истории².

В связи с крушением тоталитарных режимов в бывших странах социалистического содружества, после долгого неприятия также пробуждается интерес к теории тоталитаризма как методологической основе исследования национал-социализма в Германии, диктатуры СЕПГ в ГДР, а также коммунистических режимов в других странах.

Известно, что теория тоталитаризма родилась на Западе ещё до войны, а завершила своё оформление в 1950–60-е гг. в трудах американских политологов Х. Аренд, К. Фридриха и З. Бжезинского³. Теория тоталитаризма, конечно, имеет много недостатков. Она не может объяснить и идентифицировать фашизм и большевизм вследствие их внутренней нетождественности, коренной противоположности их основных установок. Упускать из виду эти обстоятельства никак нельзя. Теория лишь может указать, например, на сходства лидеров-вождей, появляющиеся при крайне революционных обстоятельствах, подметить ещё какие-то общие формально-логические черты⁴. Именно поэтому и в западном обществе, в том числе и в Германии, велось так много споров о возможности и полезности сравнения фашизма и большевизма, а сейчас – и при осмыслении восточногерманской диктатуры⁵.

Сознательно оставляя в стороне достоинства и недостатки теории тоталитаризма – разобраться в них вряд ли по силам одному исследователю, – остановимся лишь на вопросах: почему и при каких обстоятельствах произошёл в ФРГ всплеск интереса к этой теории, получившего столь неподходящее для него название – «ренессанс».

Длительное время в «старой» ФРГ теория тоталитаризма как метод сравнения фашизма и большевизма не находила достаточно широкого отклика, хотя итальянский фашизм, германский национал-социализм и сталинизм признавались (по технике господства) тоталитарными режимами. При этом часто оставляли в стороне коренные противоположности целей – что никоим образом нельзя упускать из виду. Эта теория использовалась, главным образом, как инструмент эмпирического исследования, в частности, основных признаков нацистского варианта тоталитаризма. Классическим примером в этом отношении стали работы К.-Д. Брахера середины 50-х – начала 60-х гг., посвящённые разрушению Веймарской республики и формированию нацистской диктатуры⁶.

В 1960-е гг. сравнительный анализ преобладал в сфере изучения феномена европейского фашизма. В этой области исследования фундаментальный вклад был сделан видным немецким политологом Э. Нольте. Нольте охарактеризовал виды, типы и прототипы европейского фашизма. Он сформулировал определение фашизма, главным содержанием которого считал антимарксизм, а методы, которыми фашизм борется с марксизмом, идентичными марксистским методам⁷.

Развернувшиеся вслед за этим дебаты историков и политологов длительное время не выходили за рамки сравнительного анализа европейского фашизма и поисков его теоретической формулы⁸. Интернациональную дискуссию о фашизме и путях его теоретического осмысления обобщил в своей работе В. Випперман⁹, позднее сам написавший книгу «Европейский фашизм в сравнении»¹⁰.

В 60–70-е годы в Западной Германии многие не хотели ставить на одну доску коммунизм, нацизм, фашизм. Конкуренцию теории тоталитаризма составили другие политологические и социологические концепции. Широкое распространение получила, например, оценка Третьего рейха как «двойного государства». У социологов нацизм трактовался как «инерционная диктатура», или как «диктатура воспитания»¹¹. Сравнение же нацизма с тоталитарными диктатурами левого толка, как это широко распространилось, например, в американской историографии и политологии, наталкивалось в ФРГ на внутреннее сопротивление историков (главным образом, либерально-демократического толка), связанное с угрозой принизить нацистские преступления, а также усилить позиции неонацистов.

В историографии констатировался кризис теории тоталитаризма. Подчёркивалось её превращение в одну из идеологических и политических доктрин холодной войны, с чем нельзя не согласиться. Сторонниками такой оценки выступали историки и политологи леволиберального и демократического направления, а также марксисты и неомарксисты Германии и Западной Европы¹².

В ФРГ это были представители т. н. «Марбургской школы» известного и авторитетного историка немецкого рабочего движения, независимого социалиста В. Абендрота. Его ученики Р. Кюнль, В. Хардах и другие характеризовали теорию тоталитаризма «как полностью непригодную для использования и ненаучную»¹³. Кроме того, они наиболее последовательно указывали на тот факт, что сравнение сталинизма и гитлеризма умаляло преступления нацистского режима.

Нераспространению теории тоталитаризма в 60–70-е гг. способствовали внутривнутриполитический процесс демократизации западногерманского общества, официальное осуждение сталинизма в Советском Союзе, ослабление холодной войны. Даже возведение в 1961 г. «Берлинской стены» и появление, спустя десятилетие, на Западе взрывной по характеру книги Солженицына о сталинском Гулаге, движение диссидентов в Советском Союзе – не поколебало отрицательного или нейтрального, в целом, отношения западногерманской историографии к теории тоталитаризма. Причины этого коренились в стремлении историков сохранить и укрепить антифашистский консенсус западногерманского общества, а также в слабом развитии советологии в ФРГ по сравнению с американской политологией. Твёрдую благожелательную позицию в отношении теории тоталитаризма занимали немногие авторы, но среди них – такой известный и авторитетный историк и политолог, как К.-Д. Брахер¹⁴.

Основательное изменение негативной или нейтральной позиции по отношению к теории тоталитаризма на благожелательную началось с середины 80-х гг., в частности, в ходе «спора историков ФРГ». Действительно, в дебатах очень широко использовались параллели между нацизмом и коммунизмом, что способствовало пробуждению интереса к теории и практике тоталитаризма в научных и общественных кругах в ФРГ. Поводом, заставившим научную общественность задуматься над теорией тоталитаризма, явилась публикация в ходе дискуссии статьи Э. Нольте, в которой он сравнил не предназначения и призвания большевизма и фашизма, а только формы их осуществления и на этом построил выводы об их значении в европейской и мировой истории¹⁵.

Нольте выразил мнение, что взаимная похожесть и конкурентная борьба друг с другом двух тоталитарных режимов – гитлеровского и ста-

линского – за построение нового, «лучшего общества» (а лучшими они считали прямо противоположные общества. – Л. К.) породили состояние «гражданской войны в Европе». Это соревнование вылилось в открытую вооружённую борьбу в 1941–1945 гг.

В отличие от Брахера, которого либеральное общество считает главным противником фашизма, нацизма и большевизма, Нольте утверждает, что фашистские партии, прежде всего, были антибольшевистскими (антимарксистскими) и противоборствовали им. Либеральное общество как бы стояло в стороне от этого противоборства. Нольте признаёт, что у большевизма и фашизма были разные генетические корни. Фашизм появился в недрах либерального общества как проявление его глубочайшего кризиса после Первой мировой войны. Лидеры фашистского движения считали, что либерализм исчерпал себя и обществу следует искать новые формы общественного развития.

Большевизм же имел другое происхождение, связанное с идеями общечеловеческой свободы и борьбы против социального гнёта. «Однако именно он, – по мнению Нольте, – дал толчок к поискам на Западе новых форм бытия»¹⁶. Отсюда вытекает суждение Нольте о том, что именно победа большевизма обусловила появление в Европе фашизма. Позднее, в переписке с французским историком Ф. Фюре, Нольте делал упор на то, что нацизм «был не только простой реакцией на большевизм, а эксцессивной реакцией»¹⁷. Касаясь вопросов тоталитарного менталитета, Нольте пишет, что фашизм (равно как большевизм) имели большую притягательную силу. Она, по мнению учёного, определялась тем, что, в противоположность статике либерального общества, тоталитаризм показал невиданную динамику развития. Особенно это касалось нацизма – германского варианта фашизма. Нольте пишет, что «парадоксальным образом тоталитарное общество способно к динамичному развитию, хотя, казалось бы, индивидуальная инициатива связана тотальным контролем личности со стороны государства»¹⁸.

Тоталитаризм, по мысли Нольте, также проявил большую способность к использованию (наравне с силой принуждения и террора) силы идеи. Смысл тоталитаризма как феномена XX века состоит не столько в его совместной борьбе против идеалов либерального общества, сколько в соревновании идей, которые предлагали обществу тоталитарные по духу движения – фашистские и большевистские. Поэтому период 20–30-х гг. Нольте характеризует как время борьбы двух разных идеологий, которые лишь структурно похожи друг на друга.

В Европе это проявилось в ожесточённой борьбе коммунистической и фашистской идей в духе идеологической и политической гражданской

войны, где победа осталась за фашизмом. Затем, в 40-е гг., в ходе Второй мировой войны, борьба фашизма и коммунизма приобретает характер вооружённого противостояния, где одерживает победу коммунизм. Вину за Вторую мировую войну Нольте недвусмысленно возлагает не только на фашизм, но и на большевизм, вольно или невольно снимая часть ответственность за события 30-х гг. с западного либерального общества.

Только после Второй мировой войны, по мнению учёного, с уходом фашистского варианта тоталитаризма, начинается его противостояние либеральным демократиям. Оно закончилось в пользу либерального общества. «Победу» либерального общества над тоталитаризмом Нольте считает весьма условной. Главная причина ослабления коммунистического варианта тоталитаризма в Европе, на его взгляд, состоит в том, что коммунизм сам исчерпал свои внутренние идеологические, политические и экономические резервы, утратил динамизм развития¹⁹.

Развёрнутое обоснование этих тезисов было сделано Э. Нольте в книге «Гражданская война в Европе», вышедшей вслед за статьёй²⁰.

Анализ и научная критика исследования Нольте требуют отдельного, специального рассмотрения, что не является целью настоящей работы²¹. Отметим только, что его книга явилась первой крупной попыткой в западной историографии и политологии провести сравнительный анализ нацизма и большевизма по всем направлениям: в сфере идеологии и политики, форм прихода и удержания власти, структуре государства, внешней политики.

«При этом, – пишет автор, – мы остаёмся на почве феноменологической теории фашизма в той мере, в какой мы исходим из представления о сущностной вражде между коммунистами и национал-социалистами и считаем, что приравнивание их друг к другу не оправдано ни для какого временного отрезка. В то же время мы не выходим за рамки теории тоталитаризма...»²², но благодаря феноменологии фашизма «теория тоталитаризма получает историко-генетическое измерение, которого ей до сих пор не доставало»²³.

Выступление Нольте оказалось подобным наводнению, снесшему плотину, воздвигнутую на пути распространения теории тоталитаризма в ФРГ. Развернулся ожесточённый спор вокруг вопросов ответственности нацистского и сталинского варианта тоталитаризма за преступления против человечества, за войну и послевоенное развитие, уничтожение и массовые депортации народов. В многочисленных статьях и устной полемике у части историков прорывались боль, отчаяние, страх никогда не преодолеть комплекс вины за нацистское прошлое. Был дан ход широкому распространению теории тоталитаризма, сравнению разных диктатур XX столе-

тия: от классических форм правого тоталитаризма (Италия) до крайних форм проявления левого тоталитаризма (Кампучия). В ходе спора чётко проявился водораздел между теми, кто выступал за активное применение теории тоталитаризма в ходе «историзации» нацизма и коммунизма, и теми, кто продолжал настаивать на преимущественно эмпирическом методе и национальных традициях историзма.

К.-Д. Брахер вновь поднимает вопрос (довольно категорично) о недопустимости применения термина «фашизм» к национал-социализму, обвиняя «марксистских «агитаторов» и теоретиков в фанатичном проталкивании в течение последних 20 лет термина в дискуссию о фашизме. «Они (мол) это делают, чтобы поставить вне закона теорию тоталитаризма и воспрепятствовать нелицеприятному взгляду на революцию и социализм, так как нацисты нарушили монополию левых на эти понятия»²⁴. В отличие от многих своих коллег, Брахер считает, что нацистское государство не было «поликратическим». Центральная роль – у Гитлера, как высшей инстанции и идола системы. Только церковь избежала относительно полной унификации²⁵.

Уже прошли совместные конференции, появились первые работы с привлечением новых документов, освещавших некоторые аспекты названных тем²⁶. В этой связи вновь обострилась дискуссия относительно применения теории тоталитаризма как методологической платформы научных исследований.

К.-Д. Брахер и Э. Нольте считают, что эта теория выдержала проверку временем. Другие историки, признавая необходимость её применения, настаивают на том, чтобы при изучении разных тоталитарных режимов – фашистской Германии, СССР или ГДР – обращалось внимание на их особенные черты. Б. Фауленбах в этой связи напоминает, что в ГДР не было массовых репрессий. То же можно сказать об СССР после сталинского периода²⁷. Г. Моммзен, один из наиболее последовательных критиков этой теории, считает, что многие факты истории фашизма при применении концепции тоталитаризма упускаются, а именно: внутренние антагонизмы нацистского режима, положение партии в нацистском государстве, вопросы политизации населения и т. п.²⁸.

Йессе считает важным изучать интеграционные механизмы тоталитарных государств, имеющие большую притягательную силу для народа. Тоталитарное государство базируется не только на терроре, но и на поддержке народа. «Если бы тоталитарное государство основывалось только на терроре и подавлении, тогда нельзя было бы объяснить переживания по поводу гибели этой системы. А они были в Германии после 1945 г. и после 1989 г.»²⁹. Добавим, что схожие процессы наблюдаются и

в России после 1991 г. и в других посткоммунистических странах Восточной Европы.

В наиболее развёрнутом виде стадии формирования теории и практики тоталитаризма, «обобщения» тоталитаризмом были сформулированы Брахером. Он выделяет восемь фаз (или стадий) его развития.

Первая фаза образует «мыслительный и формационный период около 1900 года». В это время, по его мнению, кристаллизуется соответствующая идеологема, а также технические и психологические условия для её пропаганды.

Вторая фаза становления идеологии тоталитаризма – период 1917–1923 гг., когда тоталитаризм как принцип власти открыто заявляет о себе как конкурирующий с уже известными его видами.

Третья фаза – 1933–1934 гг. – захват власти нацистами в Германии. Он характеризуется Брахером как «кульминационный пункт авторитарной волны».

Четвертая фаза – Вторая мировая война. Брахер трактует ее как начало «большой идеологической гражданской войны». В этой схватке противостояли друг другу либерально-демократическая и тоталитарная идеологии, а также противоборствовали между собой тоталитарные режимы³⁰.

В послевоенную эпоху (40–60-е гг.), по мнению Брахера, можно различить ещё четыре фазы идеологического и политического развития тоталитаризма. Только в 90-е годы начинается уход тоталитаризма, опасность возобновления которого тем не менее сохраняется. В мировой истории Брахер считает XX век – веком тоталитаризма, сменившим либеральный XIX век.

Отправной и главной точкой в истории тоталитаризма Брахер считает время «около 1900 года». Именно в этот период начинается, по мнению автора, глубокий кризис либеральной идеи и либерального общества. Этот кризис вылился в события 1914–1918 гг., потрясшие до основания Европу и мир. Тогда же набирают силу различные идеологические учения. Среди них самой яркой является тоталитарная идеологема, обещающая человеку в будущем «народном обществе» социальную защиту и решение всех его проблем³¹.

Первостепенное значение в структуре тоталитаризма Брахер придаёт фигуре вождя. В связи с этим он особо выделяет Ленина и Гитлера. «Последние, – пишет он, – раньше всего почувствовали возможность использования значения войны внутри страны. Во время неё возник духовно-политический вакуум, в котором можно было мобилизовать «социально-идеологические» движения»³². Концепция тоталитаризма Брахера харак-

теризуется, таким образом, большим интересом к ментально-историческим предпосылкам возникновения тоталитаризма.

Развёрнутый сравнительный анализ гитлеровской и сталинской диктатур был проделан в 1988 г. известным политологом М. Функе. Анализируя репрессивную политику Сталина и Гитлера против народов, он обращает внимание на такой примечательный факт: в СССР существовала действительная оппозиция сталинизму среди некоторых народов или социальных слоёв общества. Одни стремились к национальному самоопределению (крымские татары, армяне). Другие слои советского общества – как кулачество – надеялись вернуть себе земли. Террор по отношению к таким национальным или социальным слоям общества имел, по мнению автора, «хоть какой-то резон», например, с целью защиты и укрепления новой власти.

«Евреи же в Германии не были политически организованы, – пишет Функе, – они не были антinationальные и большинство из них даже тяготели к будущей Великой Германии. «Противниками» Германии, они были лишь согласно гитлеровской расовой доктрине»³³. Таким образом, «коричневая диктатура Гитлера сделала еврейство врагом без необходимости, без политической трезвости, без какого-либо обоснования»³⁴.

Последнее утверждение учёного всё же представляется спорным. Немецкие евреи действительно не были политически организованы, они были патриотами Германии, но это была единственная в стране – в этническом отношении – другая группа граждан, которая наряду с немцами занимала сильные позиции в экономике, культуре, образовании и могла составлять им серьёзную конкуренцию. Бредовая расовая доктрина Гитлера отказывала им в праве считать Германию своей родиной, а в условиях жесточайшего кризиса 1929–1932 гг., будучи замешанной на историческом и латентном антисемитизме, эта доктрина пользовалась особым успехом у представителей всех слоёв немецкого национального общества.

Согласно нацистской идее немецкой «народной общности», все стороны социально-экономической и общественной жизни Германии должны были быть «аризованы». И в этом смысле представляются «обоснованными» и «необходимыми» действия нацистов в отношении немецких евреев. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что до войны нацистские власти не препятствовали, а позднее и насильно заставляли евреев становиться национальной общностью. На первых порах они активно поддерживали сионистское движение. Жестокое и массовое убийство евреев (как и других народов) в период войны проистекало из расовой доктрины Гитлера и «войны на уничтожение» на Востоке.

Функе обращает внимание на различие, которое существовало в «красной» и «коричневой» диктатурах по отношению к насилию как к

инструменту власти. Сталин рассматривал его как необходимое условие для конечного освобождения народов, а Гитлер – как нечто вечное, жизнеутверждающее³⁵. Из этих принципов, по мнению учёного, вытекает тот факт, что, в то время как «коричневая диктатура» по мере своего распространения всё явственнее ужесточала свои тоталитарные качества, – советское господство после ужесточения – смягчалось, «либерализовалось», не отступая при этом от своих принципов.

Подъём интереса к теории тоталитаризма в ходе «спора историков» 80-х гг. не привёл, тем не менее, к ослаблению внимания основной массы немецких учёных к феноменологии национал-социализма. Вторая половина 80-х – начало 90-х гг. ознаменовалась выходом в свет новых интересных обобщающих работ по фашизму свободных от теории тоталитаризма представителей нового поколения немецких учёных (Фрая, Тамера, Райхеля и др.). «Эти работы, – пишет историк Н. Фрай, – следует понимать как перманентный диалектический процесс познания, сложившийся в республике (ФРГ. – Л.К.), становление которой в значительной степени проходило в условиях критической полемики с нацистским прошлым»³⁶. Моральное преимущество, таким образом, вновь оказалось на стороне противников активного сравнительного анализа нацизма и большевизма.

Политические изменения в странах восточной Европы, «исчезновение» с политической карты не только ГДР, но и СССР поставили перед немецкими и российскими учёными новые задачи осмысления истории этих двух государств, и особенно ГДР, появившейся, как и «старая ФРГ», в результате краха национал-социализма. Открывающиеся архивы ГДР и СССР дают новые факты и материалы, ранее неизвестные, по советско-германским связям, по истории образования ГДР и т. п.

Новая волна интереса к теории тоталитаризма началась в Германии после крушения диктатуры в ГДР и объединения Германии, падения коммунизма в странах «народной демократии» и распада «большого» тоталитарного общества в СССР. В самих этих странах ранее отвергаемая модель тоталитаризма признаётся как «адекватное истории описание преодолённой системы господства». В России особенно остро разгораятся споры на эту тему, т. к. далеко не всеми разделяется теория тоталитаризма как основа для сравнительного анализа сталинизма и фашизма³⁷.

После объединения Германии в её общественных и политических кругах вновь вспыхнула дискуссия о сущности и проявлениях тоталитаризма в XX веке. Этому способствовали не только идеологические, политические и экономические задачи преодоления одномерного общества на Востоке Германии, но и расширение источниковедческой базы для изучения истории ГДР. Специальная комиссия бундестага, так называемая «Энтквете-

комиссион», с помощью немецких учёных в течение 1991–1995 годов приняла многотомное издание архивных документов «штази»³⁸, закрытых партийных материалов, свидетельских показаний жертв социалистического режима и др., которые более глубоко позволяли судить о сущности немецкого государства «народной демократии»³⁹.

Были проведены судебные процессы против руководителей восточногерманской госбезопасности. Политический горизонт и высшая школа были очищены от наиболее активных функционеров и идеологов бывшей ГДР. Подверглась чистке и историческая наука Восточной Германии, в результате чего её марксистское крыло значительно ослабело, если не исчезло. По мысли организаторов «очищения от тоталитарного прошлого» подобная активность была настоятельно необходимой. Она должна была ускорить восприятие идеалов либерально-демократического общества восточногерманским населением, облегчить им интеграцию в новые условия жизни и, в целом, способствовать обновлению этих идеалов в общественном сознании западногерманских немцев. В отличие от послевоенного состояния Германии, когда тон в антитоталитарном (антифашистском) обновлении задавали страны антигитлеровской коалиции, названные процессы были инициированы самими немцами, главным образом западногерманской общественностью.

Все эти процессы стимулировали в Германии новый интерес к теории тоталитаризма. Немаловажным обстоятельством явился и в чём-то уникальный исторический опыт этой страны, где её население в восточной части пережило две диктатуры: правого и левого толка.

В 1990-е годы в Германии наступило время издания новых и переиздания старых работ по тоталитаризму, выход в свет солидных комpendиумов по данной проблематике. В публицистике и историографии появляется термин «ренессанс теории тоталитаризма». В «новой» ФРГ широко и свободно ставится вопрос о необходимости сравнения тоталитарных диктатур XX столетия. Ведутся поиски причин их возникновения и функционирования, анализируются процессы взаимопритяжения и взаимоотталкивания между ними. Тоталитаризм стал предметом и научного анализа, и публицистических работ, темой конференций с широким участием немецких и зарубежных учёных, в т. ч. учёных бывших социалистических стран⁴⁰. Так, например, работа «Тоталитаризм. История идеи XX столетия» вышла по материалам конференции, проведённой в 1994 г. Гамбургским институтом социальных исследований⁴¹.

Как и многие комpendиумы, статьи в сборнике распределены по проблемам формирования и развития теории тоталитаризма. В них освещается вклад различных авторов в развитие идеи тоталитаризма как фено-

мена XX века: немецких эмигрантов, т. н. «ренегатов», американских теоретиков. В книге представлена и новаторская работа о категориях тоталитаризма у консервативных немецких идеологов Карла Шмитта и Рудольфа Хубера, которые, как известно, были идейными предшественниками национал-социализма. В книге идёт речь об общем и особенном в тоталитаризме и авторитаризме. В статьях ряда авторов освещается суть интеллектуальной дискуссии во Франции, которую вызвала опубликованная в 70-х гг. работа Солженицына «Архипелаг Гулаг», а также «ренессанс» теории тоталитаризма в работах некоторых известных немецких и французских авторов.

Для всех подобных компендиумов характерен довольно разнородный материал, хотя, конечно, он может являться отправной точкой для оценки значимости теории и для истории, и для сегодняшнего дня. Особенно это важно для Германии, пережившей два вида тоталитарной власти, и ввиду опасности её распространения (возможно, в новой форме) в других частях света.

Сейчас, в начале XXI века, многое говорит о наступлении времени для «историзации» самой теории тоталитаризма, сбросившей политические пути холодной войны. В Германии такая оценка была предпринята В. Випперманом. В своей книге «Теории тоталитаризма. Развитие дискуссии от начала до сегодняшнего дня» он показал зарождение дискуссии по тоталитаризму, дал анализ «классическим» теориям тоталитаризма, их критику и антикритику в исследованиях по коммунизму, национал-социализму и фашизму. Кроме того, в его работе представлены особенности дискуссий по тоталитаризму в некоторых странах и политических кругах⁴².

Сам Випперман, признавая некоторые достоинства теории тоталитаризма при анализе техники власти диктатур XX столетия, слабыми местами этой теории считает её неспособность объяснить, например в национал-социализме, – Холокост. Кстати, он считает этот факт не объяснимым и теорией фашизма Э. Нольте, с чем нельзя не согласиться⁴³. Весьма скептически он относится к попыткам ревностного сторонника теории тоталитаризма, историка, некогда принадлежавшего к левым кругам, Иммануэля Гайсса объяснять Холокост только «техникой индустриального массового убийства». «Освенцим не является простой технической или даже исторической проблемой, а представляет собой этическую проблему, потому что массовое убийство состоялось в стране, которая считала себя культурной и христианской», – пишет автор. Здесь же он сетует на то, что этические и религиозные вопросы в ходе «новой дискуссии вокруг старого феномена» отодвигаются так называемым тоталитаризмом на задний план⁴⁴.

В противоположность Випперману, Гайсс утверждает, что теория тоталитаризма доказала свою «непреходящую научную ценность». «Парадигма тоталитаризма, долго высмеиваемая как продукт холодной войны, окончательно показала себя вполне пригодной для сравнительного исторического анализа», – безоговорочно заявляет автор⁴⁵.

С последним его утверждением можно согласиться лишь в том случае, если избегать излишней увлечённости данной теорией, которая имела место в первой половине 1990-х гг. Иначе возникнет опасность схематизации в оценке различных типов диктатуры методами научного анализа, предлагаемых этой теорией.

В каком направлении движется сегодня дискуссия немецких историков и политологов по теме тоталитаризма и каков спектр её оценок?

Наряду с направлением сравнительного анализа тоталитарных диктатур в немецкой историографии и политологии формируется второе направление – анализ становления и развития самой теории тоталитаризма. Ведущим политологом в этой области является Экхард Йессе. Отправной точкой формирования теории тоталитаризма он считает 1939 г., когда проходил первый международный симпозиум по тоталитаризму. Тогда учёные фактически посчитали сравнение и даже уравнивание нацизма и сталинизма оправданным. Именно с этого времени термин «тоталитарный режим» вошёл в обиход применительно к Третьему рейху и СССР. В 40–50-е гг. кристаллизуется теория тоталитаризма в широко известных и признанных работах американских политологов Х. Арэнд и К. Фридриха. Последующие десятилетия – времена кризиса, а затем нового подъёма в разработке этой теории.

По мнению Йессе, 90-е годы XX столетия явились временем быстрого и повсеместного признания теории тоталитаризма. Здесь автор явно переоценил этот процесс, т. к. интерес к теории тоталитаризма в эти годы совсем не означал «повсеместного признания».

А вот со следующим утверждением Йессе трудно не согласиться. «Сложился, – пишет он, – своеобразный исторический парадокс: несмотря на почти полное исчезновение тоталитарных режимов, устойчивость (несущая способность) теории тоталитаризма повысилась»⁴⁶. Действительно, если бы теория тоталитаризма была бы порождена только состоянием холодной войны (как это зачастую утверждалось леволиберальной и марксистской историографией и публицистикой), то эта теория исчезла бы вместе с исчезновением противостояния двух систем. То, что она была взята на вооружение многими историками и политологами, означало присутствие в ней некоего генерализующего начала, способного дать толчок новому осмыслению фашизма, большевизма, коммунизма в различных ва-

риантах их проявления. В немецкой историографии началось широкое обсуждение возможностей и границ использования теории тоталитаризма для анализа диктатур XX столетия. В дискуссии приняли участие и те учёные, которые ранее относились к ней настороженно или отрицательно.

Сравнение тоталитарных диктатур ведётся в следующих направлениях: сравнение «больших» диктатур – сталинизма и нацизма; сравнение между собой правых диктатур – нацизма, фашизма, испанской фаланги и др.; сравнение между собой левых диктатур в бывших социалистических странах, а также распространившееся в последнее десятилетие в историографии и публицистике Германии сравнение нацистской диктатуры и диктатуры СЕПГ в Восточной Германии.

Какие результаты достигнуты в этой области и какие проблемы, по мнению немецких учёных, требуют дальнейшего исследования? Остановимся на некоторых наиболее интересных выводах.

Одним из ярких выступлений в области сравнения «больших диктатур» является статья Гайсса «Тоталитаризм нашего столетия. Коммунизм и национал-социализм в историко-политическом сравнении». В статье он выступает против непродуманного и упрощённого использования теории тоталитаризма. Теория имеет свои границы сравнения. По его мнению, в наибольшей степени применение концепции тоталитаризма оправдано при сравнении «больших тоталитаризмов и их вассалов». Сравнение «большого» и «малого» тоталитаризма, например, нацистской Германии и ГДР проблематично, т. к. слишком очевидны различия между ними⁴⁷. Поэтому основное внимание он сосредоточивает на характеристике черт общности и различия режимов Сталина и Гитлера.

Гайсс выделяет следующие черты общности:

- 1) социализм и антилиберализм;
- 2) иронию в отношении прав человека;
- 3) воспитание «нового человека».

При этом сталинский и гитлеровский режимы были враждебны друг другу, так как в основании их идеологических установок были положены разные принципы: интернационализм и классовость – в основание коммунизма (большевизма); национализм и расизм – в основу нацизма. Указывая на «коллораборационизм» коммунизма с нацизмом (сотрудничество коммунистов и нацистов в рейхстаге Веймарской республики, советско-германский пакт 1939 года и др.), автор считает его не более чем политической тактикой⁴⁸.

Автор статьи утверждает, что общность коммунизма и нацизма лежит в самом основании этих движений в результате «изначальной катастрофы XX столетия» – Первой мировой войны. Это утверждение автора

может быть применимо только ввиду близости времени прихода к власти большевиков (октябрь 1917 г.) и образования нацистской партии (январь 1919 г.) Гайсс, на наш взгляд, проходит мимо такого важного обстоятельства, как существенная одновременность складывания и формирования этих идеологий. Идеология коммунизма, как известно, сформировалась в середине XIX века, а большевизма – в начале XX. Национал-социализм же оформился как идеология к середине 1920-х гг. Таким образом, имела место не общность, а определённое «совпадение во времени» (на небольшом отрезке «совместного присутствия») большевизма и нацизма. Автор не учитывает и того факта, что к моменту появления нацизма, марксистская трактовка коммунизма претерпела существенную трансформацию на Западе, превратившись в реформистскую идеологию и «в чистом виде» сохранила приверженцев в значительно меньшей части рабочего движения.

Рассматривая проявления тоталитарного характера фашизма и коммунизма, Гайсс остаётся в рамках черт общности, подмеченных ещё «классиками» теории тоталитаризма:

- 1) невиданная сила государственного подавления;
- 2) использование принудительного труда;
- 3) депортация народов;
- 4) эстетика и культ фюрера.

Здесь, правда, мало особенного по сравнению с тираническими режимами прошлого. Усиление и расширение черт, присущих всякой тирании, связано с обстоятельствами развития индустриального века, «массового» общества.

Можно оспорить и утверждение Гайсса, что оба адепта тоталитаризма Сталин и Гитлер – «всплыли наверх в результате катастрофы Первой мировой войны»⁴⁹. В этом смысле представляется более верным утверждение К.-Д. Брахера: война, как катализатор политической карьеры Гитлера, сыграла такую же роль в большей мере по отношению к Ленину, чем к Сталину. Верно и суждение английского историка А. Буллока относительно Гитлера и Сталина: «Исключительность этих людей состояла в умении использовать свои таланты – ораторский у Гитлера и организаторский вкупе с аппаратным у Сталина – для руководства партией. И это, в свою очередь, стало средством достижения единоличной, никем не оспариваемой власти»⁵⁰.

Публицистически звучит утверждение Гайсса о том, что оба тоталитаризма «представляют себя светом, который борется с тьмой другого – противоположного движения» и что «эта борьба стоит в центре пропаганды, идеологии и реально-политической деятельности коммунизма и на-

цизма»⁵¹. На этом утверждении явно лежит отблеск концепции Нольте о «европейской гражданской войне между нацизмом и большевизмом». Это явное преувеличение, так как и нацизм, и большевизм в не меньшей степени уделяли внимание борьбе с идеями либерального общества. Работа немецких коммунистов в 20-е годы больше направлялась против либерализма, чем против фашизма, а в годы господства нацизма вообще провалилась. Позднее в советской публицистике и историографии неоднократно указывалось на недооценку со стороны коммунистов борьбы с фашизмом⁵². Подобно правым консервативным силам Германии, коммунисты (так же как и большевики) хотели использовать нацизм в своих интересах и заставить играть по своим правилам.

И. Гайсс выделяет и черты различия между нацизмом и большевизмом. К ним относятся расовая идеология нацизма и классовая – коммунистов. Коммунисты апеллировали к пролетариату, а нацисты – преимущественно к «маленькому человеку». Антисемитизм у нацистов носит открытый характер, а у большевиков – скрытый. Самым существенным различием, по мнению автора, стала длительность существования обоих режимов. Большевизм просуществовал значительно дольше – и не только потому, что победил нацизм в войне. И. Гайсс считает, что наряду с другими факторами более длительному существованию коммунизма способствовали усвоенные им идеи европейского гуманизма. «Гуманистическое ядро в коммунизме помогло преодолеть сталинизм, и оказаться способным к реформам. Трудно представить себе реформирование нацизма на гуманистической основе»⁵³, – пишет автор.

В статьях и выступлениях авторитетного немецкого учёного Г. Моммзена видно стремление этого историка удержать учёных от эйфории в отношении теории тоталитаризма. Напоминая о «споре историков» 80-х гг., он пишет, что «в тогдашней ситуации «спор» и связанная с ним антисоветская истерия имели функцию поддержки тех, кто желал возвращения к временам холодной войны»... «После крушения коммунистических режимов поляризация теряет своё значение, но в немецкой общественности ни в коем случае не исчезают остатки прежнего антикоммунистического психоза», – замечает историк⁵⁴.

В этих условиях, по мнению автора, велика сила эмоционального воздействия на научное исследование тоталитарных режимов, велика опасность, не только их сравнивать, но и уравнивать. Эти выводы Г. Моммзена небезосновательны. В ходе исторических дебатов по тоталитаризму как-то на задний план отодвинулась точка зрения многих немецких историков предыдущего периода о демагогическом характере «национального социализма». Значительная часть из них сегодня без всяких оговорок признают не-

мецкий фашизм одним из видов социализма. Это говорит об усилении консервативного влияния на историографию и политологию нацизма.

Отмечая тенденции развития сегодняшней дискуссии по тоталитаризму, Моммзен справедливо, на наш взгляд, констатировал, что на первое место вышло сравнение гитлеровской и сталинской диктатуры, а сравнение различных видов фашизма совершенно отошло в сторону⁵⁵.

Выявляя общие черты нацизма и коммунизма как тоталитарных режимов, немецкие учёные анализируют и различия между ними. В этой связи указывается на временные, структурные и национально-исторические особенности, а именно:

- 1) разные социально-экономические условия и историческое развитие России и Германии к моменту прихода к власти в этих странах большевиков и нацистов;
- 2) отношение тех и других к европейским и отечественным ценностям;
- 3) пути прихода к власти и окончания её;
- 4) особенности тактики и др.

Г. Моммзен высказался резко против тенденции последних лет рассматривать режим СЕПГ в ГДР как «продолжение» Третьего рейха. Как образно пишет он: «Режим СЕПГ оставил после себя горы бумаг, а нацистский – горы трупов»⁵⁶. Похожие упрощения, по его мнению, наблюдаются и в историографии государств, образовавшихся на месте бывшего СССР, где едва ли не на одну доску ставятся Гитлер и Сталин. При этом режим последнего представляется худшим, чем режим Гитлера⁵⁷. Такие оценки – следствие эмоционального подхода к событиям, связанным с крушением коммунистических режимов. Следует отметить, что сам Моммзен в своих работах избегает сравнений нацизма с коммунизмом в целом, а ведёт речь о связке «нацизм – сталинизм».

Сравнивая гитлеровский и сталинский тоталитаризм во время войны 1941–1945 гг., Моммзен обращает внимание на то, что военные поражения способствовали внутренней дестабилизации нацистского режима. Причина, по его мнению, была в том, что нацистский режим использовал старые государственные структуры и менталитет и не заменил новыми структурами – в отличие от режима коммунистического. То обстоятельство, что во время войны сталинский режим сумел мобилизовать патриотические чувства населения, связанные с вероломством нападения нацистской Германии, и обратиться к историческим традициям защиты отечества свидетельствует, по мнению Моммзена, о большей дальновидности сталинской политики не только в сравнении с политикой Гитлера, но и его предшественников.

Будучи историком, а не политологом, Г. Моммзен более глубоко увязывает теорию тоталитаризма с анализом конкретных сторон истории и историографии сталинизма и фашизма. Заслуживает внимания указание Моммзена на то, что совершенно разным в этих системах было положение правящих партий: разветвлённая бюрократия ВКП(б) – КПСС и сравнительно слабо организованная, с номинальным членством – НСДАП.

Возражая некоторым историкам ФРГ, акцентирующим модернизаторский аспект нацистского режима, Моммзен указывает на то, что «оба тоталитарных режима проявили свои указанные тенденции в довольно узком пространстве и показали неспособность длительное время воспринимать инновационные импульсы». В обоих режимах «просматривается линия использования первоначальных модернизационных импульсов в пользу обращённых вспять методов обеспечения власти» как в «старом» нацистском рейхе, так и в «новых» землях оккупированной Европы»⁵⁸.

В чём видят немецкие авторы причины эволюции коммунистических режимов, и в частности Советского Союза, в сторону либерализации режима? Вот некоторые моменты:

- 1) гуманистическое ядро коммунистической идеологии (правда, «всё более погружавшееся в туманность» – Г. Моммзен);
- 2) провозглашаемый программой принцип коллективного руководства (при сохранении сакральности фигуры вождя);
- 3) внутренняя рациональность, присущая коммунистической идеологии и системе;
- 4) историческая преемственность индустриализации с тенденциями экономического развития позднего царизма;
- 5) более глубокое идеологически-ментальное влияние ленинизма-сталинизма на советский народ.

Всего этого не было в нацизме. Его идеология была, по мнению большинства учёных, деструктивна и химерична.

Немецкие историки (Э. Йессе и др.) ставят вопрос о необходимости более широкого исследования внутренней жизни коммунистических государств ради более глубокого изучения взаимовлияния тоталитарных систем, движений и идеологий. По их мнению, сравнительный анализ тоталитарных режимов может дать очень хороший результат в случае анализа эмпирического материала истории большевизма и нацизма. Сферой сравнительного анализа может стать социальная политика, гендерные отношения, сфера культуры и др. Одновременно это является хорошим полем взаимодействия немецких и российских авторов для создания общей картины истории двух больших тоталитарных режимов, окончательных выводов относительно их исторического места.

Политическая активность в этом направлении привела к оживлению дебатов в сфере исторического познания причин возникновения, форм проявления и методов преодоления тоталитарного прошлого. На этой волне вновь возрос интерес к теории тоталитаризма как методологического инструмента познания исторического прошлого. Крупные немецкие историки и политологи К.-Д. Брахер и Э. Нольте недвусмысленно дали понять, что теория тоталитаризма выдержала проверку временем, хотя их отношение к ней было на протяжении длительного времени весьма неоднозначно.

Несмотря на почти повсеместные признания режима в ГДР тоталитарным, в Германии остаётся немало критиков методологических основ самой теории. Так Г. Моммзен призывает коллег с осторожностью относиться к схемам, предлагаемым данной теорией. Он пишет, что за этими схемами можно не увидеть внутренних антагонизмов режимов, допустить упрощённый подход к оценке взаимоотношений между партией, властью и обществом. Политолог Б. Фауленбах призывал не забывать того обстоятельства, что в ГДР не было массовых репрессий, что является характерной чертой тоталитарных режимов.

В политологии и историографии «старой» ФРГ всегда существовали тенденции сравнивать общество ГДР с обществом Третьего рейха. Однако они носили в целом подспудный характер и не шли дальше рамок идеологических постулатов «холодной войны» и характеристик того, что взамен нацистской диктатуры восточные немцы получили новую, «социалистическую» диктатуру, мало чем отличающуюся от старой нацистской диктатуры. Только после объединения эти сравнения получают не только более широкое идейное обоснование, но и организационную основу в лице исследовательского института им. Ханны Аренд в Дрездене. Он и был создан с целью сравнения двух германских диктатур. Значительно расширилось и поле обсуждений, которое вышло за рамки сравнительного анализа этих двух периодов и позволяет ставить проблемы сравнения различных фаз новейшей германской истории⁵⁹.

В ходе дискуссии видно стремление авторов к дифференцированному подходу при сравнительной характеристике нацистской диктатуры и диктатуры СЕПГ⁶⁰. Однако есть сторонники и более радикального взгляда – рассматривать нацистский период и диктатуру «народной демократии» как единую фазу истории Германии. Граждане ГДР почти 60 лет непрерывно прожили в условиях диктатуры, – считают они. Учёные, в этой связи, задаются вопросом: каким образом можно сравнивать эти диктатуры – как совершенно отдельные периоды или как эволюцию внутри одной фазы развития истории Германии? Может сравнивать эти режимы вообще нельзя? – спрашивают другие.

Сравнение режимов подкрепляются историческими обоснованиями:

- 1) принципом континуитета (60 лет диктатуры);
- 2) негативной классификацией (неправовое государство);
- 3) аналогиями, при признании различий между обеими системами.

Сторонники единой фазы исторического развития Восточной Германии 1933–1990 гг. приводят следующие аргументы: оба режима были, прежде всего, режимами «неправового государства». Юстиция обоих государств – Третьего рейха и ГДР – базировалась на «отрицании права иметь чуждые её законам мировоззренческие оценочные представления». «Штази» уподоблялась гестапо, некоторые судебные процессы против диссидентов напоминали гестаповские процессы; штурмы берлинской стены с целью побега из ГДР напоминали сцены штурма заключёнными проволочного ограждения КЦ и заканчивались одинаково – смертью⁶¹.

Но не все историки принимают такие сравнения. С этой точки зрения представляет интерес статья историка права Х. Ротлэйтнера, который заметил иронично, что, конечно, можно сравнивать яблоки с грушами, но вскоре обнаружится, что они разные. И про них можно будет сказать, что они «несравнимы». Некоторые историки так и говорят. «Прямое сравнение Третьего рейха с ГДР является ужасным обеднением истории. Третий рейх оставил после себя горы трупов. Режим ГДР – горы карточек из карточек». ГДР, таким образом, напоминает бумажного тигра, что тоже, по мнению Ротлэйтнера, является недооценкой ужасных событий в истории ГДР⁶².

Историк выделил следующие важные черты советской зоны оккупации, а потом и ГДР:

- а) «принуждение быть счастливым»; при этом обещаемое счастье никак не соотносится с применяемым принуждением;
- б) всё более усиливающаяся потребность в контроле над личностью и обществом;
- в) большая степень готовности к ограничению и даже к уничтожению всех сомневающихся и колеблющихся в мировоззренческих задачах, эта готовность выходит за рамки «воспитательной диктатуры»⁶³. Ротлэйтнер считает такую интерпретацию тоталитарного общества неудовлетворительной.

Режим нацизма должен оцениваться по-другому. С самого начала он являлся террористическим и преступным: осуществил в крайне жёстких формах подавление более широкого круга «чужаков и врагов», причём за очень короткий срок.

Кроме того, сравнение должно охватывать не только советскую зону оккупации (СБС) – ГДР и национал-социализм. Ситуация в ГДР должна

рассматриваться при учёте политической ситуации. Национал-социализм существовал совершенно в других международных условиях, чем ГДР. В частности, следует принимать во внимание состояние «холодной войны» в западной и восточной зонах Германии. Некоторые историки считают ценными учёт и даже сравнение политических судебных процессов 50–60-х гг. и в ГДР, и в ФРГ. И такое мнение не безосновательно.

Простая классификация правового и неправового режима ограничивает возможности исторических оценок. Она также сужает возможности поиска разграничительной линии для современной ориентировки недостатка права. Сравнение должно быть так обосновано, чтобы учитывать иерархию различных систем. Наконец, должны быть чётко обозначены *различные измерения сравнения*⁶⁴.

Все эти рассуждения имеют пока что характер выбора направлений сравнительного анализа тоталитарных режимов НСДАП и СЕПГ, поисков методологического инструментария для такого сравнения.

Ротлётнер предлагает сравнить по тоталитарным параметрам «народное сообщество» нацистского государства и общества «народной демократии» ГДР. Поскольку архивы восточного блока стали доступны, он считает возможным перепроверить функциональные механизмы государственных структур того и другого режима. «Прошло время исследования только фасада, и должны быть намечены направления более углублённого сравнительного анализа», – пишет автор⁶⁵.

Основываясь на вышедшей литературе по этой теме, Ротлётнер пришёл к выводу, что историки к этому времени выявили следующие объединяющие черты немецкого тоталитаризма правого и левого вариантов:

1) Политические системы нацизма и ГДР показали огромную концентрацию властной силы. Многопартийная система либо устранялась совсем, либо смешивалась в «блок». Здесь представляется важным исследование отношений СЕПГ с «дружественными» партиями. В научном плане было бы полезно исследовать «единение» народа в нацистской Германии после завершения в 1934 г. процесса унификации власти и централизованное, трёхступенчатое построение такого единения в ГДР после 1952 г.

2) Подчинение *«государственного аппарата» «партийному аппарату»*. Исследователи считают, что в этом пункте можно сравнивать закон от 1 декабря 1933 г. о «Единстве партии и государства» и положение конституции ГДР 1968 г. о «руководящей роли партии рабочего класса (СЕПГ)». Констатируется, что позиции СЕПГ были значительно сильнее в структурном плане, чем позиции НСДАП. Совет министров ГДР выполнял решения Политбюро начиная с 1961 года. При этом управление госу-

дарством в условиях нацистского режима было более-менее традиционным. Использовались традиционные государственные механизмы.

3) *Общественный плюрализм был устранён*. При нацизме это осуществлялось под лозунгом провозглашения идеи «народного сообщества», а в ГДР – «социалистического общества». Авторы утверждают, что в обоих случаях принудительным образом учреждалась некая *гомогенность* общества. Она была закреплена и в правовом отношении. Стремление к созданию гомогенного общества породило и относительно похожие формы мобилизации масс, их одобрения власти. Очень похожими друг на друга были действия режимов в обращении с молодёжью, их апелляция к ней, представление своей власти как молодой, устремлённой в будущее. Существовал и рано проявился своеобразный «культ юности». И в связи с этим, как полагают авторы, следует изучать все дочерние организации СЕПГ – СНМ⁶⁶, «Национальный фронт» и другие культурные и профессиональные организации⁶⁷. Автор ставит задачу достижения такого уровня изученности этих вопросов, какой уже существует в отношении нацистской диктатуры.

4) В обеих системах: нацистской диктатуры и диктатуры СЕПГ существовала *тайная полиция*.

По утверждению Ротлётнера, в ближайшее время именно в этой области исследования от немецких историков ожидают дифференцированных данных относительно персонала тайной полиции, её взаимодействия с населением, формы санкций и т. п. Всё это – в связи с работой специальной комиссии бундестага и открытием архивов правовой системы и системы безопасности ГДР⁶⁸.

5) Одновременно большинством историков признаётся, что обе системы служили *официальному утверждению* идеологий, которые внутренне, тем не менее, были разными. На одной стороне – диффузное народно-расовое учение, включая «фюрер-принцип». На другой – универсальная историософская коммунистическая концепция, которой присущ рационализм («научный социализм»). Правда, некоторые учёные замечают с иронией, что этот рационализм пришёл в упадок «в головах верхушки партии, объявившей самоё себя авангардом»⁶⁹.

6) Радикальность образа врага в обоих мировоззрениях (всё чуждое народу или классу) можно было бы определить только при сравнении действительной практики борьбы с «другими» элементами.

7) Кроме этого есть еще существенные различия: 12 лет существования нацистского режима и 40 лет – социалистической ГДР. Те, кто проводят прямую линию между ними, по мнению учёных, не учитывают различия стадий в развитии ГДР. В этой стране вообще имела место реализация

совершенно новой конструкции государства и некапиталистического общества. При этом СССР предлагал только ограниченную ориентацию.

8) СБС–ГДР существовала благодаря поддержке Советского Союза, в то время как нацизм опирался на значительную лояльность масс почти до самого конца войны (благодаря эффективному и массовому исключению врагов системы и материальному обеспечению населения).

Предлагаемые историками модели исследования можно углублять. Следует признать, что можно и нужно сравнивать отдельные аспекты политики обоих государств. Но при этом следует помнить о коренных различиях в идеологических и практических установках разных диктатур. Например, управление экономикой было разным, другим было государственное право в той и другой немецкой диктатуре и др. Очевидно, что исследования в этом направлении являются делом последующих лет, а может даже и нового поколения историков, выросших уже в условиях единой Германии.

Спектр дискуссий вокруг теории тоталитаризма в немецкой историографии 1990-х гг. оказался достаточно широким. Историки демократического толка – Л. Эльм, К. Х. Рот, У.-Й. Хойер и др. не принимают эту теорию как метод сравнения фашизма и коммунизма, считая, что её применение ведёт к полной ревизии сложившейся исторической оценки фашизма⁷⁰. Историки консервативной ориентации, напротив, считают её единственно верным инструментом познания диктатур XX века (Брахер, Нольге, Гайсс). Либеральные авторы – Моммзен, Випперман, Фауленбах и др. (пожалуй, их – большинство) занимают некую среднюю позицию, допускающую возможность методического использования этой теории в определённых пределах.

Глубокий сравнительный анализ европейских диктатур невозможен без интернационального сотрудничества историков, в том числе – немецко-российских. Во второй половине 90-х гг. в рамках проекта «Образованные слои общества в условиях тоталитарных диктатур. Сравнение между нацистской Германией и Советской Россией при Сталине» (эта тема является, в свою очередь, частью программы «Диктатуры в Европе» фонда Фольксваген) состоялись встречи историков двух стран. Результатом конференций явилось издание докладов и статей российских и немецких авторов под названием «В джунглях власти. Интеллектуальные профессии при Сталине и Гитлере»⁷¹. В книге показана техника власти по завоеванию, порабощению интеллектуальной жизни и контролю над ней со стороны тоталитарных диктатур. Кроме того, рассматриваются формы сопротивления власти, а также приспособления к ней или самостоятельной мобилизации учёных, инженеров и техников, представителей искусства для

выполнения целей, поставленных руководством Германии и Советского Союза⁷².

Немецкая дискуссия по тоталитаризму, несмотря на спорность многих высказываний и политизацию, представляется, на наш взгляд, очень важным и новым элементом в познании прошлого. Она показала необходимость более глубокого осмысления проблемы: каким образом в недрах общества рождаются предпосылки для левых и правых диктатур. Сравнение тоталитарных систем даёт возможность лучше осмыслить причины их появления в XX веке, пути исчезновения европейского тоталитаризма и преодоления его последствий.

Эмпирический материал позволяет уточнить общее и особенное во взаимоотношениях общества и власти в условиях противоположных по целям, но похожих по технике исполнения диктатур. Таким образом, историки пытаются осмысливать проблемы на конкретно-историческом материале. Из всего того, что уже сделано в области сравнительного анализа национал-социализма и большевизма и с чем удалось познакомиться автору настоящей работы, вырисовывается более жёсткий облик в довоенный период сталинского режима по сравнению с гитлеровским периодом правления. Становится понятным, почему многие историки ФРГ либерально-демократического толка противятся такого рода сравнениям, видя в этом опасность для антифашистского консенсуса, сложившегося в немецком обществе.

2.2. Национал-социализм как модернизация

В новейшей историографии национал-социализма развернулась также дискуссия о модернизаторских аспектах нацизма. Собственно, она не прекращалась, но проходила волнами. Очередная волна пришлась на первую половину 1990-х годов. Поводом послужила идея «историзации» нацизма с целью найти какие-то связующие линии в германской истории, вписывающие в неё и период национал-социализма. И если раньше эта связующая линия превалировала в области реакционной, империалистической идеологии кайзеровских времён, идей «консервативной революции» Веймарского периода, то сейчас задачей стали поиски исторической связи нацистского периода с историей ФРГ, чтобы не писать её историю как «историю чужого народа» (М. Брошат). Следовало ответить на вопрос, за что немцы «любили» Гитлера, поддерживали его режим.

После войны Германская Демократическая Республика (ГДР) утверждалась как государство революционных и антифашистских немецких традиций, в котором выкорчеваны корни фашизма в лице германского

империализма. Она отрицала какой-либо (кроме антифашизма) континуитет с нацистским государством. Восточногерманская историография сравнительно мало изучала внутреннюю политику нацистского режима, особенно мирного времени, за исключением террористического и пропагандистского аппарата. Социальные мероприятия германских фашистов находились практически вне поля её зрения, а слабое сопротивление немецкого общества нацистскому режиму упрощённо объяснялось только террором и пропагандистским оболваниванием масс⁷³.

В Федеративной Республике Германии при осуждении террористического характера и преступлений нацизма сохранялись некоторые исторические связи с предвоенной и военной Германией. На это указывали формы собственности, частичная преемственность правящего слоя, осуществление части программ, начатых нацистами в области социальной политики, науки и культуры (самый известный – создание «народного автомобиля» – «Фольксваген»). Это показывало, что кроме геноцида, террора и преступлений нацистский режим содержал и некоторые позитивные тенденции развития германского общества, которые возможно было «продлить», «обновить» в условиях либеральной западногерманской системы⁷⁴.

Взгляд, в этой связи, историков, социологов и других учёных оказался на какое-то время прикован к социальной и культурной политике нацистов, «глянцевым» сторонам нацистского режима, о которых свидетельствовали многие его современники. Вопрос о модернизаторском воздействии нацизма стал одним из элементов анализа нацистской диктатуры.

Одни заголовки книг и статей первой половины 90-х гг. свидетельствует о высокой степени интереса к этой теме: «Диалектика порядка. Модерн и Холокост»; «Разрыв и континуитет. Материалы дебатов по модернизации в период национал-социализма»; «...В определённом смысле Роберт Лей был немецким Уильямом Бевериджем»; «К дискуссии о модернизаторских элементах в национал-социалистической социальной политике»; «Национал-социалистический Модерн. Расово-идеологическая модернизация через отрыв и разрушение общественной периферии»; «Традиции и модернизм в национал-социализме»; «Национал-социалистический технический дискурс: Немецкие свойства реакционного модернизма» и т. п.⁷⁵ Новой волне дискуссии способствовал Райнерт Цительман («молодой консерватор», как его именуют в немецкой историографии) своей книгой: «Гитлер. Самосознание революционера»⁷⁶.

С момента своего появления в 1919 году на политической арене национал-социализм проявил себя как антимодернистское (регрессивное) движение. Такая оценка давалась ему в Веймарской республике, как либера-

лами, так и марксистами. Она проистекала из понимания этими политическими силами, что такое прогресс. Либералы трактовали его как неуклонное движение общества по пути демократии, политического плюрализма и свободного рынка. Марксисты – как путь к социалистическому обществу через пролетарскую революцию, обобществление собственности и плановую экономику. «Зрелость» общества в достижении тех целей, которые исповедовали либералы или коммунисты, была показателем «современности» (модерна). С их точки зрения оценки фашизма как крайне реакционного течения справедливы, сохраняют значение до сегодняшнего дня и могут быть применимы к неофашизму и неонацизму. Марксистская историография считала фашизм наиболее реакционным течением ещё и потому, что он объявил себя радикальнейшим врагом марксизма⁷⁷.

Влиятельным антимодернистским течением в Германии в 10–20-е гг. XX века были так называемые «младоконсерваторы», чьи идеи «консервативной революции» послужили «духовным каркасом для «барабанщика нации» (Гитлера)⁷⁸. Марксистская интерпретация фашизма всегда отвергала понятие «революция» применительно к консерватизму, а тем более – к фашизму, считая, что сама по себе консервативная идеология снимает вопрос о возможности общественного прогресса.

Длительное время только западная историография активно занималась разработкой проблематики «консервативной революции», в рамки которой вписывалась «коричневая революция» Гитлера и трактовала её как антимодернистскую идеологию и власть. Крайняя точка зрения на этот счёт принадлежит американскому историку Тарнеру и заключается в том, что нацисты хотели «деиндустриализации» Германии и намеревались сделать страну аграрной, вернуть её к эпохе крестьянской войны⁷⁹. Конечно, этот тезис очень заострён, хотя и опирается на некоторые положения «Майн кампф» Гитлера. Более «мягкая» оценка проблем соотношения реакционности и «модернизма» в нацизме была выражена американским социологом Ральфом Дарендорфом. Её суть: нацистское движение было консервативным, но против собственной воли разрушало традиционные структуры⁸⁰.

Сам термин «модернизация» оформился как теоретическое понятие в 60-е гг. XX века, и он исходил от социологов США. Первоначально это понятие использовалось для описания процессов, которые получили развитие в XX веке в «третьем мире» в результате восприятия индустриальной, западной цивилизации. Постепенно границы этого понятия расширились: оно стало ключевым для понимания глобальной истории. В широком контексте модернизация означает переход от традиционного общества (средневекового, феодального) к обществу нового времени (капита-

листическому). В более узком смысле модернизация понимается и как единственный в своем роде процесс, означавший невиданно быстрый экономический, социальный, культурный, политический подъём, который обозначился в мировом сообществе со времени революций конца XVIII века (американской и французской). Вначале модернизация развернулась как индустриальная и демократическая революция в европейско-атлантическом регионе, а затем и по всему миру⁸¹. Модернизация – широкое понятие. Оно включает в себя области техники и политики, науки и социальной сферы, религии и культуры.

Существует и справедливая критика понятия модернизации: так, действительно, подчас трудно обнаружить грань между традицией и современностью; сам конгломерат предметов, составляющих «модернизацию», широк, пёстр и взаимодействует достаточно хаотично. В действительности история состоит из смеси традиции и современности. Известный историк и политолог Томас Ниппердей писал, что «мир традиции не всегда статичен, а мир современности (модерна) не всегда динамичен»⁸². Кратко рассмотрим влияние процесса модернизации на Германию, опираясь, главным образом, на выводы этого учёного.

В последней трети XIX века, когда в Германии началась быстрая индустриализация и модернизация, в стране не оказалось политической силы, которая смогла бы перекинуть мостик между традицией и современностью, а именно – сильной либеральной тенденции. Во Франции таким мостиком была республиканско-демократическая идея, ведущая своё начало с 1789 г., а в Англии – британская вера в реформы и эволюцию в рамках христианско-гуманистической традиции. О причинах преобладания консервативной тенденции в Германии XIX – начала XX века написано очень много, особенно в связи с развитием в конце XIX века германского империализма. Практически все авторы, пишущие о нацизме (и это – справедливо) считают, что реакционно-консервативная идеология прусского милитаризма и германского империализма питала национал-социалистическую идеологию и внешнеполитическую экспансию⁸³.

Применительно к Германии XX века не только Ниппердей, но и другие авторы отмечали как особенности её развития – «запоздалость» и «кризисные формы» процесса модернизации. Модернистский поворот в экономической и социальной областях вступил в противоречие с традиционными представлениями и примерами поведения. «Требованиям сильного современного мира, которым в Германии оказались наука, бюрократия, индустрия, капитализм оказались противопоставлены такие институты как школа, армия, семья, остававшиеся традиционными», – пишет Ниппердей⁸⁴. Следствиями этого стали неопределённость статуса людей, агрес-

сивность, повышенные эмоции и аффективное поведение. Трудно стало ощущать себя в мире, как дома. И это особенно было характерно для Германии, где процесс модернизации в середине 20-х гг. набрал достаточно быстрые темпы, а затем в связи кризисом конца 20-х – начала 30-х гг. принял особо острые формы. Старые гарантии общества были быстро разрушены и не были заменены новыми.

В Германии идеи модернизма и традиции оказались сосредоточенными на двух полюсах: социал-демократическом и консервативном. Именно поэтому, хотя кризис модернизма проявлялся везде, в Германии он оказался наиболее острым и специфическим. Кроме Т. Ниппердея ряд других крупных политологов и историков (Р. Дарендорф, Д. Пойкерт и др.) считают, что феномен национал-социализма и фашизма лучше объясняется «теорией кризиса модернизации», чем «теорией капиталистических кризисов». Поддерживая эту точку зрения, Ниппердей в этой связи обращает внимание на тот факт, что фашистские движения и партии находили поддержку прежде всего среди «предкапиталистических, нежели капиталистических кругов»⁸⁵.

Каким образом немецкие учёные интерпретируют фашизм с точки зрения теории модернизации? Здесь надо отметить следующие моменты.

Подавляющая часть историков считает фашизм, по своей сути, антимодернистским движением. Действительно, в «наци-фашистской» (Н. П. Комолова) идеологии много критики модернизаторских сторон общественного и культурного развития. Ею проникнуты книги всех «теоретиков» нацизма, включая самую главную работу – Адольфа Гитлера «Майн кампф». По мнению фашистов, модернизм разрушает общество, его повседневную уверенность в будущем, в завтрашнем дне, а также единство взглядов на окружающий мир как важнейший признак сплочённости. Модернизм, по мнению Гитлера, нарушает веру людей в авторитет как главную опору чувства доверия, а также культуру, как духовное отражение совместного сосуществования людей.

Нацисты считали «носителей» модернизации (социалистов, демократов, капиталистов, просветителей, а в расовом отношении – евреев) своими противниками. Противопоставление им своего видения общественных проблем проводилось нацистами по всем указанным позициям. Оно видно уже в программе НСДАП «25 пунктов». Обществу в либеральном смысле противопоставляется идея «народного сообщества»; интернациональной идее гражданства – теория расовой исключительности; рационализму – инстинкт «крови и почвы». Идеализация деревни, критика большого города – всё это тоже было в арсенале нацистов. Нацисты подвергли критике модернистское искусство, авангардную литературу, выступа-

ли против эмансипации женщин, настороженно относились к таким новым наукам, как, например, психология и социология⁸⁶.

Их критика современного общества во многом пересекалась с критикой идеологов «консервативной революции». Однако при этом она была более радикальной, чем у консерваторов. Речь шла о тотальном повороте назад, к традиции архаической, «предисторической». Об этом свидетельствовали призывы к войне и силе древности, к расовому очищению и завоеванию жизненного пространства, к превращению человека в воина и крестьянина, к защите не столько исторически сложившейся нации, сколько биологической расы. Антимодернизм нацистов был не традиционным, а радикальным, «революционным».

Не ставя под сомнение антимодернистскую направленность фашистской идеологии, учёные в то же время указывали на вполне модернистские средства и стиль движения. «Парадоксальным образом, фашизм был одновременно в своём стиле, в выборе средств, по своему воздействию сверхсовременным (гипермодернистским) движением. Движением современности», – пишет Ниппердей⁸⁷.

Жизненность, молодость, активность – всё это было действительно характерно для стиля нацистов. На «современном» уровне находилась организация, техника, продуктивность. После прихода нацистов к власти казалось, что всё архаичное и антимодернизаторское, что существовало в нацистской идеологии, было отброшено. Действительно, многие историки констатировали «модернизаторское» воздействие режима в социальной области: Германия после 1933 года оказалась не деревенской, а ещё более городской; меньше стало самостоятельных хозяйств; больше стало работать женщин; были ликвидированы или ослаблены институты и силы немецкой традиции: федерализм, юстиция, университеты, церковь⁸⁸.

Активное изучение немецкими авторами внутренней и социальной политики нацистов показывает, что их деятельность в этой области нельзя обозначать только как регресс. Социальная мобильность стала выше. Практика будней немцев, строительство «народного автомобиля», массовый туризм, новые возможности карьеры для «друзей народа» (фольксгеноссе) в партии и вермахте, огосударствлённая молодёжь – всё это порождало новое сознание, убеждённость в выравнивании шансов, которые реально изменили социальную структуру общества. «Это была «коричневая революция» против буржуазии... своего рода якобинство, которое нельзя интерпретировать только как маскарад», – пишет Ниппердей⁸⁹.

Для характеристики сочетания антимодернистских целей нацизма и модернистских способов, Ниппердей употребляет формулу, которая сегодня варьируется различными учёными. Он пишет, что «радикально ан-

тимодернистские цели потребовали средств, радикальнейшим и современнейшим способом освобожденных от традиционных препятствий». «Антимодернистской революции целей отвечала модернистская революция средств»⁹⁰.

В центре дебатов, таким образом, оказался вопрос о том, **стимулировал ли** – вольно или невольно – нацизм, несмотря на свою ярко выраженную антимодернистскую идеологию, «модернистскую революцию», **или нацизм можно, как и прежде, называть** «социальной реакцией»?

Во многом соглашаясь с установками автора, всё же мы не можем пройти мимо преувеличения модернистских элементов в средствах осуществления целей. Более того, сами средства, использовавшиеся нацистами, отбрасывали общество не просто назад, но прямо в варварство.

Эти далеко не современные средства осуществления нацистских целей определяются:

- 1) способами ведения войны;
- 2) формами эксплуатации военнопленных;
- 3) обращением с гражданским населением: увод его, как в древние времена, в полон;
- 4) формированием на оккупированной восточной территории полуфеодалных отношений.

Далее Ниппердей пишет, что тремя факторами можно объяснить успех Гитлера: антимодернизмом целей, антитрадиционалистской крайностью, и парадоксальным модернизмом средств. «Национал-социализм, – пишет он, – был ответом на фундаментальное отклонение от модернизма»⁹¹.

Конечно, только этим отрицанием современности нельзя объяснить успех нацизма в Германии. Сюда ещё прибавлялся «кризис Веймара», «национальный кризис постимпериалистического общества», экономический и политический кризисы, а также «эпохальные обстоятельства» – востойствии Первой мировой войны, угроза коммунистической революции, трудности либеральной демократии.

Тема модернизации была вновь поднята М. Брошатом, но он рассматривал её под другим углом зрения. В своих «размышлениях об историзации» он выставил «крамольный» тезис, что социальное планирование в рамках «Трудового фронта» в нацистской Германии в определённом смысле можно рассматривать вне зависимости от особенностей идеологии нацизма. Метод историзации, согласно Брошату, позволяет считать эту деятельность **звеном** в цепи развития механизма социального обеспечения, запущенного задолго до нацистского режима и вошедшего в дело современной социальной заботы в ФРГ. Кроме того, в деятельности, например, нацист-

ского псевдопрофсоюза «Трудовой фронт» обнаруживаются также параллели и схожие устремления, например, с британским обществом социального обеспечения «Беверидж-план», которое действовало в совершенно другой политической системе. Социальная политика нацизма показывает, что при всей реакционности идеологии, нацизм, чтобы выстоять и иметь авторитет не мог игнорировать процесс социального развития, как в своей стране, так и за рубежом⁹².

Феномен нацизма можно лучше понять, если его встроить в континуум немецкого развития и при анализе рассматривать не только его злые деяния, как это делалось всегда раньше, но обратить внимание на лежащую в его основе общественную «нормальность»⁹³. Термин «нормальный» в применении к нацистскому режиму вызвал, естественно, бурю негодования со стороны либерально-демократических авторов⁹⁴.

Тезис о «нормализации» изучения нацизма был подхвачен рядом учёных (преимущественно, нового поколения), чтобы, исходя из тезиса «историзации», вновь исследовать с разных сторон связующие линии между нацизмом и модернизацией после 1945 года. Меньшинство из них высказало суждения о модернизаторском потенциале нацизма, совершенно отличные от более ранних мнений. Суть их его состояла в том, что нацистское руководство будто бы не случайно способствовало модернизации, но **было изначально привержено ему**.

Попытку разобраться с этим вопросом предпринял в 1988 году Р. Цительман. Он отбросил точку зрения Тарнера об аграрно-утопических взглядах Гитлера, заменив её на прямо противоположную. Цительман представил фюрера «революционером» и попытался доказать, что конечной целью Гитлера была радикальная модернизация немецкого общества. Согласно его убеждению, модернизм был внутренне присущ нацизму («интенционен»). Архаичными же, или антимодернистскими, были только «одежды» Гитлера.

Выступление Цительмана очень обострило дискуссию. По мнению большинства немецких историков, модернизаторские элементы были «побочным эффектом» деятельности нацистов. Особенно критично такие оценки были восприняты Г. Моммзеном, что отразилось в ряде его статей и выступлений по этой теме. Очевидно одно, что последующее причисление Цительмана к кругу «новых интеллектуальных правых» во многом способствовало обострению суждений относительно его тезисов. Наиболее яркое отражение идеи, что нацисты были привержены модернизации, было получено в работах самого Р. Цительмана и в сборнике статей «Национал-социализм и модернизация»⁹⁵. Характерной чертой статей стало обоснование социальной и экономической модернизации в Третьем рейхе

«самосознанием Гитлера как революционера», выпячиванием «хороших» сторон гитлеровского режима, утверждением о «народном» характере нацистской партии и государства.

Цительман призвал к «нейтрализации» политической оценки модернизации и непредвзятого отношения к Гитлеру. Сам он считает, что самообразование Гитлера дало ему необходимые представления об экономике, социальных отношениях, политике и идеологии. Его видение экономического будущего Германии не было, как ранее считалось, аграрным. В одной из своих статей Цительман пишет: «Идеалом Гитлера было современное, высокотехнологическое общество типа США. При этом он отвергал демократическую систему этой страны так же активно, как и капиталистическую организацию хозяйства. В этом плане Гитлер восхищался в большей степени Советским Союзом, чью плановую экономическую систему он рассматривал наряду со многими его современниками как высший тип организации экономики»⁹⁶.

Последнее утверждение, по нашему мнению, сильно преувеличено. Например, в «Застольных разговорах Гитлера» Г. Пикера мы не раз встретим благосклонное высказывание Гитлера относительно внутренней политики Сталина, однако по части экономических отношений он как раз критиковал советского вождя за то, что тот исключил частную, индивидуальную инициативу в хозяйственной деятельности, чего нацисты «никогда не допустят»⁹⁷.

Особенностью национал-социализма, по убеждению Цительмана, было амбивалентное сочетание модернистских и антидемократических элементов, элитарных и уравнилельных компонентов его мировоззрения, преступных и прогрессивных идей. В ряде последующих статей он развивает свои тезисы о модернизаторских идеях Гитлера утверждая, что историки неправильно интерпретируют высказывания Гитлера. В частности, «завоевание пространства на Востоке» ему нужно было не для осуществления аграрных утопий, а для использования полезных ископаемых, энергоресурсов, а также как рынок сбыта. Всё это для того, чтобы позволить Германии не только догнать, но и перегнать США»⁹⁸. Цительман критикует историков и политологов за абсолютизацию «западноевропейского пути» модернизации, который связан с развитием демократии («нормальный путь»). Он указывает на то, что уже кайзеровская Германия пошла по «особому пути» модернизации и поэтому требует пересмотра «либеральных» мерок при интерпретации модернизаторского характера фашизма, нацизма, а также сталинизма, которые показывают, что дорога в современность не обязательно является «прекрасной дорогой к ещё большей демократии, эмансипации и свободе»⁹⁹.

Мнения о том, что диктатуры, например режим Муссолини, содействовали модернизации – не новы. Сторонники этого тезиса, и в частности Цительман, противопоставляют себя тем, кто утверждает, что «модернизация» была только «побочным продуктом» фашизма. По мнению таких авторов, без признания модернизаторских аспектов фашизма невозможно правильно понять его сущность. На наш взгляд, это неправильно, т. к. в случае с нацизмом сутью его было создание расово-чистого государства, что совершенно противоречило родившимся в 20–30-е гг. XX века паневропейским идеям интеграционного развития Европы, т. е. шло поперёк «современности».

Суждения Цительмана во многом спорны, рассчитаны на эффект. Нельзя считать взгляды Гитлера модернистскими или прогрессивными. Расовая теория и идея расовой войны на Востоке двигали общество не вперёд, а в пропасть. Другое дело, что Гитлер вынужден был считаться с веяниями времени и для мобилизации масс на выполнение этих целей использовал модернистскую технику, пропаганду, «передовую» социальную политику. Модернизация в экономической и социальной области была не сущностью, а оболочкой гитлеровского общества.

Упор на «модернизацию», констатируют либеральные авторы, ведёт при рассмотрении Третьего рейха к искажению перспективы оценок самой модернизации. Так, против попыток представить нацистское государство как своего рода «модернистскую диктатуру» выступили Д. Альберс, Г. Моммзен и М. Рау. Они в ряде своих статей показали, что это искажение очень быстро приводит к тривиализации (упрощению) нацизма. Хотя при этом взгляде нацистские преступления не игнорируются, но большей частью представляются как предопределённые. Образ Третьего рейха, критикуют либеральные авторы, выставляется как важнейшая модернизационная эра, стоящая в центре длительного исторического процесса немецкого национального развития¹⁰⁰.

Большинство немецких историков рассматривают модернизационный аспект национал-социализма как «вынужденное» явление. Вот почему вызвала противодействие точка зрения некоторых историков, которые считают модернизм внутренней сутью нацистского режима. М. Брошат, Г. Моммзен, Н. Фрай в своих сочинениях по Третьему рейху показывают (и с ними можно согласиться), что при Гитлере управление экономикой и страной вообще во многом сохраняло традиционные черты. Вид собственности практически не изменился. Лишь усилились её государственное регулирование. По-прежнему высоко ценилась не партийная принадлежность, а профессионализм¹⁰¹.

Толкование нацистского режима и роли Гитлера как модернистских

встретило серьёзные возражения со стороны либерально настроенных авторов. Г. Моммзен характеризует модернизм нацистов как «симуляцию модернизма». «Современники, – пишет он, – были под впечатлением, что национал-социализм открывает им дверь в будущее. Об этом свидетельствовал его интерес к техническому прогрессу. Между тем народная идеология, проповедовавшаяся нацистами, вела происхождение из вильгельмовских времён и, несмотря на будущее расистское видение, была повёрнута назад... Она представляла собой культурную реакцию. То же касается и других областей культуры... политической и общественной жизни... В занятых восточных областях... Гитлер хотел возродить к жизни феодализм нового типа...»¹⁰²

Работы Цительмана, открывшие полемику, вызвали ответ и со стороны историка Н. Фрая¹⁰³. Он обвиняет «новых» консерваторов в попытке релятивизации преступного характера фашистского режима в Германии. При этом он справедливо указывает, что они не привели в подтверждение своих идей каких-либо новых источников или документов. Модернизация у нацистов, по его мнению, носила **вынужденный** характер и не составляла прикрываемой ею сущности фашистского вообще, и гитлеровского в частности, режима¹⁰⁴. В то же время нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что среди сторонников нацистов было немало людей, искренне увлечённых преобразовательной, «новой» деятельностью нацистов в сфере преобразования природы и общества.

В отличие от 1970-х гг., когда дискуссии о модернистском и антимодернистском содержании нацизма являлись в основном дискуссиями методологического и теоретического характера, современная историография, культурология и другие гуманитарные дисциплины стали заниматься эмпирическими исследованиями границ модернизма и антимодернизма при национал-социализме. Одним из первых опроверг картину однозначно антимодернизаторской оценки режима Х. Д. Шефер в книге «Расколотое сознание. О немецкой культуре и действительности жизни в 1933–1945 гг.». Анализируя прессу тех дней, он пришёл к выводу, что и «в 30-е годы, в период высокого производства вооружений, активно пропагандировались собственное жильё, автомобили, радиоприёмники и телевизоры, фотоаппараты, кухонные аппараты, средства для стирки, гигиены и косметики, – в общем, всё то, что в нашем сознании почти исключительно уязвляется с 1920-ми годами, или «эрой Аденауэра» (1950-е гг. – Л. К.)¹⁰⁵.

Интересные результаты дают эти исследования в преломлении на региональном уровне. Например, в земле Северный Рейн – Вестфалия с 1989 г. существует исследовательское объединение по изучению времени «модерна», в том числе темы взаимоотношения модернизации и национал-

социализма¹⁰⁶. Исследования ведутся в трёх функциональных аспектах «модерна»:

- 1) как понятия адекватного «современности»;
- 2) как понятие направления в искусстве;
- 3) как явления определённого отрезка времени.

Авторы сборника отмечают, что в отличие от понятия «модерн», понятие «модернизация» имеет более чёткие очертания и получило своё обоснование в 50–60е гг. XX столетия в исследованиях социальных отношений, а также проблем развития науки и духовности. Оно понимается как разнообразное социальное, политическое, экономическое развитие, и это понятие в научной литературе почти полностью вытеснило сам термин «развитие» (само по себе очень ценное и универсальное понятие.)¹⁰⁷. Причину сдвига интереса к проблеме взаимоотношений процесса модернизации и национал-социализма один из авторов сборника Г. Мёлих справедливо видит в ослаблении интереса учёных к проблемам большой политики в целом и в повороте к изучению длительных изменений форм жизни и менталитета, к экономическим и социальным структурам. При этом он констатирует, что в этом отношении в немецкой историографии в конце 80-х – 90-е годы происходит преодоление отставания в этих областях исследования от других стран¹⁰⁸. Кроме того, он отмечает возрастание оценки модернизаторской эпохи (или индустриального общества) как апокалиптической.

Дебаты вокруг проблем уходящего XX века, которые выдвинуло индустриальное общество, являются «постмодернистскими», а само общество часто обозначается, как «общество риска». В последние годы наблюдается новое оживление дискуссии вокруг термина «модернизация» как ведущего понятия для исследования современной истории, в том числе в применении к истории национал-социализма. В последнем направлении и провела исследования в середине 90-х гг. научная группа «Модерн в рейнской провинции».

Сборник статей содержит анализ теоретических аспектов проблемы модерна и модернизации при анализе немецкого фашистского общества. Учёные пытаются оценить национал-социализм как реакцию на модернизацию и создание массового общества. В их работах нашли также отражение процессы деструктивного влияния нацистской партийно-политической доктрины на программатику «модерна» как художественного течения. Анализируется также, насколько политика национал-социализма помогала или мешала процессам нивелировки различий между городом и деревней, между центром и провинциями.

Сравнительный анализ политики и практики работы нацистов в про-

винции, крупных городах и в столице содержится в работе Я.-П. Барбиана «Берлин и «провинция». Размышления о действенности идеологических противоположностей в реальной жизни «Третьего рейха»¹⁰⁹. Опираясь на материалы пропагандистского аппарата НСДАП, воспоминания его руководителя Й. Геббельса, автор приходит к выводу, что, проводя агитационную работу в столице, нацисты должны были менять и содержание, и тактику пропаганды. Там, например, не пользовалась успехом негативная оценка больших городов и столицы, присущая народным и национально-консервативным кругам. Там надо было использовать новый, современный язык, ориентироваться на современные жизненные стандарты и найти современный привлекательный стиль деятельности¹¹⁰.

Нацисты также имели планы относительно функционального разделения значения городов в соответствии со своим мировоззрением и задачами укрепления власти. И в этих планах, частично осуществлённых, содержалось много модернистских элементов, независимых от их идеологических установок.

Провинция при национал-социалистах внешне очень оживилась. Поражает современностью, пишет автор, суждения нацистов относительно сравнений городской жизни и провинции. В них прежде всего видно стремление (которое частично реализовалось) к нивелировке общественной жизни регионов и всех слоёв общества. Отмечая это, Барбиан показывает, что все эти программы рассыпались в прах с началом войны и реальностью Третьего рейха оставалось то, что большинство «национал-социалистических «херренменш» («человек-господин») проживало за пределами богатых кварталов городов¹¹¹.

Исследования этой области деятельности нацистской власти говорит в пользу трактовки Э. Френкелем нацистского государства как «двойного» государства – как государства «норм» или «нормального» и как государства «мероприятий». При этом часто имело место смешение этих двух видов по отношению к «арийскому» населению и полностью преобладало государство «мероприятий» по отношению к «неарийцам».

С оценкой границ модернизаторского воздействия национал-социализма выступил Михаэль Принц – один из инициаторов дискуссии по этой проблеме¹¹².

Принц задаётся вопросом, как объяснить такие факты будней нацизма, как популярность немецкой актрисы, оставшейся в Голливуде, – Марлен Дитрих, посылку студентов, вплоть до 1938 г., на стажировки в Англию, деятельность массовой туристической организации «Сила через радость» и т. п. Что это: только видимость или сущность режима? Он считает, что просто отмахиваться от этих вопросов нельзя¹¹³.

Другой комплекс «находок» историков на региональном уровне касается экологических планов и намерений нацистов. Много удивительного: проектирование современных подземных переходов, освобождённых от автомобилей центров городов, в высшей степени актуальные, частично осуществлённые предложения по защите природы при строительстве автобанов и др.

Ещё один предмет дискуссий – данные о достижениях в области науки, которые пришли со стороны исследователей развития наук: об истории психиатрии, социологии, исторической науки, психологии, планировании пространства и др. И таких работ очень много. Что касается психиатрии, то акциям стерилизации или эвтаназии душевнобольных предшествовало не просто наблюдение за ними, но попытки терапевтического лечения, что было новаторством в психиатрии.

Если взять историческую науку, то в ней, например, попытка кооперирования истории и социологии совершенно чётко прослеживается уже в 30-е гг., а не в начале 70-х гг. – как это считалось раньше. «Всё это стимулировало, – пишет автор, – дебаты и в других странах о возможном модернизаторском воздействии национал-социализма и войны»¹¹⁴.

Против выдвигания вперёд модернизаторских аспектов национал-социализма решительно возражает В. Гроде в книге «Национал-социалистический модернизм. Расово-идеологическая модернизация посредством отрыва и разрушения общественной периферии»¹¹⁵.

«Нацистский модернизм» не являлся улучшением начавшегося с конца XVIII века в Германии процесса модернизации, – справедливо утверждает Гроде. – Национал-социалистическая концепция «современности» была деструктивна, так как стремилась принудить общество к воплощению бессмысленно-утопического проекта «идеально-чистой расы»¹¹⁶. С этой точки зрения он подвергает критическому анализу нацистскую концепцию «народного сообщества», составной частью которой являлись концентрационные лагеря, а социальная политика была связана с геноцидом.

Автора приводит в глубокое недоумение тот факт, что убийство народов может быть квалифицировано как «современное» деяние, как проявление «цивилизации». «Новейшие исследования по психологии убийства народов, сам Холокост в своём основании разрушают наши представления о современном, модернистском процессе», – пишет он¹¹⁷.

Гроде считает нацистское движение изначально движением протеста антимодернистского свойства, так как модернизация общества в Веймарской республике проходила более жёстко, чем в других странах¹¹⁸. Гроде справедливо критикует группу историков и журналистов вокруг Р. Цительмана, К. Рота за отрыв понятия «современность» от специфической

формы «расово-идеологической модернизации» при национал-социализме. Ярким примером такой «модернизации» автор считает концентрационные лагеря, которые были «определённым видом систематического и коллективного отката цивилизаторского процесса»¹¹⁹.

По мнению этого учёного фашизм в целом, и нацизм в особенности, не может быть модернистским уже потому, что опирается на мировоззрение уничтожения, в котором он связал антисемитизм, расизм, социал-дарвинизм и «народническую» (фёлькиш) идеологию, объявив войну – основой всякого общественного бытия. Наличие войны в любом и каждом обществе или общественной структуре объявлялось национал-социалистами «нормальным состоянием» и носило как «изнутри», так и «снаружи» «перманентный» характер¹²⁰. По мнению автора, такая идеология не может быть «современной».

Разбирая вопрос о причинах того, почему «народы создают пространство для преступлений невиданной силы, а потом не могут в это поверить», Гроде использует характеристику Достоевским психологических основ убийства, а также его идеологические элементы. Среди них большое значение он придаёт чувству ненависти ко всему чужому. Интересным представляется суждение Гроде относительно мотивов участия в преступлениях молодых людей. Автор считает, что за этим скрывался и их собственный страх, поскольку они являлись не только палачами, но и жертвами общественных процессов модернизации и утратили в результате этого почву под ногами¹²¹. Обратная сторона «модернистского» насилия, его экстремальный случай – Освенцим.

Гроде интересуется и тот факт, что в массовых уничтожениях людей участвовало много немцев, которые не имели явной склонности к насилию. Но «они, – пишет автор, – намного больше, чем другие оказались связаны с современными историческими и психологическими проблемами»¹²². Далее он применяет методы психоанализа поведения человека в экстремальных условиях. Одной из черт этого поведения является убеждение, что он совершает не убийство, а «благодетельство». Это касается и действий врачей в Освенциме, которые начинали как «нормальные» медики.

Гроде пишет, что «подталкиваемые воодушевлением, пренебрегая медицинской этикой, медики были коррумпированы нацистским режимом». В послевоенных судах их рассматривали как монстров. Сами они себя так не воспринимали. Это показывает и пример главного врача в Освенциме – Менгеле. Он работал и защищал диссертацию у светила антропологии и медицины. Работал университетским ассистентом в Англии и мечтал стать профессором медицины. Он был не только на службе восхищавшего его режима, но и считал себя обязанным служить «универсалистской» науке.

Один из трёх медиков, виновных в преступных эксцессах, использовал официальную расистскую идеологию нацистского государства, считая её не преступной. «Это было перевёртыванием принципов Гиппократа», — пишет автор¹²³. Гроде, таким образом, считает модернизацию при нацизме её гримасами.

Критическую позицию к оценке нацизма как своеобразного проявления модернизаторской эпохи занимают такие известные историки как Випперман, Радкау, Райхель. Суммарно к их оценке можно применить заголовок одной из статей Виппермана, что нацизм был «не продуктом, а разрывом с современностью»¹²⁴.

Применительно к отношениям между модернизацией и национализмом обычно речь идёт о том, насколько режим прямо или косвенно, сознательно или бессознательно ускорил длительные изменения в обществе технико-экономического, социально-культурного или политического свойства. Михаэль Принц считает, что надо скорректировать оценки Гитлера в следующем направлении. Нельзя только негативно судить о Гитлере и ведущих нацистах в такой области, как создание ими предпосылок для появления общества массового потребления; систематическое разрушение традиционных связей индивида с семьёй, конфессией, регионом и т. п.¹²⁵ По сравнению с консерваторами, многие побочные эффекты от программы вооружений были сознательно инспирированы нацистами в соответствии со своей идеологией. Также общественно-политические представления Гитлера в сравнении со старыми консерваторами во многом имели уравнительные черты.

Видимые черты модернизации являются тем не менее, по мнению М. Принца, *кондициональными (соответствующими времени)*. Однако элементы модернизации не говорят ещё о том, что к целям Гитлера можно привесить этикетку современности. Гитлер предлагал решить реальные или мнимые противоречия за счёт биологизации социальных и экономических процессов: за счёт исключения европейских евреев и политики расового отбора. Возражая Цительману, Принц считает, что подобные взгляды нельзя аттестовать как «современные»¹²⁶.

Автор отмечает, что не во всех случаях общественные теории (модернизации в данном случае) хорошо работают. По его мнению, у нацистов не было чёткого представления о позитивном отношении к модернизации. Принц объясняет это идеологией национал-социализма, которая коренилась в агрессивно-биологическом национализме. «Политика «выкорчёвывания» национальных меньшинств и народов за пределами рейха была не только простым инструментом господства, но была внутренней сущностью режима», — пишет автор¹²⁷.

В спорах историков по этой теме много сознательно обострённой полемики, резких суждений. Некоторые научно-исследовательские институты, созданные национал-социалистами (например, по научной организации труда при «Трудовом фронте») перекинули напрямую мосты в ФРГ. Континуитет социальной политики как составной части модернизационного развития (в рамках концепции «историзации» Брошата) прослеживается независимо от намерений политиков со времени окончания Первой мировой войны, через Веймарскую республику, национал-социализм к Федеративной Республике.

Поясняя свою позицию, М. Принц не соглашается с выводом того же Цительмана, что модернизм в социальной и экономической политике проистекал из внутренне присущих нацистской идеологии элементов. Он полагает, что это явилось следствием объективных общественных процессов длительного периода. По существу говоря, Принц поддержал точку зрения тех учёных, которые считают модернизационный аспект национал-социализма в чём-то вынужденной мерой. Добавим, что без этого национал-социализм не смог бы завоевать популярность у широких слоёв населения и только репрессиями, например, «примирить» немецких рабочих с нацистским режимом.

В этих спорах, так или иначе, всплывает вопрос о демагогическом содержании нацистской идеологии. Это касается, например, утверждений о том, что идеологи нацизма якобы намеренно, ради пропагандистских целей, выказывали уважение явлениям модернизации, а на самом деле имели тайные планы крутого поворота их поколения к доиндустриальным формам жизни. Вся практика социальной политики опровергает данные суждения.

Приблизиться к пониманию вопроса об антимодернистских и модернистских элементах нацистской идеологии и социальной политики помогает, на наш взгляд, расовая теория нацистов. Представляется, что антимодернизаторски исключив из политической жизни своих оппонентов, в дальнейшей политике в отношении «ариев» нацисты выказали больше модернистских аспектов, а в отношении расово-неполноценных – антимодернистских и прямо варварских элементов.

Концепция модернизации, интерпретированная с позиции «историзации» нацизма, по существу окончательно хоронит взгляд на германский фашизм как «разрыв с историей», столь популярный среди консерваторов 50–60-х гг. В то же время, она делает очень ограниченными выводы либералов, демократов и коммунистов о том, что в германском фашизме проявился континуитет только реакционно-консервативных тенденций германской истории. Дискуссия о модернизации и фашизме способство-

вала утверждению в большей части немецкой историографии конца XX – начала XXI века изображения и восприятия нацистского режима как власти двуликого Януса, где есть две стороны медали: тёмная и светлая.

Такая оценка нацистского режима возможна, но таит в себе серьёзные опасности. Первая заключается в том, что ослабляется видение нацизма как преступного режима, ставшее основой всей послевоенной историографии нацизма. Черты ревизии такой оценки очевидны. Вторая опасность кроется в облегчении распространения нацистского тезиса о необходимости «превентивной» войны Германии против Советского Союза, как защитника «западной цивилизации» от «азиатского варварства». Третья опасность состоит в том, что появляется соблазн трактовать нацистский режим как «нормальный». Ведь двуликий Янус означает не только и не столько две стороны медали, сколько высшую степень *лицемерия*. Несмотря на вспыхивающие время от времени дискуссии по теме «модернизация и национал-социализма», немецкая историография в целом стремится найти необходимый баланс в объяснении имеющихся в нацистской политике модернизаторских элементов, ставших связующим звеном в германской истории новейшего времени и преступным характером нацизма.

2.3. Национал-социализм как политическая религия

Изучение отношения немцев к идеям национал-социализма, к фюреру и Холокосту с неизбежностью ставят вопрос о степени восприятия и силы влияния идеологии и пропаганды нацизма. Новые поколения немцев вновь задают вопрос о причине массовой поддержки гитлеровского движения. Для ответа на этот вопрос много делается историками, изучающими социальные обещания нацистов и выполнения их на практике. Более углублённо изучается общественный статус членов партии, а также избирателей НСДАП. Учитывается социальная принадлежность членов партии и избирателей, их пол и возраст.

Кроме этого активно исследуется влияние идеологии на население. Многие учёные отмечали превращение нацистской идеологии при фашистском режиме в своеобразную религию. Этому способствовал главный организационный принцип нацизма: безраздельное доверие фюреру. Идеологами и пропагандистами нацизма были разработаны ритуалы – своего рода литургия, соответствующий календарь, празднества и тому подобное.¹²⁸ Кроме того, такие идеологемы, как «Вера», «Победа» и «Жертва» всегда занимали существенное место в нацистской идеологии.

Современные авторы при этом опираются на работы западных политологов Э. Фогеляйна и Р. Арона. Именно они ввели в конце 30-х гг.

XX века понятие «политическая религия» применительно к фашизму и коммунизму. По их мнению, фашизм, нацизм и коммунизм являются продуктами процессов секуляризации у типично «запоздавших» в своём национальном или экономическом развитии наций Европы. Эти нации, в отличие от англосаксонских наций, переживая освобождение от церковного влияния в общественной и умственной деятельности, в художественном творчестве, нуждались одновременно в политической стабильности и пытались выработать влияющую на массы идеологию. Ими и стали идеологии класса или расы, экономики или крови.

По мнению Фогеляйна, «запаздывающие» нации испытывали потребность в квазирелигиозном измерении нового политического порядка, создания единого, политически-религиозного культа. Прообразом для них послужили, согласно Фогеляйну древняя Греция (Спарта) и Египет¹²⁹.

Р. Арон по-другому, чем Фогеляйн трактует понятие политической религии, исходя при этом из религиозно-критической, просветительской позиции. Он считает, что тоталитарные системы настолько религиозны, насколько они разрывают с традицией разделения силы власти религии и политики. Похоже, как религия в раннем обществе была универсально распространена, так и в тоталитарном обществе новая религия является «вездесущей» («omnipräsent»)¹³⁰.

Изучение нацизма как политической религии в послевоенной историографии находилось на обочине научных исследований. Интерес к нему возрос в связи с оживлённым интересом к теории тоталитаризма. Тенденция к завершению освещения фактической истории нацизма тоже послужила поводом для постановки вопроса о нацизме как политической религии. Сыграло роль и развитие постмодернистских методов исторического исследования: менталитета, гендерной истории, комплекса культурологических проблем и др. Всё это вместе взятое послужило всплеску интереса к представлениям о нацизме как политической религии.

Имела ли в действительности нацистская идеология религиозные корни? В настоящее время на эту тему ведутся дискуссии. Одни историки и политологи утверждают, что нацистское движение было сильно заражено мессианством. Другие говорят, что в своём ядре нацистская идеология была политической религией. Третьи говорят о противоречивости рассмотрения нацизма как религии. Действительно, если религию соединять с нацизмом, то она не только теряет свою ценность, но и приобретает негативное звучание. Нацизм тогда теряет свою специфику в современной истории.

В 90-е гг. вышла целая серия работ, в которых затрагиваются причины появления в XX веке политических религий, к каковым авторы, зани-

мающиеся этой проблемой, относят не только нацизм, но и большевизм. Анализируются основные черты политической религии, а с этой точки зрения – отличие нацистской политической религии от обычной религии. Авторы рассматривают значение и христианства, и народных утопий, и эзотерических учений для формирования нацистской идеологии. Они анализируют идеологию нацизма и особенно антисемитизм с точки зрения религиозных и мистических взглядов ранних основателей нацистской идеологии и самого Гитлера¹³¹.

Ставя вопрос о религиозных корнях национал-социализма, учёные выходят на такие проблемы, как взаимоотношения нацизма с церковью; причины Холокоста, который они пытаются объяснить не только социально-политическими, но и религиозными мотивами; определение места в решении этих проблем отдельных руководителей нацистского движения.

Современный немецкий историк Г. Майер рассматривает тоталитарные движения в свете «нового религиозного движения» XX века. Он считает, что оценка религиозными категориями новых движений была результатом религиозно-философских и религиозно-феноменологических исканий во время Первой мировой войны и послевоенного периода. В них выступает совершенно новое понятие религии, которое преодолевало узкие индивидуалистические подходы XIX века: религии в XX веке вместе с социальным измерением приобретают новые черты (например, *Nominosen* – провозглашение вечности, *Faszinierende* – околдовывающие, *Provozierende* – провоцирующие), в общем – выходящие за пределы простого разума. Они вновь требуют «экстаза» (*Schauervolle*), «зловещности» (*Unheimliche*) и становятся новым религиозным опытом¹³².

Г. Майер указывает на такие типично религиозные инструменты, которыми оперируют «новые» политические религии, как запугивание, страх, террор, вторжение в частную жизнь и т. п. Тоталитарные религии используют ритуалы (Красная площадь в Москве, партийные съезды в Нюрнберге). Для тоталитарных движений характерен, как и в религии, эзотеризм. Есть «посвященные» группы людей, включённые в общество, а есть и «исключённые» из него. В тоталитарном обществе очень важно для человека быть в группе «включённых».

Майер указывает и на другие параллели между религиозными и тоталитарными движениями, например, на обещание «благополучия» (*Heil*), на образ того, кто принесёт этот благополучие. Свидетельство, что национал-социализм активно использует такие мифологические понятия как кровь, раса, земля («тайна крови», «вечная кровь», «чистая кровь») подчёркивает религиозное измерение нацизма.

Как всякий миф, он нуждается в фигуре, которая воплощает его. Таковым в нацизме являлся Гитлер. «Вестник господ», как его называли в начале движения (*Meldegänger*), он должен был придавать силу мифу. Майер считает, что не случайно в нацистской «Церкви немецких христиан» портрет Гитлера располагался в алтаре. Это по существу возвращение к соединению церкви и государства и это присуще тоталитарному обществу¹³³.

Всё же суждения Г. Майера представляются несколько упрощёнными. Преувеличены религиозные компоненты нацистской идеологии. Нацизм возник в своем определённом времени и пространстве. Он не мог игнорировать, как многие религиозные секты, социально-политическую обстановку, сложившуюся в немецком обществе в 20-е гг. Поэтому на первом месте в его программных установках фигурировали всё же конкретные политические и социальные задачи, способные найти отклик, прежде всего, не в религиозной, а в гражданской душе. Однако верно, что обозначение в 25 пунктах нацистской программы еврея как «враждебного» немцу «элемента» носит эзотерический характер.

В 1997 году вышел сборник статей о нацизме как политической религии. Его появление явилось результатом научного симпозиума в Вене и было приурочено к 50-летию освобождения Европы от нацистского террора¹³⁴. Определённым толчком к постановке проблемы политических религий в XX веке послужила также находка нацистских «фресок» апокалипсического свойства в гараже Имперской канцелярии. Авторы сборника и участники симпозиума – учёные из Италии, Германии, Австрии, Франции, Израиля задаются вопросами: насколько фрески представляют собой культурно-историческую ценность? Может, это нацистский китч? Или гротескная мегаломания тоталитарного господства? Нужно ли сохранять это для потомков и допустить к ним интересующую публику, или они должны исчезнуть? Этот вопрос вызвал полемику в бундестаге, и немецкие политические круги занимают по этому поводу разные позиции: одни говорят – надо сохранять, другие – замазать, забелить, чтобы не осталось следа¹³⁵.

В сборнике статей подробно анализируется точка зрения Э. Фогеляйна на политический мессианизм новейшего времени. Авторы сборника считают, что некоторые тезисы Фогеляйна можно оспорить. Но они соглашались с учёным относительно того, что нацизм и коммунизм содержат социально-религиозные элементы¹³⁶. Эти компоненты и являются предметом анализа авторов сборника.

Статья австрийского социолога М. Лея посвящена апокалипсическим движениям современности и роли антисемитизма в нацистской идеоло-

гии. М. Лей утверждает, что антисемитские мотивы были очень характерны для немецко-австрийской литературы конца XIX века. Она всё время противопоставляла идеал «чувственного немца» и «бесчувственного, расчётливого еврея». Распространение романтического духовного наследия в конце XIX века привело к возникновению нового романтизма. Нацизм и религия были составной частью политической теологии романтизма¹³⁷.

Особое значение Лей придаёт рождению политического антисемитизма в Германии. К его видным фигурам он относит историка Генриха фон Трейчке, а также Пауля Лагарде – основателя «народного» движения в Германии. Лагарде – типичный представитель консервативной революции, христианско-германской религии, носителями которой, по его мнению, должны быть немцы. Лагарде, а также другие реакционные идеологи (А. Ролинг, Й. Ланц) открыто призывали к «освобождению» Германии от еврейства, видя в этом необходимую предпосылку для «святого» пути немецкого народа¹³⁸.

Автор напоминает, что и Ролинг, и Ланц были политическими «отцами» Гитлера в годы его пребывания в Вене. Оба они проповедовали христианство на расовой основе. Спасение мира Ланц видел в восстановлении расовой чистоты и геноцида в отношении «недоразвитых» рас. Гитлер был активным читателем Ланца и можно принять, что его взгляды очень сильно повлияли на Гитлера¹³⁹.

Рассматривая идеологию и философию младоконсерваторов, Лей показывает, что практически у всех консервативных теоретиков – от Адама Мюллера до Эрнста Юнгера и Карла Шмитта – присутствует идея «жертвы». «Национал-социализм сделал революционно-консервативную идею «жертвы» важнейшей частью своей идеологии»¹⁴⁰. Нацистский Апокалипсис Лей считает высшим пунктом гностицизма нового времени.

Для объяснения апокалипсических настроений основателей и идеологов нацистской партии, Лей анализирует их книги, записки, дневники и речи. В этих поисках философско-религиозных основ гитлеровской идеологии есть определённый смысл, если считать веру Гитлера в христианское толкование мира искренней. В своей книге «Майн кампф» он не раз ссылается на Библию и своё мессианское предназначение. Он утверждал не раз, что он должен закончить борьбу с Антихристом в лице евреев, которую начал ещё Христос. Что эта борьба священна¹⁴¹. В его многочисленных речах видны христианско-апокалипсические черты.

Согласно взглядам Лея, нацисты видели в Гитлере инкарнацию Христа и считали «новую» Германию началом этого тысячелетнего рейха. Об этом постоянно писал вульгарный антисемитский еженедельник нацистов «Дер Штюрмер»¹⁴². Слабость рассуждений Лея заключается в том, что он

не видит различий между искренней верой Гитлера и потребностями пропагандистской деятельности. В ней же нацисты использовали любые средства, в том числе и сюжеты Апокалипсиса.

Автор указывает, что нацистские идеологи постоянно используют термины «чистка», «очистка от грязи», «содержание крови в чистоте». После проигранной Первой мировой войны в некоторых кругах немецкого общества культивировалось чувство утраты смысла существования, жизненной ориентации. Шёл распад традиционных структур. Это отразилось и в дневниках Геббельса середины 20-х гг. Лей отмечает, что его дневники пронизывает «паника и яростное стремление избежать краха», желание изменить социальные и политические отношения. Притяжение многих молодых людей автор объясняет «нацистским мессианизмом», который требовал расчёта с «силами зла». Политическую религию А. Гитлера многие его сторонники воспринимали как «новый реализм», а некоторые молодые писатели стилизовали «фюрера» под Христа, который должен победить смерть¹⁴³.

К. Вондунг трактует «нацистский апокалипсис» как религиозное экзостатическое возбуждение. Он пишет, что «развязанный» экстаз должен был проявиться в опьянении кровавыми действиями. Ответственность за преступления нацизма, по его мнению, должна разделить и церковь, которая в течение многих столетий борьбу за чистоту своего учения связывала с чистотой крови¹⁴⁴.

Обращение Гитлера и Розенберга к библейским сюжетам, в частности к Апокалипсису, автор больше склонен оценивать как историко-спекулятивное¹⁴⁵. В то же время он отмечает особый религиозный фанатизм, присущий Розенбергу. Он проповедовал, что «преодоление большевистского учения станет исключительно возможным только на основе новой веры и рождённой из этого мировоззрения воли к действию»¹⁴⁶.

Как работал механизм связи между религиозным экстазом церкви и нацистов более отчётливо показано в статье Й. Ридля. Он утверждает, что охота на дьявола, ведьм и приговоры по крови являлись многовековой христианской традицией. Часто они были связаны с изгнанием и убийством евреев. Политическая же религия национал-социализма, его аппарат террора способствовали массовости преследования и убийства евреев и кульминировались в Холокосте¹⁴⁷. При этом Ридль, на наш взгляд, слишком прямолинейно рисует эту связь. На одном крае располагается Голгофа, а на другом – фабрики смерти под знаменем свастики.

Ряд статей книги посвящён религиозным мотивам в немецкой культуре и их использованию нацистами. К ним относятся статьи о влиянии творчества композитора Р. Вагнера¹⁴⁸, о проявлении апокалипсических тем

в архитектуре и литературе, обосновании искусством нацистских претензий на мировое господство¹⁴⁹.

Последнее время особое внимание историков и культурологов привлекают личности, стоявшие, наряду с Гитлером, у истоков формирования идеологии нацизма. Особенно это относится к тем, кто стремился придать идеологии нацизма дух религиозного фанатизма. Тем самым учёные стремятся объяснить причины фанатичных черт ментальности у части поклонников нацизма, и в частности тех, кто был причастен к Холокосту.

Среди идеологов нацизма к религиозным фанатикам обычно причисляют такие партийные фигуры, как Эккарт, Розенберг, Геббельс и некоторые другие. Статья историка Э. Пипера посвящена Альфреду Розенбергу – «пророку войны духов и верующему нацисту в руководящей элите нацистского государства». Справедливо утверждение автора, что в период становления нацистского движения в 1919–1923 гг. на мировоззрение Гитлера наряду с такими деятелями нацистской партии, как Г. Федер и Д. Эккарт, также сильно повлиял Розенберг¹⁵⁰.

Обращение к «творчеству» этого деятеля оправдано, т. к. до сих пор роль Розенберга в нацистском движении оспаривается. Одни считают его оторванным от жизни и чуждым миру, безобидным мечтателем. Другие – стратегом нацизма, серым кардиналом гитлеровских решений. Анализируя многочисленные статьи Розенберга начала 20-х гг., Пипер показывает «основательную» разработку им антисемитизма как основы расовой идеологии нацизма. Автор исследует также представление Розенберга о путях создания в Европе и мире «нордического» расового сообщества. Можно согласиться с автором, что тем самым Розенберг пытался дезавуировать традиции христианства и создать эрзац-религию¹⁵¹.

Пипер выступает против представления о книге Розенберга «Миф XX столетия» как заурядной антисемитской работе. Он достаточно убедительно показывает, что книга была направлена одновременно и против католической церкви¹⁵². Разбирая взаимоотношения между Гитлером и Розенбергом, он констатирует, что поначалу Гитлер усвоил от Розенберга жёсткую антикатолическую позицию, но затем, по мнению автора, ради политических целей заменил своё отношение к католицизму на более мягкую позицию¹⁵³.

Избегая грубых нападок на христианство, Гитлер, тем не менее, как пишет автор, «охотно участвовал в адаптации христианских образов, понятий и символов». Когда, например, возникла первая нацистская группа за пределами Мюнхена, Гитлер сравнил её с христианскими общинами, которые сначала были единичными, а потом распространились по всему свету. «Присоединение» Австрии он назвал «божеским решением», а ре-

ферендум – «святым выбором»¹⁵⁴. Автор работы прослеживает также влияние Розенберга на взгляды и политику Гитлера в отношении России. В этом вопросе между ними было много общего, что впоследствии выразилось в деятельности с 1941 г. так называемого «ведомства Розенберга» по «оккупированным восточным территориям»¹⁵⁵. Это учреждение принимало участие в массовых депортациях народов.

Пипер справедливо обращает внимание на то, что Гитлер, в отличие от некоторых своих единомышленников в руководстве НСДАП, был прежде всего политиком, а не религиозным деятелем. То же касается и Розенберга. Но, в отличие от него, Гитлер подчёркивал «народный», а не религиозно-культурный характер нацистского движения¹⁵⁶.

Пипер опровергает мнение о том, что после 1933 г. Розенберг утратил своё влияние. В действительности оно носило волнообразный характер и зависело от приоритета тех или иных задач в политике нацистов. С началом войны деятельность Розенберга очень активизировалась. В январе 1940 г. Гитлер поручает Розенбергу работу по воспитанию в нацистском духе офицерского корпуса. Затем Гитлер назначил его руководителем вышеупомянутого ведомства по восточным территориям.

Пипер стремится показать, что Розенберг не случайно оказался на скамье главных подсудимых в Нюрнберге, поскольку был не «безобидным мечтателем» о создании нордического государства. Он был реальным политиком, причастным к депортациям европейских народов и руководителем «набегов своего штаба на культурные учреждения оккупированных областей с целью вывоза их культурных ценностей»¹⁵⁷.

Безусловно, что все «теоретические искания» нацистов (в том числе и Розенберга) по выработке своей идеологии имели мало отношения к научным поискам. Пипер делает любопытное замечание, что «несмотря на любительский характер этой идеологии и, может быть, именно поэтому, она оказалась вполне понятной широким слоям немецкого населения»¹⁵⁸. Анализ Пипером религиозных основ взглядов Розенберга во многом проясняет картину формирования расовой политики нацистов, а также их действий в отношении церкви, культуры и искусства.

Статья Й. Х. Шёпса является попыткой ответа на жгучий вопрос, почему «люди молчали, когда в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. горели синагоги. Они молчали, когда на их глазах отправлялись транспорты с евреями в концлагеря»¹⁵⁹. Он считает, что с обычным инструментарием историков не подступишься к пониманию равнодушия немцев к судьбе евреев, что существует «теологическое измерение» этого вопроса. Для его познания необходим анализ религиозных основ нацистского «окончательного решения» еврейского вопроса, а также позиции протестантской церкви¹⁶⁰.

Шёпс приходит к выводу, что гитлеровский национал-социализм был настоящим движением веры, таким движением, которое имело все признаки мифологической функции религии. По мнению автора, идеология нацизма представляет собой органический сплав политики и религии. Они не могут быть разорваны и представляют собой единое целое. Он считает, что тайна успеха Гитлера и нацистов у немцев частично связана с тем, что пропагандировавшаяся ими «народная» идеология имела в своей основе религиозное ядро¹⁶¹.

Религиозная популярность Гитлера в массах, вопреки Шёпсу, не разделяется большинством немецких историков. В учёных кругах господствуют методы исследования массовой базы фашизма, сложившиеся ещё в 60–70-е гг., при которых ведущее значение придаётся социально-экономическим и психологическим мотивам. Также, в противоположность суждениям большинства историков, Шёпс считает, что уничтожение еврейства нацисты считали даже более важным делом, чем войну на Востоке. Он ссылается на тот факт, что даже тяжёлое поражение немцев под Сталинградом не привело к уменьшению транспортировки евреев в концентрационные лагеря. «Гитлером, – пишет автор, – владела навязчивая идея о необходимости войны на уничтожение евреев в ходе «новой иудейской войны»¹⁶².

Точка зрения Шёпса имеет много слабых мест. Не доказано, что планировщики и исполнители Холокоста были религиозными фанатиками. Кроме того, национал-социализм не был только разновидностью религиозного антисемитизма. В Холокосте наряду с антисемитизмом смешались обстоятельства разного характера: ход войны, национальные характеры, менталитет палачей и жертв и др.¹⁶³

Вину протестантской церкви в насаждении антииудаизма и антисемитизма Шёпс видит в признании теологами работы Лютера «О евреях и их лжи», которая стала религиозным основанием антиеврейской политики новой нацистской «Немецкой церкви». Более того, ему представляется не случайным совпадение большого еврейского погрома 9 ноября 1938 г. с днём рождения Лютера¹⁶⁴.

Сила нацистов, по мнению авторов, состояла в том, что они сумели объявить евреев всемирным врагом, пропагандируя это на официальных съездах партии, используя арсенал картин и выставок. «Всё это вместе взятое смело последние моральные и этические плотины на пути борьбы с еврейством. Массовое истребление евреев становится понятным только с точки зрения религиозно-христианского измерения. Существует связь между христианской идеей «спасения», христианским Апокалипсисом и уничтожением еврейства», – пишет автор¹⁶⁵. Холокост он также объясняет тем, что в основе агрессивной войны нацистского режима лежали не

только цели завоевания жизненного пространства, но и «победа арийства над европейским еврейством»¹⁶⁶.

Взгляды Шёпса очень показательны для той историографии Холокоста, которая считает антисемитизм центральной частью идеологии национал-социализма и, подобно известной исследовательнице тоталитаризма Х. Аренд, признаёт главной причиной появления тоталитарных движений и режимов развитие антисемитизма в Европе¹⁶⁷.

Действительно, главная роль в расовой теории нацизма отводилась идее возрождения «арийства», где антисемитизм играл важную, но не всеобъемлющую роль. В ней было место и стерилизации других «расово неполноценных» людей и народов, и эвтаназии «социально и расово неполноценных арийцев», и программа уничтожения и ослабления других народов. Другое дело, что евреи в силу обстоятельств исторического и традиционалистского порядка оказались в числе первых жертв расовой теории и политики.

На наш взгляд, у Шёпса кажется преувеличенным и антисемитский мотив в идеологии христианства, хотя критика примиренческой в целом позиции церкви в отношении нацизма является справедливой. Как представляется, в формировании нацистской идеологии и политики играло роль не само христианство, а его толкование «теоретиками» национал-социализма в угоду своим религиозно-политическим амбициям.

В работах, посвященных историографии Гитлера, отмечалось, что ещё недостаточно исследованы экономические, социальные, психологические и культурные факторы, которые побудили фюрера вступить в НСДАП, когда она была еще никому не известной группой¹⁶⁸.

Познание связи между Гитлером и теми, кто стоял у идеологических истоков нацизма, даёт возможность понять формирование основных идеологических постулатов нацистов. Кроме того, в 20-е гг. XX века оформлялась некая коллективная идентичность, ядро руководящих деятелей НСДАП. Ряд историков считает, что не последнюю роль в ходе формирования нацистской идеологии играли религиозные мотивы и взгляды некоторых «основателей» партии.

Наиболее полно расово-политические взгляды вождей нацизма анализируются в работе К. Е. Бэрша «Политическая религия национал-социализма»¹⁶⁹. В центре внимания автора книги – анализ взглядов и влияния раннего окружения Гитлера на формирование нацистской идеологии. Анализируя письменные источники именно этой группы людей, автор прослеживает мнения и действия руководства партии и самого Гитлера относительно того, чем нужно привлечь народ, чтобы он встал во главе с Гитлером на «правильный путь». Новым в данной работе как раз и

является применение религиозно-политологических категорий для осмысления и анализа нацистской идеологии и использованию в ней таких понятий как «идентичность», «Бог», «субстанция», «народ».

В первой части книги Бэрш анализирует смысл ранних работ руководителей нацистов, таких как Эккарт, Геббельс, Розенберг, Гитлер. Во второй части книги автор рассматривает феноменологию таких понятий нацистского мировоззрения, как «рейх» и «фюрер», «народ» и «раса». Он прослеживает связь между мистикой и апокалиптикой в национал-социалистических текстах.

Бэрш показывает, что огромную роль в формировании религиозно-мистического понимания «Третьего рейха» сыграл Д. Эккарт – один из основателей партии, друг Гитлера и первый редактор партийной газеты «Фёлькишер беобахтер». Именно он в 1919 г. ввёл для партии идеологему «Третий рейх», придав ей антисемитско-религиозное измерение¹⁷⁰.

Вторым по значимости влиянием на политическую религию нацизма обладал, по мнению автора, Геббельс. Большое значение для последнего имело строгое католическое воспитание и осознание катастрофы, которое владело Геббельсом накануне вступления в партию. Бэрш показывает, что это и привело Геббельса к активным философско-религиозным поискам с целью придания политической борьбе религиозных форм или чтобы через них обосновать правомочность нацистских притязаний на власть¹⁷¹.

Комплекс «Третьего рейха», сложившийся у Эккарта и Геббельса и выраженный в более слабом виде у Гитлера, можно обозначить, по мнению Бэрша, следующими пунктами: Третий рейх – рейх будущего; он квалифицируется как христианское «спасение»; современность и будущее время разделены качественным прыжком, которому предшествует всеобъемлющий кризис и катастрофа; для преодоления катастрофы нужна борьба, понимаемая как схватка со злом; национал-социалисты – «божий» инструмент истории, а немецкий народ – субъект истории и только он способен привести мир в «Третий рейх»; будущее общество должно быть во главе с фюрером, который ведёт к борьбе и утверждает рейх. Гитлер рассматривается как воплощение Христа; главные представители зла или сатаны – евреи. Они – «демоны» распада. Как и Антихрист, евреи должны быть уничтожены в ходе движения к рейху¹⁷².

Согласимся с автором, что сам Гитлер толковал идею «Третьего рейха» в более традиционном смысле, т. е. в европейской политической традиции и в определённых географических рамках. Об этом свидетельствует его приверженность атрибутике средневековой немецкой империи, конфигурация самого «Третьего рейха» и функций прилегающих к ней областей после завоеваний на Востоке и т. п.¹⁷³.

Можно согласиться также с толкованием Бэрша, что «интерес к политике и политической действительности у нацистов не носил формы поисков религиозной правильности и христианской правды»¹⁷⁴. Этим автор объясняет появление в п. 24 программы НСДАП требования о поддержке «позитивного христианства». Добавим, что нацисты грубо искажали христианские ценности в своих политических интересах.

Важным представляется замечание Бэрша, что Эккарт и Геббельс попытались «по-новому» ответить на «вечные» вопросы»: кто мы есть (немцы. – Л. К.), откуда пошли и куда идём. Так ответ «откуда» ассоциировался с понятием арийской расы. Понятие «Третий рейх» отвечало на вопрос «куда идём». При ответе на этот вопрос и утверждалось некая коллективная идентичность¹⁷⁵. Как специалист по теологии, Бэрш убедительно доказывает, что трактовка нацистами взаимоотношений человека, Апокалипсиса и «спасения» искажает смысл Евангелия.

В специальной главе автор книги исследует взаимосвязь между приветствиями «Хайль Гитлер», «Айн Фольк – айн рейх – айн фюрер». («Один народ, один рейх, один вождь»), а также «Зиг – хайль». Прослеживается значение веры в Гитлера для конструирования единства народа и рейха. Вера в Гитлера как в спасителя является основой культа фюрера и составляет важнейший элемент нацистской идеологии. Одновременно культ фюрера в определённой степени выражает недовольство формальной демократией¹⁷⁶.

Следует сказать, что ещё раньше, в работе английского историка Яна Кершоу, на основе эмпирических фактов глубоко исследовано значение веры народа в своего фюрера¹⁷⁷. При этом он доказывает, что необычайная популярность и высокая оценка Гитлера носила и религиозные черты. «В условиях утраты доверия к церкви, со стороны нацистов было ловким делом предложить замену старой, христианской идеологии новой, в виде идеологии национал-социализма, соединяющей религиозные чувства с национально-патриотическими идеями», – пишет Кершоу¹⁷⁸. Он убедительно показал силу веры в Гитлера как основы массового движения нацизма. Однако он считает, что чествование Гитлера носило псевдорелигиозный характер.

Бэрш оспаривает утверждение Кершоу о «псевдорелигиозном» характере поклонения Гитлеру. Он пишет, что «вера тех людей, кто в массовом порядке подписывали свои письма лозунгом «хайль», тех, кто каждый день приветствовал им друг друга, имела и религиозное содержание». Далее он пишет, что приветствующие люди в этот момент находятся «в поле взаимодействия религии и политики и связаны между собой харизмой Гитлера»¹⁷⁹. Бэрш, таким образом, освещает ещё одну сторону психологии взаимодействия народа и фюрера.

В то же время многие современные учёные, опираясь на донесения СД о внутреннем положении в рейхе, доказывают, что вера людей в Гитлера не была всё же всеобъемлющей. Для многих приветствия вскинутой рукой было лишь формальностью (Фрай, Хуммель, Вендт и др.) Соглашавшись с этим, добавим, что безграничная вера в фюрера была характерна для узкого окружения Гитлера, а если брать народ, то это касалось фанатичных сторонников партии, большей части молодёжи, а также женщин. Здесь была очень велика сила не столько чисто религиозного, сколько эмоционального фактора, присущего этим категориям населения.

В формировании образа Гитлера как «спасителя» немецкой нации Бэрш большое значение придаёт различным фигурам из реакционно-консервативного лагеря, которые *поддерживали в Гитлере убеждение* в его мессианстве с целью продвижения своих взглядов на расовые проблемы («расовед» Х. С. Чемберлен, сторонники националистических взглядов композитора Вагнера и др.)¹⁸⁰

Одновременно существовала и полурелигиозная взаимосвязь между Гитлером и его ближайшим окружением. Так, в духе религиозного экстаза он воспринимался Геббельсом. Вообще, автор книги считает фигуру Геббельса идеально-типической для анализа формирования культа фюрера. Бэрш довольно подробно рассматривает в этой связи оценку Геббельсом мировоззрения Гитлера как «катехизиса новой политической веры» и видение им в Гитлере воплощение «народной идентичности»¹⁸¹.

Большинство верующих нацистов, по мнению Бэрша, принимали этот модус. Далее автор излагает свои оценки понимания Гитлера другими деятелями нацистов: Р. Гессом, Ю. Штрайхером, Г. Гиммлером, Б. фон Ширахом, Г. Герингом. В их восприятии Гитлера было много общего с восприятием Геббельса, но выделялась та или иная особенная черта¹⁸².

Автор приходит к заключению, что все эти «революционеры» религиозно верили в Гитлера. Они не трактовали фигуру Гитлера в расово-биологическом смысле. Они наполняли характеристику фюрера такими чертами, какими их сформулировал М. Вебер. Вера в харизму Гитлера была условием силы и победы движения. Одновременно она же была и основой криминальных действий национал-социалистической «народной» политики¹⁸³.

Бэрш разбирает идеологические основы «народной» политики, анализируя взгляды на этот счёт в книгах А. Розенберга «Миф XX столетия» и А. Гитлера «Моя борьба». У Розенберга выше всего стоит понятие «мировоззрение». Оно очень широкое и охватывает религию, науку и искусство. Его взгляды идентичны п. 24 партийной программы о «позитивном христианстве». Понимание религии Розенбергом неразрывно связано с расовым учением¹⁸⁴.

Бэрш отмечает, что на взгляды Гитлера и Розенберга (особенно – последнего) сильно повлияло учение немецкого средневекового мистика Майстера Экхарта о божественности немецко-арийской души и крови. Понятие «раса» и Гитлер, и Розенберг трактуют в биологическом смысле и при этом, по мнению автора, четко просматривается антропологически-религиозная интерпретация враждебности «ариев» и евреев¹⁸⁵.

Бэрш очень серьёзно анализирует книгу Гитлера «Моя борьба», пытаясь выяснить суть подхода руководителя нацистов к партийной идеологии. Автор обращает внимание на одну из ее центральных категорий – категорию «веры». Гитлер особенно подчёркивал этот аспект в нацистском мировоззрении. Он действительно заканчивает главу «Мировоззрение и партия» требованием создания догматов и символов веры нацистов¹⁸⁶.

Бэрш из этого факта делает вывод о рождении политической веры в контексте «народного» «религиозного» сознания¹⁸⁷. Этот вывод представляется спорным, т. к. «символ веры» здесь у Гитлера явно носит не религиозный, а политический характер. Другое дело, когда Бэрш обращает внимание читателей на то, что не только в этой книге, но и в своих письмах, заметках и в речах Гитлер постоянно говорит о мессианской роли немецкого народа по «спасению» европейской культуры от «разрушения еврейством». Здесь Гитлер действительно часто оперирует религиозными и библейскими категориями. «Я настаиваю, – пишет Бэрш, – что идеологему «Арии» прежде всего надо обозначать как символ, метафору, персонификацию, инкарнацию или репрезентацию, которой в действительности нет (нельзя изобразить), но которая может быть схвачена только духовно или конгнитивно»¹⁸⁸.

Бэрш обращает внимание также на то, что в философских рассуждениях Розенберга и Гитлера большое значение придается приставке «ur», то есть «первоначальный». Первооткрыватель, «исходный тип», «исходный элемент» (Гитлер), «исходная субстанция», «исходный феномен» (Розенберг). Этому «исходному» процессу они придают большое значение. Для них это – что-то настоящее, не извращённое, лучшее. Только ту культуру они признают, в основе которой лежит эта «первоначальная субстанция»¹⁸⁹. Идеологема «расы» у Гитлера и Розенберга раскрывается через поиск силы, величия и гармонии. Она является центром коллектива. Эта идеологема противопоставляется Просвещению с его идеями равенства, ответственности, совести людей¹⁹⁰.

Анализ представлений Гитлера и Розенберга, проведенный Бэршем, несомненно, облегчает понимание действий нацистского руководства в сфере расовой и культурной политики нацистов, а также помогает понять

взаимоотношения внутри узкого круга соратников Гитлера, большинство из которых до конца оказались верны своему «фюреру».

Суммируя, можно сказать, что Бэрш находит религиозное содержание во всех компонентах нацистской идеологии: в её понятиях человека, общества, государства, права и истории в целом. «Вне религиозного измерения нельзя до конца понять оценочные категории национал-социалистов», – пишет автор. «Идеология национал-социализма, – продолжает он, – по праву может называться политической религией»¹⁹¹. Нацистское мировоззрение религиозно, т. к. в противоположность науке и философии оно требует веры¹⁹².

Можно согласиться с тем, что идеологи нацистов сделали немецкий народ объектом своих религиозных манипуляций. Но всё же нельзя преувеличивать степень влияния этих компонентов на массы. Во-первых, не все идеологи нацизма придавали религиозный смысл тем понятиям, которыми они оперировали. Это касается прежде всего Гитлера и Розенберга. Религиозных фанатиков среди руководителей было крайне мало, и только один из них – Геббельс – действительно был влиятельной фигурой Третьего рейха.

Гиммлер – тоже влиятельный человек и руководитель аппарата СС. Но он был, прежде всего, эзотериком. Эзотерика же представляет собой нечто другое, чем религия. Возможно, следует говорить о дополнительных мобилизационных возможностях, которые предоставляли религиозные манипуляции для усиления влияния нацистской идеологии. Они были рассчитаны только на определённую часть населения, настроенную одновременно и религиозно, и антицерковно. И Гитлер, и вся когорта нацистских идеологов были прежде всего политиками, а не религиозными деятелями.

Немецкий народ ждал от партий, в том числе и от нацистской, реального разрешения социально-экономических проблем и подъёма уровня жизни. И популярность нацистской партии у населения после прихода к власти и до войны основывалась, прежде всего, не на религиозных чувствах или антисемитских мероприятиях, а на успехах социально-экономической и внешней политики 1933–1939 гг.

Большая доля религиозных и эзотерических компонентов в идеологии национал-социализма свидетельствовала о глубочайшем кризисе не только политического, но и религиозного сознания германского (и европейского) общества в 10–20-е гг. XX века. Она является отражением и общего кризиса европейской культуры, с наибольшей полнотой выраженого в работе О. Шпенглера «Закат Европы».

Специальную главу книги Бэрш посвящает анализу причин геноцида евреев. С точки зрения нацистской религиозной политологии Бэршу

представляется совершенно логичным процесс массового изгнания и убийства евреев в годы Второй мировой войны¹⁹³. Полемизируя с другими немецкими историками, которые считают Холокост кумулятивным процессом, результатом обстоятельств войны, следствием «генерального плана Ост» и других причин, Бэрш на первое место выдвигает религиозную подоплёку. «Божественные арии» должны проторить себе дорогу в «святой» рейх путём уничтожения еврейства. Убийство евреев вытекает не из христианской идеологии как таковой, а из нацистской её трактовки и искажения.

В свете споров о намерениях Гитлера на этот счёт, ведущихся в историографии, автор стремится доказать, что Гитлер имел твёрдое намерение относительно уничтожения евреев, может быть, не сейчас, но в будущем, несмотря на отсутствие прямого устного или письменного распоряжения Гитлера о массовом физическом истреблении евреев¹⁹⁴.

Один народ должен быть истреблён, чтобы построить «новый порядок». Уничтожение является спецификой нацистской идеологии. Оно проистекает из религиозных основ нацистской идеологии. В ней же большое значение придаётся жертве, и в политической религии нацистов этой коллективной жертвой должен стать еврейский народ. Постулат о том, что евреи должны быть уничтожены, нужно учитывать при оценке появления Освенцима. Сам Освенцим для Бэрша – не загадка. «Рассматривая объективно, – пишет автор, – в Холокосте речь идёт о ритуальном убийстве. Уничтожая евреев, Гитлер хотел исполнить «волю Всевышнего и для Его блага»¹⁹⁵. Эсхатологическое Спасение выливается у главарей нацистов в убеждённую построения Рая для ариев на земле. Собственная жертва заменяется чужой жертвой. Эта жертва священна, т. к. Зло уничтожается в корне. Действительно, в речах Гитлера не раз говорилось, что «по мере того, как я борюсь с евреями, я борюсь за дело Господа»¹⁹⁶.

Согласно своей политической религии Гитлер должен был это сделать. Она объединяла всех национал-социалистов. Автор пишет, что нацистам не оставалось выбора, как согласиться с этим решением и проводить его или перестать быть нацистом. Так как в XX веке каждый сам отвечает за свой идеологический выбор, все нацисты – соучастники массового убийства евреев, утверждает Бэрш¹⁹⁷.

Этот раздел книги Бэрша и его выводы представляются достаточно убедительными и добавляют рельефности в обстоятельства массового уничтожения европейских евреев в годы Второй мировой войны. Многие его оценки идентичны позициям американских и израильских учёных на этот счёт. Но всё же было бы неверным связывать Холокост только с принесением евреев в качестве религиозной жертвы. Ведь его жертвами были и другие народы – может быть, в меньшем масштабе, но были. В Холокосте

переплелось много обстоятельств, но меньше всего в нём было религиозного экстаза.

Результатом исследования взаимосвязи нацистского сознания с практикой уничтожения явились следующие выводы Бэрша:

1. Мировоззрение нацистов нельзя понять без понимания ими христианских вопросов бытия. Без этого их идеология была бы непригодна и не применима ко всем слоям общества.

2. Успех нацистов после легального прихода к власти покоится на религиозном характере его идеологии. Политическая религия является капиталом их бездушия.

3. В нацистском сознании через идеологемы «раса, народ и народная общность» конституировались идеи связи между Богом, Ариями и немецким народом. При этом существовало в их идеологии различие между Народом в смысле «народной» идеологии и западноевропейским понятием демократии – «демоса». Евреи – «земное» воплощение дьявола.

4. Оценка еврейской общности – это не изолированный феномен, а специфическая попытка нацистов конституировать коллективную идентичность. Самоутверждение требует отрицания «чужого».

5. Убийство евреев является, прежде всего, следствием религиозной импликации нацистской идеологии. Собственная жертва заменяется жертвой чужой расы.

6. Несмотря на все противоположности духу Просвещения, в политической религии нацистов есть элементы модернизма – «дух модерна». Сила и власть нацистов имеет реально-историческую современность¹⁹⁸.

Со многими из этих тезисов можно согласиться. Особенно это касается анализа Бэршем оценок нацистскими идеологами места «ариев» и «еврейства» в мировой истории, формирования антисемитизма. Другие тезисы, например 2 или 5, представляются односторонними. В них игнорируется многофакторность исторических событий.

В то же время следует согласиться с автором, что для полноты ответа на вопрос о поддержке массами нацистов следует глубже изучать идейную, духовную, культурную традицию, политическую теологию, будь это теология «немецких христиан» или церковных епископов, поддержавших Гитлера, вплоть до вопросов о степени набожности народа. Результатом должно стать познание связи отдельных конкретных наук: биологии, экономики, антропологии, психологии с философией и политикой.

По отношению к современности неонацисты не способны выработать религию, подобную нацистской, поэтому они не имеют успеха – так считает автор. Бэрш правильно ставит вопрос об актуальности изучения политических религий. Сегодня они активны на арабском Востоке и проявили воз-

возможности разрушения современных конституционных государств. Это может произойти и в других концах света. Наука не отвечает на вопрос о смысле существования, а большинство общества не способно философствовать. В этих условиях велик соблазн для политической религии. Религиозная пидология имеет исторический и актуальный интерес¹⁹⁹.

Исследования немецких авторов свидетельствуют, что идеология национал-социализма носила явно интеграционные черты. В ней находилось место и для взглядов сектантски настроенного бюргера, и для антисемитски ориентированного немца, и для романтика, мечтающего о справедливом и братском обществе, и для тех, кто особенно нуждался в социальной поддержке. Исследователи нацизма как политической религии (а их сравнительно немного в немецкой историографии) к настоящему времени довольно подробно изучили место каждого из теоретиков нацизма, стоявших у истоков его формирования и придававших нацистской идеологии характер политической религии.

* * *

Объединение Германии вызвало серьёзный методологический кризис в сфере исторической науки. Он проявился, прежде всего, в ослаблении марксистской трактовки фашизма, которая длительное время оппонировала историографии «старой ФРГ». В этом смысле общая германская историография обеднела. Особенно остро кризис проявился в первой половине 1990-х гг. и носил оттенок постобъединительной консервативной волны. Именно с этой стороны последовали попытки преодолеть методологический кризис, обращаясь не к новым теоретическим интерпретациям нацизма, а к старым – особенно к теории тоталитаризма (с попытками её обновления и историзации), а также к теориям модернизации и полузабытой «политической религии». Они привели в основном только к постановке некоторых проблем и началу сравнения нацизма и сталинизма.

В рамках предложенных теорий тоталитаризма и модернизации достигнуты определённые результаты. При этом у консервативных авторов в большей мере отмечается тенденция к поискам **общих черт**, в то время, как либерально-демократически настроенные авторы предпринимают сравнения с целью обнаружения **различий** – относительных и коренных. Что касается «модернизаторских» элементов, существовавших в социально – экономической политике Третьего рейха, то по мнению большинства немецких авторов, они носят не интенциональный, а вынужденный характер, связанный прежде всего с милитаризацией экономики и подготовки населения к будущей войне за мировое господство нацистской Германии.

Примечания к главе 2

¹ Wippermann W. *Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute.* – 7, überarb. Aufl. – Darmstadt, 1997 (1. Aufl. 1972); Saage R. *Faschismustheorien. Mit einem Vorwort «Zwanzig Jahre danach: „Faschismustheorien und ihre Kritiker“»*, 4. durchges. Aufl. Baden-Baden, 1997. – 149 S. (Zuerst – München, 1976).

² См., например, анализ этих тенденций в западной историографии, и в том числе в ФРГ, в статьях посвященных истории ментальности, «народной» культуры, исторической антропологии и др.: Методологические и историографические вопросы исторической науки (МИВИН): Сб. статей / Отв. ред. Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского университета, 1994; другие выпуски сборника, а также: Lorenz Ch. *Postmoderne Herausforderungen an die Gesellschaftsgeschichte? // Geschichte und Gesellschaft. Heft 4, Oktober–Dezember 1998.* – S. 617–632.

³ Arendt H. *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft.* – Frankfurt/M., 1955; Русский пер.: Арндт Х. *Предпосылки тоталитаризма.* М., 1993; Friedrich C. J., Brzezinski Z. *Totalitäre Diktatur.* – Stuttgart, 1957.

⁴ См. подробнее: *Тоталитаризм. Из истории идеологий, режимов и их преодоления.* – М., 1996. – 540 с. (Памятники исторической мысли); Михайленко В. И., Нестерова Т. П. *Тоталитаризм в XX веке. Теоретический дискурс.* – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 191 с.

⁵ Любин В. П. *Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме: Аналитический обзор.* – М., 2005. – 120 с.

⁶ Bracher K.-D. *Die Auflösung der Weimarer Republik.* – Stuttgart; Düsseldorf, 1955; ders. *Stufen totalitärer Gleichschaltung. Die Befestigung der nationalsozialistischen Herrschaft 1933–34 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 4 (1956); Bracher K.-D., Sauer W., Schulz G. Die nationalsozialistische Machtergreifung.* – Köln, 1960; ders. *Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen.* – Stuttgart, 1969.

⁷ Nolte E. *Der Faschismus in seiner Epoche.* – München, 1963; Русский перевод см.: Нольте Э. *Фашизм в его эпохе* – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 35; Он же. *Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen.* – München, 1968.

⁸ Bracher K.-D. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie.* – München, 1976; Корнева Л. Н. *Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945 – 90-е годы).* – Кемерово, 1998. – С. 28–39.

⁹ Wippermann W. *Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute.* – Darmstadt, 1997 (1. Aufl., 1972).

¹⁰ Wippermann W. *Europäischer Faschismus im Vergleich. 1922–1982.* – Darmstadt, 1983. Теперь и на русском языке: Випперман В. *Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982.* – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 230 с.

¹¹ См., напр.: *Die Erziehungsstaat des Dritten Reichs.* – Weinheim; Basel, 1985; Kraushaar W. *Sich auf Eis wagen. Plädoyer für Auseinandersetzung mit der Totalita-*

rismustheorie // Jesse E. (Hrsg.) *Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung.* – Bonn, 1999. – S. 500–501.

¹² См., напр.: Костромина Н. Г. *Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли во Франции в XX веке: Автореф. дис. ... канд. истор. наук.* – Екатеринбург, 2006. – 28 с.

¹³ Kühnl K. *Deutschland zwischen Demokratie und Faschismus.* – München, 1969. – S. 59. Подробнее о «школе» см.: Корнева Л. Н. *Проблемы происхождения и сущности фашизма в демократической историографии ФРГ // Классовая борьба в Германии в период империализма 1900–1945.* – Челябинск, 1987. – С. 81–91.

¹⁴ Bracher K.-D. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus und Demokratie.* – München, 1984. Более подробно о начале освещения национал-социализма Брахером через призму теории тоталитаризма см.: Buchstein H. *Totalitarismustheorie und empirische Politikforschung – die Wandlung der Totalitarismuskonzeption in der frühen Berliner Politikwissenschaft // Totalitarismus: eine Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts / Hrsg. Von Alfons Söllner...* – Berlin, 1997. – S. 241–245.

¹⁵ Nolte E. *Vergangenheit, die nicht vergehen will. Eine Rede, die geschrieben, aber nicht gehalten werden konnte// „Historikerstreit“...* – S. 39–47.

¹⁶ Ibid. – S. 41.

¹⁷ Furet F., Nolte E. «Feindliche Nähe». *Kommunismus und Faschismus im 20. Jahrhundert. Ein Briefwechsel.* – München, 1998. – S. 44.

¹⁸ Nolte E. *Vergangenheit, die nicht vergehen will...* – S. 43.

¹⁹ Ibid. – S. 46.

²⁰ Нольте Э. *Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм.* – М., 2003.

²¹ Для этого было бы, видимо, необходимо сопоставление этой работы Нольте с другим его фундаментальным произведением – «Фашизм в его эпохе». Во всяком случае, первое, что бросается в глаза, это то, что эпоху 20–40-х гг. Нольте теперь считает не только (или не столько?) эпохой фашизма, сколько эпохой «европейской гражданской войны» между нацизмом и большевизмом.

²² Нольте Э. *Европейская гражданская война...* С. 19.

²³ Ibid.

²⁴ Bracher K.-D. *Nationalsozialismus, Faschismus, Totalitarismus – Die deutsche Diktatur im Macht- und Ideologiefeld des 20. Jahrhunderts // Bracher K.-D. u. a. Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft.* – Bonn, 1993. – S. 568.

²⁵ Ibid. – S. 569.

²⁶ Meyer K., Wippermann W. (Hrsg.). *Gegen das Vergessen. Deutsch-Sowjetische Historiker Konferenz im Juni 1991 in Berlin über Ursachen, Opfer, Folgen des deutschen Angriffs auf die Sowjetunion.* – Frankfurt am Main, 1992.

²⁷ Faulenbach B. *Zum Stand der wissenschaftlichen und öffentlichen Diskussion über den Nationalsozialismus.* – Essen, 1995. – S. 17.

²⁸ Mommsen H. *Leistungen und Grenzen des Totalitarismus-Theorems // Maier H. (Hrsg.). «Totalitarismus» und «Politische Religionen»: Konzepte des Diktaturvergleichs.* – Fadenborn; München; Wien; Zürich, 1996. – S. 293–297.

²⁹ Jesse E. Überlegungen zur weiteren Totalitarismusforschung // Maier H. (Hrsg.). «Totalitarismus... – S. 281; Jesse E. (Hrsg.). Totalitarismus im 20. Jahrhundert. – Bonn, 1996.

³⁰ Bracher K.-D. Das 20. Jahrhundert als Zeitalter der ideologischen Auseinandersetzungen zwischen demokratischen und totalitären Systemen (1987) // E. Jesse (Hrsg.). Totalitarismus... – S. 137–151.

³¹ Ibid. – S. 139.

³² Ibid. – S. 140.

³³ Funke M. Braune und rote Diktaturen. Zwei Seiten einer Medaille?: Historikerstreit und Totalitarismustheorie // E. Jesse (Hrsg.). Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Bundeszentrale für politische Bildung. – Bonn, 1999. – S. 157.

³⁴ Ibid. – S. 158.

³⁵ Ibid. – S. 155.

³⁶ См.: Anfänge und Gang der NS-Forschung // Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. – München, 2001. – S. 298.

³⁷ Ljudmila Andreevna Mercialowa. Das nationalsozialistische und das kommunistisch-Stalinistische System aus heutiger russischer Sicht // Diktatur und Emanzipation. Zur russischen und deutschen Entwicklung 1917–1991 / Faulenbach B; Stadelmaier M. (Hg.). – 1. Aufl. – Essen: Klartext, 1993. – S. 96–110; Любин В. П. Тоталитаризм в Германии, Италии и СССР: Споры историков // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления: Материалы международной конф. (г. Кемерово, 18–20 сентября 2001). – Кемерово, 2003. – С. 14–35.

³⁸ Министерство государственной безопасности ГДР: *Staatliche Sicherheit* =штази.

³⁹ См. многотомную документацию материалов специальной комиссии бундестага «Entquette-Kommission». In 15 Bänden. – Berlin, 1995.

⁴⁰ См., например: Pohlmann F. Marxismus-Leninismus-Kommunismus-Faschismus. Aufsätze zur Ideologie und Herrschaftsstruktur der Totalitären Diktaturen. – Pfaffenweiler, 1995; Maier H. Politische Religionen. Die totalitären Regime und das Christentum. – Freiburg, 1995; Möll P. Gesellschaft und totalitäre Ordnung. Eine theoriegeschichtliche Auseinandersetzung mit dem Totalitarismus. – Baden-Baden, 1998; и др.

⁴¹ Totalitarismus. Eine Ideengeschichte des 20. Jahrhundert. – Berlin: Akademie Verlag, 1997. – 298 S.

⁴² Wippermann W. Totalitarismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. – Darmstadt: Primus Verl., 1997. – 127 S.

⁴³ Ibid. – S. 41, 98.

⁴⁴ Ibid. – S. 100.

⁴⁵ Geiss I. Die Totalitarismen unseres Jahrhunderts. Kommunismus und Nationalsozialismus im historisch-politischen Vergleich. // Jesse E. (Hrsg.). Totalitarismus... – S. 161.

⁴⁶ Jesse E. Die Totalitarismusforschung im Streit der Meinung // Jesse E. (Hrsg.). Totalitarismus... – S. 18.

⁴⁷ Geiss I. Die Totalitarismen... – S. 162.

⁴⁸ Ibid. – S. 164.

⁴⁹ Ibid. – S. 165.

⁵⁰ Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: в 2 т.: Пер. с англ. – Смоленск, 1994. – С. 143.

⁵¹ Geiss I. Die Totalitarismen... – S. 165.

⁵² Галактионов Ю. В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: Отечественная историография 1945 – 90-х гг. – Кемерово, 1999. – С. 77–79.

⁵³ Geiss I. Op. cit. – S. 166.

⁵⁴ Mommsen H. Nationalsozialismus und Stalinismus. Diktaturen im Vergleich // E. Jesse (Hrsg.). Totalitarismus... – S. 505.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid. – S. 513.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid. – S. 507, 511.

⁵⁹ На конференции в Кемеровском университете осенью 2005 г. научный сотрудник института Хайди Рот обосновал необходимость сравнения двух немецких диктатур причинами исторического, общественно-бытового и гносеологического характера: X. Рот. Некоторые аспекты сравнительного анализа двух германских диктатур // Вторая мировая война. Уроки истории для Германии и России: Материалы международной научной конференции (г. Кемерово. 23–25 сентября 2005 г.). – Кемерово; М.: Издательское объединение «Российские университеты», 2006. – С. 16–23.

⁶⁰ См., напр.: Kühnhard L. (Hrsg.). Die doppelte deutsche Diktaturerfahrung. Drittes Reich und DDR – ein historisch-wissenschaftlicher Vergleich. – Frankfurt am Main, 1994.

⁶¹ Elm L. DDR und “Drittes Reich“ im Vergleich. Kritische Anmerkungen zur Instrumentalisierung des Totalitarismus Theorems // NS-Vergangenheit – Antisemitismus und Nationalsozialismus in Deutschland. – Baden-Baden, 1997. – S 57; Kühnhard L. (Hrsg.). Die doppelte deutsche Diktaturerfahrung...

⁶² Rottleuthner Hubert. Deutsche Vergangenheiten verglichen // Helga Grabitz u. a. Die Normalität des Verbrechens. Bilanz und Perspektiven der Forschung zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen. – Berlin, 1994. – S. 480.

⁶³ Ibid. – S. 481.

⁶⁴ Ibid. – S. 483.

⁶⁵ Ibid. – S. 486.

⁶⁶ СНМ (FDJ) – Свободная немецкая молодёжь – официальная молодёжная организация ГДР («немецкий комсомол»).

⁶⁷ Rottleuthner Hubert. Deutsche Vergangenheiten verglichen... – S. 483.

⁶⁸ Материалы специальной комиссии бундестара – «Enttette-Kommission». In 15 Bänden. – Berlin, 1995.

⁶⁹ Цит. по: Rottleuthner. Op. cit. – S. 484.

⁷⁰ Uwe-Jens Heuer. Politische Funktion und Gehalt der Totalitarismuskonzeption. Die

Karriere eines Begriffs // 50. Jahrestag der Befreiung vom Faschismus. Wider den Geschichtsrevisionismus. Hrsg. Marx-Engels-Stiftung. – Bonn, 1996. – S. 46–62; Karl-Heinz Roth. Geschichtsrevisionismus. Die Wiedergeburt der Totalitarismustheorie. – Hamburg, 1999.

⁷¹ Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hrsg. Von Dietrich Beyrau. – Göttingen, 2000. – 398 S.

⁷² Более подробно об этих сюжетах в условиях нацистской диктатуры см. параграф 4.3.

⁷³ Корнева Л. Н. Историки-марксисты ГДР о германском фашизме // Она же. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма... – С. 77.

⁷⁴ Краткий сравнительный анализ об «обращении с нацистским прошлым» в двух германских государствах см.: Hammerstein K. Deutsche Geschichtsbilder vom Nationalsozialismus // Aus Politik und Zeitgeschichte (сокращённо APuZ). № 03. – 2007. – S. 24–30.

⁷⁵ См. раздел «Теории модернизации» библиографии национал-социализма Рука М.: Ruck M. Bibliographie des Nationalsozialismus... Bd. I. – S. 31–32; Prinz M. / Zitelmann R. (Hrsg.). Nationalsozialismus und Modernisierung. – Darmstadt, 1991; Blum-Geenen – S. u. a. (Hrsg.) «Bruch und Kontinuität». Beiträge zur Modernisierungsdebatte in der NS-Forschung. – Essen, 1995; а также: Ерин М. Е., Ермаков А. М. Национал-социализм и дискуссии историков...

⁷⁶ См. параграф 1.3 настоящей работы.

⁷⁷ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932 гг. – М.: Партиздат, 1933. – С. 297, 363–365; XII съезд РКП(б). Стенографический отчёт. – М.: Красная новь, 1923. – С. 248–249.

⁷⁸ Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1987. – С. 81.

⁷⁹ Tarner Jr. Henry Ashby Fascismus und Anti-Modernismus // Fascismus und Kapitalismus in Deutschland. Studien zum Verhältnis zwischen Nationalsozialismus und Wirtschaft. – Göttingen, 1980 (2. Aufl.). – S. 157–182.

⁸⁰ Darendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. – München, 1965. – S. 415–448.

⁸¹ Первоначально она понималась как процесс «вестернизации» мира.

⁸² Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. – München, 1986. – S. 44.

⁸³ См., напр.: из отечественных авторов – работы Ерусалимского А. С., Рахшмира П. Ю., Туполева Б. М., Цфасмана А. Б. и др.; из немецких: Хальгартен Г. Германский империализм до 1914 г., а также вызвавшую наибольший резонанс в историографии: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands 1914–1918. – Düsseldorf, 1961. («Fischer-Kontroverse»).

⁸⁴ Nipperdey Th. Nachdenken... – S. 55.

⁸⁵ Ibid. – S. 56.

⁸⁶ Всё это подробно изложено в книге Гитлера: Адольф Гитлер. Моя борьба: Пер с нем. – ИТФ “Т-Око”, Лобанов С. Н., 1992.

- ⁸⁷ Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. – S. 57.
- ⁸⁸ Более подробно об этом см. параграф 4.3 настоящей работы.
- ⁸⁹ Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. – S. 57.
- ⁹⁰ Обе цитаты: Ibid.
- ⁹¹ Ibid. – S. 58.
- ⁹² Broszat M. Plädoyer zur Historisierung... – S. 137.
- ⁹³ Ibid.
- ⁹⁴ См.: Борозняк А. И. Искупление... – С. 110.
- ⁹⁵ Zitelmann R. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. – Hamburg, 1987; Ders. Adolf Hitler. Eine politische Biographie. – Göttingen, 1989; Prinz M., Zitelmann R. (Hrsg.). Nationalsozialismus und Modernisierung. – Darmstadt, 1991.
- ⁹⁶ Zitelmann R. Hitler-Bild im Wandel // Bracher K.-D u. a. (Hrsg.). Deutschland 1933–1945... – S. 504.
- ⁹⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. – Смоленск. – С. 463, 469.
- ⁹⁸ Zitelmann R. Historiografische Vergangenheitsbewältigung und Modernisierungstheorie. Nationalsozialismus, Faschismus, Stalinismus // Diktatur und Emanzipation... – S. 124.
- ⁹⁹ Ibid. – S. 129.
- ¹⁰⁰ Rauh M. Anti-Modernismus im nationalsozialistischen Staat // Historisches Jahrbuch 107 (1987), – S. 94–121; Mommsen H. Nationalsozialismus als vorgetäuschte Modernisierung. // Pehle Walter H. (Hrsg.) Der historische Ort des Nationalsozialismus. Annäherungen, Frankfurt am Main, 1990. – S. 31–46.
- ¹⁰¹ Брозат М. Тысячелетний рейх. Триумф НСДАП и рождение империи: Пер. с нем. – М., 2004; Брозат. Закат тысячелетнего рейха. Гибель богов: Пер. с нем. – М., 2005 и уже упомянутые работы Моммзена и Фрая.
- ¹⁰² Mommsen H. Nationalsozialismus als vorgetäuschte Modernisierung //ders. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Ausgewähltem Aufsätze. – Reinbeck bei Hamburg, 1991, – S. 418–419.
- ¹⁰³ Frei N. Wie modern war der Nationalsozialismus? // Geschichte und Gesellschaft (GWU) 19 (1993). – S. 367–377.
- ¹⁰⁴ Ibid. – S. 379.
- ¹⁰⁵ Schäfer H. D. Das gespaltene Bewußtsein. Über deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933–1945. – München; Wien, 1983. – 254 S.
- ¹⁰⁶ Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland: Vorträge des interdisziplinären Arbeitskreises zur Erforschung der Moderne im Rheinland / Hrsg. Von Dieter Breuer und Cepl-Kaufmann G. – Paderborn; München u. a., 1997.
- ¹⁰⁷ Mölich G. «Moderne» und «Modernisierung» als Leit- und Epochenbegriff in den Kulturwissenschaften. Eine kritische Skizze // Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland... – S. 19.
- ¹⁰⁸ Mölich G. – Op. cit. – S. 21.
- ¹⁰⁹ Barbian J.-P. Überlegungen zur Gültigkeit eines ideologischen Gegensatzpaares in

der Lebenswirklichkeit des «Dritten Reiches» // *Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland...* – S. 53–92.

¹¹⁰ Ibid. – S. 65.

¹¹¹ Ibid. – S. 72.

¹¹² Prinz M., Zitelmann R. (Hrsg.). *Nationalsozialismus und Modernisierung.* – Darmstadt, 1991.

¹¹³ Prinz M. Ein Grenzfall: Nationalsozialismus und Modernisierung. Zur neueren Diskussion in der Zeitgeschichtsschreibung // *Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland...* – S. 23.

¹¹⁴ Ibid. – S. 27.

¹¹⁵ Grode W. *Nationalsozialistische Moderne. Rassenideologische Modernisierung durch Abtrennung und Zerstörung gesellschaftlicher Peripherien.* – Frankfurt am Main u. a., 1994. – 222 S.

¹¹⁶ Ibid. – S. 10.

¹¹⁷ Ibid. – S. 14.

¹¹⁸ Ibid. – S. 18.

¹¹⁹ Grode W. *Nationalsozialistische Moderne...* – S. 163.

¹²⁰ Ibid. – S. 164.

¹²¹ Ibid. – S. 168.

¹²² Ibid. – S. 174.

¹²³ Grode W. *Nationalsozialistische Moderne...* – S. 174.

¹²⁴ Wippermann W. Das Dritte Reich: Produkt oder Bruch der Moderne? Zur Kritik von modernisierungstheoretischen Ansätzen in der Faschismus-Diskussion, // 30. Januar 1933 – Kontinuitäten und Brüche. – Bd. 1. – Berlin, 1993. – S. 5–16; Radkau J. *Nationalsozialismus und Modernisierung,* // Wehler H.-U. / (Hrsg.). *Scheidewege der deutschen Geschichte. Von der Reformation bis zur Wende 1517–1989.* – München, 1995. – S. 183–197; Reichel P. *Der Nationalsozialismus und die Modernisierungsfrage,* // Eugen Blume-Dieter Scholz (Hrsg.). *Überbrückt. Ästhetische Moderne und Nationalsozialismus.* – Köln, 1999. – S. 18–26.

¹²⁵ Prinz M. Ein Grenzfall: Nationalsozialismus und Modernisierung... – S. 28.

¹²⁶ Ibid. – S. 29.

¹²⁷ Ibid. – S. 30.

¹²⁸ Reichelt W. *Das braune Evangelium. Hitler und NS-Liturgie.* – Wuppertal, 1991.

¹²⁹ Цит. по: Maier H. «Totalitarismus» und «politische Religionen» // Jesse E. (Hrsg.). *Totalitarismus im 20. Jahrhundert...* – S. 125.

¹³⁰ Ibid. – S. 124.

¹³¹ См., напр.: Maier H. «Totalitarismus» und «politische Religionen» // Jesse E. (Hrsg.). *Totalitarismus im 20. Jahrhundert...* – S. 118–134; *Nationalsozialismus als politische Religion.* – Frankfurt am Main, 1997; Baersch C. E. *Die politische Religion des Nationalsozialismus.* – München, 1998; Hermand J. *Der alte Traum vom neuen Reich. Völkischen Utopien und Nationalsozialismus.* – Frankfurt am Main, 1994.

¹³² Ibid. – S. 124–125.

¹³³ Ibid. – S. 125.

¹³⁴ Nationalsozialismus als politische Religion / Hrsg. von M. Ley und J. H. Schoeps. – Frankfurt am Main, 1997.

¹³⁵ Ibid. – S. 3.

¹³⁶ Ibid. – S. 5, а также статья Крауза «Возрождение Э. Фогеляйна? Политическая наука как политическая теология» (на немец. яз.).

¹³⁷ Ibid. – S. 24.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Ibid. – S. 25.

¹⁴⁰ Ibid. – S. 26.

¹⁴¹ Гитлер А. Моя борьба: Пер. с немецкого с комментариями редакции – ИТФ «Т-ОКО», Лобанов С. Н., 1992. – С. 252–272, 380–382.

¹⁴² Ежедневник с претенциозным подзаголовком «Ежедневник борьбы за правду» был основан нацистом Юлиусом Штрайхером в 1923 г. и вёл разнузданную антисемитскую пропаганду. В начале его тираж составлял 2000–3000 экземпляров, в 1933 г. – 20 000 и почти 400 000 в 1944 г. – *Zyklus des Nationalsozialismus* (Hrsg. von Wolfgang Benz u. a.). – München, 1997. – S. 754.

¹⁴³ Nationalsozialismus als politische Religion... – S. 40.

¹⁴⁴ Ibid. – S. 41.

¹⁴⁵ Ibid. – S. 42.

¹⁴⁶ Цит. Ibid.

¹⁴⁷ Ibid. – S. 125.

¹⁴⁸ Ibid. – S. 105.

¹⁴⁹ Ibid. – S. 207–213.

¹⁵⁰ Ibid. – S. 110.

¹⁵¹ Ibid. – S. 118.

¹⁵² Ibid. – S. 120.

¹⁵³ Ibid. – S. 112–114.

¹⁵⁴ Ibid. – S. 119.

¹⁵⁵ Ibid. – S. 115.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Ibid. – S. 118

¹⁵⁸ Ibid. – S. 122.

¹⁵⁹ Schoeps J. H. Erlösungswahn und Vernichtungswille. Die so genannte Endlösung der Judenfrage als Vision und Programm des Nationalsozialismus // *Nationalsozialismus als politische Religion...* – S. 267.

¹⁶⁰ Ibid. – S. 264.

¹⁶¹ Ibid. – S. 265.

¹⁶² Ibid. – S. 266.

¹⁶³ См.: Browning Ch. R. *Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen.* – Reinbeck bei Hamburg, 1996.

- ¹⁶⁴ Schoeps J. H. Erlösungswahn und Vernichtungswille. Die so genannte Endlösung der Judenfrage als Vision und Programm des Nationalsozialismus... – S. 267.
- ¹⁶⁵ Ibid. – S. 268.
- ¹⁶⁶ Ibid. – S. 269.
- ¹⁶⁷ Арендт Х. Предпосылки тоталитаризма. М., 1993.
- ¹⁶⁸ См., напр.: Schreiber G. Hitler. Interpretationen 1923–1983. – Darmstadt, 1988.
- ¹⁶⁹ Baersch C. E. Die politische Religion des Nationalsozialismus. – München, 1998.
- ¹⁷⁰ Ibid. – S. 110.
- ¹⁷¹ Ibid. – S. 125.
- ¹⁷² Ibid. – S. 130.
- ¹⁷³ Ibid.
- ¹⁷⁴ Ibid. – S. 132.
- ¹⁷⁵ Ibid. – S. 133.
- ¹⁷⁶ Ibid. – S. 134–135.
- ¹⁷⁷ Kershaw I. Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. – Stuttgart, 1980.
- ¹⁷⁸ Ibid. – S. 91.
- ¹⁷⁹ Baersch C. E. Die politische Religion des Nationalsozialismus... – S. 139.
- ¹⁸⁰ Ibid. – S. 222.
- ¹⁸¹ Ibid. – S. 325.
- ¹⁸² Ibid. – S. 331.
- ¹⁸³ Ibid. – S. 332.
- ¹⁸⁴ Ibid. – S. 335.
- ¹⁸⁵ Ibid. – S. 336.
- ¹⁸⁶ См.: Гитлер А. Моя борьба: Пер. с немецкого с комментариями редакции. – ИТФ «Т-ОКО», Лобанов С. Н., 1992. – 322 с.
- ¹⁸⁷ Baersch C. E. Die politische Religion des Nationalsozialismus... – S. 337.
- ¹⁸⁸ Ibid. – S. 340.
- ¹⁸⁹ Ibid. – S. 341.
- ¹⁹⁰ Ibid. – S. 342.
- ¹⁹¹ Ibid. – S. 343.
- ¹⁹² Ibid. – S. 370.
- ¹⁹³ Ibid. – S. 371.
- ¹⁹⁴ Ibid. – S. 373.
- ¹⁹⁵ Ibid. – S. 380.
- ¹⁹⁶ Ibid. – S. 380–381.
- ¹⁹⁷ Ibid. – S. 382.
- ¹⁹⁸ Ibid. – S. 383.
- ¹⁹⁹ Ibid. – S. 384.

Глава 3

ИСТОРИОГРАФИЯ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ НАЦИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

3.1. Структура нацистского государства. Механизм контроля и подавления

Немецкая историография периодически возвращается к таким вопросам как: гибель Веймарской республики, приход Гитлера к власти и процесс формирования тоталитарного нацистского государства. Оживление интереса к ним стимулируется юбилейными датами, политической обстановкой и политическим образованием, а также результатами новых исследований. Современные взгляды историков на факторы укрепления и стабилизации нацистского режима, его начальный этап нашли отражение в книге ряда видных немецких авторов «Начала коричневого варварства»¹.

В статье В. Бенца исследуется процесс формирования **однопартийного государства**. Наряду с известными поэтапными событиями 1933 – середины 1934 г., приведшими к узурпации власти нацистами, историк делает акцент на позицию большей части населения, которая не только не сопротивлялась ей и не только наблюдала за этими процессами, но активно помогала им. Это проявлялось в массовом добровольном вступлении людей в нацистскую партию, в инициативах изгнания евреев из общественных организаций (официально евреям не разрешалось пребывание только на государственной службе. – *Л. К.*). Это подтверждается и результатами выборов 12 ноября 1933 г., когда из 95,2 % избирателей, принимавших участие в голосовании – 92,2 % выбрали лист нацистской партии². Конечно, можно оспорить аргументы Бенца тем, что немцам не было уже из чего выбирать. Других партий не существовало. Но всё же тогда сохранялась возможность на тайных выборах проголосовать «против». И такие голоса были, хоть и немногочисленные. Суммируя такую позицию населения, Бенц заключает, что «под рукоплескания народа и элиты правовое государство было разрушено. Немецкое государство стало тотальным, а принцип фюрерства – основополагающим»³. Таким образом, ответственность за оформление диктаторской власти в Германии Бенц возлагает не только

на нацистскую партию и её руководство, но и на подавляющую часть немецкого общества.

Важную роль в укреплении нацистской власти сыграло руководство **рейхсвера**. Его позицию известный историк вермахта Клаус-Юрген Мюллер оценивает как союзническую, поскольку внешнеполитические планы военных совпадали с империалистическими планами Гитлера. Однако историк утверждает, что руководство рейхсвера «заплатило» за этот союз тем, что с 1938 г. началось ослабление автономии армии. С этого же времени был предопределён конец влияния на армию «прусско-немецкой военной элиты как исторического явления»⁴. Подобная трактовка частично снимает ответственность с руководства вермахта за преступления армии во Второй мировой войне.

Позицию **церкви** по отношению к нацистскому режиму на основании новейшей литературы анализирует Ульрих фон Хель. Его выводы не утешительны для обеих крупнейших конфессий Германии: их отношение к новому режиму преимущественно характеризовалось или поддержкой, или приспособлением. Если и было осуждение, то оно носило не политическую окраску. Говоря о сопротивлении нацизму со стороны церковников, Хель характеризует его как «индивидуальное восстание совести». К политическому Сопротивлению примкнули только отдельные пасторы (например, Дитрих Бонхёфер, Альфред Депп), которые не выступали при этом как официальные представители церкви, пишет он⁵.

Историк даёт понять, что церковь не воспользовалась своим большим влиянием на немецкий народ для осуждения нацизма и узурпации им власти в Германии. По его данным, в 1933 г. 95,2 % немцев принадлежали к двум христианским конфессиям – 62,7% – протестанты (40,9 млн) и 32,5 % – католики (21,2 млн) и – голос церкви с осуждением узурпации власти в Германии имел бы большое значение. Вместо этого церковь пошла на заключение соглашения с ней (Конкордат)⁶.

Ещё один аспект укрепления власти нацистов в 1933–1935 гг. – **экономическое положение и политика занятости населения**. Их анализирует в своей статье историк Райнхард Шпрее. Быстрый экономический рост, начавшийся сразу после прихода нацистов к власти, он связывает не столько с политикой нацистов как таковой, сколько с конъюнктурным экономическим подъёмом, начавшимся ещё летом 1932 г. по выходе из тяжелейшего кризиса. Нацистская пропаганда увязала это со своим приходом к власти. «Германия, – пишет автор, – стала участвовать с 1933 г. в международном экономическом подъёме не из-за Гитлера, а вопреки ему»⁷. На укрепление режима влияла также политика финансирования общественных работ, замораживание зарплаты и цен. Помогали репрес-

сии и демагогия: запрещение профсоюзов, манипулирование статистикой безработицы.

«Спор историков» ФРГ второй половины 1980-х гг. стимулировал исследование нацизма в области структуры его господства. За методологическую основу трактовки нацистского государства большинством авторов берётся теория Э. Френкеля о существовании при фашизме так называемого «двойного государства», в котором смешались черты «нормального» буржуазного государства с «чрезвычайными» нормами тоталитарного государства. Большинство учёных признаётся факт такого смешения и изучается степень проявления компетенций «нормального государства» и «органов государства чрезвычайных мероприятий». Они уточняют особенности взаимодействия этих двух «типов» управления. В оценке их взаимоотношений историография часто прибегала к метафорам или картинам. Так, например, Г. Моммзен ещё в 60-х гг., в своей книге «Государственная бюрократия в Третьем рейхе», обозначал положение бюрократии по отношению к новому режиму сравнением с вещью, находящейся на «наклонной плоскости», по которой «бюрократия скатилась до уровня простого орудия преступного государства»⁸. В последующие десятилетия последовало исследование этой темы на региональном уровне⁹.

В 1990-е гг. вопрос о взаимоотношениях государственной бюрократии и нацизма стал изучаться с точки зрения преемственности управляющей элиты, её способности сохранять самоё себя вне зависимости от формы власти. На региональном уровне фундамент для такого исследования был заложен компендиумом статей «Региональные элиты между диктатурой и демократией» на примере земли Баден-Вюртемберг 1930–1952 гг., авторы которого констатировали индивидуальное стремление к карьере и одновременно корпоративную сплочённость как основу для сохранения высшего слоя служащих¹⁰.

Один из авторов работ по региональным элитам – Михаэль Рук считает, что смена политической системы в Германии в 1933 г. – с либеральной на тоталитарную власть нацистов – имела только ограниченное влияние на сплочённость и образ мыслей распорядительной элиты. Это суждение автор обосновывает тем, что чиновничество с кайзеровских времён объединяли национал-консервативные ценности, и в целом оно было настроено против Веймарской республики¹¹. Вот почему бюрократия не сопротивлялась власти нацистов – идеология национал-социализма во многом опиралась на консервативные ценности. «Административная элита... с профессиональной рутинной управляла нарушающими права (человека) процессами тоталитарного «государства мероприятий»¹². Среди бюрократии не было сопротивления преступлениям нацистского режима – ни

активного, ни пассивного, но была лояльная кооперация с властью, – дополняет автор. В книге М. Рука содержатся биографии видных представителей чиновничества земли Баден-Вюртемберг, подтверждающие его выводы о способности к самосохранению большого слоя бюрократии, независимо от формы власти. Многие из чиновников смогли построить свою карьеру, служа и кайзеру, и республике, и нацистам, и послевоенным временам в Западной Германии.

Исследование континуитета старых управленческих структур и новой нацистской власти, особенно на первой фазе её существования, в 1933–1936 гг., важно с точки зрения объяснения стабильности нацистской системы. Ведь она только «становилась на ноги», должна была овладеть управленческими «рычагами», и ей было ещё далеко до собственных традиций. Известный специалист по истории права и управления Дитер Ребентиш в одной из своих статей раскрыл характер поведения управленческой элиты и степень противодействия или приспособляемости традиционной государственной администрации к нацистскому режиму. Он апеллировал к опыту администрации такого крупного города, как Франкфурт на Майне¹³. Сотрудничество бюрократии с режимом историк объясняет идеологическими и политическими корнями: многие служащие Веймарской республики были настроены монархически и авторитарно. Высокомерные бюрократы зачастую находились в своеобразной «внутренней оппозиции» к Веймарской республике. Латентный антисемитизм многих чиновников способствовал тому, что «старая» бюрократия не оказала никакого сопротивления введению нацистами в апреле 1933 г. «закона о государственных служащих», отправлявшего в отставку чиновников-«неарийцев» и политических противников¹⁴.

Ребентиш утверждает, что в больших городах бюрократия была настроена «более либерально», чем в центре и на местах (из-за большого соприкосновения с реальностями жизни). В то же время городское чиновничество поддерживало не федералистскую, но центристскую идею сильного государства, что пропагандировали и нацисты¹⁵. Как представляется, эти утверждения автора приходят в определённое противоречие, потому что либеральные взгляды в отношении государственного управления как раз и подразумевают больше автономии, больше федерализма. Привычка к послушанию, частичное родство взглядов способствовало нарастанию сотрудничества между бюрократией и нацистами, пишет автор. Кроме того, традиционную бюрократию «подвело» самонадеянное мнение, что она «сможет «держать в рамках» новую нацистскую администрацию»¹⁶. По мере укрепления тоталитарных форм правления сами нацисты стали более активно проникать в сферу традиционного государственного

управления. На уровне коммунального чиновничества для сотрудничества имели значение и другие факторы. Например, во Франкфурте-на-Майне партийным гауляйтером был бывший почтовый служащий, и среди его доверенных лиц было много служащих. Сам он стремился набирать людей, имеющих опыт административной работы¹⁷.

Вопрос о сопротивлении репрессивным органам и преступным действиям нацистского режима со стороны государственной бюрократии Ребентиш рассматривает с точки зрения их типологии. Например, волокита с документами, тихий саботаж или что-то другое. Чиновничество не использовало даже этих скромных возможностей. Приспособляемость и сотрудничество с новой властью стали важнейшими элементами поведения бюрократии. Учёный объясняет примиренческую позицию чиновников не только идеологическим родством консерватизма с некоторыми принципиальными идеями нацизма. Он оправдывает такое поведение и тем, что часть бюрократии в начале режима считала, что «революционная» стадия в преобразовании общества нацистами скоро сменится «эволюционной». Вместе с этим исчезнут превентивные аресты, «дикие» концентрационные лагеря и жизнь войдёт в колею нормального законодательства¹⁸. Заблуждению бюрократии на этот счёт содействовало, по его мнению, то, что нацистская пропаганда в 1933–1938 гг. изощёрённо вуалировала свои действительные цели в отношении Германии, Европы и мира.

В то же время историк считает, что традиционная бюрократия несёт свою долю ответственности за создание диктаторского государства. Её размер, по мнению Ребентиша, определялся тем, что «старое» чиновничество, если говорить в общем, не сопротивлялось ни первоначальным, ни последующим нарушениям правовых норм при Гитлере. Ведь ни юридически, ни тем более насильственно конституция не была отменена. Бойкот еврейских сограждан 1 апреля 1933 г., расистские «Нюрнбергские законы» 1935 г., антисемитский погром 1938 г., начало войны, депортации народов – всё это противоречило конституции, а управленческие структуры никак на это не реагировали¹⁹.

Автор отмечает также возрастание роли «чрезвычайного» нормативного регулирования, касавшегося специфических целей нацизма и борьбы с подлинными и мнимыми противниками режима. Отсюда – беспрецедентное увеличение и усиление роли специальных нацистских постов и органов: «уполномоченных» по определённому вопросу, «рейхскомиссаров» с контролирующими функциями или таких, например, дополнительных к министерствам органов как «ведомство по 4-летнему плану», «ведомство по привлечению рабочей силы» и других, а также разрастание аппарата СС. Происходило разделение и размывание властных полномо-

чий, и государственные службы на местах зачастую не знали, кто же в действительности уполномочен решать тот или иной вопрос. На втором году войны на уровне округов и земель насчитывалось 45 самостоятельных учреждений и служб²⁰. И в этом выражалось недоверие Гитлера традиционным управленцам и его стремление «отвоевать» власть у «старой» управленческой элиты. Автор указывает на интенсивный процесс смещения партийных и государственных органов, особенно видный, по его мнению, в молодёжной политике и репрессивных органах. Например, практически слились функции полиции и СС²¹.

Ребентиш убеждён, что сотрудничество государственного аппарата, например с гестапо, невозможно понять без учёта обстоятельств, которые связывают их. Среди сотрудников гестапо было много служащих из полицейских учреждений Веймарской республики. Он разделяет точку зрения историка Мальмана на то, что до начала войны гестапо ещё не представляло собой «всё знающее и всё видящее око», и методы его работы не были ещё специфически нацистскими в плане эксцессов физического насилия. В последних случаях – особенно это касается применения превентивных арестов и действий в концентрационных лагерях – доминировали «люди СС». Именно они практиковали насильственные методы допросов с пристрастием, психические и физические расправы²².

Вменяя в вину государственной бюрократии сотрудничество с фашистами, Ребентиш в то же время – пессимистически, на наш взгляд, – констатирует, что оно в условиях тоталитарного господства с неизбежностью приняло формы принуждения²³. Это заявление носит печать вольного или невольного оправдания добровольного сотрудничества с нацистскими властями абсолютного большинства служащих государственных учреждений. Истории известны примеры их сопротивления, повлиявшие на расстановку политических сил (например, саботаж бывшей российской бюрократии в первые месяцы большевистской власти.).

Попытка оценить политику Гитлера с точки зрения принципов макиавеллизма предпринимается в работе К. Фолькера²⁴. Автор показывает, что в нацистской политике присутствовали такие важные элементы макиавеллизма, как давление, тактика лжи, сокрытие своих целей, улучшение своего положения за счёт союзников, интриги в борьбе за власть. Но у Гитлера и его приближённых это проявлялось в усиленном варианте и при использовании страха и террора²⁵. В отношении народа применялась дозировка насилия и популярных мероприятий. «Народная политика» прикрывала подготовку к войне. Те же принципы использовались Гитлером и во внешней политике.

Элементы макиавеллизма, по мнению автора, просматриваются и в

оккупационной политике нацистов, и в отношении еврейского населения. При этом Фолькер подчёркивает, что сначала эта политика укладывалась в рамки советов Макиавелли, но затем стала перешагивать их²⁶. Так, например, Макиавелли отговаривал от применения силы в занятых областях. Гитлер отказался от этого совета. То же касается и евреев. В целом, автор приходит к выводу о том, что политика Гитлера строилась не на «пустом поле», а учитывала реакционно-консервативные традиции управления обществом. «Политика Гитлера располагалась в макиавеллистском поле, – пишет автор, – но копировала взгляды нацистов и была поэтому радикальнее и скрупулёзнее»²⁷. В книге, таким образом, определяются границы исторического континуитета политического руководства нацистов.

В современной историографии стала активно разрабатываться тема деятельности партийных функционеров НСДАП разного уровня – от имперского до партийных ячеек (рейхсляйтер, гауляйтер, блокляйтер и др.), их влияния на общественно-политическую жизнь Германии 1933–1945 гг. Этому способствовало то обстоятельство, что с 90-х гг. убыстрился уход из жизни поколения участников и свидетелей национал-социализма. Он снял «табу» с некоторых тем в изучении нацизма, особенно связанных с деятельностью отдельных личностей и в государственной, и в партийной системе Третьего рейха. Создалось больше возможностей для более полной оценки деятельности партийной номенклатуры. Разработку этой темы активно поддержал журнал «Ежеквартальник современной истории».

Изучение тем партийного руководства страной на разных уровнях власти позволяют уточнить действие структурных элементов нацистского государства (особенно в рамках споров о его «монархическом» или «поликратическом» характере), внести дополнительные краски в типологию тоталитарной системы. Значение конгрессов рейхсляйтеров и гауляйтеров с точки зрения управления обществом стало предметом анализа историка М. Молля. Автор показывает, что нацисты пытались преодолеть пульсационный характер поликратической системы власти. Этому, например, служили конгрессы партийных функционеров, которые, по мнению автора, были важным инструментом «координации и информации» руководства в «хаосе служб»²⁸.

Ряд интересных публикаций на эту тему представили на страницах журнала и другие историки. Так, например, Ф. Байор посвятил свою статью гауляйтеру Гамбурга К. Кауфману, К. Инахин проанализировал организаторскую и пропагандистскую деятельность первого нацистского гауляйтера Померании К. Д. Фалена. Новые заметки о Й. Геббельсе опубликовал Й. Фест²⁹. Эти работы напрямую касаются темы деятельности и влияния партии на жизнь Германии.

Авторы показали, что во время войны к пропагандистской и мобилизационной работе на «отечественном фронте», к выявлению «врагов рейха» у партийных функционеров добавились и другие, более серьёзные проблемы. Жизненно важными стали организация разборки руин после бомбёжек и помощи пострадавшим, массовые захоронения граждан, отправка стариков и детей во внутренние, сельские районы Германии и др. Часть партийных функционеров сопротивлялась выполнению приказа Гитлера о «выжженной земле». К сожалению, из этих работ не ясно, насколько грозные события войны, перешедшей на территорию Германии, отрезвили партийных деятелей в их оценке и нацистской идеологии, и самого Гитлера.

Большой интерес представляет также аналитическая статья Д. Шмихен-Акерман о месте партийных функционеров нижнего уровня («блокляйтеров») в национал-социалистической системе террора и контроля над населением. В ней автор приходит к выводу, что без работы блокляйтеров в этом направлении и в системе доносительства в целом, гестапо было бы бессильным органом³⁰. Новаторским характером обладает статья Л. Грухмана о коррупции в Третьем рейхе, связанной с «продовольственным обеспечением» нацистских руководителей разного уровня³¹.

Попытка историзации коснулась и **механизма контроля и подавления**. Речь идёт, прежде всего, о деятельности тайной полиции нацистской Германии (**гестапо**). Хотя гестапо считалось одним из центральных органов репрессивного аппарата, так произошло, что его архивы стали доступны историкам для широкого и глубокого изучения только спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны. Большую роль сыграло открытие архивов бывшей ГДР и Восточной Европы. Дополнительный импульс немецкие историки получили извне в лице книги канадского историка Роберта Гелатели: «Гестапо и немецкое общество. Осуществление расовой политики в 1933–1945 гг.»³².

Большое значение для оценки роли гестапо в укреплении нацистской власти имели работы по региональной истории национал-социализма, позволявшие анализировать деятельность гестапо на местах и проследить связи с центром. Например, результаты исследования террористического аппарата на земельном уровне (Саара, Нижней Саксонии, Бранденбурга и других областей) методологически разнообразно представлены в работе «Террор: Господство и повседневность в период национал-социализма»³³. В этой работе сделана попытка преодолеть различие методологических подходов к изучению организации нацистского террора с точки зрения социально-критического метода и методик истории повседневности.

В разделе, посвящённом социальной истории на региональном уровне прослеживается процесс формирования местных отделений гестапо, их

количественный состав, степень профессионализма сотрудников гестапо, их социальный профиль, а также методы работы. Оценивая место и роль гестапо в системе террора в Саарской области (преимущественно промышленной, пролетарской, католической и с сильными позициями социал-демократов и коммунистов), Герхард Пауль поставил вопрос о необходимости ревизии широко распространённого мнения о «всепроницающем оке» и силе нацистской тайной полиции в немецком обществе – как центрального органа «государства чрезвычайных мероприятий».

Приводя различного рода статистические данные, документы и другие материалы, Г. Пауль приходит к таким заключениям: во-первых, аппарат гестапо малочислен; во-вторых, канцелярщина и рутинность преобладает в большей части работы гестапо (исключение – выезды сотрудников в оккупированные области); в-третьих, выяснилось, что большинство сотрудников гестапо – не столько нацисты, сколько бывшие служащие полицейского аппарата Веймарской республики. Членами нацистской партии были не более 50 % сотрудников гестапо³⁴.

Сила гестапо, по мнению историка, заключалась не в методах его работы, а в готовности и желании сотрудничества с ним органов «нормального буржуазного государства» (полиции, армии, министерств), а также нацистских организаций – партийных и примыкавших к ней других общественных объединений. Разбирая дела саарского гестапо, Пауль пришёл к выводу: основную роль в поимке «противников режима» выполняли доносы «простых фольксгеноссе», а именно: они «стучали» на соседей, сослуживцев, родственников, случайных знакомых и т. п. Розыскные мероприятия гестапо по количеству поимок уступали непрофессионалам. Так, например, 87,5 % случаев по «скрытой злобе», «коварству» (против государства) – результат доносительства «простых граждан», и не только по идеолого-политическим мотивам, но и по другим причинам³⁵.

Следует отметить, что одной из первых работ по анализу системы доносов и сотрудничеству полиции и гестапо с населением явилась книга Г. Дивальд-Керкманн о «маленькой силе фольксгеноссен»³⁶. Появление такой работы было тем более важно, что эта тема очень мало изучалась. Опираясь на архивные материалы и дела «добровольных помощников» гестапо, историк сделала выводы, что в целом это явление не носило массового характера, но было одним из важнейших направлений в деятельности террористических служб. По её мнению, трудно также выявить определённый тип доносчика. В то же время материалы гестапо свидетельствуют о достаточно широком восприятии массой населения нацистских расовых и народнических идей. Автор убедительно показала, что доносительство усиливалось в критические периоды существования

нацистского режима, связанные с фазами внутри- или внешнеполитических угроз³⁷.

Работа по истории гестапо развернулась благодаря активным и целеустремлённым действиям названного выше историка Герхарда Пауля, а также Клауса-Михаэля Мальмана. Они поставили задачу изучить не только и не столько структурные аспекты одного из важных механизмов нацистского господства, сколько исследовать вопрос о взаимоотношении тайной полиции и общества. Благодаря новым источникам, постановке новых проблем, переосмыслению сложившихся взглядов, исследовательский проект по всестороннему изучению гестапо нашёл финансовую поддержку «Фонда Фольксваген»³⁸.

Первые результаты интенсивного изучения этой темы были доложены в 1995 г. на специальной конференции, посвящённой деятельности этого репрессивного органа, а следом вышла книга «Гестапо: миф и реальность»³⁹. В ней исследуются различные аспекты организации и деятельности гестапо. Поднимается вопрос о континуитете гестапо и полиции Веймарской республики (К. Граф)⁴⁰. Рассматривается установление службы гестапо в регионах и городах (в Берлине, Гамбурге, Потсдаме и др.)⁴¹. На примерах деятельности тайной полиции в отдельных регионах анализируется её роль в преследовании в Третьем рейхе «врагов народа»: например, выслеживание деятелей подпольной антифашистской «Красной капеллы», депортация евреев и др.

Специально выделен вопрос о сотрудниках, помощниках и партнёрах гестапо. В этой связи представляется интересным попытка Мальмана создать некую коллективную биографию тайных сотрудников гестапо. Дивальд-Керкманн, в свою очередь, анализирует побудительные мотивы сотрудничества с гестапо добровольных «помощников» из народа⁴². В интересной статье Джонсона и Ройбанда освещаются совпадения и противоречия сложившегося в историографии и в общественности мнения о гестапо – с его действительным влиянием⁴³.

Заключительной работой исследовательского проекта о тайной полиции нацистской Германии стала книга «Гестапо во Второй мировой войне. «Отечественный фронт» и оккупированная Европа»⁴⁴. В 27 статьях этой книги центральное место отведено изучению различных аспектов деятельности гестапо в период Второй мировой войны (предыдущий компендиум был посвящён, преимущественно, довоенному периоду). Эти доклады освещают как деятельность гестапо на «внутреннем фронте», так и в оккупированной Европе. Большое внимание уделено участию гестапо в преследовании евреев и Холокосте (статьи Бершеля, Шмидта).

В материалах книги анализируются организация и структура геста-

по, РСХА, персонал, методы принятия решений (статьи Вильдта, Банаха, Пауля). Другой блок статей посвящён деятельности крупных центров гестапо во Франции, Нидерландах, Италии (Кастен, Меерсхоек, Клинкахаммер), а также в «новых» областях рейха, возникших на остатках Чехословакии и Польши (Мальман, Сладек, Фордровитц). В ряде статей исследуются также «новые» для периода войны структуры террора, такие как «Отделы по работе с евреями» и «айнзацгруппы». Ряд статей посвящён деятельности гестапо на заключительном этапе войны и, наконец, развалу всей системы службы безопасности (статьи Пауля и Линка).

В центре внимания авторов – формирование новых методов работы, а также подразделений гестапо в свете задач начавшейся войны. В этих работах показано, что к прежним целям выявления противников режима добавились слежка за принудительными рабочими, создание «трудовых лагерей по перевоспитанию» (статьи Матхойза, Хойзлера, Лотфи, Керкманн и др.). Ряд статей посвящён деятельности гестапо в отдельных частях оккупированной территории, а также анализу формирования крупных отделений гестапо на центральном и региональном уровне.

Ряд авторов написали также об участии конкретных подразделений службы безопасности, а также работников гестапо в проведении репрессивной политики (Штанг, Ангрик и др.). Преступления этих органов обрели конкретные имена и лица. Выявилось, что число лиц, причастных к преступлениям, а также и число жертв было значительно больше, чем было принято считать раньше в историографии и в общественном мнении ФРГ.

Выяснилось также, что действия «снизу» носили более сложный характер, чем просто «выполнение приказа». Было много инициативы «снизу» и доносов «добровольцев» из немецкого народа. После анализа действий режима в разных частях оккупированной Европы был сделан вывод, что без достаточно широкого коллаборационизма со стороны сохранившихся местных структур полиции, доносительства со стороны части граждан оккупированной Европы был бы невозможен столь чётко отлаженный механизм преследования и убийства «врагов» рейха.

Особое внимание уделено участию гестапо в преследовании евреев и Холокосте. Одновременно в книге нашли отражение и вопросы, связанные с деятельностью Службы безопасности (СД) в целом, сотрудничество гестапо с айнзацгруппами и другими особыми подразделениями СС. Авторы прослеживают взаимодействие периферии и центра и, воздействие террора внутри Германии на периферию. В работах уделено внимание вопросу о границах действий уголовной полиции, гестапо и СД, и констатируется, что на оккупированных территориях эти границы практически были стёрты.

В ходе исследования этой большой темы стало ясно, что обозначение гестапо только как института, который был важнейшим инструментом государственного давления на общество, стало уже недостаточным. В своих работах авторы показали, как часть общественных институтов или граждан использовали гестапо в своих корпоративных или личных интересах. В результате стали более чётко видны механизмы тоталитарного господства нацистов. Историзованный подход к гестапо стал также возможен благодаря упоминавшимся обстоятельствам:

1) непредвзятому взгляду нового поколения историков;

2) «уходу» свидетелей времён нацистского господства, когда: а) интересы сопричастных лиц или б) соображения корпоративной солидарности перестают влиять на исторические исследования. Это как раз те моменты, выделив которые и ориентируясь на них, историки сделали то, что Пауль и Мальман назвали «новым социально-историческим реализмом»⁴⁵.

Глубокое и всестороннее исследование темы тайной полиции нацистского государства способствовало, по мнению П. Штайнбаха, «демонстрации» и освобождению от «демонизации» гестапо, характерных для общественного восприятия этой структуры как самодостаточной⁴⁶. Авторы показали, что не «самодостаточность», а тесное сотрудничество с населением и другими партийно-государственными структурами в решающей степени влияло на «эффективность» работы тайной полиции.

Значение этих работ представляется важным и для сравнительного исследования *современных* диктатур, границ общего и особенного между ними и между «центром» и «регионами». Комплекс работ о гестапо ярко подтверждает тезис о том, что проблема «историзации» нацизма совсем не означает придания ему некоей «безобидности». Более того, изучение деятельности тайной полиции Третьего рейха в комплексе исторических, политических и социальных связей делает понятным силу одного из важных факторов тоталитарной власти.

В рамках развившегося в последнее десятилетие **«изучения действий убийц»** («Die Täterforschung») появилось много новых работ. Они направлены на то, чтобы осветить роль отдельных персон в преступлениях, показать их путь к этому и попытаться создать типологию преступников.

Й. Банах отмечает в своей работе, что для этих людей характерны в поведении жёсткость, «деловитость», руководство некими «высшими целями». При этом он указывает, что политика СД в отношении евреев ужесточалась постепенно⁴⁷. В ряде работ исследуются образовательный уровень тех, кто был задействован в СД, их возраст. Анализ этой темы М. Вильдтом показал, что большинство членов СД принадлежало к поколению, родившемуся с 1903 по 1915 г., т. е. представляло достаточно «генерационно-

гомогенную группу»⁴⁸. Кроме того, он установил, что в социальном отношении они принадлежали к средним и даже к верхним слоям общества. Социально активными они стали в период Веймарской республики, участвуя в деятельности реакционных, «народно-радикальных групп»⁴⁹.

Эти выводы позднее были развиты М. Вильдтом в солидной монографии о руководящем корпусе Службы безопасности рейха (РСХА)⁵⁰. Этот командный «мировоззренческий» состав должен был следить и организовывать «расово-народную чистку» восточных областей. Вильдт отмечает, что это была молодёжная «элита СС», которая действовала напористо и безжалостно. Учёный провёл исследование личных дел около 400 руководителей служб РСХА. Именно на этой основе он делает выводы о возрастной гомогенности этой группы⁵¹. Для становления «мировоззренческой однородности» руководящего состава Вильдт считает важным приход в 1939 г. к руководству РСХА Гейдриха, принадлежащего к этой же группе людей. Особенно сплотили «мировоззренческий состав» также действия нацистов в Польше, где осваивалась практика преследования, изгнания и уничтожения⁵².

Вильдт показывает, как шло «обучение» «элиты» СС преследованию «расово неполноценных» ещё до войны, например, в ходе таких событий, как «кровавое воскресенье» в Бамберге (1935 г.). Затем, уже в ходе войны, – во времена «германизация» в Польше, депортаций населения Восточной и Западной Европы, участия в планах «окончательного решения еврейского вопроса»⁵³. В заключительных главах книги он прослеживает судьбу некоторых руководителей службы безопасности в Западной Германии, часть из которых была осуждена, а часть сумела неплохо устроиться после войны.

К важнейшим работам такого рода принадлежит, например, ещё одна книга Мальмана и Пауля⁵⁴. Она содержит биографии не очень известных преступников из числа служащих вермахта, полиции, СС и др. В этом издании приняли участие и уже известные историки (Ангрик, Квит, Польше, Вильдт, Орт, Бирн), и совсем молодые авторы. Обобщая и ранее проводившиеся в этом направлении исследования, Мальман и Пауль заключают, что группы людей, напрямую участвовавших в преступлениях нацистского режима гетерогенны, принадлежат к поколению 1901–1912 гг. рождения. По возрасту эти люди ещё не могли участвовать в Первой мировой войне, но росли в соответствующем общественном и идеологическом окружении. Основная масса преступников – выходцы из нижних и средних слоёв. Образование самое разное: от начального до академического⁵⁵.

Авторы приходят к выводам, к которым пришёл и историк Вильдт, анализируя принадлежность служащих к СД и РСХА, – большинство пре-

ступников принадлежало в период Веймарской республики к «народно-националистической» среде, в которой много было людей, склонных к насилию. Затем они на завоёванном немцами пространстве восточной Европы активно применяли вооружённую силу, доказав склонность к агрессии и насильственным действиям. Все эти факторы облегчали применение террора.

На вопрос, поставленный английским историком Браунингом и американским исследователем Гольдхагеном о «нормальных», «рядовых» немцах, участвовавших в преступлениях, был получен ответ, что в действительности преступники были не совсем «нормальными», а принадлежали к той категории людей, для которой применение силы было обыденной вещью.

Издатели книги выделили несколько типов нацистских преступников, включавших:

- 1) «добровольных политических конформистов»;
- 2) убеждённых «мировоззренческих активистов»;
- 3) «убийц за письменным столом»;
- 4) изначально имеющих склонность к убийствам;
- 5) участвующих в преступлениях по принуждению.

Каждая из биографий прослеживает судьбу до послевоенной жизни в ФРГ. Более половины убийц были отпущены немецкими или союзными судами, и большинство из них сделали «нормальную буржуазную карьеру»⁵⁶.

Особое место в изучении нацистских институтов преследования и террора занимает тема создания и функционирования **системы концентрационных лагерей**. Следует отметить, что существование лагерей в Германии после 1933 г. не являлось какой-либо тайной. На начальной стадии диктатуры об этом писали нацистские газеты, скрывая, конечно, что в этих лагерях происходило на самом деле. Но уже тогда в общественном сознании аббревиатура КЦ стала наводить страх и ужас. После войны, когда вскрылись масштабы преступлений нацистов в КЦ и прошли первые процессы против служащих лагерей, концентрационные лагеря стали олицетворением преступного характера нацистской власти.

Несмотря на упомянутую символику, в первые послевоенные годы немецкие историки почти не интересовались этой темой. Это было связано, как с кажущейся невозможностью постижения случившегося, так и с тем, что трудно было найти какую-либо ценность в исследовании лагерей, исходя из традиционных ценностей историзма, которые тогда проповедовало большинство историков⁵⁷. Поэтому достаточно длительное время историю КЦ писали не историки, а бывшие заключённые концлагерей.

Среди них наибольшую известность и научную значимость обрела работа бывшего заключённого Бухенвальда Ойгена Когана «Государство СС»⁵⁸.

Его книга сформировала в общественном мнении тогдашней Германии **образ** концлагеря: внутренняя жизнь лагеря, всеилие охраны, иерархия среди заключённых, роль «капо» (надзиратель в КЦ) и заключённых-функционеров, принудительные работы, голод и смерть. Другие воспоминания во многом следовали этому образцу. Следует отметить, что большинство воспоминаний о лагерях в первое послевоенное десятилетие принадлежало немецким и австрийским политическим заключённым, которые были лучше организованы и оказывали друг другу взаимопомощь (особенно, коммунисты). В то время как судьба других заключённых КЦ – русских, евреев и других национальностей была почти неизвестна. Из-за этого картина получалась односторонней, так как процент немецких и австрийских заключённых не превышал 10 % от всех заключённых (1944 г.), и ещё меньший процент от них составляли политические заключённые⁵⁹.

Более или менее систематически учёные ФРГ стали заниматься концентрационными лагерями с середины 60-х гг., и толчком к этому послужил так называемый Франкфуртский процесс по Освенциму, проходивший в декабре 1963 г. против членов охранных команд КЦ. Из подготовленных для этого процесса документов возникли первые основательные работы по системе КЦ М. Брошата, Г. Буххайма, Э. Кольба и др.⁶⁰ Но в 70-е гг. у них было мало последователей. Сходные процессы наблюдались и в ГДР⁶¹.

Только в середине 80-х гг. в ФРГ пробудился настоящий научный интерес к истории концентрационных лагерей. Это произошло по ряду причин: и споры вокруг исторического места нацистского режима, и обстановка общественной дискуссии об итогах Второй мировой войны, и приход нового поколения историков. Большую роль сыграли также результаты многочисленных и многоуровневых исследований нацистского режима и его преступлений не только немецкими историками, но и зарубежной историографии. В этот период был дан ход различным формам международной кооперации в изучении периода Второй мировой войны, оккупационного режима, и в том числе системы концентрационных лагерей.

К этому времени выявилось, что по сравнению с другими сюжетами нацистской истории история лагерей содержит много белых пятен: было неизвестно общее число заключённых, а также – погибших в лагерях. В ФРГ отсутствовали солидные монографии по крупным КЦ, таким как Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Равенсбрюк, Флоссенбург и др. В связи с этим было затруднено создание глубоко фундированного обобщающего исследования по системе КЦ.

Только в 1993 г. вышла подобная работа, которая принадлежала, однако, не историку, а социологу Вольфгангу Зофски, – «Порядок террора»⁶². Работа Зофски представляет собой социологический анализ феномена «абсолюта власти», который покоился, как писал автор, на насилии, организованном терроре и убийстве. С этой позиции автор рассматривал в своей работе различные ситуации лагерной жизни: голод, работу, расстрелы, штрафы и т. п. Учёный создал некий идеально-типический образ нацистского лагеря – без определённого места, времени, индивидуальности. Нельзя, например, было сказать, идёт ли речь о лагере 1935 или 1944 г. Но работа Зофски дала всё-таки импульс конкретным историческим исследованиям в этом направлении, которые стали рассматривать нацистские лагеря с точки зрения их развития, изменения функции, в конкретных местах и в установленный период – конкретную практику деятельности лагерей (лагерное бытие).

К настоящему времени в Германии, как и в других странах, изданы многочисленные серьёзные работы по истории концентрационных лагерей, которые дают возможность воссоздать многомерную картину их создания, функционирования и разрушения. К ним относятся, например, обобщающие исследования системы КЦ К. Дробиша и Г. Виланда, К. Орт, В. Виппермана⁶³.

Много работ написано по отдельным крупным и малым лагерям. Это, например, книги Х. Кайенбурга о лагере Нойенгамме, С. Штайнбахер о Дахау, Й. Шлее о Бухенвальде и другие⁶⁴. Заметным в работах стало стремление исследовать влияние существования КЦ на близлежащие города и округу. Исследуя эти связи, историки показывают, что, по крайней мере, в самой Германии, они были довольно тесными: в экономической области, в управлении и обслуживании, в доставке заключённых. Местные жители в целом были информированы о сути происходящего в близлежащем лагере. Поэтому было бы неправомерно говорить о незнании населения об этих фактах, хотя масштабы преступлений тщательно скрывались нацистами. Исследуется также значение лагерей для военного хозяйства Германии, взаимосвязь экономических субъектов и служб СС, показываются тесные контакты предпринимателей с партией. Эти темы хорошо освещены на примере контактов «Кружка друзей Гимmlера» (фонд пожертвований предпринимателей в пользу НСДАП и СС. – Л. К.) со службами одного из КЦ под Марбургом⁶⁵.

Авторы пишут, что в результате этих тесных контактов создалась «хозяйственно и политически мотивированная элитная сеть», где осуществлялись непринуждённые контакты между ведущими промышленниками, банкирами и представителями СС⁶⁶.

Периодически издающиеся под редакцией известных историков сборники статей на различные темы национал-социализма касаются и проблем истории КЦ. Примером такого рода служат материалы сборника большого международного симпозиума, проходившего в 1995 г. в связи с 50-летием окончания войны⁶⁷. Материалы этого сборника представляют палитру исследований этого вопроса, выявляют степень его изученности как в немецкой, так и в зарубежной историографии. В книге наряду с маститами, представлены авторы нового поколения историков Германии, других европейских стран, а также США. Многие статьи и доклады содержат определённые импульсы к дальнейшему исследованию проблематики нацистских лагерей. Материалы книги учитывают динамику развития лагерной системы в течение всего периода нацистской диктатуры, а также изменения их функций в связи с началом мировой войны. В этом объёмном двухтомном труде нашли отражение различные проблемы лагерной системы.

1. Представлена ранняя стадия развития лагерей – от 1933 до 1936/37 гг., когда шло оформление системы КЦ от «диких» лагерей к созданию специальной «инспекции КЦ» и перехода их в подчинение службы СС. Этим темам посвящены статьи Й. Тухеля, У. Херберта, П. Вагнера, Г. Морша, С. Мильтон, Ф. Пингеля. В них освещаются концепции руководства СС, криминальной полиции относительно своего места в решении задач, стоящих перед концентрационными лагерями, реакция немецкой и зарубежной прессы на создание КЦ и др.

2. Рассматривая планирование и фактическую деятельность лагерей в 1934–1938 гг., Тухель приходит к выводу о том, что численность заключённых в стране зависела от политической обстановки: уменьшение числа узников могло происходить под влиянием стабилизации экономического положения, амнистии, внешнеполитических обстоятельств. Но в целом имел место постоянный рост числа заключённых, особенно после антисемитских погромов, с началом политической и военной экспансии⁶⁸.

3. Лагерь этого периода, по мнению автора, ещё нельзя трактовать как места массовых убийств. Лагерь в это время был местом убийства отдельных, прежде всего видных общественных деятелей. Сначала это – место для политических противников, затем для «чуждых» в расовом отношении «народному сообществу» элементов. С 1938 г. – как средство давления на евреев и побуждение их к эмиграции.

4. В это же время СС начинает разрабатывать экономические планы по использованию труда заключённых. Тухель делает важное замечание о воздействии КЦ, которое было направлено не только против их узников, но и в целом против немецкого народа. Своему народу нацистский режим

давал понять, что в Германии отныне возможно в любое время быть брошенным в лагерь без суда и следствия⁶⁹. Отвечая на дискутируемый в немецкой историографии вопрос: каким показал себя Гитлер при строительстве системы КЦ лагерей – «сильным» диктатором или «слабым»? – Тухель определяет его как «сильного» диктатора. «Лагеря в период 1934–1939 г. стали инструментом как «рациональной» (перевоспитание политических противников, умерщвление «нежизнеспособных»), так и целенаправленной внутренней политики Германии (запугивание населения)», – пишет автор⁷⁰.

У. Херберт уточняет юридические основы и практические действия государства и СС по превращению лагерей в этот период в место «превентивного заключения» «криминально-биологических» элементов. Он пишет, что в связи с этим охранная деятельность полиции и СС с 1936 г. постепенно смещалась из области борьбы с политическими противниками в область борьбы с нежелательными социальными и «общественно-опасными биологическими» элементами. Уже к ноябрю 1938 г. политические заключённые составляли не более $\frac{1}{3}$ заключённых, то есть меньшинство. В связи с этим, он подчёркивает феноменологию новых функций немецкой полиции, аналогии которых нельзя найти в других диктатурах. У этих функций «нет исторического прообраза», – пишет он⁷¹.

Такую оценку тенденций в развитии лагерной системы с 1934 и до начала 1939 г. разделяют и другие авторы. И её довольно трудно опровергнуть, так как цифры говорят сами за себя. Но и полностью принять её не представляется возможным. На наш взгляд функции КЦ как места подавления и политических, и расовых противников не были отделены друг от друга стеной, тем более что антикоммунизм и антисемитизм были главными составляющими чертами нацистской идеологии. Они часто смешивались. Другое дело, что в определённые периоды преобладала та или иная функция. Такое суждение поддерживает и часть молодых немецких историков (Фальк Пингель, например)⁷².

Другая важная проблема – развитие и изменение функций некоторых основных лагерей внутри рейха до конца войны. Здесь основное внимание уделено менее изученным лагерным комплексам, но которые претерпели с течением времени всю гамму лагерных изменений и нарастание их преступных деяний.

Комментируя развитие и изменение функций лагерей в период войны, в частности превращение их в места массовых убийств, историк Бернд Вайсброт приводит пример лагеря Штуттхоф. Это был «немецкий лагерь» (т. е. на собственной территории рейха) с одним из самых высоких процентов еврейских заключённых и наивысшим процентом их уничтожения

(65 %). При этом большинство из них погибли в ходе эвакуации лагеря. Это касается и других лагерей. Т. е. «марши смерти» в последние 2–3 месяца войны унесли большинство жертв⁷³.

Вайсброт видит «функциональный поворот» лагерной системы во время войны не в характере его деятельности, а в том, что во время войны оформился новый тип лагеря с новым качеством сконцентрированного в нём общества. Это уже был «лагерь-город» – в противоположность существовавшему ранее «лагерю-деревне». Произошёл «взрыв лагерного феномена», в котором ускорилась «переработка» людей и всё больше возрастало число жертв. «В этом суть описанного «функционального поворота», – утверждает автор⁷⁴.

Отдельная тема изучения вопроса о лагерях – это история лагерей на Востоке (окупированные немцами части Восточной Европы, в основном Польши и Советского Союза). В этом разделе книги также нашли отражение вопросы функционирования не очень известных лагерей, особенно на оккупированной территории бывшего СССР (например, в Литве). Авторы этого раздела – Т. Кранц, Ф. Пипер, Д. Поль, Х. Дикман, М. Вильдт и другие – показывают, что было бы ошибочно переносить знания о лагерях в рейхе на лагеря, расположенные на Востоке. Здесь они были не только более тесно увязаны с политикой геноцида, но отличались – и по внутренней структуре, и по степени относительной самостоятельности лагерной администрации – от «имперских лагерей»⁷⁵.

Результаты исследований дали основание М. Вильдту подчеркнуть, что КЦ на «Востоке» отличались, прежде всего, «убийственным качеством террора», и система лагерей там должна более всего изучаться в своём собственном измерении. В этих лагерях ярко проявилось также применение в отношении людей национал-социалистской политики «уничтожения посредством работы». Большинство массовых убийств произошло в последние 12 месяцев войны. Он пишет, что ещё предстоит исследовать, как «опыт» охранного персонала стал использоваться в лагерях на территории рейха в конце войны после «эвакуации» лагерей на Востоке⁷⁶.

Особенностью «имперских лагерей» было то, что во взаимодействие с лагерями в восточных областях было вовлечено гораздо больше организаций, чем в первых. «СС на Востоке была, конечно, могущественной, но только одной из инстанций среди многих нацистских оккупационных учреждений, заинтересованных в лагерях», – пишет автор. Был и другой род отношений между центральными имперскими инстанциями и региональными властителями системы КЦ. Последние были автономны в своих действиях в области применения террора, принудительных работ и силе

подавления, особенно с 1943 г. «Простор» в действиях был несравним с положением в лагерях рейха⁷⁷.

Вильдт также утверждает на основании недавно проведённых дополнительных исследований, что картина бюрократически отработанной и анонимной машины в деле уничтожения людей, которая преобладает в историографии, не совсем верна. Выступает вперёд значение региональных властей, их «инициатива», их дикость, коррупция, персональное рвение.

В заключение он пишет, что историки долго пренебрегали изучением лагерей на Востоке. Здесь надо достичь не только уровня исследования лагерей рейха, но и превзойти его, учитывая более широкое разнообразие архивных материалов⁷⁸.

Использование труда заключённых КЦ – другая важная проблема истории лагерей. В последнее десятилетие этот вопрос особенно активно прорабатывается историками многих стран⁷⁹. В книге о лагерях этой теме посвящены работы немецких историков Перца, Шультера, Зандкюлера, Фрёбе, Бреннера, Вагнера, Циммермана⁸⁰. Пристальное внимание при этом уделяется системе т. н. «внешних» лагерей. Организация лагерного труда освещается под углом зрения кооперации между руководством СС и военных концернов, расположения части военного производства в подземных сооружениях и т. п. Остро ставится вопрос о лагерях как месте «уничтожения посредством работы». Статьи содержат подробные сведения о состоянии и степени экономической выгоды подневольного труда, об условиях содержания заключённых. Работы во многом уточняют уже известную в целом картину подневольного труда, например, зависимость положения заключённых от степени квалификации труда, его оплаты концернами и другие вопросы. Действия исполнителей – комендантов, членов комендатуры и штабов лагерей, охранных команд и команд убийц – всё это тоже привлекает внимание историков и рассматривается в специальном разделе. Эта тема находится сегодня на острие исследований в связи с постановкой вопроса взаимосвязи между «жертвами и палачами», «палачами и жертвами». Авторы работ – Орт, Шварц, Гарбе при исследовании данной проблематики широко применяют междисциплинарный подход, используя средства психоанализа, социологии. Они поднимают вопросы ментальности, гендерных отношений без которых, картина действий исполнителей была бы неполной⁸¹.

Тема взаимоотношений между заключёнными тоже стала предметом пристального внимания учёных в последние годы. Она является сравнительно новой темой для историографии, так как ранее она освещалась преимущественно бывшими заключёнными и была не свободна от односто-

ронности. Новые методики исследований дают возможность разнообразить палитру, уточнить многие детали, поставить новые вопросы и оспорить некоторые стереотипы.

Здесь дискутируются такие вопросы, как наличие определённых групп заключённых, их взаимоотношения между собой, а также взаимоотношения заключённых и персонала СС. По количеству статей – это самый большой раздел двухтомника. Это работы Обенхаузен и Даксельмюллер о стратегии и повседневной борьбе за выживание, об особенностях положения женщин в лагерях (статья Пфингстен и Фюльберг-Штольберг)⁸².

Особое внимание исследователей притягивает судьба неполитических узников: евреев, поляков, славян, цыган, заключённых по «расово-гигиеническому» или религиозному принципу (работы Циммермана, Фройнда и др.). Вновь обострилась дискуссия о роли заключённых-«функционалов», занимавших некоторые низшие должности в лагерной администрации – старосты барачков, «капо», санитары и т. п. – кто они: защитники узников, или пособники палачей? (Работа Хартевиг «Волк среди волков? Трудности, встречаемые надзирателями-коммунистами, поставленными у власти в концентрационном лагере Бухенвальд»)⁸³. Такие исследования стали возможны ещё и в связи с многочисленными публикациями в 90-е гг. старых и «новых» («заключительных») воспоминаний оставшихся в живых узников лагерей – как части сходящего с исторической сцены поколения свидетелей и жертв эпохи фашизма и войны.

Особое внимание уделяется также заключительной стадии существования лагерей. Эта стадия только начала исследоваться. Особое внимание обращается на так называемые «марши смерти» узников при расформировании или переносе лагерей в конце 1944 – начале 1945 г. Так называемые «марши» раскрывают масштабы бессмысленных и ужасных деяний эсэсовцев в последние месяцы и недели войны. Этим темам посвящены статьи историков Д. Блэтмана, И. Шпренгер, Э. Колбе и других⁸⁴.

Темы докладов и выступлений показывают, что многие, кажущиеся уже решёнными, проблемы всплывают вновь и требуют более глубокого и всестороннего осмысления. О них пишет в заключительной статье В. Зофски. Он весьма скептически оценивает состояние изучения концлагерей с точки зрения универсального и антропологического измерения, констатируя, что «сегодняшняя историография ещё не перешла в этом вопросе стадию локальных исследований отдельных лагерных комплексов»⁸⁵. Соглашаясь с этим, стоит заметить, что всё же исследование многих отдельных лагерей носит фундаментальный характер, а следовательно, даёт возможность для сравнения и последующей типологизации.

3.2. «Народное сообщество» при нацизме

Большое место в историографии нацизма занимают проблемы взаимоотношений власти и общества в 1933–1945 гг. Гитлер и руководство нацистской партии понимали, что для осуществления грандиозных планов преобразования германского общества, Европы и мира в соответствии со своими расовыми и экспансионистскими планами недостаточно обеспечить массовую базу только для завоевания власти. Для этого требовалось её дальнейшее обеспечение.

С приходом к власти нацисты усилили пропагандистскую обработку масс, особенно на её низшей ступени (пока просвещение ещё не было под пристальным наблюдением нацистов). Так как движение нацистов встречало определённое сопротивление со стороны некоторых политических сил, прежде всего из среды коммунистов и социалистов, то для его подавления применялся террор. Нацисты пропагандировали создание в стране «народного государства» во главе с «фюрером», «народного сообщества», призывая к ликвидации социально-классовых перегородок. В этой связи, наряду с пропагандой и насилием, для привлечения населения на свою сторону важное место стала занимать социальная политика нацистов.

Её содержание по отношению к рабочему классу и малоимущим слоям мало изменилось в сравнении с прошлыми временами, например, с Веймарской республикой, но по некоторым позициям – *расширилось*. Это касается, например, «охвата» социальной опекой других слоёв населения – молодёжи, творческой, научной и технической интеллигенции, «просветительской» деятельности нацистов, а проще говоря – попыток поставить под свой контроль все стороны общественной и культурной жизни.

Многие историки в силу традиций или признания высшей политической ценностью идеи либерального государства, априорно считают тоталитарный режим «антинародным». Но ведь большая, если не подавляющая часть населения, живущая *внутри* тоталитарного государства, в соответствии с *его* законами, считает его вполне легитимным и «народным», по крайней мере, до тех пор, пока оно справляется с настоятельными требованиями современной жизни.

К настоящему времени создан большой комплекс исследований – разной степени сложности и методологической направленности, поставивший своей целью объяснение взаимоотношений власти и общества. Ими на первый план выдвигаются разные модели и мотивы объяснений этих отношений: идеологические, партийно-политические, ментальные факторы, добуржуазные связи и отношения и т. п. Наиболее дискуссионным остаётся вопрос о континуитете или разрыве общественных отношений

при нацизме с немецкой историей. В ходе споров одна группа историков, отстаивающая принцип континуитета, подчёркивает политические и социал-исторические связи 30-х годов XX века (т. е. периода нацизма) с социально-политической обстановкой конца XIX – начала XX века в Германии. При этом указывается, что промышленный, банковский и прусско-конкерский высший слой оставался одним и тем же.

В связи с этим круг историков, главным образом леволиберального и социал-демократического толка, рассматривает взгляды Гитлера и нацистов как радикальное выражение политических и империалистических тенденций упомянутого высшего слоя. Именно эти учёные являются сторонниками трактовки режима как «поликратического» по своей структуре власти. Политика Гитлера, по их мнению (Ф. Фишер, Г. Моммзен, Х. Юбершер, Б.-Ю. Вендт, В. Бенц, Х.-Х. Нольте и др.), была одним из вариантов всё той же социал-империалистической политики кайзера Вильгельма II.

Другая группа историков считает, что в период Третьего рейха произошёл разрыв с немецкими традициями, а успех нацизма у германского общества включая традиционную элиту объясняет свойствами личности Гитлера, т. е. трактует его успех с персоналистских позиций. Эти историки ведут свою линию от известного консервативного историка Герхарда Риттера с присущей ему трактовкой нацизма как «несчастливого случая» в германской истории⁸⁶. По их мнению, фашизм в Германии не смог бы появиться, состояться и, конечно же, существовать без Гитлера. Никаких глубоких идеологических корней гитлеровское движение не имело и являлось лишь результатом умения «фюрера» манипулировать массами, навязывая им ощущение своего, в конце концов трагедийного, взгляда на мир. В нём было многое от «мага» и «волшебника». Его идеология – «метеорная», не имеющая фундаментального, обоснованного характера. Его режим не имеет ни специфических «немецких» черт, ни «капиталистических». В своих тоталитарных амбициях он очень похож на «монархический» режим Сталина. (К.-Д. Брахер, К. Хильдебрант, А. Хильгрубер и др.)⁸⁷. Эти историки и политологи считают, что Третий рейх можно объяснить только персоналистски, т. к. идеи «коллективизма» и «народничества», оставаясь насквозь лживыми и демагогическими, лишь вуалировали личные амбиции и персональное господство Гитлера.

Разобраться в вопросе границ искренности и демагогии в отношениях нацистов с обществом – это непростая задача. Ответы на эти вопросы стала давать историография 1970-х гг., особенно в лице представителей социально-критической школы. Они исследовали социальный электорат нацистов, констатировали частичную преемственность нацистской соци-

альной политики с предыдущим и последующим периодами. Одновременно они подчёркивали, что социальная политика нацистов была тесно связана с конъюнктурой вооружения⁸⁸.

Как уже отмечалось, 80-е годы XX века были временем начавшегося интенсивного занятия историей нацизма на локальном и региональном уровне, которое было продолжено и в 90-е гг. Не только большие города, но и маленькие городки и даже деревенские сообщества, не говоря уже о земельных регионах, описывали свою историю в период национал-социализма. Нередко это делалось по заказу местной администрации или руководства верхнего уровня, или приурочивалось к определённым датам локального, регионального или государственного масштаба (нередко с привлечением учащейся молодёжи – студентов, школьников, гимназистов). На эти исследования сильно влияли общегерманские дискуссии по проблемам нацизма, движения Сопrotивления, вопросов увековечивания памяти о годах нацистского террора.

Эти исследования как бы «проверяли» на «нижнем уровне» правоту суждений историков. Это были суждения, высказанные в напряжённых дискуссиях, нередко предвзятые и преднамеренно обострённые, умышленно на что-то нацеленные и акцентирующие внимание на ставших актуальными вопросах:

- 1) об историческом предназначении нацизма,
- 2) о континуитете немецкой истории,
- 3) о национальной идентичности западных и восточных немцев,
- 4) о вине всех немцев в Холокосте,
- 5) о преступлениях вермахта в связи с чередой круглых дат по истории нацизма и Второй мировой войны⁸⁹.

Руководители нацизма постоянно твердили о единстве национальных и социальных интересов, которые они преследуют, выдвигая идею создание «народного государства» и «народного сообщества», где каждый друг другу помогает. Их идеология имела определённые исторические корни, и историки, политологи и культурологи задаются вопросом: когда же начались поиски такого идеального общества? Большинство из них утверждают, что эти идеи Гитлера питались народными утопиями относительно возможности построения в Германии некоего идеального национального общества. Большая часть народа мечтала об этом, и часто сверху, от властей, насаждалось понятие «рейха» как братства немцев, где все работают на общее благо. Это делали и Бисмарк, и Гитлер. Это одно направление⁹⁰.

Другое направление в идеологии нацизма питалось шовинистически-империалистическими идеями конца XIX – начала XX века кайзера

Вильгельма («вильгельмистов»). В центре этой идеологии стояли не либеральные идеи «свободы и демократии», а «национальное и социальное единство в борьбе за место под солнцем»⁹¹.

Война и преступления нацистского режима, диктатура тоталитарного государства создали в общественном сознании негативный образ Третьего рейха. Такое представление, по сути – верно. Но в то же время такая картина может привести к мнению о том, что все немцы, поддерживавшие Гитлера, были антигуманны; склонны к насилию и преступлениям. Собственно, Гольдхаген и пытался это доказать в своей работе.

Работа П. Райхеля «Обманчивое сияние Третьего рейха» стоит в числе первых работ, опирающихся на принципы «историзации» нацистского общества⁹². В центре внимания его книги – политика нацистов, которая помогала затенять неприглядные стороны и преступную политику нацистского режима, – социальные вопросы и эстетика нацистского движения, степень их влияния на немецкий народ. Главный предмет его оценки – созданные национал-социализмом мифы о том, что только их власть поставила в центр своей деятельности идеи красоты труда и отдыха, заботы о состоянии здоровья нации, обеспеченной жизни «простого человека».

Большое внимание организации труда и отдыха рабочего класса со стороны нацистов, как отмечает Райхель, было связано у них со страхом перед «красной опасностью». Вот почему незамедлительно последовал разгром традиционных рабочих партий и объединений. Но этого было недостаточно: требовалось «привлечь как можно больше рабочих на свою сторону... завоевать их расположение, мотивировать их приспособление и готовность к производительному труду, т. к. без трудящихся, вопреки их сопротивлению было бы невозможно осуществить гигантскую программу вооружений»⁹³.

Анализ этой «красивой» стороны деятельности нацистов – создание «народного автомобиля», строительство автобанов, доступного жилья и др. – привёл автора к выводу, что нацисты в этой области не были отнюдь пионерами. Они придали этому, объективно протекавшему почти во всех странах Запада процессу, динамическую силу и пропагандистскую энергию. Кроме того, многие действия в этой области имели функциональное значение: увеличить численность населения в свете «борьбы за жизненное пространство», привлечь к режиму молодых инженеров в связи программой вооружений и т. п.⁹⁴

Райхель справедливо оценивает политику нацистов в социальной и культурной области как «инструменталистскую рациональность»⁹⁵. Автономия искусства была нарушена, и оно стало управляемым и подчинённым политической программе Гитлера. Её успех у народа был связан с тем,

что «старая элита», по крайней мере, два вопроса оставила нерешёнными: это социальный и национальный вопросы.

Исследуя механизм решения этих вопросов со стороны руководства Третьей империи, Райхель указывает, что ему удалось частично сгладить классовый раскол общества по сравнению с Веймарским периодом. Нацисты сделали это за счёт создания модели «народного сообщества». Организуя многие популярные массовые мероприятия и создавая многочисленные организации «народного здоровья», они придали внешне социалистический облик немецкому обществу. Здесь, на наш взгляд, Райхель неправомерно смешивает нацистское понятие «народного» государства и «социалистического» в понимании традиционного рабочего движения – как государства рабочих и крестьян.

Что касается национального вопроса, то, по мнению Райхеля, его решение предстало перед массами в образе «фюрера» и «Рейха». Они воплощали собой новое национальное величие, единство и всемирно-политическое значение Германии. Автор считает, что эстетизация социального и национального вопросов была необходимой в связи с тем, что их невозможно было решить только посредством насилия.

Интересен анализ Райхелем инструментов подобной эстетизации: *персонализация* политики, её *мифологизация*, включая современные образы «нации», «революции», «техники». К ним также относились *инсценировка* политической деятельности, отвечающей массовой потребности к соучастию в ней, в стремлении к общности, красоте. Отсюда красочные массовые мероприятия, где использовались также и традиции: наследие романтики, освободительных войн, прусский классицизм и милитаризм, христианские литургии, элементы рабочей культуры и, наконец, символика и мистика старого и нового немецкого национализма.

Ещё один важный, по мнению Райхеля, принцип – *типизация* индивида под «друга народа» (фольксгеноссе) и члена «народного сообщества». Этому служили программа «сила через радость», эстетика товаров, индустриальная культура. Райхель при этом подчёркивает континуитет этого процесса в 30-х гг. и предшествующего ему в 20-х гг., «чтобы в полную силу развернуться в 50-е гг.»⁹⁶.

Как особенность фашистской системы власти автор выделяет возможность сочетания красоты и насилия при решении социальных и национальных задач, что особенно ярко продемонстрировал национал-социализм. Тотальность общества, политическая функция культуры также играют огромную роль при фашизме. Закрывая свою работу, автор призывает историков и общественность изучать наряду с репрессивной стороной нацистской действительности и её опасно обманчивый красивый вид. За-

острая своя мысль, Райхель утверждает, что «существует тесная связь между культурно стимулированной неспособностью к воображению Зла и – превосходящим всякую силу человеческого воображения – государственно легитимированным, индустриально организованным убийством миллионов объявленных «нежизнеспособными» людей»⁹⁷.

Вопросы взаимоотношений власти и немецкого общества нашли отражение в работе коллектива авторов под редакцией Б. Зёземана. В ней отмечены главные пункты формирования взглядов нацистов на общество и пути его создания после прихода к власти⁹⁸. Авторы книги рассматривают обстоятельства укрепления нацистского режима, выделяя спорные вопросы феноменологии нацизма и давая собственные ответы на них. В частности, авторы затрагивают суть провозглашённого нацистами создания «народного сообщества» (Die Volksgemeinschaft). В книге анализируются лежащие в его основе парадигмы: такие, например, как «народническое» мировоззрение, прусско-юнкерский милитаризм и др. Одновременно рассматриваются методы и формы пропаганды «народного сообщества», роль экономики, науки и культуры и т. п. Важной частью таких обобщающих работ стала оценка нацистского движения и режима с точки зрения борьбы демократических ценностей с правоэкстремистскими и неонацистскими идеями.

В ходе становления нацистской партии её руководители стремились подчёркивать свою приверженность прусско-милитаристской традиции и «идеологии фронтовиков». Последняя, как отмечает Вольфганг Моммзен, практически была заимствована нацистами из военно-консервативных кругов Веймарской республики. Борьба с «упадническим искусством» также имела свои исторические корни. В. Моммзен относит её начало к 1908 г. То же относится и к антисемитизму. Немецкие евреи участвовали в Первой мировой войне, имели своё объединение фронтовиков, и нацисты первоначально признавали его и исключали из мероприятий по преследованию евреев.

Но, как пишет В. Моммзен, уже во время войны, в 1916 г., прусское военное министерство поставило под сомнение правомерность заслуг евреев в Первой мировой войне. Тогда была инициирована сильная антисемитская кампания. Как специалист по национальной идеологии кайзеровской Германии, Моммзен утверждает, что именно в этот период «начались фальсификация и перерождение национальной мысли (Das Denken) в народническо-расистском направлении». В последующем к этому ещё добавились сильное пангерманское течение, «переформированное реакционными кругами Веймарской республики, из этнически-культурного понятия нации в «народно-расистское» и антисемитское»⁹⁹.

В. Моммзен ещё раз напоминает, что до Гитлера вышеупомянутые идеи развивали «консервативные революционеры» и довольно широко в обществе было распространено ожидание того, что подъём и слава будущего рейха будут связаны с деятельностью харизматического лидера. Эту идею разделяли многочисленные историки, например Карл Александр фон Мюллер. В его семинаре вращались ведущие мюнхенские национал-социалисты¹⁰⁰. Общий вывод автора сводится к тому, что национальная идеология «вильгельмистского» толка, которую исповедовала традиционная элита в 20–30-е гг., отличаясь от национал-социализма, во многом способствовала легитимации захвата власти нацистами и консолидации его режима вокруг Гитлера до тех пор, пока поворот назад стал невозможен¹⁰¹.

У. Пушнер показал в своей работе значение для нацистов идеологии консервативного «народного» течения (*die völkische Bewegung*) в Веймарской Германии 20-х гг. Он констатировал персональные, институциональные и идеологические связи «народников» с национал-социализмом. Последний заимствовал у них само определение «народный», много элементов «народнического мировоззрения» (например, о «рейхе немецкого братства»), их символику в качестве свастики и приветствие «хайль». Автор рассмотрел составляющие части пропаганды народно-религиозных сообществ, возникших на рубеже XIX–XX веков, и констатировал:

1) эти общества «...создали основы агрессивной и целенаправленной пропаганды, её организационные предпосылки, инструментарий не только для национал-социализма, но и для современного правого экстремизма»;

2) «...ещё до Первой мировой войны «народнической» агитацией были выработаны понятия, мотивы и образцы мышления, образы врагов»; именно отсюда идейно питались национал-социалисты и привлекали в свои ряды сторонников, что-то дополняя, что-то преобразуя.

3) «...Расово-народный основополагающий лозунг движения «völkisch» – «один Народ, один Рейх, один Бог» потерпел сокрушительное поражение в политической и общественной обстановке в Германии после Первой мировой войны»; нацисты сумели переориентировать надежды «народников» на ожидаемое «Спасение посредством Бога» на фигуру земного героического «спасителя» в лице «фюрера»; состоялась подмена одной составляющей народнического призыва, и он превратился в нацистский лозунг «один Народ, один Рейх, один Фюрер»¹⁰².

Проблемы исторического континуитета в области антисемитской политики анализирует Вольфганг Бенц. Автор показывает, что программа нацистов в этой области, их расовые законы, особенно 1935 г., были не так уж радикальны в сравнении с антисемитскими, но абстрактными фантазиями и лозунгами XIX-го века: «устранение нанесенного евреями ущер-

ба германской нации», «деевреизация» (общества), «удаление» и «вычищение» (евреев из страны).

Объясняя радикализм нацистов в этой области, Бенц связывает его с тем, что антисемитизм в Третьем рейхе стал государственной доктриной. Идеология же и лозунги XIX века о «решении еврейского вопроса» вылились при нацистском режиме в преследование евреев, а как последний шаг дискриминации – в убийство народа, которое нацисты пытались вуалировать термином «окончательное решение» (еврейского вопроса)¹⁰³.

Проблеме унификации политической, общественной и культурной жизни Германии 1933–1939 гг. посвящает свои размышления известный историк Петер Штайнбах. Он выходит за рамки истории Третьего рейха и излагает свои взгляды под углом зрения недопущения унификации в современных условиях Германии в угоду определённым тенденциям, мировоззрению или партии. Здесь, по его мнению, большое значение имеют конституция и соблюдение правовых законов. Отвечая на вопрос, почему национал-социалистам удалось инициировать механизмы самоидентификации и самоунификации людей, Штайнбах называет две причины: первая – нацисты сумели убедить людей, что они путём «поворота» и «революции» начинают историю заново; и вторая – недостаток исторического опыта насчёт того, в каких масштабах допустимы в таких условиях политические действия и политические цели¹⁰⁴.

Внимание историков привлекают и вопросы унификации рейхстага во времена нацистов. Эту тему подробно осветил Ф. Хуберт в книге «Униформированный рейхстаг». В ней он анализирует деятельность рейхстага в 1933–1945 гг., которую автор по праву характеризует как «псевдопредставительство»¹⁰⁵. В работе он показывает, как рейхстаг покорно следовал решениям руководства НСДАП. Конкуренцию партии в нём составляли представители СС, число которых среди депутатов всё время росло. Число представителей штурмовых отрядов оставалось стабильным, несмотря на ослабление влияния СА на политику нацистов¹⁰⁶. Он показывает, что мандат депутата был престижным, т. к. давал дополнительные возможности для карьеры в партии и государстве. И наоборот, чем выше был партийно-государственный пост, тем больше было возможности попасть в рейхстаг.

Хуберт указывает, что для Гитлера важно было сохранить депутатское представительство в виде рейхстага, так как это подчеркивало преемственность режима с кайзеровской Германией, где он возник, а также его «легитимность»¹⁰⁷. Отмечая активность Фрика, как министра внутренних дел, занимавшегося «строительством» рейхстага, автор говорит, что его «центр власти» был «мало автономен» в сравнении с другими «центрами

власти». Фрик слепо повиновался указаниям Гитлера по вопросам работы рейхстага¹⁰⁸.

Сведения о депутатах рейхстага этого периода были дополнены весьма обширным и очень основательным биографическим справочником «Статисты в униформе»¹⁰⁹. Он даёт сведения не только о депутатах нацистского рейхстага, но и тех, кто стал депутатами ещё до прихода гитлеровцев к власти и представлял нацистские или близкие к ним круги. Все депутаты были выходцами из руководящего слоя нацистских организаций разного уровня. Биографии этих деятелей показывают, что если в рейхстаге они действительно были статистами, то в других местах – активными проводниками немецкого фашизма и участниками, а также инициаторами его преступлений.

Эти работы проливают дополнительный свет на механизм власти нацистов, для изучения её «центров» и связанных с ними ключевых фигур нацистского режима. Для этого в предыдущие годы было накоплено достаточно много документов и материалов по структурным подразделениям нацистского государства, написаны биографии не только Гитлера, но и других ведущих деятелей нацистского движения. Новые исследования в этой области касаются более детальной проработки положения лидеров нацистов в условиях власти, их функций и взаимоотношений с Гитлером и между собой. Этой теме посвящены как обобщающие исследования, например, «коричневой элиты», так и специальные: исследуется роль Фрика – нацистского министра внутренних дел, главного «законника» неправового государства, деятельность Гейдриха и руководимой им службы безопасности в оккупационной Чехословакии, Гимmlера как руководителя СС и его взаимодействия со специальными «защитными органами» полиции, Кальтенбруннера и его ведомства¹¹⁰.

Роль Р. Лея как создателя и руководителя «Трудового фронта», проводника идей Гитлера о «классовом сотрудничестве» в Третьем рейхе анализируется в работе Р. Смелсера. Он показывает, как Лей продвигал идею «фюрерства» в область производственных отношений. Одновременно много внимания Лей уделял идее «соучастия» рабочих в управлении производством. Вместе с нацистскими теоретиками «национального социализма» – Штрейхером, Дарре и другими, он выступал с предложением о создании на предприятиях так называемых «Советов доверенных», избранных от рабочих. Построенные им в рамках «Трудового фронта» спортивные, культурные и другие организации немало сделали для привлечения людей и особенно рабочих на сторону нацистов, их примирения с фашистской диктатурой¹¹¹.

По-прежнему особое внимание учёных привлекает вторая фигура на-

цистского движения и режима – Й. Геббельс. Переиздаются его дневники, речи, статьи, исследуется его мировоззрение (Р. Ройт. «Геббельс»; У. Хеввер. «Геббельс как национал-социалист»)¹¹².

В работах, посвященных руководителям Третьего рейха, прослеживаются пути формирования его новой политической элиты, в которой как бы сочетались фигуры, выдвинутые из одиозной старой части немецкой интеллигенции, и «барабанщиков» национализма, расизма, «народности» из мелкобуржуазной среды. Специальные работы историков в области изучения электората нацистов, социальной и экономической политики гитлеровцев проливают дополнительный свет на эти дискуссионные вопросы. На этом пути получено много новых, интересных данных о мотивах и обстоятельствах тех, кто решил поддержать нацистов.

Вопросам влияния нацистской пропаганды на общество периода войны уделяет внимание Бернд Зёземанн. Нацисты не хотели допустить событий, подобных периоду лета-осени 1918 г., в результате которых в Германии рухнула монархия и произошла революция. Зёземанн отмечает, что до последних недель войны продолжалась разнообразная пропагандистская деятельность соответствующего министерства под руководством Геббельса. Официальные сведения распространялись везде, вплоть до бомбоубежищ. Темы и наставления этой «устной пропаганды» направлялись на женщин, старых людей и раненых, с тем чтобы они дальше распространяли их и побуждали вести о них разговоры.

Пропаганда требовала от населения готовности не только доносить на «врагов народа», но и применять против них насилие. Она продолжала свою работу и после самоубийства Гитлера, Геббельса и военной капитуляции¹¹³. Если касаться степени влияния пропаганды на население, то автор пишет, что агитация сопровождала нацистскую власть от начала до самого конца, но она всё же не охватывала общество «тотально» и не была столь всемогущей, как это обычно представлялось.

Существенной чертой пропаганды стала «эмоционализация» политики, ярко проявившаяся в социально-революционных притязаниях фашистов на создание «народного сообщества». Но наиболее резкие черты проявились в создании картины «еврейско-большевистского мирового заговора», которая была многофункциональной: религиозной, расистской, партийно-политической, общественной, экономической, идеологической. «Пропаганда на практике, – пишет автор, – стала в какой-то степени делом более важным, чем политическая вербовка, о которой Гитлер писал в «Майн кампф». Зёземанн соглашается с неординарной оценкой пропаганды одного из гитлеровских адептов, что она стала «формой политики» и, одновременно – «составной частью... ненаписанной конституции»¹¹⁴.

Идея «народного сообщества» пропагандировалась в статьях, речах и картинах, на съездах, торжествах и праздниках как высшая цель национал-социалистов. Но она осталась недостижимой в обществе с быстро растущей новой иерархией, классами, привилегиями, обогащением и коррупцией. Во время войны наблюдалось скептическое отношение людей к этому провозглашению и, в целом, ослабление реакции на пропаганду. Если исходить из вышеизложенных обстоятельств, то согласно Зёземанну, «не следует переоценивать значение пропаганды, но и не следует оправдывать, или преуменьшать степень вины людей, попавших под её влияние»¹¹⁵.

Немецкому обществу периода войны посвящён 9-й том серийного издания «Немецкий рейх и Вторая мировая война» под названием «Немецкое общество периода войны. Политизация, уничтожение, выживание»¹¹⁶. В этом, почти тысячестраничном, фолианте представлена многогранная картина жизни немецкого общества. Книга вобрала в себя результаты более чем полувекового исследования этой проблематики. В ней нашли отражение проблемы «народного сообщества», положение и деятельность партии в период войны. В книге отражена роль концлагерей как поставщика рабов для «отечественного фронта», обсуждается проблема «общество и Холокост». Разбирается период т. н. «воздушной» и «бомбовой» войны – как историческое событие и как будни. Освещаются вопросы униформированного общества, социального профиля вооружённых сил, проблемы военного и гражданского Сопротивления во время войны. Внимание авторов привлекли также дискуссионные вопросы этого периода. Книга снабжена многочисленными графиками и таблицами.

Характеризуя «народное сообщество» времени войны, авторы книги подчёркивают, что оно было достаточно сплочённым на основе расовой доктрины и социальной мобильности (за исключением евреев, цыган, гомосексуалистов, асоциальных элементов и так называемых объективных противников нацистского режима)¹¹⁷.

В немецком обществе периода войны более чётко распределились обязанности между партией, вермахтом и хозяйством. Особое внимание привлекают сюжеты, посвящённые роли нацистской партии, поскольку эта тема находилась преимущественно в тени изучения военной и репрессивной политики этого отрезка времени.

Вопросы взаимоотношения НСДАП и немецкого общества освещает Армин Нольцен. В противоположность прежнему подходу историков, которые рассматривали партию как бы отдельно от общества, или даже противопоставляли ему, Нольцен видит в партийном аппарате социально-структурное отражение общества в целом. Ведь к началу войны этот аппарат вобрал в себя более чем половину членов партии, проживавших на тер-

ритории «старого рейха»¹¹⁸. Главной функцией НСДАП была функция насаждения социальной дисциплины как у членов самой партии, так и среди «фольксгеноссен».

Нольцен обращает внимание на изменение методов работы партийного аппарата (как административного, так и созданного на общественных началах) в зависимости от хода войны. Он отмечает возрастание роли партийных органов и примыкающих к ним организаций с началом войны. Главная задача – сделать будущего солдата носителем нацистского мировоззрения. Гитлерюгенд усиливает свою работу с допризывной молодежью.

Чтобы потеснить церковь в вермахте, НСДАП пыталась распространить своё покровительство на солдат вермахта и взять их под своё попечение. Добиваясь более сильного идеологического влияния в вермахте со стороны НСДАП, партия рассчитывала на поддержку Высшего командования вермахта (ОКВ), т. к. признавала только его единственной инстанцией, отвечающей за связь «отечества и фронта»¹¹⁹. Об этом свидетельствует введение с конца 1943 г. в войсках должности «руководящего национал-социалистического офицера» – нечто вроде воспитателя солдат, но не более того¹²⁰.

Нольцен показывает, что во второй период войны – с лета 1941 до лета 1943 г. – изменилось партийное руководство людьми в Германии. Этот период отличается особой активностью партийной канцелярии (во главе с М. Борманом), которая в условиях недостатка свободного персонала стремилась на деле поднять активность «простых» членов партии. Партийное руководство разного уровня стало воздействовать на своих членов и эмоционально, побуждая их участвовать в собраниях, митингах, проводя воспитательную работу, в которой особо подчёркивала единство всех немцев. Это не мешало одновременно насаждать расовую иерархию среди иностранных рабочих¹²¹.

На третьей и последней стадии войны – с февраля 1943 г. и вплоть до капитуляции 8–9 мая 1945 г., нацистская партия показала себя как сила, побуждающая немецкое общество к ведению «тотальной войны» со своими западными и восточными противниками. Автор отмечает, что НСДАП для усиления внутрипартийной мобилизации использовала стратегию т. н. «периода борьбы» (до завоевания власти в 1933 г.) – массовые митинги, военизированные шествия, на которых главным призывом стала «конечная победа».

Главное требование, которое было поставлено перед членами партии – готовность к любому виду мобилизации. Одновременно «их активность в это период в немалой степени была направлена и на то, чтобы защитить

подобие мирной промышленности от посягательства со стороны министерства вооружений, чтобы не допустить ухудшения настроений (в обществе)», – пишет Нольцен¹²². Члены партии обязывались помогать мобилизации стариков, женщин и детей для гражданской защиты рейха и при формировании отрядов «народного штурма» (фольксштурм).

Признавая высокую степень смещения во время войны во многих областях политики функций 1) министерской бюрократии, 2) НСДАП, 3) вермахта и 4) экономики, – Нольцен (да и другие историки¹²³) всё же не соглашается с интерпретацией этих функций как «идентичных» друг другу. Такая оценка, например, была высказана в своё время американским политологом Францем Леопольдом Нойманом в одной из первых основательных работ, посвящённых нацистскому государству, – «Бегемот» (1942–1944 г.)¹²⁴. Нольцен пишет, что «институциональное слияние вышперечисленных четырёх опор нацистского режима не означало, что партия поглотила функции трёх других носителей господства. Конечно, продолжает он, после заговора 20 июля 1944 г. в Германии НСДАП получила невиданные до этого возможности влияния на хозяйство и вермахт, но обе эти области оставались, тем не менее, самостоятельными носителями власти»¹²⁵.

Второе же мнение Ноймана – о «слиянии» партии и общества во время войны – заслуживает внимания и во многом оправданно. «Многие члены партии, – пишет по этому поводу Нольцен, – используя институциональные рамки, преследовали собственные индивидуальные цели». Господство в НСДАП имело взаимообразный процесс: не только активность сверху, но и активность снизу. Историк подчёркивает также: несмотря на тот факт, что с течением войны единство «народного сообщества» всё более покоилось на терроре и репрессиях, партия всё же больше практиковала механизм «включения», чем «исключения» «фольксгеноссен» из своих рядов. Есть только отдельные примеры, когда в случае возражений руководство партии применяло драконовские методы¹²⁶.

Соглашаясь со многими оценками автора относительно положения и функций партии во время войны, всё же хотелось бы напомнить, что Ф. Нойман, описывая неповоротливую, закрытую структуру нацистского «государства фюрера», всё же убедительно показал жёсткую внутреннюю борьбу между носителями власти за расширение своих компетенций¹²⁷.

Как чужеродный элемент выглядят сравнение Нольценом положения дел в нацистской партии в конце войны с положением в большевистской партии периода массовых сталинских чисток 1936–1939 гг. Непонятно к чему оно, если автор пишет, что такое невозможно было представить в нацистской партии¹²⁸. Заметим только, что в период войны такое было бы

трудно представить и в Советском Союзе. Похоже, что такие сравнения становятся необходимым формальным довеском любого современного исследования по нацизму.

В одной из своих статей Г. Моммзен анализирует влияние ситуации 1943 г. на внутреннюю политику нацистов. Два события этого года он считает шокирующими для гитлеровского руководства: поражение под Сталинградом и отставка в июле 1943 г. Б. Муссолини на Большом фашистском совете. Они заставили усилить пропагандистский и организационный нажим на общество, используя для этого партийный аппарат. Историк указывает на возрастание роли партийной канцелярии во главе с Борманом, которая обязывала партийных активистов больше работать с населением и в армии. Моммзен подчёркивает, что в пропагандистской работе партийный аппарат возвратился к стилю «борьбы» до прихода нацистов к власти: воля, послушание, фюрер, романтика. Главная цель такой активизации – «фанатизация», (т. е. развитие фанатизма, предполагающего беззаветную, иступлённую преданность) немецкого народа в борьбе за «вечную победу»¹²⁹.

Работы историков по деятельности нацистской партии исследуют и вопрос о побудительных мотивах вступления немцев в ряды партии и примыкающих к ней организаций. Последние работы об «аризации» и экспроприации имущества евреев показывают, что действия в этом направлении часто инициировались нацистскими объединениями, и из их рядов было больше всех выигравших от этого. То есть имели место и корыстные мотивы¹³⁰. Авторы делают выводы, что между «включением» «чисторасового» населения в НСДАП с одновременно идущим «исключением» евреев из немецкого общества существовала тесная связь. Этот вывод – ещё одна попытка написать интегрированную историю немцев и евреев в Германии нацистского времени.

Со времени появления книги Гизелы Дивальд-Керкманн о «маленькой силе «фольксгеноссен» как добровольных помощниках гестапо стало развиваться исследование политического доноительства в Третьем рейхе¹³¹. В разбираемой книге об обществе периода войны этой теме посвящена статья К. Баде¹³². В ней исследуется социальное поле доноительства, стратегия доносов в повседневности, воздействие доноительства на общество, на жертвы и на самих убийц.

Доноительство не играло главной роли в организации подавления населения, пишет автор¹³³. Доносчиками была лишь небольшая часть общества. Значение их «сигналов» в гестапо состояло в том, что после них запускался в дело официальный аппарат террора. С другой стороны, по утверждению автора, «доносчики – сами были жертвами террористиче-

ской системы и доносительства, т. е. палачи и жертвы могли поменяться местами»¹³⁴.

Террор, который развязали нацисты, касался прежде всего тех, кто располагался за рамками «народного сообщества» – «чужих», других». С наибольшей полнотой это выразилось в системе концентрационных лагерей, опутавшей всю нацистскую Германию и оккупированную Европу. Карола Фингс исследует «включённость» в немецкое военное хозяйство лагерей, располагавшихся вблизи больших городов, которые с началом войны вошли в тесное соприкосновение друг с другом. Её работа показывает, что расширение лагерной системы было динамичным процессом, в котором участвовали многочисленные учреждения на локальном, региональном и имперском уровне¹³⁵.

Сегодняшний взгляд на практическую деятельность коммунального уровня и реакцию окружающего лагерь немецкого общества позволяет сказать, по мнению автора, что «потенциал подавления в концентрационном лагере смог разворачиваться только при принятии сравнительно широкой общественностью города самого существования лагеря и его системы подавления. Это стало возможным, – продолжает Фингс, – потому что расизм, репрессивная форма жизни «законно» вписались в национал-социалистическое «народное сообщество»¹³⁶.

Политическая поддержка заключённых была, но только в отдельных случаях. «Немецкое общество, – пишет автор, – образовывало «консенсуальные» (соглашательские. – Л. К.) рамки, в которых смог распространиться террор, особенно во время войны». Тем самым К. Фингс ставит под сомнение обыденное и широко распространённое мнение о нацистской тоталитарной диктатуре, согласно которому она «покоится на власти меньшинства и бессилии большинства»¹³⁷. Это замечание Фингс существенно с точки зрения познания тоталитарной диктатуры. Ведь в отличие от очевидной тирании, тоталитаризм покоится на явном или молчаливом соглашательстве большинства населения с ней. Комментируя это высказывание, хотелось бы подчеркнуть, что дело здесь не столько в «силе меньшинства» или «слабости большинства». Думается, что «молчаливое большинство» уступило «нацистскому меньшинству» «по наитию», если можно так сказать, и продолжало занимать такую позицию всю эпоху нацистской диктатуры.

Особой проблемой немецкого общества периода войны стала так называемая «бомбовая война» 1943–1945 гг. (*Der Bombenkrieg*). Под этим термином немецкая историография понимает массовые бомбёжки мирного населения городов участниками антигитлеровской коалиции (главным образом, США и Англии). В результате «бомбовой воню» погибло 400 000

человек мирного немецкого населения, преимущественно стариков, женщин и детей, а страна почти полностью обратилась в руины¹³⁸. Широко используется и термин «отечественный фронт» – применительно к Германии периода «тотальной войны», провозглашенной нацистами в январе 1943 г.

В обоих германских государствах опыт войны «на отечественном фронте» и жертвы «бомбовой войны» стали частью памяти воинам и гражданскому населению в общественной культуре. Следы от пережитого военного периода хранились в семейных преданиях. События заключительного этапа войны стали предметом послевоенной художественной литературы, вошли в биографии участников и свидетелей войны. После войны архивы и музеи тщательно собирали материалы, связанные с «отечественным фронтом» Второй мировой войны¹³⁹.

В 70–80-е гг. тема «бомбовой войны» активно осваивалась исследованиями регионов и «местечек» (локальных поселений), в результате чего появились и обобщающие работы¹⁴⁰. К настоящему времени – страница, называемая «жизнь под бомбами», – одна из тем, хорошо изученной истории Второй мировой войны. После присоединения ГДР к ФРГ «отечественный фронт» и «бомбовая война» стали частью общей немецкой истории.

Историки отмечают значение этих понятий для трансформации исторического сознания в послевоенном немецком обществе, которое (в противовес идее о виновности и коллективной ответственности немцев за преступления нацистов) воспитывало в немцах качества и «жертв» войны, искупления этими жертвами своей вины. Не удивительно, что когда в середине 90-х гг. возникли дебаты о сравнимости преступлений Гитлера и Сталина, «рациональности» атомных бомбардировок Японии американцами, развернулась дискуссия и в Германии, касающаяся оценки:

1) военного и нравственного смысла «бомбовой войны»;

2) достигнутых при её ведении результатов;

3) реакции немецкого послевоенного общества на фактическое осуществление этой «особой» войны. В частности, восторжествовало мнение о безнравственности, бессмысленности и бесполезности этих ударов в конце войны.

Нацисты использовали термин «отечественный фронт» в контексте военной повседневности и воздушных нападений союзников. Этот термин не был изобретением времён Второй мировой войны. Уже в Первой мировой войне подобный термин использовался и в Великобритании, и в США как синоним «тыла» «сражающегося фронта». Он обозначал повседневность жизни собственного народа и вовлеченного в военное производство хозяйства¹⁴¹.

Современные немецкие историки, используя термин «отечественный фронт» применительно к 1939–1945 гг., имеют в виду то «идеологическое и пропагандистское значение, которое придавали «фронту» нацисты: сплочённое и бесклассовое «народное сообщество». Оно («народное сообщество») «судьбоносно» связано со своим руководством и должно неколебимо сплотиться в «отечественный фронт», чтобы «морально» и в действительности противостоять воздушной и наземной войне союзников (помогать разбирать завалы, оперативно хоронить убитых и эвакуировать раненых, служить в воздушной и народной обороне, делиться с пострадавшими от бомбёжек кровом и одеждой и т. п.)

Раздел книги о военном обществе, написанный Ральфом Бланком – «Военная повседневность и воздушная война на «отечественном фронте», пересматривает факты и, меняя акценты, обобщает и приводит в систему выводы и результаты многочисленных исследований этой темы. Автором был сделан особый упор на таком факте (хотя и общеизвестном, но здесь выступившим в роли стержня рассмотрения и оценки воздушной войны союзников), как бомбёжки немцами английских городов ещё в 1940–1941 гг., а затем в 1944 г. – запуск межконтинентальных ракет. Тем самым нацистская Германия пыталась запугать население британских островов, и таким образом сама выступила провокатором «бомбовой войны» союзников.

Цели воздушной войны союзников не отличалась от целей нацистов. Теперь это уже касалось слома духа немцев, парализации их сопротивления – морального, и физического. Но, по мнению Бланка, американцы и англичане превратили «бомбовую войну» в главный способ ведения войны против Германии. Её цели были шире целей простого запугивания населения, а главным стало – полное разрушение в индустриальных районах Германии общественной, политической и экономической жизни¹⁴². «В последние полгода войны всё больше немецких городов, а затем – маленьких и средних коммун обращались в руины и пепел. Символическим для схода в небытие Третьего рейха стало непреодолимое господство воздушных сил союзников», – пишет автор¹⁴³.

Автор показывает, как в условиях «жизни под бомбами» переставали действовать нацистские формулы, а на передний план выступала борьба за выживание, за спасение детей. Выводам автора на этот счёт противоречат заключения других историков, а именно: что нацистская пропаганда действовала на людей до конца, что немцев не удалось полностью запугать и деморализовать, хотя наступила апатия, но помощь людям продолжала оказываться. Таким образом, единства мнения на этот счёт нет. Осенью 1944 г. «сплочение» немцев проявилось в принудительном привлечении гражданского населения в зенитные части и «фольксштурм». Бланк

отмечает усилия государственных служб и нацистской партии по обеспечению населения продуктами питания, но подчёркивает, что оно решалось главным образом за счёт оккупированных стран.

Характеризуя немецкое общество периода военного краха как общества, в котором восторжествовала ложь (например, о бесклассовом «народном сообществе», о «чудо-оружии» и др.), авторы книги отмечают значение формирования в это время легенды, перешедшей в послевоенное общество – «немцы были хорошие, а нацисты – плохие». «Это открывало путь в будущее, в котором на вопрос о вине уже существовал ответ», – пишут они¹⁴⁴.

С новой оценкой сущности выстроенного нацистами общества выступил Гётц Али – историк и журналист, редактор «Берлинер цайтунг», как историк занимающийся проблемами идейной подготовки и практического осуществления нацистами «переселенческой политики», депортациями и убийствами на востоке Европы¹⁴⁵.

Его суждения относительно роли немецких интеллектуальных кругов в подготовке нацистами депортаций народов во Второй мировой войне всегда отличались жесткостью, бескомпромиссностью и вызывали споры среди историков. Это, например, ярко проявилось на Франкфуртском съезде немецких историков в 1998 г. Али в своём докладе показал, что «историки-основатели» западногерманской историографии (Вернер Конце и Теодор Шидер) активно участвовали в идейном обосновании «ликвидации этнической чересполосицы» на восточноевропейском пространстве. Их имена всегда связывались с развитием либеральной историографии ФРГ. Из «школы» этих историков вышли виднейшие представители социально-критического направления, такие как Ю. Кокка, Х.-У. Велер и др. После выступления Г. Али, вкуче с появившимися во второй половине 90-х гг. работами о положении историографии при национал-социализме, на эту тему разразилась очередная дискуссия, теперь уже – об ответственности исторической науки за осуществление властью конкретной политики¹⁴⁶.

Так случилось и с его книгой «Гитлеровское народное государство. Грабёж, расовая война и национальный социализм», которая вызвала многочисленные отклики в массовой печати и в научных журналах¹⁴⁷. В нацистском режиме (вопреки общепринятому мнению о преимущественно популистском характере «народного сообщества» и «национал-социализма») Али обнаруживает черты действительно «социалистического» государства, наличие «народного сообщества» немцев. В политике нацистов он находит черты «военного коммунизма», а также «осуществление проекта массовой социальной мобилизации наверх», которые привели к изменению классового общества в Германии в пользу «маленьких людей»¹⁴⁸.

Это происходило за счёт евреев, а во время войны и оккупации – за счёт и других «нежелательных» рас. Прибыли от грабежа тратились по-статейно. В первую очередь на обслуживание военной промышленности¹⁴⁹. Немалая часть прибыли распределялась между мало- или низкооплачиваемым немецкими «фольксгеноссен». Остатки шли на удовлетворение нужд вдов и сирот¹⁵⁰. Всё это «теоретически» обосновывалось нацистами как проявление «идеи равенства», как бы унаследованной от эпохи Просвещения и французской революции¹⁵¹. Последнее заявление вызывает только недоумение, поскольку вся политика нацистского государства, как тоталитарного, отрицает основополагающие идеи французской революции. Можно только согласиться с оценкой подобных заявлений немецким историком Д. Айххольцем как «очевидной нелепости»¹⁵².

Мы не ставим под сомнение факты, изложенные в книге и касающиеся расовой войны нацистов, грабежа других народов, а также уважаем автора за его настойчивость в получении доступа к документам, по каким-либо причинам укрываемых от исследователей. Нам важно уяснить, насколько книга, делающая вывод о «народном характере государства Гитлера» вписывается в общий контекст немецкой историографии национал-социализма.

Задолго до появления работы Али немецкие и другие зарубежные авторы делали выводы:

- 1) об ускорении процесса экономической и социальной модернизации в Третьем рейхе;
- 2) об убыстрении разрушения в это время социальных перегородок и создании общества нивелированного среднего класса;
- 3) о большом значении для этих процессов милитаризации экономики и общества в целом;
- 4) о предпочтительности привлечения населения на сторону режима активной социально-экономической политикой, пропагандой и только в последнюю очередь – террором по отношению к «фольксгеноссен».

Историк Тамер в своей работе 1986 г. хорошо показал механизм «соблазнения, обольщения» и, одновременно, репрессивного давления нацистского режима на население.

В то же время было бы неправильно отождествлять цели Гитлера и нацистов (и при том – не всех) обладать мировым господством с целями всего немецкого народа. Не может быть «народным» режим, построенный на насилии, расовой войне и грабеже. В таком режиме была заинтересована только управляющая верхушка общества – фюрер и его окружение, нацистские бонзы, военщина, министерская бюрократия, крупный капитал и индустрия. Нацистский режим Третьего рейха не «народный», а «бан-

дитский режим» и не «народное сообщество», а сообщество бандитов. «Народное государство» Гитлера оставалось во многом фантомом, а «народное сообщество» – его гримасой.

Али пишет о том, что немцами в поддержке нацистов двигал меркантильный интерес. Это не вся правда: менталитет этой нации (по крайней мере, в то время) был значительно шире меркантильности – это и привычка к дисциплине, и солдатская прямолинейность, и пунктуальность, и вера слову, и романтизм, и сентиментальность. Всё это хорошо описано в немецкой художественной литературе. Будучи сами немцами, нацистские вожаки были, конечно, представителями своего народа и, во многом, такими же по ментальности. Они использовали униженное положение Германии, затеявшей и проигравшей Первую мировую войну, для того чтобы такими высокими понятиями как «возрождение Германии», «народ», «патриотизм», «честь», «героизм», «самопожертвование» увлечь народ (особенно, молодёжь), уродуя эти понятия в угоду своим реакционным политическим целям.

Гётц Али, как нам представляется, недооценивает силу террора (особенно морального) по отношению к самим немцам – тенденции, характерной для современной историографии. Да, может быть, по отношению к большей части населения гестапо не было столь устрашающим, как это принято было считать, а вся его репрессивная сила направлялась на «чужеродные элементы». Но последние исследования по «доносительству» показывают, что хотя оно не было массовой практикой, но существовало как постоянная угроза везде – в личных отношениях или в общественных местах. Люди должны были постоянно «быть начеку». Всё время витал реальный страх оказаться за решёткой или за колючей проволокой. При этом во время войны режим ужесточился. Все эти обстоятельства влияли на поведение людей, искажая их отношения и с другими людьми, и с властью.

Поэтому, на наш взгляд, неверно отождествлять гитлеровский, нацистский режим с народной властью, несмотря на то, что большинство немцев были к нему воодушевлённо или лояльно настроены. Что касается грабежа во время войны, в него были втянуты все слои общества – от промышленников, финансистов, нацистской бюрократии, военных до простых «маленьких людей». Автор хорошо описал процесс «подкармливания» населения диктатурой с целью сохранения его лояльности режиму в суровых испытаниях заключительного этапа войны. При этом «расово-мировоззренческая война на уничтожение» – изобретение нацистов, а материальный грабёж – от неписаных законов войны, усиленных её характером. Следовательно, по нашему мнению, нет оснований радикально пересмат-

ривать сложившиеся оценки нацистского режима как антинародного, как реакционно-утопического изобретения, насаждённого в силу разных обстоятельств в Германии в 1933–1945 гг.

3.3. Некоторые проблемы социально-экономической политики

Вопрос о сути экономической политики и занятости трудящихся в годы национал-социализма находится постоянно в центре внимания современных историков. Краеугольным камнем характеристики нацистского хозяйства в историографии является утверждение, что экономика Третьего рейха носила смешанные черты, при которых экономику нацистов нельзя однозначно считать плановой или рыночной. При этом часть историков больше подчёркивают хаотический, импровизационный характер экономической политики в нацистском государстве (главным образом, структуралисты). Другая же часть историков на первый план выдвигает регулируемые, перспективно ориентированные аспекты ведения хозяйства, которые связаны со строгой иерархически управляемой структурой. Обобщающий подход к этой теме демонстрирует один из создателей панорамной истории Третьего рейха – Лудольф Хербст. Он выделяет три оценки этой политики, сложившиеся в немецкой историографии.

Первая: подчёркиваются её позитивные черты, приведшие к быстрой ликвидации экономического кризиса и рассасыванию безработицы, усовершенствованию промышленных отраслей. Указывается в этой связи, что быстрое экономическое развитие Западной Германии после войны было следствием не только послевоенной экономической политики, но и «достижений» нацистского времени, которое оставило после себя современный индустриальный аппарат производства, превосходно обученных работников и новых менеджеров, опытных по части европейских промышленных организаций. Частично соглашаясь с этим, Хербст справедливо напоминает, что экономическая конъюнктура была, по большей части, конъюнктурой вооружений и привела к долгам, а также к применению принуждения и насилия¹⁵³.

Вторая точка зрения – решительно отрицательная оценка экономической политики. Её представители отказывают национал-социалистам в какой-либо способности и какой-либо воле при ведении серьёзной экономической политики. Они являются сторонниками точки зрения о так называемом «примате политики», в соответствии с которой нацисты действовали в своих политических интересах, не оглядываясь на соображения рациональности и экономической целесообразности. Главное для них

было – осуществить свои военно-политические, расистские и империалистические цели. «Смешав командную экономику с грабительской и пропитав её запутанностью управленческих структур, нацистская Германия жила за счёт будущего и отяготила его»¹⁵⁴.

По мнению Хербста, к настоящему времени сформировалась третья точка зрения, характерная для авторов нового поколения. Она проявляет всё большую убедительность и исходит из той установки, что экономическая политика национал-социалистов была гораздо сильнее, чем считалось раньше, подчинена основным идеологическим постулатам Гитлера. При таком подходе происходит, пишет автор, значительная смена перспектив рассмотрения этого вопроса. «Принимаются во внимание евреи, исключённые из германского общества и крайне жестоко эксплуатировавшиеся нацистами, так же, как и другие народы Европы, подавлявшиеся и эксплуатировавшиеся из расистских и империалистических побуждений»¹⁵⁵. Эти поправки, по мнению автора, меняют сложившуюся картину и вызывают кризис понятий, сформировавшихся в историографии для описания экономики. Примерами таких понятий могут служить, например: «автаркическая экономика», «военная экономика», «экономика большого пространства» или понятийный аппарат относительно управления экономикой: «плановое хозяйство», «направляемая экономика», «командное хозяйство»¹⁵⁶.

Хербст объясняет этот «кризис понятий» результатами изучения «микроистории» предпринимательской жизни на региональном уровне, которые выявили ограниченную ценность «генеральных понятий». Например, в 1938 г. в немецком хозяйстве констатировалась полная занятость, между тем как в лёгкой промышленности, например обувной, были и увольнения, и укороченный день. Что касается производительного еврейского населения, то там безработица доходила до $\frac{2}{3}$, значительная часть европейских рабочих во время войны также были безработными. «Немцы экспортировали не работу, а безработицу», – пишет автор¹⁵⁷.

Хербст не соглашается с широко распространённым мнением, что нацисты не тронули частную собственность. Это совершенно не касается еврейской собственности: евреи полностью её потеряли. Это имело место не только у многих еврейских мелких предпринимателей, но и даже в тяжёлой индустрии. Позднее, во время войны, расистские критерии оказывали столь большое влияние, что в использовании, например, труда евреев – совсем, а поляков – по большей части рационализм в расчёт не брался. И таких противоречий можно привести очень много, – пишет автор¹⁵⁸. Хербст называет эти явления «асимметрией», а нацистское хозяйство – асимметричным. Общую картину хозяйства можно создать, принимая во

внимание эту асимметрию. Причина её – столкновение политическо-идеологических импульсов с экономико-политическими стремлениями. Эти рассуждения и выводы автора показательны для попыток преодоления раздельного подхода к истории немцев и евреев в Германии, о котором писал Фридлендер, и стремления к её синтезу.

Экономическую политику и политику занятости нацистов, по мнению автора, нельзя отделять от их чудовищно-грандиозных планов пространственной, социальной и структурной перестройки Европы, где каждому народу определялось «надлежащее» место и где его не было для «недоразвитых» рас: евреев, цыган, славян. Правда, неясно, к кому обращается конкретно Л. Хербс, так как немецкая историография (и не только немецкая) этой темы весьма обширна. Это заявление историка носит наставительно-дидактический характер и, видимо, обращено к новому поколению историков. К настоящему времени ни у кого не вызывает особых сомнений, что «притягательная сила (нацистской) модели для немецкой индустрии оказалась, к сожалению, большой... Национал-социалистическую экономическую политику и политику вооружений нельзя оторвать от Освенцима. Во многом она ведёт прямо к нему»¹⁵⁹.

Оценки Хербста и ряда других авторов взаимоотношений крупного капитала с нацистским режимом показывают, что в немецкой историографии в начале нынешнего века укрепились те взгляды на эту проблему, которые были характерны для либерально-демократической историографии 60–70-х гг. XX века под влиянием работы Ф. Фишера¹⁶⁰.

Попыткой выработать какую-то системную модель экономики национал-социалистов и преодолеть «кризис понятий» отмечена монография Михаэля Проллиуса. Он считает, что к объективной оценке системы хозяйства в нацистском рейхе поможет приблизиться изучение механизмов нацистского регулирования экономики. По мнению автора, управление экономической системой национал-социалистов осуществлялось двумя путями: организационными мерами и политическими процессами «посредством неожиданно возникающих (и развивающихся) способов (*auf emergente Weise*), и с функциональной точки зрения нацистский режим проявил себя «государством в стадии становления» (*Emergency-Staat*)¹⁶¹.

Проллиус анализирует не столько саму экономическую политику, сколько планирование и организационные структуры, и поэтому для книги характерен системный подход. Системному анализу подвергнуты основные концепции нацистского государства, сложившиеся в послевоенной историографии: «примат политики или экономики», «плановой или импровизационной» экономической политики, «поликратической» или

«монократической» организационной структуры, а также концепция модернизации¹⁶².

Автор концентрирует своё внимание на внутренней организации экономической системы. Он довольно подробно разбирает функции, место различных (государственных, партийных и др.) структур в экономике и хозяйственной политике, а также рассматривает влияние отдельных личностей. Так, анализируется место в экономической организационной системе министерства экономики (Шахт), «Ведомства по 4-летнему плану» (Геринг)¹⁶³, «государства СС» (Гиммлер). Определяется значение в экономике массовых нацистских организаций: партии, Имперской трудовой повинности, «империи» Немецкого трудового фронта (Лей), «Имперского продовольственного сословия» (Дарре) и др. Проллиус присоединяется к утверждениям многих историков о том, что нацисты не проявляли особого желания и воли к оформлению плановой, управляемой экономической политики. Отмечается, что главным в этом процессе было влияние идеологических факторов: расизма, антисемитизма и империализма¹⁶⁴. Сам он склоняется к оценке организационной структуры нацистов как поликратической.

Автор приходит к выводу о недостаточности таких, например, оценок хозяйственной системы нацистов, как «широко управляемое со стороны государства частномонополистическое хозяйство» (Сватек), или «политическая система тотального монополистического хозяйства в капиталистическом смысле», или «командная экономика» (Нойман), или «военное хозяйство» (Фолькман). Проллиус считает, что из всех этих определений ближе к сути стоит последний термин, отмечая его следующими чертами: первая – поликратия, вторая – интервенционистские мероприятия и импровизации (т. к. нацисты часто вместо решения проблемы – отбрасывали её) и третья – примат постоянно нарастающего вооружения и милитаризации¹⁶⁵.

В соответствующих главах автор подробно анализирует возникновение, становление и функции экономической системы, формирование нацистских подсистем в связи с подготовкой войны¹⁶⁶. Автор отмечает такие их черты, как ограничение конкуренции, нацистский интервенционизм, частично скрытую, частично открытую борьбу «подсистем» за влияние и свои интересы. В результате, по его мнению, «экономическая деятельность была организована посредством эмерджентной смеси рынка и приказа, методами преимущественно милитаристскими, неформальными, под влиянием партикуляристских интересов центров власти»¹⁶⁷. Автор признаёт исторический континуитет экономической политики, но лишь в ограниченном размере.

Вывод автора такой: поскольку нацисты стремились к фундаментальной трансформации культуры общественной системы, то и хозяйство они стремились изменить в этом же направлении. Это воздействие, по его мнению, ещё недостаточно изучено, и при взгляде на экономическую систему с этой точки зрения организационная структура хозяйства может быть квалифицирована как внеэкономическая. «Речь идёт, – как пишет Проллиус, – о создании (в этой системе. – Л. К.) культуры войны, которая в центр своей деятельности ставит формирование *homo militaries* и представляет собой разрыв с буржуазно-капиталистической системой»¹⁶⁸. Свою характеристику автор, таким образом, противопоставляет традиционной для 50–80-х гг. точке зрения о том, что экономика Третьего рейха не создала ничего принципиально нового по сравнению с периодом Веймарской республики. Он синтезирует различные мотивы экономической эволюции при нацистском режиме, выдвигаемые некоторыми авторами как приоритетные, например, у Виппермана и Бурляйх – расовые, у Хербста – обустройство завоёванного пространства, у Фолькмана – военные мотивы¹⁶⁹.

По мнению Проллиуса нацисты произвели революционные изменения в форме организации германского хозяйства. Они создали преимущественно идеологические институты, под влиянием которых существенно изменились право, труд, предпринимательская деятельность, роль регионов и т. д. «Модель хозяйства, – пишет он, – развивающаяся, а в политических процессах действуют одновременно и координационный, и конфликтный принципы, где главную роль играют не экономические интересы, а партикуляристские и политические. И культура войны провоцирует развитие подобных процессов»¹⁷⁰.

Проллиус, на наш взгляд, рисует достаточно убедительную картину структурных процессов в экономике национал-социалистов, и его работа является новым вкладом в их объяснение, одновременно давая новый импульс к исследованиям в этом направлении.

Оценка экономической политики нацистов в мирное время – быстрое рассасывание безработицы, помощь крестьянству, финансирование широкой социальной программы – всегда занимала историков и экономистов. Большинство из них признаёт тот факт, что в основе экономического подъёма лежала конъюнктура вооружений. До начала 1980-х гг. она трактовалась как удачная политика.

В последние годы наметился крен в сторону её более критической оценки. Она особенно противопоставляется утверждениям довоенных и некоторых послевоенных историков о «немецком экономическом чуде». Эти колебания в оценках историк Марк Шпёер связывает с периодом оживления идей рыночного хозяйства в 80–90-е гг. XX века, когда стало

видно стремление критиковать государственное регулирование хозяйства, в том числе и в период нацизма. Авторы особенный упор делают на том, что покупательная способность населения даже в поздние 30-е гг. никогда не превышала уровня такого же периода 20-х гг.

Соглашаясь с этим очевидным фактом, Шпёрер делает замечание, что «недостаточно качественная продукция у части населения компенсировалась чувством обеспечения основных прав: безопасности, народной общности, национальной гордости»¹⁷¹. Таким образом, подчёркиваются психологические мотивы экономического подъёма, важные для понимания привлечения народа на сторону нацистского режима.

Общую картину структуры и функционирования нацистского хозяйства дополняют конкретные исследования взаимоотношений между частным хозяйством и нацистским государством. Так, А. Гериг на примере предприятий машиностроения Вюттемберга, исследовала их поле деятельности в нацистской программе вооружений. Она определяет роль руководителя предприятия в рамках взаимодействия хозяйства и нацистской партии как носителя так называемой «индустриальной самоответственности». Автор с позиции континуитета прослеживает эту роль и сразу после окончания войны. Выводы Гериг соответствуют уже сложившимся в историографии мнениям о взаимоотношениях капитала и нацизма: несмотря на все встречающиеся конфликты между государством и хозяйственными субъектами, «предприниматели с готовностью исполняли свой «долг»... по повышению выработки продукции почти до самой капитуляции»¹⁷².

В последние годы, в связи с интенсивным изучением войны и оккупационной политики на Востоке, молодые историки стали уделять более пристальное внимание участию экономических служб нацистской Германии в разграблении оккупированных территорий. Так, например, работы Б. Розенкёттера и Ж. Дингель посвящены деятельности основанному в 1939 г. Герингом «Главного учреждения опеки «Ост» – ведомства по 4-летнему плану. Они показывают, как действовала эта служба в Польше, исходя из планов «военно-экономической эксплуатации, экономико-политического «преобразования» и германизации»¹⁷³. В процессе изгнания с насиженных мест населения, геттоизации еврейского населения принимали активное участие не только СД и СС, но и «Учреждение опеки «Ост». Они осуществляли между собой тесное сотрудничество и проявляли «взаимопонимание» в общих целях Германии на востоке Европы.

Авторы также анализируют деятельность отдельных персон из службы опеки «Ост», предприятий, фирм, приводят много финансовых документов в доказательство их участия в разграблении хозяйства Польши. «То, что «преобразование» должно было произойти за счёт польского на-

селения не оставляло никаких сомнений. Это вытекало как из расово-идеологических мотивов, так и политики нацистов в целом по отношению к народонаселению», – пишет Рёзенкоттер¹⁷⁴. Работы Розенкёттера и Дингель свидетельствуют не только о том, что владельцы фирм «выполняли приказы», но и о том, что они были «инициаторами» в осуществлении преступной политики нацистского режима.

Ещё один блок публикаций о временах национал-социализма – это освещение отдельных сторон социальной и экономической политики. Эти проблемы также являются эхом «большой» и – в некоторой степени – ревизионистской историографии новейшего времени. В последнем случае речь идёт о признании историками движения общества при нацизме в сторону «социально-культурного, нивелирующего массового общества» (Н. Фрай), континуитета социальной и экономической политики, а также науки и частично – массовой культуры нацистской Германии.

Отмечается инновационный характер некоторых сторон этой политики (например, в статье Х. М. Мерки о начале кампании борьбы против курения¹⁷⁵.) Признавая это, авторы статей тем не менее обращают внимание на ограниченность нововведений, их тесную связь с расовой программой нацистов, провал широко пропагандируемой нацистами жилищной политики¹⁷⁶

К. Буххайм, в противовес В. Абельсхаузеру¹⁷⁷, расценивает военно-экономическое развитие Германии больше как крушение, чем как «чудо». Он пишет, что «нацистскому режиму не удалось одновременно вооружаться и постоянно улучшать стандарт жизни большинства немцев»¹⁷⁸. Тем самым автор выступает против распространившегося в современной историографии термина «экономическое чудо» применительно к хозяйству Германии 1933–39 гг.

Новаторский потенциал содержит статья Й. Штреба, в которой был проведён интересный сравнительный анализ государственного стимулирования передовых технологий в период Второй мировой войны в Германии и США¹⁷⁹.

Принудительный труд иностранного гражданского населения, военнопленных, заключённых концентрационных лагерей и европейских евреев являлся важной составной частью экономической и идеологической политики нацистского государства. Эта тема является к настоящему времени одной из интенсивно исследуемых страниц нацистского режима в период Второй мировой войны. Современное исследование этой темы было во многом инициировано обобщающей работой 80-х гг. Ульриха Херберта¹⁸⁰. В его книге политика и практика принудительных работ освещалась как динамический, обусловленный множественными факторами процесс.

Основное внимание исследователей 90-х гг. уделялось изучению условий труда и быта отдельных групп принудительных рабочих, причём как на локальном уровне, так и на региональном. Новейшие работы продолжают это направление¹⁸¹.

Учёные проявляют при этом особый интерес к определённым национальным группам или категориям рабочих. Б. Бонвеч написал о драматической судьбе советских принудительных рабочих в Германии и СССР, В. Грунер – о принудительном труде евреев, Б. Савала – о французских принудительных рабочих. Привлечено внимание и к местам использования принудительного труда с их очень различными условиями жизни и заработной платой (например, Т. Урбан – об использовании принудительного труда в горнорудном производстве в Руре). Как важнейшие критерии дифференциации в этой области выдвигаются: питание, условия лагерной жизни, практика подавления и преследования¹⁸².

Второе направление интереса историков сосредоточено на вопросе ответственности, прежде всего, предпринимательских кругов за использование системы принудительных работ. Не в последнюю очередь этот интерес был связан с дискуссиями в немецком обществе 90-х гг. о материальных компенсациях за принудительный труд так называемым «восточным рабочим». В рамках этих споров развернулись дебаты по проблемам экономической эффективности принудительного труда, а также возможностей маневрирования и объёма полномочий предпринимателей в этой области¹⁸³. Новейшие исследования указывают при этом на главную ответственность самого нацистского государства за использование и плохие условия принудительного труда. В то же время, историки подчёркивают, что и сами предприниматели оказывали существенное влияние на процесс организации принудительных работ. К такому выводу приходит, например, историк Шпёер¹⁸⁴.

Напротив, вопрос вовлечения иностранных и принудительных рабочих в процесс производства до сих пор привлекал мало внимания. В более ранних исследованиях довольно жёстко утверждалось, что прежде всего лагерь, а не предприятие было местом, где определялось реальное социальное положение иностранных и принудительных рабочих. В современных работах предприятие рассматривается не только в контексте выводов о функциональности принудительных работ в капиталистическом производстве, но и учитываются другие факторы. Так, например, ситуация на отдельных предприятиях значительно влияла на формы и организацию проводимых работ, на условия труда и жизни принудительных рабочих, и производство – с этой точки зрения – играло более значительную роль, чем лагерь.

Примером такого исследования является работа Г.-Х. Зайделя об использовании принудительного труда русских военнопленных на горнорудных предприятиях Рурской области. Он пишет, что «русская лава (забой)» без сомнения показала себя эффективнейшей формой производственной организации принудительных работ под землёй¹⁸⁵. Но это было достигнуто не столько за счёт эффективности и рационализации работ, сколько за счёт широкой, экстенсивной эксплуатации рабочей силы. При этом условия работы для немецких шахтёров, несмотря на войну, практически оставались теми же, что и в довоенное время. Это лишний раз подтверждает тезис, что более или менее сносные условия жизни немцев во время войны обеспечивались использованием принудительного труда.

Нацистская власть очень активно подчеркивала свой «народный» характер и стремилась продвинуть «народническую» идеологию в сферу социальных отношений, в область культуры и образования, в гендерную политику. Изучение всех этих вопросов продолжает оставаться важной составной частью современной немецкой историографии. Правда, что касается политики нацистов в отношении рабочего класса, то основной вклад в её изучение историки сделали в 70–80-е гг. В основном это были представители социально-критической школы. Особенно большую роль в становлении изучения «рабочей политики» нацистов сыграла основательная работа английского историка Т. Мэзона «Рабочий класс и народное сообщество»¹⁸⁶. Она положила начало исследованию экономического, политического положения рабочего класса при нацизме, политике режима по «умиротворению» трудящихся посредством активизации социальной работы, а также его принудительной интеграции в нацистские организации, например, в псевдопрофсоюз «Трудовой фронт».

В качестве примера такой работы можно привести книгу Р. Хахмана об условиях работы и заработной плате в промышленности Третьего рейха¹⁸⁷. В развитии заработной платы и условий работы после 1936 г. автор видит много общего с условиями производства в 20-х гг., прерванными кризисом 1929–1936 годов. Отмечается полная занятость после 1936 г. и особенно после 1942 года, что, в свою очередь, было связано с потребностями в вооружении (автор приводит данные по машиностроению)¹⁸⁸.

Детальный контроль и регулирование платы со стороны государства использовались нацистской пропагандой как доказательство создания народного сообщества, где господствует справедливая плата за производительный труд. В то же время автор отмечает существование большой дифференциации в оплате неквалифицированных рабочих, женщин и иностранных рабочих.

Подсчёты Хахмана показывают, что реальные еженедельные доходы

рабочих были в 1938 г. ниже, чем в 1929 г., за исключением работавших в сфере вооружения, в то время как рабочее время всё время удлинялось. «Конечно, – пишет автор, – это пытались сгладить за счёт социальных расходов предприятия, но полностью не покрывали... и эти расходы были значительно меньше доходов предпринимателей»¹⁸⁹. Кроме этого, рабочие предприятия находились под патерналистским контролем владельцев предприятий. К сожалению, автору не удалось статистически доказать относительный прирост заработной платы по другим областям индустрии.

Сюжеты «повседневности нацизма» нашли отражение в книге «Повседневный рабочий день» С. Беккерта¹⁹⁰. Эта книга – комбинация из разнородных источников и комментариев к ним, построенная на основе метода устной истории. Главное внимание автор уделяет вопросам положения принудительных рабочих и военнопленных в индустриальной области Оффенбах (3 600 чел.) и Франкфурт (30 000 чел.).

Свою работу автор строит преимущественно на рассказах и интервью участников событий. В книге приводится много живых рассказов о лагерях, условиях работы и жизни трудящихся, об отношениях немцев и иностранных рабочих, о жертвах тяжёлых условий жизни. Метод устной истории применяется автором и к таким темам, как уровень заработной платы и возможности жизни на неё, условия труда женщин и в каких отраслях они работают, о еврейских рабочих, про деятельность ДАФ и т. д. В заключительной части – сценки из повседневности. Такие работы стали показательными с середины 80-х гг., когда начался уход поколения, жившего и трудившегося в условиях нацистского режима и историки (особенно работавшие на региональном уровне) стремились зафиксировать свидетельства этого поколения.

Со второй половины 1980-х гг. социальная история переживает серьёзный кризис в связи с развитием исторической антропологии, складыванием «школы повседневности», «устной» истории, интереса к гендерным отношениям, истории ментальности¹⁹¹. Своеобразной и безуспешной попыткой преодолеть противоречия между этими методами исследования и синтезировать их явился сборник статей «Террор, господство и повседневность»¹⁹².

В книге представлены результаты исследовательских проектов по социальной истории и истории будней национал-социализма, проведённых историками (Поль, Мальман, Айххольц, Дингель и др.) на базе некоторых регионов. Кроме того, в дискуссионном порядке на страницах этой книги обсуждались проблемы соотношения террора и социальной политики для привлечения трудящихся на сторону режима. Так, например Г. Поль говорил о серьёзном значении социально-уравнительных взглядов Гитлера и

национал-социализма, которые ярко проявились, например, в деятельности «красного гауляйтера» Бюркеля в промышленной Саарской области, преимущественно населённой рабочими-католиками. Здесь очень активную роль развернул Трудовой фронт, создававший хорошие условия для подъёма социального статуса рабочих, которые были поэтому весьма лояльны к нацистскому режиму и этот регион не очень нуждался в особой активности гестапо, кроме выслеживания остаточного и раздробленного сопротивления коммунистов и социал-демократов¹⁹³.

С такими оценками, особенно действий гестапо в отношении рабочих, не совсем согласен историк Л. Айбер, проводивший исследования в Гамбурге. Он утверждает, что здесь гестапо держало под строгим контролем политическую благонадёжность рабочего населения, имея разветвлённую сеть шпииков и опираясь в своей работе не столько на доносительство «простых граждан», сколько на государственные и нацистские организации, имевшие свои специальные службы для контроля над населением¹⁹⁴.

К.-Х. Рот оценивает рабочую политику нацистов как «классовую политику сверху», которую проводило руководство НСДАП при опоре на согласие экономических и военных кругов, на покорность министерской бюрократии, и таким образом насильственно интегрировало рабочий класс в нацистскую систему. «Умиротворению» рабочих должны были служить различные структуры ДАФ. Они под лозунгами «Честная работа», «Имперское соревнование по профессиям», «Сила через радость» экспериментировали с тогдашними общими программами международной трудовой и индустриальной социологии¹⁹⁵. Оспаривая тезис Поля о серьёзности социально-уравнительных взглядов нацистов, Рот справедливо указывает, что главным для них оставалась подготовка «империалистической ревизионной войны», которой и подчинялись новейшие эксперименты в области рабочей политики.

Видный историк в области социальной политики М. Шнайдер в своих размышлениях по поводу «социальной истории «Третьего Рейха»» пишет, что историкам ещё предстоит серьёзная исследовательская работа в этом направлении. Только в ходе синтеза методов социальной истории, истории повседневности и исторической антропологии и методик устной, гендерной, ментальной истории действительно удастся разрешить сложные проблемы соотношения давления и социальной привлекательности для трудящихся политики нацистского режима, действительного или мнимого создания «народного сообщества». На страницах 261–263 он сформулировал 11 вопросов-проблем, на которые должны ответить историки, чтобы приблизиться к истине во взаимоотношениях нацистов и рабочего класса. Он предложил некоторые пути к этому: изучение не только про-

мышленных рабочих, их политической ориентации, но и социальной среды вокруг них и не только рабочих-мужчин, а и женщин, молодёжи, пенсионеров, маленьких групп сопротивления и т. п.¹⁹⁶.

В 1990-е годы такого прорыва удалось добиться в области изучения аграрных отношений и аграрной политики в условиях нацистского режима. Меньшее внимание историков к теме социальных отношений в деревне до начала 90-х гг. сменилось достаточно углубленной разработкой проблем в этом направлении. Развитие методологии исследования «будней» нацизма способствовали активизации интереса к аграрной тематике, а также истории отдельных регионов Германии в этот период. Укажем на работы, показательные в этом плане¹⁹⁷.

Книга Ю. Хомана – довольно детальное и многоплановое исследование в высшей степени интересной «преобразовательной» политики нацистов в области сельского хозяйства и ландшафта одной из отсталых областей Германии – горного Рёна, расположенного в различных землях Германии – Тюрингии, Гессена и Баварии. Эта область стала своеобразным полигоном для проведения с населением политической работы и мероприятий в духе «народной» идеологии «крови и почвы». Жители Рёна стали одновременно объектом «научных» расово-гигиенических опытов, результатом которых стал расовый геноцид. Автор показывает, как активно привлекалась к этой работе студенческая молодежь – будущие медики и биологи, организации «Имперской трудовой повинности», «Гитлерюгенда» и других массовых союзов, примыкавших к НСДАП. Посредством практической работы по осуществлению планов нацистов в этой области, члены массовых организаций сами становились объектами воспитания в нацистском духе¹⁹⁸.

В то же время автор, на наш взгляд, проходит мимо того факта, что впервые за много лет именно нацистская власть уделила столь пристальное внимание этой заброшенной и бедной области. Тем самым она укрепляла свой авторитет среди немецких крестьян. Работа Хомана отмечена попыткой историзации этого вопроса в духе М. Брошата. Он коротко обрисовывает последующее состояние развития отдельных частей Рёна, разделенных границами земель ФРГ и ГДР, обнаруживая определенный континуитет в отношении к этой области в ФРГ (ландшафтные работы, строительство жилья и дорог) и разрыв с этим в бывшей ГДР.

Работа Т. Бауэр посвящена аграрной политике нацистов и положению крестьян в Баварии в период войны. Она приходит к выводу, что главной целью преобразований нацистов в аграрном секторе было продовольственное обеспечение населения в период войны. Одновременно решался вопрос о высвобождении крестьян для военной службы с помощью ис-

пользования дешевого принудительного труда военнопленных, заключённых концентрационных лагерей, насильственно угнанных из восточных оккупированных территорий и за счёт этого – подавления действительно или возможного недовольства тяготами войны¹⁹⁹.

Аграрной политике нацистов и её проявлению в повседневной жизни крестьянства посвящена также работа Д. Мюнкель. Автор делает упор на такой проблеме: каким образом политика нацистов в отношении крестьян преломлялась на региональном уровне, в частности в сельском округе Штаде. Работа построена, главным образом, на основе местных архивных материалов и в ней исследуется воздействие на положение крестьянства двух главных элементов аграрной политики: закона о наследственных дворах и мероприятий по освобождению от налогов. Автор приходит к убедительному выводу, что крестьянство указанной провинции как низовое подразделение «Имперского продовольственного сословия» не располагало влиятельными ресурсами для защиты специфических сельскохозяйственных интересов. На это обстоятельство даже не повлияло ослабление влияния с 1936 г. «Имперского сословия»²⁰⁰.

Анализируя отношение крестьянства к провозглашённому нацистами лозунгу создания в стране «народного сообщества», Мюнкель приходит к выводу, что в целом оно оставалось равнодушным к этим идеям и жило по традиционным законам, прежде всего, экономической целесообразности. Гораздо меньше внимания автор уделила непосредственно будням деревни. Позднее Д. Мюнкель в одной из статей проанализировала положение сельской женщины и крестьян при национал-социализме. Она пришла к выводу, что всё же часть из них, особенно из зажиточных и многодетных семей, оказались под влиянием нацистской социально-экономической политики и пропаганды, положительно воспринимая её²⁰¹. Этому способствовало также насаждение нацистами в деревне образа Третьего рейха как «крестьянского» и опиравшегося на «народническую» идеологию XIX и XX вв.²⁰²

Историки аграрных отношений Г. Корни и Х. Гис посвятили своё исследование вопросам продовольственного обеспечения в нацистской Германии²⁰³. Особое внимание авторы обращают на «сочетание» производства питания и расово-биологической политики нацистов в отношении крестьянства. Они показывают, что, в отличие от мирного времени, во время войны акцент делался на производстве продовольствия, а вопросы «почвы и крови» были отодвинуты в сторону²⁰⁴.

Но этот факт не означал, что интерес к расовой политике исчез совсем. Некоторые функционеры министерства по продовольствию и имперского продовольственного сословия активно прорабатывали в запад-

ной и южной Германии возможность переселения части немецких крестьян, отобранной по принципу расовой чистоты, на завоёванные восточные земли. Авторы рисуют яркую картину роста экономического регулирования государства: протекционизм, управление сельским хозяйством начиная от земельного законодательства до установления цен на сельскохозяйственную продукцию²⁰⁵. Своей работой они вносят дополнительные штрихи в картину поликратической структуры нацистского государства.

Вопросам связи между расовой идеей нацистов и завоеванию «жизненного пространства» посвящена обобщающая работа историка Уве Мая. Он показывает, что существовала специальная служба, которая увязывала аграрную и социальную политику с планированием «пространства» в Третьем рейхе»²⁰⁶.

Основное внимание уделено представлениям об изменениях в «старом рейхе». При этом автор так же, как и предыдущие авторы, исходит из тезиса о поликратической структуре нацистского государства, где активно действуют разные структуры и личности. Особое внимание он уделяет влиянию расовой идеи.

В его книге прослеживается поселенческая политика кайзеровского рейха, связанная с обеспечением границ государства. Автор считает, что в действиях нацистов в этой области произошёл разрыв с предыдущей политикой. В своих воззрениях нацисты исповедовали социал-дарвинистские идеи о крестьянстве как носителе «расового обновления» всего немецкого народа. Автор анализирует этот факт, прежде всего на взглядах Дарре – нацистского «фюрера» крестьян²⁰⁷. С началом войны его влияние падает и переходит к Гиммлеру, который, в отличие о Даррей, главную ставку делал не на аграрную политику в землях «старого рейха», а разрабатывал поселенческие планы в «восточном пространстве».

Следует отметить, что особенностью работ по аграрной политике нацистов является активное изучение использования принудительного труда в сельском хозяйстве не только с точки зрения его «эффективности» и рабского положения насильственно привлеченных людей, но и с точки зрения взаимоотношений немецких крестьян с этими людьми. И это оправдано, так как нигде немецкое население так близко и напрямую не соприкасалось с иностранцами, как в сельском хозяйстве. В целом авторы характеризуют его как неприязненное.

Оценивая аграрную политику в целом, Барбиан отмечает, что нацисты считали своей программной целью в стране нового крестьянского сословия – наследников крестьянского двора. Этим объясняется появление соответствующего закона. Дарре, как нацистский «фюрер» крестьян,

считал, что колонизация на Востоке крестьянскими детьми, не имеющими в Германии земли, составит противовес силе остальбских помещиков.

Несмотря на массивное вмешательство государства в регулирование земельной собственности и цен на продовольствие, финансовые влияния в сельское хозяйство, авторы оценивают аграрную политику нацистов как неудачную. Число новых созданных крестьянских хозяйств не превысило число созданных в годы Веймарской республики. Доходы крестьян в абсолютном выражении увеличились, но были далеко позади прироста в индустрии и торговле. Нацистская политика не смогла противостоять утечке рабочих рук из деревни. Учреждения «продовольственного сословия» давали цифру в 650 тысяч человек, покинувших деревню и переселившихся в город.

Немецкие авторы оценивают политику нацистов в городе как прагматическую. В связи с быстрым развитием индустрии и потребностями военной экономики они отмечают ускорение процесса урбанизации страны. Наблюдался прирост городского населения в средних и больших городах, городских метрополиях. Возведение индустриальных гигантов привело к основанию новых городов, например: Зальцгиттер («город концерна «Герман Геринг») или Вольфсбург («город автомобилей для отдыха и туризма»). Барбиан отмечает поворот многих нацистских руководителей регионального уровня к идее развития культурного влияния города на деревню, отказа от идеализации деревенской жизни²⁰⁸. Таким образом, новые исследования убедительно опровергают суждения о том, что идеалом нацистов было возвращение к доиндустриальным формам жизни «ария».

Наблюдалось стремление гауляйтеров подражать строительной горячке мирных лет, существовавшей в Берлине. Была разработана грандиозная десятилетняя строительная программа для 50 городов Германии. В ней были заняты многие архитекторы и строительные фирмы. Многие проекты предусматривали полный разрыв с традициями градостроительства и ликвидацию старинных центров, а ещё строительство социального жилья. Предполагалось сохранить «натуру», старинные деревни, связав их, тем не менее, с большими городами современными автомобильными дорогами, приспособленными для нужд массового туризма.

Руководители нацистского движения, особенно Геббельс, архитектор и министр вооружений А. Шпеер, сделали очень много для того, чтобы превратить Берлин в современный, респектабельный город и в то же время – в столицу национал-социалистического движения, в архитектурном плане противопоставляя Берлин Парижу и Вене. Гитлер хотел, чтобы Бер-

лин стал важнейшим транспортным узлом, который свяжет столицу с завоеванными на Востоке землями.

Г. Геринг, как министр-президент Пруссии, начиная с весны 1934 г. законодательно запретил прибытие в Берлин безработных и ежегодно принудительно посылал 20 000 берлинских безработных на строительные сооружения в провинцию. Как уполномоченный по 4-летнему плану он усилил роль Берлина в качестве центра немецкой экономики и производства вооружений. В то же время Берлин многое потерял как интернациональный центр культуры, каким он был в период Веймарской республики²⁰⁹.

Но это обстоятельство тоже было лишь частью реальности жизни Третьего рейха. У многих нацистских бургомистров были совершенно прагматические планы преобразования своих городов, имевшие мало отношения к идеологии нацизма. Например, бургомистр Эссена Юст Дуллгардт сформулировал в 1938 г. следующий план на будущее: усиленное использование Эссеном возможностей рынка товаров народного потребления, производящихся вокруг города; повышение налоговых поступлений; проведение социального строительства, прежде всего школ и социального жилья; возведение новой транспортной инфраструктуры; осуществление планов коммуникаций большого Эссена и прилегающих городов в кооперации с «Союзом поселенцев Рурской области»; проведение «социально озеленения» в виде устройства маленьких садов и т. п.²¹⁰

Это была прагматическая оценка потребностей почти 700-тысячного населения крупнейшего промышленного города Рурской области, мало связанная с идеологическими постулатами нацистов, и стартовая площадка для послевоенных планов модернизации этого города. Автор указывает, что такие случаи не были единичным явлением.

В целом, немецкие авторы констатируют, что взгляды нацистов на проблему отношений между городом и деревней, на их политику с точки зрения дальнейшего развития Германии – ещё недостаточно изучены, и в дальнейшем в этой области могут быть получены интересные результаты.

В 90-е годы было продолжено исследование взаимоотношений отдельных концернов и предприятий с нацистским режимом^{210a}. Перу Каролы Захе принадлежит книга, написанная в духе «континуитета германской истории» по отношению к концерну Сименса²¹¹. Прослежена социальная политика Сименсов и их стремление повлиять не только на условия труда своих рабочих, но и на примере «социального рационализования» (т. е. улучшения социального статуса части рабочих) усилить своё влияние на рабочих, завоевать их доверие. «Достижения» рабочего, включались в оплату труда, активизировалось стремление влиять и на его свободное время.

Раздел, в котором автор показывает, как Симерсы стремились защитить свою автономию в социальной политике от Немецкого трудового фронта, развивать патернализм²¹², вызывает интерес. Но менее убедительно звучат утверждения автора, что во время войны Симерсы проводили некую «альтернативную» политику в пику нацистской «политике уничтожения», тем более что положение советских военно-пленных на их предприятиях мало чем отличалось от их положения на других предприятиях.

Нацистская социальная политика на предприятиях находилась в континуитете с политикой в этой области в период Веймарской республики и она колебалась между необходимостью повышения производительностью труда и желанием утвердить лояльность занятых путём удовлетворения их основных потребностей. Нацистская социальная политика характеризовалась усиливающимся соседством подавления и социальных достижений. М. Фрезе концентрирует внимание на этой взаимосвязи²¹³. Он исследует трудовое законодательство, роль ДАФ в профессиональном образовании, оформлении рабочих мест и организации свободного времени на материалах предприятий рейнско-вестфальской металлургической промышленности. Он отмечает, что с 1933 г. Трудовой фронт здесь развил настолько активное строительство внутризаводской социальной политики, что стал своеобразным конкурентом руководства предприятий, однако последнее всё же смогло при поддержке государственных инстанций сохранить свои полномочия при решении производственных вопросов²¹⁴.

Весомым вкладом в исследование темы крупных предприятий при нацистском режиме стала работа известного немецкого историка Г. Моммзена по истории строительства и начале деятельности автомобильного завода «Фольксваген» – рекламной витрины нацистского режима, а в настоящее время – крупнейшего автомобильного предприятия Германии²¹⁵. Предприятие было построено незадолго до войны с привлечением денег многих вкладчиков. С началом войны это «народное» предприятие перешло на производство санитарных машин для фронта, а непосредственно в области военной продукции – телефонных кабин самолётов «Юнкерс», авиационных бомб и снарядов.

Работа учёных имеет не только познавательное значение, но и обладает важной научной значимостью. История создания этого завода тесно переплетена с историей Третьего рейха. Это было детище нацистского режима и в истории этого предприятия, как в зеркале, отразились многие социально-политические, экономические, государственно-управленческие проблемы, а также проблемы взаимодействия с режимом крупного капитала и технократов.

Особенно важным это представляется в свете споров о том, насколько влияла при нацистском режиме экономика на политику и наоборот²¹⁶, или насколько командным было немецкое хозяйство при фашизме, а также в дискуссии о модернистском потенциале фашистской власти.

Из содержания работы ясно видна исключительно большая роль лично Гитлера, которую он сыграл при решении вопроса о создании в Германии дешёвого «народного» автомобиля. Моммзен подчёркивает огромное значение для Гитлера как «вождя» осуществления этого проекта даже при ограниченных финансовых и трудовых ресурсах, вопреки экономическим и сырьевым возможностям²¹⁷. Этот проект был мощным стимулом для привлечения на свою сторону немецких трудящихся. Когда Трудовой фронт подключился к финансированию проекта, то его руководство в лице Лея хотело подчеркнуть тем самым свою значимость во властных структурах Третьего рейха, укрепить в глазах Гитлера свой авторитет и значение своей организации. Моммзен пишет, что «передача проекта Фольксвагена в руки «Фронта» обещала существенно усилить его экономические и социально-политические позиции в поликратическом конфликте полномочий и профессионализма в Третьем рейхе»²¹⁸.

Специальные главы книги посвящены проблемам чисто производственного характера: планированию и строительству завода и города, технического обеспечения. Авторы показали, что руководство предприятия имело значительную автономию в решении производственных вопросов и подготовки кадров. Главным в этом было не нацистское мировоззрение, а профессионализм, хотя в подготовке рабочих и служащих сохранялись расовые ограничения и по физическому здоровью²¹⁹.

Довольно подробно автор останавливается на теме вербовки на строительство итальянских рабочих, которые сыграли едва ли не основную роль в ходе строительства концерна. Эта акция имела и ярко выраженный политический характер в сфере укрепления связей между родственными режимами фашистской Италии и нацистской Германии.

Отдавая должное техническим новациям Ф. Порше, главного конструктора завода, Г. Моммзен далёк от идеализации технического и социального прогресса. Автор показал, как причудливо сочетались в этом проекте гигантомания и скромные результаты социальной стороны дела – жилищное, медицинское, социальное обслуживание рабочих, раздутые до предела пропагандистской кампанией нацистской партии и «Трудового фронта», под эгидой которого строилось предприятие. Эти суждения подкреплены анализом большого количества статистического материала по заработной плате, длительности рабочего дня, продовольственного обеспечения и других показателей. Они стали возможными благодаря обработке материалов

более чем 50 архивов Германии и других стран, а также благодаря более 100 интервью с бывшими служащими и принудительными рабочими²²⁰.

Вопреки распространённому мнению о значении предприятия для военных нужд, Моммзен показывает, что оно было минимальным (особенно на начальном этапе войны), поскольку не было включено в планы вооружений и подготовки войны. Моммзен также считает неверным взгляд, что война освободила ДАФ от обязательств перед трудящимися. Учёный утверждает, что такой взгляд недооценивает способность нацистского режима к импровизациям и неожиданным поворотам. Руководство завода и во время войны уделяло внимание перспективам будущего производства автомобиля²²¹, показывает Г. Моммзен. Функционирование предприятия продолжалось, несмотря на хозяйственные простои.

В книге большое место занимает анализ эксплуатации во время войны на предприятиях «Фольксвагена» «рабов» Третьего рейха. Сначала это были завербованные рабочие оккупированных стран Европы, а затем военнопленные, интернированные, насильственно угнанные, заключенные концентрационных лагерей, которые должны были создать «модернистский» рай для «избранного арийского народа». Оплата их труда была минимальной и обеспечивала существование лишь на грани выживания.

Впечатляюще описывает Моммзен жизнь и быт этих рабочих на предприятии и в ближних концлагерях. Как и повсюду, существовала в рабочем коллективе иерархия. Немецким рабочим разрешались лишь минимально-необходимые контакты с иностранными рабочими²²². Наиболее тяжёлым было положение советских военнопленных и «остарбайтеров» (рабочих Восточной Европы). Как и на других предприятиях, для «Фольксвагена» типичным явлением были переполненные лагеря, плохое обращение с принудительными рабочими и работницами, избиения, высокие штрафы по малейшему поводу. Очень высокая смертность маленьких детей польских и русских работниц в специальных лагерях (от 70 до 100 % в 1945 г.)²²³.

Работа Ганса Моммзена противостоит попыткам некоторых историков идеализировать деятельность концернов, особенно по отношению к принудительным рабочим. С позиции исторического континуитета авторы оценивают воздействие деятельности концерна и на послевоенную историю Германии. Они пишут, что история «Фольксвагена» представляет собой показательный пример исторической связи между Третьим рейхом и Федеративной Республикой. «Инициированный Порше технический прорыв, – пишет Г. Моммзен, – в условиях нацистского режима превратился, в большей или меньшей степени, в свою противоположность. Только в ходе демократического преобразования Германии «Фольксваген» смог стать важнейшим мотором западногерманского экономического подъёма»²²⁴.

Историк Петер Хайес, который продолжительное время занимался исследованием концерна «ИГ Фарбениндустри», написал работу, посвящённую истории акционерного общества «Немецкое золото и серебро» известного тогда под названием «Дегусса»²²⁵. Работа освещает проблемы сотрудничества этого предприятия с нацистским режимом, границ предпринимательской деятельности, вопросы прибылей и недостатков от этого сотрудничества. Автор исходит из тезиса о подчинении предприятия экономической политике нацистов, но при этом отмечает её выгодность (по крайней мере, до войны) для прибылей «Дегуссы». Экономическую систему Третьего рейха автор оценивает как развивавшуюся в направлении государственно-управляемой экономики, где важную роль играли «политические цели режима и оказывала большое влияние политическая информация»²²⁶.

Специальные главы своей книги Хайес отводит вопросам участия предприятия в «аризации», автаркии, вооружении, организации принудительных работ и в политике уничтожения – тем вопросам, которые вызывают, как он пишет, «особенно критические суждения»²²⁷.

Основными видами поведения руководства предприятия стали приспособление, участие в политике нацистов и пропаганда целей режима. Автор приводит факты коррупции в ходе аризации. Процесс аризации явился одним из важных факторов экономического подъёма «Дегуссы»²²⁸. «Свидетельством морального падения концерна явилось участие „Дегуссы“ в переплавке золота и серебра, полученного грабежом евреев Европы. В этой акции он (концерн), как ни одно из других подобных предприятий, проявил активность, обеспечив режиму дополнительную сумму почти в миллион рейхсмарок», – пишет автор²²⁹. Предприятие активно участвовало также в разграблении европейской экономики и в организации принудительных работ. В последнем вопросе Хайес придерживается точки зрения, что здесь не играли роли экономические соображения. Надо было возместить нехватку рабочих рук, и она возмещалась принудительным трудом иностранных рабочих и военнопленных.

«Дегусса» занималась также производством инсектицидов и химических препаратов, которые закупались вермахтом для дегазации униформы и других нужд. Инсектициды поставлялись и для СС. Автор указывает, что почти 1 % от них был использован для умерщвления евреев, но при этом даёт понять, что денег от этого предприятие не имело, отделяя, таким образом, деятельность предприятия от преступных деяний СС. Такая позиция характерна для большинства историков, занимающихся вопросами взаимоотношений крупного капитала и нацистского режима.

3.4. Наука и культура в свете «историзации» национал-социализма

Объектом пристального внимания нацистов стали области просвещения, образования и науки. В этом секторе общественной жизни, потребности нацистов вышли далеко за рамки потребностей общества. Формирование системы тоталитарного государства облегчало проникновение нацистских идей во все стороны общественной жизни.

В 70–80 гг. в ФРГ активно дискутировался вопрос о положении и роли науки при национал-социализме. Особенно оживлённые дискуссии велись о роли медицины, анатомии, психиатрии, юриспруденции, социальных наук, педагогики, оказавшихся тесно связанными с нацистской идеологией. В эти и последующие годы историки провели детальные исследования положения отдельных наук при нацизме, отмечая однобокое развитие тех её направлений, которые были связаны с военным производством²³⁰.

Позиция учёных академических институтов и университетской профессуры по отношению к национал-социализму характеризуется в целом как капитуляция перед ним. Научные общества, институты и университеты не сопротивлялись нацистской «кадровой политике» расового и политического толка, введению принципа фюрерства и утрате автономии. Особенно пострадали университеты и другие высшие школы. Среди учёных была распространена позиция приспособления к режиму, которая проводилась либо принудительно, либо добровольно. Как считает М. Грюттнер, приспособление явилось самым широко распространённым феноменом в отношениях между наукой и нацизмом²³¹.

В большей степени свою независимость от НСДАП сохранили институты научного общества кайзера Вильгельма (ныне – Макса Планка). При смене президента «общества кайзера Вильгельма» от Макса Планка к Карлу Бошу в 1936 г. сохранялась некоторая преемственность: Бош, как и Планк, был известен своей критической позицией по отношению к национал-социалистам. Они пытались доказывать Гитлеру вред и опасность для науки политики изгнания учёных. В последующие годы Бош более или менее открыто использовал своё влияние для противодействия политике режима. Вместе с тем и он в 1937 г. был вынужден уступить давлению министра образования и науки Руста и усилить принцип фюрерства и освободиться от своих не чисто арийских заместителей²³². Роль сената «общества» сошла до совещательного органа. Историками отмечается всё большее вмешательство в научную жизнь государственных органов, в частности, ведомства по 4-летнему плану во главе с Герингом, готовившим страну к войне.

Современные немецкие авторы рассматривают состояние науки в нацистской Германии под углом зрения континуитета или разрыва с предыдущими периодами. Эту проблему они анализируют, уделяя внимание связям с Веймарской республикой. Что касается влияния на науку идеологии и политики то оно сравнивается, преимущественно, с кайзеровской Германией. Такое внимание континуитету связано с проверкой тезиса о снижении уровня научных исследований в нацистской Германии.

Углубленный анализ деятельности институтов «общества кайзера Вильгельма» показывает, что, несмотря на отъезд ряда видных учёных из нацистской Германии, институты сохранили довольно высокий уровень исследований, особенно в области естественнонаучных дисциплин. В 1937 г. были открыты новые институты: лимнологический институт, физики атмосферы, биофизики²³³.

Негативные явления стали сказываться по мере впадения Третьего рейха в политическую и военную изоляцию: стали затрудняться или прерываться международные контакты, усилилась политизация руководящего персонала, началось сокращение финансирования институтов с точки зрения их «нужности» или «важности». Как пишут немецкие авторы, «фаворитами оставались только нужные для войны физика, химия, техника». Одновременно «важными» считались евгеника и Институт антропологии, которые имели контакты с Освенцимом. В составе института были специальные отделения (например, отдел по евреям), которые занимались расово-биологическими вопросами. Учёные этого института оказались замешаны в расовых преступлениях нацистов²³⁴. Оценивая позицию естествоиспытателей, автор считает, что физики и многие другие учёные исполняли свои функции, но убеждения, что их государство правое, у них не было²³⁵.

Историк М. Сцёллэзи-Янзе анализирует работы учёных в области обеспечения «автономии» немецкого хозяйства от конъюнктуры мирового рынка. Она обращает внимание на то, что ещё в Веймарской республике государство уделяло много внимания этой проблеме – в смысле создания в перспективе «военноспособного» хозяйства²³⁶. При государственной поддержке возникла целая система исследовательских учреждений из промышленных лабораторий, высших школ и институтов, работавших в этом направлении.

Нацистским государством была продолжена и усилена поддержка однобоких и ориентированных на автаркию исследований в области экономического развития страны. На всех ступенях исследования в них участвовала крупная промышленность. Историк считает, что тем самым крупные концерны впадали в зависимость от государства, на что указывает опыт

«ИГ Фарбениндустри». Положение крупных монополий она показывает как зависимое от нацистского курса и больше как жертву нацистской политики, ревизуя тем самым старые оценки работ по истории крупных монополий, свидетельствующие об инициативной роли концернов во взаимоотношениях с нацистским режимом²³⁷.

Касаясь политики нацистов в области науки, автор отмечает, что она была продолжена в этом же направлении, но «с разной степенью усердия: нацистский режим разрушал то, что противостояло его идеологии, но в своей основе, процесс «онаучивания» не откатился назад»²³⁸. Автор подтверждает точку зрения о том, что развитие науки не обязательно связано с демократизацией и гуманизацией общества. Этот процесс при отказе от различного рода норм становится деструктивным, антигуманным и несущим смерть, например, биологических, или социальных наук, что и произошло при национал-социализме²³⁹. Применительно к политике нацистов в области здравоохранения рассматривается положение медицинской науки.

Под редакцией Г. Штрауса вышло обобщающее исследование по эмиграции представителей науки после прихода фашистов к власти. В нём подробно рассматривается деятельность представителей различных направлений науки за рубежом – и тех, кто сочетал занятия наукой с активной антифашистской деятельностью, и тех, кто просто занимался наукой. Много внимания уделяется вкладу немецких учёных-эмигрантов в научно-технические достижения, способные остановить военную машину Гитлера, опередить её в военно-технических разработках²⁴⁰. Гуманитарные науки (в их числе география как геополитика, этнология, фольклёр, история) также подверглись деформации, связанной, главным образом, с геополитическими и расовыми притязаниями нацистов. Эти выводы историков были отражены и подтверждены новыми исследованиями 90-х гг.²⁴¹.

Положение исторической науки в условиях национал-социализма не вызывало особых дебатов. Учёные признали, что произошло быстрое приспособление исторической науки к потребностям режима. Однако долгое время в ФРГ преваляровала оценка, что этот «оппортунизм» не был напрямую связан с господством в высшей школе «антидемократического мировоззрения». Согласие с режимом было поверхностным и не означало прямой поддержки целей нацистов и его идеологии. Гораздо большую роль в этом приспособлении играли идеализм, а также прямая подчинённость науки нацистскому режиму (либеральный историк Г. Ротфельс). Имело место, таким образом, частичное оправдание исторической науки за сотрудничество с нацистами. Вплоть до середины 60-х гг., как отмечали де-

мократически настроенные авторы (В. Абендрот), попытки изучения позиции высшей школы при нацизме наталкивалось на сильное сопротивление²⁴².

Позднее оправдательный взгляд стал пересматриваться, особенно в связи с появлением биографий видных историков, а также при изучении истории отдельных университетов и работавших там историков. При этом речь шла не только об историках – специалистах по новой и новейшей истории, но и занимавшихся древностью и средневековой историей. При этом основная масса исследователей 70-80 гг. утверждает о наличии довольно широкого поля приспособленчества исторической науки к национал-социализму²⁴³.

Одной из первых крупных работ на эту тему стала книга либерального историка К. Шёнвэльдер «Историк и политика. Историческая наука при национал-социализме»²⁴⁴. Работа базируется на архивных источниках и анализе обширных материалов публикаций историков и исторической периодики 1933–1945 гг. (около 770 названий книг и статей). В центре её исследования при этом находится политическая история и взаимное влияние исторического познания и нацистской действительности. Особое внимание автор уделяет анализу вопроса об отношении историков к внешней и военной политике Гитлера.

Книга Шёнвэльдер закрывает своим исследованием одно из белых пятен в проблеме исторической науки при нацизме, в особенности сообщества консервативных историков. Книга построена по хронологическому принципу и в ней показано, по каким пунктам имелись во взглядах историков на события 1933–1945 гг. согласие или противоречия; какая эволюция происходила у историков по мере развёртывания нацистской политики.

Выводы Шёнвэльдер чётко структурированы по главам и в конце книги. Её выводы звучат неутешительно для исторического сообщества периода национал-социализма. Так, автор пишет, что с приходом Гитлера к власти большинство историков связывали внешнеполитический подъём Германии, которому должен предшествовать внутренний успех – и это должно быть сделано новыми методами и требовало «сплочения нации». Преобладающим среди историков было мнение о необходимости авторитарной власти²⁴⁵.

Историки фактически не противодействовали вмешательству властей в жизнь университетов и «чистке» вузов от «нежелательных» элементов. Пострадали учёные либеральных и демократических взглядов. Что касается консерваторов, то в основном их оценки истории и современности сохранялись. Довоенная внешняя политика оценивалась как оправдан-

ная и необходимая, а аншлюс Австрии – как высший пункт немецкого единения, а также шаг к новому порядку в Европе. «Тот факт, что он осуществлялся под знаком фашизма, оценивалось либо положительно, либо игнорировалось», – пишет Шёнвэльд²⁴⁶. Во время войны была предпринята попытка вовлечь более именитых историков в поддержку политической линии нацистов и оправдать войну. При этом не считалось необходимым превращать университеты в пропагандистские учреждения НСДАП²⁴⁷.

Шёнвэльд констатирует, что с 1933 по 1945 гг. в целом сохранялся континуитет исторических исследований. В то же время произошло приспособление научных вопросов и ответов на них к доминирующим тенденциям времени и использование науки для целей войны и порабощения²⁴⁸. Так, большинство историков, занимавшихся Восточной Европой, поддержали идею «крестового похода» против «еврейско-большевистско-азиатской» угрозы европейской свободе и культуре. Критические голоса были, и даже в публикациях, но они оставались в меньшинстве.

Со стороны нацистского руководства преобладало стремление не к подавлению исторической науки, а к интеграции её консервативно-националистической части, к сотрудничеству с университетской наукой. Для власти была достаточной готовность учёных политически поддержать режим. Ею поощрялись исторические изыскания в области таких идеологем, как «раса», «народное тело», «рейх», «образ фюрера» – в общем, из арсенала не столько национал-социалистов, сколько «младоконсерваторов» и «народников». Историки также напрямую сотрудничали с государственными и партийными органами в качестве научных сотрудников, советников, референтов и т. п. при подготовке различных планов, выставок, особенно в области «нового порядка» в Европе²⁴⁹. Автор приходит к выводу о существовании в Третьем рейхе политического ангажмента историков, независимо от возраста и специализации, который много сделал для «исторического» оправдания национал-социалистической политики.

Последовал ряд полемических публикаций о континуитете историографии Третьего рейха и ранней ФРГ, например, по оценке исторических взглядов одного из основателей послевоенной западногерманской историографии Карла Дитриха Эрдмана²⁵⁰.

Процесс историзации национал-социализма более ярко высветил роль гуманитарных, и в частности, исторических наук в поддержке нацизма. Эту тему было решено обсудить в специальной секции 42-го конгресса германских историков, проходившего в сентябре 1998 г. во Франкфурте на Майне. Это было тем более важно, что речь шла об историках, сыгравших выдающуюся роль в развитии западногерманской историографии. Как

пишут авторы: «Дебаты о прошлом германских историков при национал-социализме являются дебатами по истории ранней ФРГ»²⁵¹. В выступлениях учёных освещалась деятельность различных исследовательских групп и институтов, функциями которых являлись поиски подтверждения в немецкой истории притязаниям нацистов на господство в Средней и Восточной Европе. «Сегодня, – пишут авторы издания, – мы располагаем корпусом источников, следуя которым (можно говорить) о большем, чем до сих пор было известно числу историков, служивших национал-социализму»²⁵².

Особенно большую роль в обоснование нацистами ликвидации «национальной чересполосицы» в Восточной Европе сыграли исследовательские группы так называемого «Остфоршунга» (Исследование Востока). Там трудились такие видные учёные как А. Бракман, Г. Аубин, а также впоследствии известные историки ФРГ Г. Ротфельс, Т. Шидер, Т. Оберлендер и др. (доклад В. Моммзена)²⁵³. В заключение своего выступления Моммзен заявил, что «...созданы интеллектуальные предпосылки, которые сегодня делают возможным критически судить наших историографических отцов и дедушек»²⁵⁴.

Действительно, в начале XXI века исследования по исторической профессуре оказались в поле пристального внимания. Более подробно активную работу историков при нацизме в области изучения «борьбы народов на Востоке» осветил И. Хаар. Он в очень невыгодном свете представил «кумиров» либералов послевоенной Германии – историков К. Эрдмана, В. Конце, Т. Шидера и др. Оказалось, что практически все историки – современники нацизма, оставшиеся в Германии (за исключением людей, действовавших в подполье), так или иначе содействовали режиму. Осуждение Хаар вызвал тот факт, что после войны упорно замалчивалось то обстоятельство, что Г. Ротфельс – глава послевоенного либерального направления западногерманской историографии – накануне прихода нацистов к власти был сторонником реакционно-консервативной концепции «натиска на Восток»²⁵⁵. На страницах журнала «Ежеквартальник современной истории» была продолжена полемика на эту тему. Глава социально-критической исторической школы ФРГ, ученик Ротфельса Г. А. Винклер обвинил И. Хаар в плохом обращении с источниками²⁵⁶.

По определению В. Моммзена после войны произошла «молчаливая ревизия историографических позиций» (названных историков)²⁵⁷. Интересно, что признание этого факта произошло со значительным опозданием, если сравнивать с восточногерманскими учёными, которые ещё в конце 50-х – начале 60-х гг. разоблачающе писали на тему сотрудничества историков с нацистским режимом²⁵⁸.

В целом, в «Ежеквартальнике» в последние 7–8 лет отмечается повы-

шенное внимание к уточнению позиций отдельных деятелей науки и культуры в отношении к национал-социализму режиму (кроме статей о Ротфельсе, это статьи о немецком астрономе Хекмане, писателе Юнгере, философе Клагесе, композиторе Орффе и др.). По большей части рамки их карьеры допускали как осуждение некоторых действий нацистов, так и приспособление к ним. Так, Т. Шнайдер, анализируя творчество и позицию известного философа Клагеса, отмечает, что прославление им «героического» начала в человеке широко использовалось нацистской пропагандой, особенно во время войны²⁵⁹. Работы историков последнего десятилетия XX века показывают усиление критического осмысления поведения общественно значимой элиты к национал-социализму. Это важно ещё и потому, что речь идёт о взаимоотношении науки и власти, культуры и власти.

Нацистским целям стало служить и искусство, и эстетика. Для последующего развития немецкой историографии в этом направлении имела принципиальное значение упоминавшаяся выше работа Петера Райхеля о «обманчивом сиянии Третьего рейха». 1990-е годы оказались отмеченными повышенным интересом историков и культурологов к теме политизации искусства и литературы, её континуитета и дисконтинуитета в условиях нацистского режима.

Длительное время в европейском общественном мнении господствовала точка зрения о полном крушении немецкой культуры в период нацистской диктатуры. Это было связано с оценкой нацизма как погружения Германии в варварство, а также с обстоятельствами Второй мировой войны. В связи с очевидным «руководством» нацистами культурой и её связью с пропагандой, историки и искусствоведы отказывали культурной жизни Германии этого периода в каком-либо развитии. Констатировался полный разрыв с богатейшими традициями страны в этой области. В такой оценке проявилось огромное влияние критики нацистской политики со стороны всемирноизвестных немецких писателей-эмигрантов.

В современной историографии до сих пор нет единой точки зрения по вопросу об отношении нацистского режима к историческому и культурному наследию Германии. Остаётся спорным вопрос о создании при Гитлере специфической нацистской культуры. Вопрос об отношении «немецкой классики» и нацизма является давно дебатированным вопросом об общественной роли духовной, культурной и научной элиты Германии в XX столетии в целом, и при национал-социализме в частности.

Больше внимания стало уделяться формированию взглядов нацистов на культуру в период Веймарской республики. Авторы отмечают, что культурная политика нацистов формировалась в ожесточённой борьбе с культурными течениями Веймарской республики. Историк Фастман в

книге, посвящённой деятельности нацистской палаты культуры показывает, что деятели нацистского «Культурбунда» утверждали, что культура Веймарской республики оказалась «отчужденной от политики и от народа» и это отчуждение должно быть устранено²⁶⁰. Свою задачу нацисты видели в устранении свободы творчества, свойственной либеральному обществу и «направлении» творческих сил представителей культуры в русло «традиционной, народной культуры». Историк также разбирает те принципы, на которых должна была строиться политика Палаты культуры, созданной после 1933 г., выделяет их пропитку расовыми идеями. Другой автор, Харманд, подверг скрупулёзному анализу взгляды на культуру, которые проповедовали нацисты. Он пишет, что они не были полным разрывом с культурой предшествующего периода. Культурные идеи нацистов во многом пересекались с консервативными и народными утопиями немецкой идеологии – с их верой в народных вождей и грёзами о грядущем тысячелетнем рейхе²⁶¹.

Историк из ГДР Й. Петцольд в своё время подробным образом разобрал, как элементы антисемитизма, «народности», национализма, сословности использовали и развивали в своей культурной концепции представители консервативной и неоконсервативной элиты Вильгельмовской, а также Веймарской Германии²⁶². После прихода к власти все они были монополизированы, использованы и извращены нацистами в угоду своей политической доктрине.

Нацистские идеологи и «специалисты» по культуре мечтали также о создании «своей», специфически нацистской культуры, как некоего синтеза «народной» и «классической» немецкой культуры, сплавленной, одновременно, с чёткими формами их пропаганды по созданию в Германии «народного сообщества» и нового «Великого рейха» (Третьего рейха). Политика нацистов в области культуры состояла не только из отрицания «расово-чуждых» элементов внутри неё. Она также предусматривала сохранение, прославление и, по возможности, привлечение на службу своим идеям немецкого классического культурного наследия в области литературы, музыки, изобразительного искусства и архитектуры, подчеркивают авторы исследований в этой области.

В рамках ответа на вопрос: что же привлекало немцев к нацистам – современная историография культурной политики стала больше внимания уделять попыткам нацистских идеологов использовать для себя классическое культурное наследие Германии. Особенно это касается такого богатого культурными традициями города как Веймар. После войны этот город Гёте и Шиллера для мировой общественности стал известен и своим соседством с печально знаменитым лагерем Бухенвальд. Историки

пытаются ответить на вопрос: имеется ли какая-либо внутренняя связь между двумя этими явлениями. В книге «Третий Веймар. Классика и культура при национал-социализме» они раскрывают обстановку культурной жизни Веймара накануне и после прихода нацистов к власти²⁶³.

Авторы статей показывают, что в Веймаре в течение 1920-х гг. наблюдалось противостояние консервативного, немецко-национального «духа Веймара» и политического, либерального, республиканского Национального собрания – «веймарского духа» («духа Веймарской республики»). Сами нацистские «эксперты от культуры» понимали, что перед ними стоит довольно сложная задача достижения «единения духа и политики». В этом направлении многое сделали Вильгельм Фрик (с 1930 г. – тюрингский министр народного образования и внутренних дел, а с 1933 г. – имперский министр внутренних дел). Начиная с середины 1920-х гг. нацистские деятели осуществляли регулярные паломничества в этот город и превращали его в «сцену» нацистского движения. Овладение Веймаром было важно для нацистов и с политической точки зрения: ведь именно здесь была провозглашена республика, идеологически тесно связанная с ценностями французского Просвещения и революции. Гауляйтер Тюрингии Ф. Заукель (впоследствии – «Генеральный уполномоченный по привлечению рабочей силы» для Третьего рейха), молодой руководитель «Гитлерюгенда» Б. фон Ширах и другие видные нацисты делали всё, чтобы выстроить мосты между культурой прошлого и национал-социалистическим движением, чтобы обозначить последнего как преемника классического немецкого наследия. Нацисты намеревались выстроить здесь «новую классику», опираясь на союз с традиционной общественной элитой Тюрингии. Этот союз действительно уже обозначился в 1930 г., когда нацисты вошли в состав правительства, а с 1932 г. возглавили его. К этому времени культурный истеблишмент Веймара был ориентирован в национально-консервативном духе. В культурном поле утвердилось мнение, что со времен классицизма Веймар является «сердцем немецкой культуры». Всё это облегчало переход городских слоёв на рельсы «народного, национал-социалистического» движения²⁶⁴.

Сам Гитлер не раз подчёркивал, что, подобно Байрейту²⁶⁵, который нацисты превратили в культовое место поклонения музыке Вагнера, Веймар будет «городом национал-социалистического возрождения». Томас Манн констатировал в 1932 году (юбилейном году Гёте), незадолго до прихода нацистов к власти в Тюрингии, что здесь, в Веймаре, господствует «совершенно своеобразное смешение гитлеризма и Гёте»²⁶⁶.

С момента прихода Фрика в правительство Тюрингии стало ясно, что начинается закат либеральной культурной политики. Это видно на при-

мере острой борьбы с модернистской школой конструктивизма «Баухауз», окончившейся в пользу «классики» консерваторов и нацистов²⁶⁷. Типичным явлением для отношений между «духом» и «властью» во времена нацизма считались конфликты между ними. В действительности же картина была более пестрая. Её можно выразить различными категориями: «унификация», «приспособление», «сопротивление», «дистанцирование». То же относится и к Веймару. Последние исследования показывают, что те культурные процессы, которые инициировали нацисты после 1933 г., начали развиваться в Веймаре задолго до них и большая часть культурной элиты мыслила категориями Третьего рейха. В качестве примера можно было бы привести активную деятельность на общественном и культурном поприще Тюрингии главы немецко-национальных и народных объединений А. Бартеля. С большой публицистической силой он обрушивался на «еврейство» в немецкой литературе²⁶⁸.

Стратегической целью нацистов (Зукеля и др.) было создание «нового, национал-социалистического Веймара», который с помощью классической литературной и философской традиции должен был стать центром нацистского культурного ландшафта. Этим целям служили намерения по строительству «Гауфорума», расширение музея Гёте, а также строительства «зала памяти Ницше» и др.

Особое место в наведении мостов между культурным прошлым Веймара и нацистским движением занимает Веймарский архив Ницше. Философское наследие Ницше было гораздо легче, чем наследие Гёте, использовать и приспособить к нацистской идеологии. Объявление философа Ницше духовным предтечей нацистов облегчило в определенной степени, уже после войны, оправдание тех филологов-германистов, которые в период нацизма объявляли классику и Гёте предтечами «немецкого культурного мессианства 1933–1945 гг.». Наследие Гёте в меньшей степени избежало национал-социалистической интерпретации, чем, например, Шиллера. В 1934 году отмечалось 175 лет со дня его рождения и это стало поводом для первой большой нацистской инсценировки поклонения классике в Веймаре. В ходе её наследие Шиллера широко интерпретировалось в духе «национальной революции», провозглашённой Гитлером.

Это, конечно, не означает, что культуру Вильгельмовского периода и «культурную революцию справа» в период Веймарской республики можно считать предысторией гитлеровской диктатуры в области культуры. Но нельзя не заметить, что существовали определённые связующие линии между ними. Как отмечают авторы, видимо, не совсем случайно существовали рядом друг с другом город «немецкой классики» и концентрацион-

ный лагерь Бухенвальд, как крайнего выражения «отбрасывания» всего «чуждого немецкому духу и культуре». Некоторые слои культурной элиты Веймара проявили готовность к сотрудничеству с нацистами в более тесном плане. Известно, что оркестр Немецкого национального театра давал и в самом театре, и на выезде т. н. «закрытые» концерты для охраны концентрационного лагеря²⁶⁹.

Со временем оценки культуры этого периода в историографии несколько смягчились и стали носить более дифференцированный характер. Отмечая, например, что кино, как и другие сферы общественной жизни, были подвергнуты «аризации», историки обращают внимание на то, что в кино и театре нацисты ослабляли свое политическое и мировоззренческое давление²⁷⁰. Историк Ф. Дам считает культурно-политическую унификацию при национал-социализме подчинённой идее национального единства при сохранении частичного плюрализма²⁷¹.

В то же время современные авторы опровергают ранее широко распространённое мнение, что *музыка* в Третьем рейхе, в отличие от литературы и изобразительного искусства, в наименьшей степени подверглась давлению со стороны нацистского режима. Считалось даже, что в этой области искусства нацистский режим достиг большого успеха. Современные авторы более углублённо показывают, каким образом нацистские искусствоведы трактовали в угоду себе и этот вид искусства. Они изымали и запрещали те её формы, которые они считали враждебными «народному духу» и «народному сообществу». Отмечается высокий уровень политизации Вагнеровского музыкального фестиваля в Байрейте, превращение взглядов и музыки Вагнера (так же как и взглядов философа Ницше) в «векторные идеи» национал-социализма. В то же время, специалисты отмечают сохранение и даже развитие эстетики вагнеровской музыки, особенно его исторических опер. Более того, вагнеровское влияние частично прослеживалось и на эстетическом оформлении нацистского движения и режима²⁷².

Проблема модернизма в музыке проявилась у нацистов в двух аспектах: первый – в изгнании большинства известных немецких композиторов XX века по расовым мотивам или за принадлежность к авангардизму; второй – в торможении овладением молодым поколением композиторов действительно новыми формами музыки, которое на международном уровне свидетельствовало об отставании Германии в этой области. Борьба с «модернизмом» в этой сфере была достаточно жёсткой, и современные формы музыки, включающие в себя атональность, диссонансы и др. были запрещены как еврейские и разлагающие формы²⁷³. В результате понизился уровень представляемых на конкурс музыкальных партитур.

Немецкие авторы отмечают, что напрямую на службу национал-соци-

ализму было поставлено песенное творчество немецких композиторов. Песня о Хорсте Весселе – «герое-мученике» нацистского движения была приравнена к национальному гимну. Нацистский режим поощрял написание и исполнение песен героико-патриотического плана, с ритмичной музыкой. Их было легко петь хором и в строю. В песнях также сквозили любовь к природе, народу, матери. Наибольшей популярностью пользовались песни Г. Баумана. Как позднее вспоминала одна из руководительниц «Союза немецких девушек», «нацистское государство было и диктатурой песни. Мы постоянно пели: при вхождении в деревню, в лагере, на праздниках, на утренниках... Иногда я спрашиваю себя, кто на меня больше повлиял – А. Гитлер или Г. Бауман и склоняюсь в пользу последнего»²⁷⁴. Авторы исследования песенного творчества при нацизме ярко показывают, как нацисты использовали тяготение молодёжи к песне, традиции немецкого хорового пения, «овладевали душой народа».

Книги и статьи немецких авторов свидетельствуют, что у представителей искусства и литературы оставалось мало шансов избежать национал-социалистической унификации. В разделе книги о Рейнской области, посвящённом литературе, показано, насколько было легко или трудно писателям и поэтам рейнского региона преодолеть авангардизм в процессе компромисса с нацистским нормативно-утопическим пониманием модерна в искусстве, с его терминологией «народности», «общности», «нового рейха».

Особенно сильно подверглись «чистке» по политическим и расовым мотивам радио и кино. К. В. Нимеллер показывает это на примере действий нацистских властей в земле Северный Рейн – Вестфалия, где в радиопрограммах стала превалировать лёгкая и развлекательная музыка как основа для привлечения к ней населения. То же самое касается и изобразительного искусства, в котором для художественного модерна не оставалось пространства. Лишь архитектура избежала тотального наступления против модернизма: здесь и в жилых, и в производственных комплексах, и в «новых современных музеях» использовались элементы модернистской архитектуры²⁷⁵.

Таким образом, оценки культурной жизни этого периода стали носить более дифференцированный характер. Культурный фон не носит однозначно чёрного цвета. Это помогает понять, почему многим немцам жизнь, по крайней мере в мирные годы, при нацистах казалась вполне нормальной.

* * *

Оценка некоторых черт государства и общества в «новой» ФРГ была значительно модифицирована в сторону отхода от чётких и рельефных оценок, исключая характеристики режима как диктаторского. Показано

существование в государстве и обществе определённых ниш для маневра. Прибавилось красок в характеристике деятельности партийных и примыкающих к ним организаций. Более разнообразными (а иногда и достаточно размытыми) стали оценки социально-экономической политики. Попытки представить нацистский режим как «народный» встретили среди историков сдержанный приём. Преобладает точка зрения, сформировавшаяся во второй половине 80-х гг., что режим носил «интеграционный» характер.

На одно из первых мест вышло изучение репрессивной политики нацистов как против собственного народа, так и против «чуждых элементов». При этом имела место ревизия оценки гестапо как «всевидящего и всепроникающего ока», сила которого состояла не столько в его организационной «разведывательной» деятельности, сколько в доносительной активности «фольксгеноссен» и «наблюдении» за общественной жизнью многочисленных организаций, руководимых нацистами. Здесь, как нам представляется, таится опасность дальнейшего пересмотра в сторону смягчения оценок репрессивного аппарата гитлеровской Германии, в результате которого нацистская диктатура окажется «народной».

На оценку взаимодействия власти с научными и культурными организациями Германии сильное воздействие оказал процесс «историзации» нацизма. В этой области исследования наиболее сильно проявилась ревизия взглядов. Она проявилась в двух направлениях: с одной стороны – в смягчении оценок относительно довоенной культурной жизни нацистской Германии только как проявления варварства; С другой стороны – в открытии «неудобных» страниц истории сотрудничества известных деятелей науки и культуры с нацизмом, которые по каким-либо соображениям длительное время замалчивались.

Примечания к главе 3

- ¹ Die Anfänge der Braunen Barbarei. – München, 2004.
- ² Ibid. – S. 7.
- ³ Ibid. – S. 11.
- ⁴ Ibid. – S. 99.
- ⁵ Ulrich von Hehl. Staat und Kirchen in den Anfängen der NS– Diktatur // Anfänge der braunen Barbarei... – S. 144.
- ⁶ Ibid. – S. 162.
- ⁷ Anfänge der braunen Barbarei... – S. 126.
- ⁸ Mommsen H. Beamtentum im Dritten Reich. – Stuttgart, 1966. – S. 206.
- ⁹ См.: Ruck M. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Band 1. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – Darmstadt, 2000. – S. 191–194.
- ¹⁰ Rahu-Kühne C. // Ruck M. Regionale Eliten zwischen Diktatur und Demokratie. Baden und Württemberg 1930–1952. – München, 1993.
- ¹¹ Ruck M. Korpsgeist und Staatsbewußtsein. Beamte im deutschen Südwesten 1928 bis 1972. – München, 1996. – 407 S.
- ¹² Ruck M. Korpsgeist und Staatsbewußtsein. Beamte im deutschen Südwesten 1928 bis 1972. – München, 1996. – S. 257.
- ¹³ Rebentisch D. Nationalsozialismus und öffentliche Verwaltung // Frankfurt am Main, Lindenstraße. Gestapozentrale und Widerstand. – Frankfurt am Main; New York. – 1996. – S. 53.
- ¹⁴ Rebentisch D. Op. cit... – S. 54.
- ¹⁵ Ibid. – S. 38.
- ¹⁶ Ibid. – S. 63.
- ¹⁷ Ibid. – S. 56.
- ¹⁸ Ibid. – S. 59.
- ¹⁹ Ibid. – S. 60.
- ²⁰ Ibid. – S. 63.
- ²¹ Ibid. – S. 72.
- ²² Ibid. – S. 65.
- ²³ Ibid. – S. 68.
- ²⁴ Volker K. Die machiavellistischen Elemente in Ideologie und Politik des Nationalsozialismus. – München, 1993.
- ²⁵ Ibid. – S. 185–187.
- ²⁶ Ibid. – S. 188.
- ²⁷ Ibid. – S. 189.
- ²⁸ Moll M. Steuerungsinstrument im «Ämterchaos»? Die Tagungen der Reichs- und Gauleiter der NSDAP // VfZ, 49. Jg., 2001. – S. 215–275.
- ²⁹ Соответственно: VfZ, 43. Jg., 1995. – S. 267; VfZ, 49. Jg., 2001. – S. 31; VfZ, 49. Jg., 2001. – S. 565.

³⁰ Shmiechen-Ackermann D. Der «Blockwart». Die unteren Parteifunktionäre im nationalsozialistischen Terror und Überwachungsapparat // VfZ, 48. Jg., 2000. – S. 575–602.

³¹ VfZ, 42 Jg., 1994. – S. 571.

³² Gellately R. Die Gestapo und die deutsche Gesellschaft. Die Durchsetzung der Rassenpolitik 1933–1945. – Paderborn, 1993.

³³ Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus. – Röhr W.; Berlekamp B. (Hrsg.). – 1. Aufl. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1995. – 346 S.

³⁴ Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus... S. 49–59.

³⁵ Ibid. – S. 53.

³⁶ Diewald-Kerkmann G. Politische Denunziation im NS-Regime oder die kleine Macht der «Volksgenossen». – Berlin, 1992. Здесь использовано издание: Bonn, 1995. – 256 S.

³⁷ Ibid. – S. 138; 172 u. a.

³⁸ Paul G / Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo. Mythos und Realität. – Darmstadt, 1995. – S. 7.

³⁹ Paul G / Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo. Mythos und Realität. – Darmstadt, 1995. – 586 S.

⁴⁰ Ibid. – S. 73–84.

⁴¹ Ibid. – S. 84–178.

⁴² Ibid. – S. 268–305.

⁴³ Ibid. – S. 417–438.

⁴⁴ Paul G / Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg: «Heimatfront» und besetztes Europa. – Darmstadt, 2000. – 650 S.

⁴⁵ Ibid. – S. 6.

⁴⁶ Ibid. – S. XI.

⁴⁷ Banach J. Heydrichs Elite. Der Führerkorps der Sicherheitspolizei und des SD 1936–1945. – Paderborn; München u. a., 1996. – S. 324–335.

⁴⁸ Wildt M. Vor der «Endlösung». Die Judenpolitik des SD 1935–1938 // Dahlmann D.–Hirschfeld G. (Hrsg.). Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung, Deportation. Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. – Essen, 1999. – S. 415–434. Здесь – S. 421.

⁴⁹ Ibid. – S. 432.

⁵⁰ Wildt M. Generation des Unbedingten. Das Führungskorps des Reichssicherheitsamtes. – Hamburg, 2002. – 964 S.

⁵¹ Ibid. – S. 24, 136.

⁵² Ibid. – S. 485.

⁵³ Ibid. – S. 606.

⁵⁴ Mallmann K.-M., Paul G. Karrieren der Gewalt. Nationalsozialistische Täterbiographien. – Darmstadt, 2004. – 283 S.

⁵⁵ Ibid. – S. 6–8.

⁵⁶ Ibid. – S. 18.

⁵⁷ Herbert U., Orth K., Dieckmann Ch. Das nationalsozialistische Lager. Geschichte, Erinnerung, Forschung // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur / Hrsg. von U. Herbert u. a. – 2 Bde. – Göttingen, 1998. – 1192 S. – Bd. 1. – S. 19.

⁵⁸ Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. – München, 1946.

⁵⁹ Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 22.

⁶⁰ Broszat M. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager 1933–1945 // Anatomie des SS-Staates. Bd. 2. 5. Aufl. – München, 1989. – S. 9–133; Buchheim H. Die SS – Das Herrschaftsinstrument. Befehl und Gehorsam. – Ötten, 1965. 324 S.

⁶¹ Kühnrich H. Der KZ-Staat. Die faschistischen Konzentrationslager 1933–1945. – Berlin (O), 1960; 5. Aufl. 1988.

⁶² Sofsky W. Die Ordnung des Terrors. Das Konzentrationslager. – Frankfurt, 1993. – 390 S.

⁶³ Drobisch K., Wieland G. System der NS-Konzentrationslager 1933–1939. – Berlin, 1993. – 371 S.; Orth K. Das System der Konzentrationslager. Eine politische Organisationsgeschichte. – Hamburg, 1999. – 396 S.; Wippermann W. Konzentrationslager. Geschichte, Nachgeschichte, Gedenken. – Berlin, 1999. – 175 S.

⁶⁴ Kaienburg H. Das Konzentrationslager Neuengamme 1938–1945. – Bonn, 1997. – 368 S.; Steinbacher S. Dachau. Die Stadt und das Konzentrationslager in der NS-Zeit. Die Untersuchung einer Nachbarschaft. – Frankfurt am Main, 1994. – 289 S.; Schley J. Nachbar Buchenwald. Die Stadt Weimar und ihr Konzentrationslager 1937–1945. – Köln, 1999. – 196 S.

⁶⁵ Bütov T., Bindernagel F. Ein KZ in der Nachbarschaft: Böhlauverlag. – Köln; Weimar, 2003. – 228 S.

⁶⁶ Ibid. – S. 50.

⁶⁷ Tuchel J. Planung und Realität der Konzentrationslager 1934–1938 // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 56.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid. – S. 56–57.

⁷⁰ Ibid. – S. 57.

⁷¹ Herbert U. Von der Gägnerbekämpfung zur «rassischen Generalprevention» // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – S. 80–81.

⁷² Pingel F. Kommentierenden Bemerkungen // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 155.

⁷³ Weißbrot B. Kommentierende Bemerkungen // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 358.

⁷⁴ Ibid. – S. 359.

⁷⁵ Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 363–507.

⁷⁶ Ibid. – S. 519.

⁷⁷ Ibid. – S. 520.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ См., напр.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М., 1996.

⁸⁰ Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 533–754.

⁸¹ Ibid. – Sektion 5. Die Täter. – S. 755–840.

⁸² Ibid. – Sektion 6. Häftlinge und Häftlingsgruppen im Lager. – S. 841–873; 983–1005; 911–938.

⁸³ Hartewig K. Wolf unter Wölfen? Die prekäre Macht der kommunistischen Kapos im Konzentrationslager Buchenwald // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager – Entwicklung und Struktur... – Bd. 1. – S. 939–958.

⁸⁴ Blatman D. Die Todesmärsche – Entscheidungsträger, Mörder und Opfer; Sprenger I. Das KZ Großrosen in der letzten Kriegsphase; Stzelecki A. Der Todesmarsch der Häftlinge aus dem KL Auschwitz u. a. // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager... – Bd. 1. – S. 1063–1140.

⁸⁵ Sofsky W. An der Grenze der Sozialen. Perspektiven der KZ-Forschung // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager... – Bd. 1. – S. 1142.

⁸⁶ Ritter G. Europa und die deutsche Frage. – München, 1948. – S. 140; Geschichte als Bildungsmacht. – Stuttgart, 1949. – S. 16.

⁸⁷ См. упомянутые выше работы названных авторов.

⁸⁸ Корнева Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945 – 90-е гг.) – Кемерово, 1998. – С. 43–45.

⁸⁹ Detlef Schmicken-Ackermann. Nationalsozialistische Herrschaft und der Widerstand gegen das NS-Regime in deutschen Großstädten. Eine Bilanz der lokal- und regionalgeschichtlichen Literatur in vergleichenden Perspektiven. – AfSG, – S. 488–489.

⁹⁰ Hermand J. Der alte Traum. – S. 11–12.

⁹¹ Ibid.

⁹² Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. – 2. Aufl. – München; Wien, 1992. – 452 S.

⁹³ Ibid. – S. 232.

⁹⁴ Ibid. – S. 235, 274.

⁹⁵ Ibid. – S. 372.

⁹⁶ Ibid. – S. 373–374.

⁹⁷ Ibid. – S. 378.

⁹⁸ Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Einführung und Überblick // Hrsg. von Bernd Sösemann. – Deutsche Verlag-Anstalt. – Stuttgart; München, 2002.

⁹⁹ Mommsen W. Deutscher Nationalismus im 19. und 20. Jahrhundert // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... Обе цитаты – S. 22.

¹⁰⁰ Ibid. – S. 23.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Puschner U. Ein Volk, ein Reich, ein Gott. Völkische Weltanschauung und Bewegung // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 25–42.

- ¹⁰³ Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 52.
- ¹⁰⁴ Steinbach P. Die Gleichgeschaltung // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 112.
- ¹⁰⁵ Hubert F. Uniformierter Reichstag. Die Geschichte der Pseudovolksvertretung 1933–1945. – Düsseldorf, 1992. – S. 358.
- ¹⁰⁶ Ibid. – S. 366.
- ¹⁰⁷ Ibid. – S. 375.
- ¹⁰⁸ Ibid. – S. 373.
- ¹⁰⁹ Statisten in Uniform. Die Mitglieder des Reichstags 1933–1945. Ein biografisches Handbuch. – Düsseldorf: Droste Verlag, 2004. – 997 S.
- ¹¹⁰ Smelser R., Zitelmann R. (Hrsg.). Die braune Elite. – Darmstadt, 1990; Smelser R. u. a. (Hrsg.). Die braune Elite II. – Darmstadt, 1993.
- ¹¹¹ Smelser R. Hitlers Mann an der «Arbeitsfront». Robert Ley: Eine Biographie. – Opladen, 1989.
- ¹¹² Reuth R. Joseph Goebbels. – München, 1990; Höver U. Joseph Goebbels als nationaler Sozialist. – Bonn, 1992.
- ¹¹³ Sösemann B. Propaganda und Öffentlichkeit in der «Volksgemeinschaft» // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 150.
- ¹¹⁴ Ibid. – S. 151.
- ¹¹⁵ Ibid. – S. 153–154.
- ¹¹⁶ Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Politisierung, Vernichtung, Überleben. – München, 2004.
- ¹¹⁷ Nolzen A. Die NSDAP, der Krieg und die deutsche Gesellschaft // Die deutsche Kriegsgesellschaft... – S. 188.
- ¹¹⁸ Ibid.
- ¹¹⁹ Ibid. – S. 190.
- ¹²⁰ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat // Bracher K. D. u. a. (Hrsg.). Deutschland 1933–1945. Bonn, 1993. – S. 441–480.
- ¹²¹ Nolzen A. Die NSDAP, der Krieg und die deutsche Gesellschaft... – S. 190–191.
- ¹²² Ibid. – S. 191.
- ¹²³ См., напр.: Hüttenberger P. Nationalsozialistische Polykratie / GG, № 2, 1976. – S. 437–441.
- ¹²⁴ Neumann F. Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933–1944. – Frankfurt am Main, 1977 (zuerst: New York, 1942–44).
- ¹²⁵ Nolzen A. Die NSDAP, der Krieg und die deutsche Gesellschaft... – S. 192.
- ¹²⁶ Ibid. – S. 193.
- ¹²⁷ См., напр., основательный анализ концепции Ноймана Гертом Шефером в указанном немецком издании книги «Бегемот» (S. 665–776). Работа Ноймана признана научным стандартом. На основе его теории нацистской власти развились в послевоенные годы её оценки как «моно-» или «поликратической».
- ¹²⁸ Nolzen A. Die NSDAP, der Krieg und die deutsche Gesellschaft... – S. 197.

¹²⁹ Mommsen H. Die Rückkehr zu den Ursprüngen – Betrachtungen zu inneren Auflösung des Dritten Reiches nach der Niederlage von Stalingrad (1999) // Von Weimar nach Auschwitz. Zur Geschichte Deutschlands in der Weltkriegsepoche... – S. 310–319.

¹³⁰ Bajohr F. Gauleiter im Hamburg. Zur Person und Tätigkeit Karl Kaufmanns // VfZ, 43, 1995. – S. 315–323.

¹³¹ Diewald-Kerkmann G. Politische Denuntiation im NS-Regime oder die kleine Macht der «Volksgenossen». – Berlin, 1992.

¹³² Bade C. Zwischen Kooperation und Kontrolle. Denuntiation in Alltag und Gesellschaft des Nationalsozialismus // Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939–1945... – S. 92–102.

¹³³ Ibid. – S. 100.

¹³⁴ Ibid. – S. 101.

¹³⁵ Fings K. Sklaven für die «Heimatsfront» // Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939–1945. Politisierung, Vernichtung, Überleben... – S. 269.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid. – S. 270–271.

¹³⁸ См., напр.: Dines P., Knoch P. Erfahrungen im Bombenkrieg // Wette W. (Hrsg.). Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. – München, 1995; Büttner U. «Gomorraha». Hamburg im Bombenkrieg. Die Wirkung der Luftangriffe auf Bevölkerung und Wirtschaft. – Hamburg, 1993.

¹³⁹ См., напр.: Köhler K. (Bearb) Bibliographie zur Luftkriegsgeschichte. T. 1: Literatur bis 1960. – Frankfurt, 1966; Harlander T. Bombardierung und Städtezerstörung. Neuere Literatur. – Die Alte Stadt, 20 (1993). Ruck M. Bibliographie des Nationalsozialismus... Heimatkrieg; Luftkrieg. – S. 1091 – 1100. Friedlein A. (Red.) Heimatfront. Wir überlebten. Frauen berichten. – Heilbronn; Stuttgart, 1985.

¹⁴⁰ См., напр.: Groelehr O. Bombenkrieg gegen Deutschland. – Berlin, 1990.

¹⁴¹ Erster Weltkrieg – Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich: Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / Thoss B., Volkmann H.-E. (Hrsg.). – Paderborn, 2002.

¹⁴² Blank R. Kriegsalltag und Luftkrieg an der «Heimatfront» // Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939–1945... – S. 365–371.

¹⁴³ Ibid. – S. 462.

¹⁴⁴ Ibid. – S. 354.

¹⁴⁵ Aly G., Heim S. Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. – Hamburg, 1991. – 539 S.; Aly G. «Endlösung». Volksverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – Frankfurt am Main, 1995; Aly G. Macht – Geist – Wahn. Kontinuitäten deutschen Denkens. – Berlin, 1997. – 220 S.; Aly G., Roth K.-H. Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus. – Frankfurt am Main, 2000; Gerlach Ch., Aly G. Das letzte Kapitel. Realpolitik, Ideologie und der Mord an den ungarischen Juden 1944–45. – Stuttgart; München, 2002.

¹⁴⁶ Подробнее об этом см. параграф 4.4. настоящей работы.

¹⁴⁷ Aly Götz. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. – Frankfurt am Main, 2005. – 464 S. Подробная и обстоятельная рецензия на книгу Гётца Али принадлежит перу Самсона Мадиевского: Мадиевский С. Подкормленный нацизм,

или Почему немцы так единодушно поддерживали Гитлера // Новое время. 2006. № 36. С. 24–28, а также многочисленные отклики на сайтах Интернета с такими оценками: «ключ к замку крепости „национал-социализм“», «мастерская историческая обработка», «важнейшая книга ко времени», «подкупленное повиновение», «прямо в точку», «(сознательный) мастер провокации», «государственно организованный большой грабёж», «без учёта идеологии Гитлера» и др. Большинство рецензий – одобрительные. Мнение специалистов разделилось: Ганс Моммзен – положительное, Х.-У. Велер – отрицательное. У других оценки более сдержанные и критические. См. сайты: <http://www.inosmi.ru-translatio-226686.html>

¹⁴⁸ Мадиевский С. Подкормленный нацизм... – С. 24–25.

¹⁴⁹ Aly Götz. Hitlers Volksstaat... – S. 57–63.

¹⁵⁰ Ibid. – S. 66–71.

¹⁵¹ Эти тезисы работы о «народном государстве» он высказал ещё и в другой своей работе: Aly Götz. Rasse und Klasse. Nachforschungen zum deutschen Wesen. – Frankfurt am Main, 2003. – S. 46.

¹⁵² Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2004, № 5. – S. 470.

¹⁵³ Herbst L. Nationalsozialistische Wirtschafts- und Beschäftigungspolitik // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 172.

¹⁵⁴ Ibid. – S. 173.

¹⁵⁵ Ibid. – S. 174.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Ibid.

¹⁵⁸ Ibid. – S. 175.

¹⁵⁹ Ibid. – S. 186–187.

¹⁶⁰ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. – Düsseldorf, 1961.

¹⁶¹ M. v. Prollius. Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933–1939. Steuerung durch emergente Organisation und Politische Prozesse. – Paderborn; München; Wien; Zürich. – 2003. – S. 10

¹⁶² Ibid. – S. 15–22.

¹⁶³ Ibid. Kapitel 4.

¹⁶⁴ Ibid. – S. 9.

¹⁶⁵ Ibid. – S. 18.

¹⁶⁶ Ibid. Kapitel 5, 6.

¹⁶⁷ Ibid. – S. 332.

¹⁶⁸ Ibid. – S. 328.

¹⁶⁹ Herbst L. Nationalsozialistische Wirtschafts- und Beschäftigungspolitik // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 172. Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg. – Frankfurt am Main, 1996; Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. – Frankfurt am Main, 2000; Faschismus und Rassismus. – Berlin, 1992.

¹⁷⁰ M. v. Prollius. Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933–1939... – S. 329.

¹⁷¹ Spoerer M. Demontage eines Mythos. Zu der Kontroverse der nationalsozialistische «Wirtschaftswunder» in: «Geschichte und Gesellschaft», 31. Jahrgang / Heft 3. Juli–September 2005. – S. 434.

¹⁷² Gehrig A. Nationalsozialistische Rüstungspolitik und unternehmerischer Entscheidungsspielraum. Vergleichende Fallstudien zur württembergischen Maschinenbauindustrie. – München, 1996. – 364 S. – Rez.: Historische Zeitschrift (HZ). Bd. 266 (1998). – S. 248–249.

¹⁷³ Rosenkötter B. Treuhandpolitik. Die «Haupttreuhandstelle Ost» und der Raub polnischer Vermögen 1939–1945. – Essen, Klartext-Verlag: 2003, 310 S.; Dingel J. Zur Tätigkeit der Haupttreuhandstelle Ost. Treuhandstelle Posen 1939 bis 1945. Peter Lang Verlag: Frankfurt am Main, 2003. – 310 S.

¹⁷⁴ Ibid. – S. 292.

¹⁷⁵ VfZ, 46. Jg., 1998. – S. 19.

¹⁷⁶ Соответственно: Münkler D. Bäuerliche Interessen versus NS-Ideologie. Das Reichserbhofgesetz in der Praxis // VfZ, 44, 1996. – S. 549; Führer K. Ch. Anspruch und Realität. Das Scheitern der nationalsozialistischen Wohnungsbaupolitik // VfZ, 45, 1997. – S. 226.

¹⁷⁷ VfZ 47. Jg., 1999. – S. 503.

¹⁷⁸ Buchheim Ch. Die Wirtschaftsentwicklung im Dritten Reich – mehr Desaster als Wunder. Eine Erwiderung auf Werner Abelshäuser // VfZ 49. Jg., 2001. – S. 662.

¹⁷⁹ VfZ 50. Jg., 2002. – S. 367.

¹⁸⁰ U. Herbert. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. – Bonn u. a., 1985.

¹⁸¹ См., напр., компендиум: Herbert U. (Hg.). Europa und der Reichseinsatz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938–1945. – Essen, 1991. По отдельным группам принудительных рабочих: Bonwetsch B. Sowjetische Zwangsarbeiter vor und nach 1945. Ein doppelter Leidensweg // JGO, 59(NF 41), 1993. – S. 532–546; Gruner W. Der geschlossener Arbeitseinsatz deutscher Juden. Zur Zwangsarbeit als Element der Verfolgung. – Berlin 1996; Wagner B. C. IG Auschwitz. Zwangsarbeit und Vernichtung von Häftlingen des Lagers Monowitz. – München, 2000; Boriessawala H. Franzosen im «Reichseinsatz». Deportation, Zwangsarbeit. Alltag – Erfahrungen und Erinnerungen von Kriegsgefangenen und Zivilarbeitern. – 2 Bde. – Frankfurt am Main, 1996; Hammermann G. Zwangsarbeit für den «Verbündeten». Die Arbeits- und Lebensbedingungen der italienischen Militärinternierten in Deutschland 1943–1945. – Tübingen, 2002. По отдельным регионам, например: Schäfer A. Zwangsarbeit und NS-Rassenpolitik. Russische und polnische Arbeitskräfte in Württemberg 1939–1945. – Stuttgart, 2000; Danker U. u. a. (Hg.). «Ausländereinsatz in der Norchmark». Zwangsarbeitende in Schleswig–Holstein 1939–1945. – Bielefeld, 2001. По отдельным предприятиям см., прежде всего: Mommsen H., Grieger M. Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich. – Düsseldorf, 1996; Hopmann B. u. a. Zwangsarbeit bei Daimler–Benz. – Stuttgart, 1994; Gregor N. Stern und Hakenkreuz. Daimler–Benz im Dritten Reich. – Berlin, 1997; Rathkolb O. (Hg.). NS-Zwangsarbeit. Der Standort Linz der Reichswerke Hermann Goring AG 1938–1945. – 2 Bde.– Wien, 2001.

¹⁸² Важнейшие аспекты отражены в работах: Lotfi G. KZ der Gestapo. Arbeits-erziehungslager im Dritten Reich. – Stuttgart, 2000; Urban T. Überleben und Sterben von Zwangsarbeitern im Ruhrbergbau. – Münster, 2002.

¹⁸³ Spoerer M. Profitierten Unternehmen von KZ-Arbeit? Eine kritische Analyse der Literatur // HZ, 268, 1999. – S. 61–95; Kuczynski. Entschädigungsansprüche für Zwangsarbeit im «Dritten Reich» auf der Basis der damals erzielten zusätzlichen Einnahmen und Gewinne // 1999, № 15, 2000. – S. 15–63; Rauh-Kühne C. Hitlers Hehler? Unternehmerprofite und Zwangsarbeiterlöhne // HZ, 271, 2002. – S. 1–55.

¹⁸⁴ Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter. Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939–1945. – Stuttgart, 2001. – S. 233.

¹⁸⁵ Hans-Christoph Seidel. Der «Russensieb». Die betriebliche Organisation des Ausländers und Zwangsarbeitereinsatzes im Ruhrbergbau während des Zweiten Weltkrieges // Geschichte und Gesellschaft. – 31. Jahrgang, Heft 1, Januar–März, 2005. – S. 36.

¹⁸⁶ Mason Timothy W. Arbeiterklasse und Volksgesellschaft. Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik 1936–1939. – Opladen, 1975.

¹⁸⁷ Hachtmann Rüdiger. Industriearbeit im «Dritten Reich»: Untersuchungen zu den Lohn- und Arbeitsbedingungen in Deutschland 1933–1945. – Göttingen, 1989. – 464 S.

¹⁸⁸ Ibid. – S. 345.

¹⁸⁹ Ibid. – S. 283.

¹⁹⁰ Beckert Sven. Bis zu diesem Punkt und nicht weiter: Arbeitsalltag während des zweiten Weltkrieges in der Industrieregion Offenbach–Frankfurt. – Frankfurt, 1990. – 227 S.

¹⁹¹ См., например: Medick Hans. Vom Interesse des Sozialhistorickers an der Ethnologie // Süßmuth Hans (Hg.) Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte. – Göttingen, 1984; Kocka Jürgen. Sozialgeschichte. Begriff-Entwicklungs-Probleme. – Göttingen, 1986; Sozialgeschichte im internationale Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung (Hrsg. Von Jürgen Kocka). – Darmstadt, 1989; Lüdtkе Alf (Hrsg.) Alltagsgeschichte der NS-Zeit. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. – Frankfurt am Main; New-York, 1989; Oral History. Mündlich erfragte Geschichte. – Hg. von Herwart Vorländer. – Göttingen, 1990; Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozial-anthropologische Studien. Hg. von Alf Lüdtkе. – Göttingen, 1991; u. a.

¹⁹² Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus / Röhr Werner, Berlekamp Brigitte. (Hrsg.) – Münster, 1995. – 346 S.

¹⁹³ Ibid. – S. 43. Результаты исследования ранее были опубликованы в монографии: Klaus-Michael Mallmann – Gerhard Paul. Das zersplitterte Nein. Saarländer gegen Hitler. – Bonn, 1989; ders. Herrschaft und Alltag. Ein Industrieviertel im Dritten Reich. – Bonn, 1991.

¹⁹⁴ Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus... – S. 185, 189.

¹⁹⁵ Ibid. – S. 2, 246–279, zit.: S. 2, 249.

¹⁹⁶ Ibid. – S. 265.

¹⁹⁷ Hohmann J. Landvolk unterm Hakenkreuz: Agrar- und Rassenpolitik in der Roehn. Bd. 1, 2. – Berlin, 1992; Bauer Th. Nationalsozialistische Agrarpolitik und bäuerliches Verhalten

im zweiten Weltkrieg. – Frankfurt am Main, 1996; Münkel D. Nationalsozialistische Agrarpolitik und Bauernalltag. – Frankfurt am Main, 1996.

¹⁹⁸ Hohmann J. Landvolk... – S. 160–191 u. a.

¹⁹⁹ Bauer Th. Op. cit. – S. 152–184.

²⁰⁰ Münkel D. Nationalsozialistische Agrarpolitik und Bauernalltag... – S. 237.

²⁰¹ Münkel D. «Du, Deutsche Landfrau bist verantwortlich!» Bauer und Bäuerin im Nationalsozialismus. – Archiv für Sozialgeschichte. 38. Band, 1998. – S. 141.

²⁰² Ibid. – S. 162.

²⁰³ Gustavo Corni, Horst Gies. Brot–Butter–Kanonen. Ernährungswirtschaft in Deutschland unter Diktatur Hitler. – Berlin: Akademie-Verlag, 1997. – 644 S.

²⁰⁴ Ibid. – S. 591.

²⁰⁵ Ibid. – S. 255 u. a.

²⁰⁶ Mai U. «Rasse und Raum». Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. – Ferdinand Schöningh Verlag, Paderborn u. a. 2002. – 445 S.

²⁰⁷ Ibid. – S. 44–46.

²⁰⁸ Barbian J.-P. Überlegungen zur Gültigkeit eines ideologischen Gegensatzpaares in der Lebenswirklichkeit des «Dritten Reiches» // Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland... – S. 53–92.

²⁰⁹ Ibid. – S. 70.

²¹⁰ Ibid. – S. 72.

^{210a} Gall L. Unternehmen im Nationalsozialismus / Pohl M. (Hrsg.). – München, 1998. – 143 S.

²¹¹ Sachse C. Siemens, der Nationalsozialismus und die moderne Familie. Eine Untersuchung zur Sozialen Rationalisierung, in Deutschland im 20. Jahrhundert. – Hamburg, 1990.

²¹² Ibid. – S. 138.

²¹³ Frese Matthias. Betriebspolitik im «Dritten Reich». Deutsche Arbeitsfront, Unternehmer und Staatsbürokratie in der westdeutschen Industrie 1933–1939. – Paderborn, 1991. – 545 S.

²¹⁴ Ibid. – S. 480–483.

²¹⁵ Mommsen H. Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich / Mommsen H., Grieger M. – Düsseldorf, 1996. – 1055 S.

²¹⁶ «Primat der Politik oder Primat der Ökonomie» – дискуссия под таким названием проходила в конце 60-х – начале 70-х гг. на страницах леволиберальной и демократической печати, в которой принимали участие и историки ГДР. См., напр., журналы: Das Argument, 1966, Hf. 6; 1968, Hf. 47; Blätter für deutsche und internationale Politik, № 5, 1970.

²¹⁷ Mommsen H. Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich... – S. 112.

²¹⁸ Ibid. – 128.

²¹⁹ Ibid. – S. 248.

²²⁰ Ibid. – S. 48–49.

²²¹ Ibid. – S. 38, 428 и др.

²²² Ibid. – S. 751–752, 791.

²²³ Ibid. – S. 763.

²²⁴ Ibid. – S. 979.

²²⁵ Hayes P. Die Degussa im Dritten Reich. Von der Zusammenarbeit zur Mittäterschaft. – München, 2004. – 486 S.

²²⁶ Ibid. – S. 186.

²²⁷ Ibid. – S. 11.

²²⁸ Ibid. – S. 123.

²²⁹ Ibid. – S. 197.

²³⁰ См., например: Lundgreen P. (Hg.). Wissenschaft im Dritten Reich. – Frankfurt am Main, 1985; Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-Max-Planck-Gesellschaft / Hrsg. von Rudolf Vierhaus und Bernhard von Brocke. – Stuttgart, 1990; Heiber H. Universität unterm Hakenkreuz. – Teil I: Der Professor im Dritten Reich. – München, 1991. – Teil II: Die Kapitulation der hohen Schulen. – 2 Bde. – München, 1992–1994; Jansen Ch. Die Hochschule zwischen angefeindeter Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-Max-Planck-Gesellschaft / Hrsg. von Rudolf Vierhaus und Bernhard von Brocke. – Stuttgart, 1990.

²³¹ Enzyklopädie des Nationalsozialismus. Hrsg. Von Wolfgang Benz, Graml H. und Weiß H.: Deutscher Taschenbuchverlag. – 3. Aufl. – München, 1998. – S. 135–153.

²³² Albrecht H., Hermann A. Die Kaiser-Wilhelm Gesellschaft im Dritten Reich (1933–1945) // Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-Max-Planck-Gesellschaft... – S. 385.

²³³ Ibid. – S. 390.

²³⁴ Ibid. – S. 396.

²³⁵ Ibid. – S. 397.

²³⁶ Szöllösi-Janse M. Universitäten und Wissenschaften im Dritten Reich // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft... – S. 170.

²³⁷ См., напр.: Сэюли Р. ИГ-Фарбениндустри: Пер. с англ. – М., 1948; Боркин Дж. Преступление и наказание «И.Г. Фарбениндустри». Рассказ о зловещемговоре А. Гитлера с крупнейшим германским химическим концерном: Пер. с англ. – М., 1982.

²³⁸ Szöllösi-Janse Margit. Universitäten und Wissenschaften im Dritten Reich... – S. 170.

²³⁹ Ibid. – S. 171.

²⁴⁰ Strauss H. u. a. (Hrsg.). Die Emigration der Wissenschaften nach 1933. – München, 1991.

²⁴¹ См. напр.: Sprengel R. Kritik der Geopolitik. Ein deutscher Diskurs 1914–1944. – Berlin, 1996. Вновь вырос интерес в этой связи к деятельности Карла Хаусхофера: Ebeling F. Geopolitik. Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft 1919–1945. – Berlin, 1994. По инструментализации нацистами фольклора и этнографии см. основательные компендиумы: Völkische Wissenschaft. Gestalten und Tendenzen der deutschen und österreichischen Volkskunde in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / Jacobeit W. (Hrsg.). – Wien u. a., 1994; Historische Rassismusforschung. Ideologien – Täter – Opfer / Danckworth B. – Hamburg; Berlin, 1995.

²⁴² Szöllösi-Janse M. Universitäten und Wissenschaften. – S. 13.

²⁴³ Ibid. – S. 14.

²⁴⁴ Schönwälder Karen. Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus. – Frankfurt am Main u. a., 1992.

²⁴⁵ Ibid. – S. 63.

²⁴⁶ Ibid. – S. 137.

²⁴⁷ Ibid. – S. 88–89.

²⁴⁸ Ibid. – S. 268.

²⁴⁹ Ibid. – S. 275.

²⁵⁰ Kröger M., Thimme R. Die Geschichtsbilder des Historikers Karl Dietrich Erdmann. Vom Dritten Reich zur Bundesrepublik. – München, 1996; Jäckel E., Blänsdorf A. Noch einmal zu Karl Dietrich Erdmann. Eine Erwiderung auf Martin Kröger und Roland Thimme // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU), 48, 1997. – S. 744–747; Kröger M., Thimme R. Karl Dietrich Erdmann im «Dritten Reich». Eine Antwort auf Eberhard Jäckel und Agnes Blänsdorf // GWU, 48, 1997. – S. 462–478.

²⁵¹ Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hrsg. von Schulze W. und Oexle O.G. – Frankfurt am Main, 1999. – S. 12.

²⁵² Ibid. – S. 16.

²⁵³ Mommsen W. «Vom Volkstumkampf» zur nationalsozialistischen Vernichtungspolitik in Osteuropa // Deutsche Historiker im Nationalsozialismus... – S. 183–214.

²⁵⁴ Ibid. – S. 210.

²⁵⁵ Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumkampf» im Osten. – Göttingen, 2000.

²⁵⁶ Winkler, Heinrich August. Hans Rothfels – ein Lobredner Hitlers? Quellenkritische Bemerkungen zu Ingo Haars Buch «Historiker im Nationalsozialismus» // VfZ, 49. Jg., 2001. – S. 645; а также VfZ, 2002, 50. Jg. – S. 497, 635.

²⁵⁷ Mommsen W. «Vom Volkstumkampf»... – S. 210.

²⁵⁸ Graf R. Hermann Aubin im Dienste «Drang nach Osten» // Der deutsche Imperialismus und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. – Berlin (O), 1961; Goguel R. Über die Mitwirkung deutscher Wissenschaftler am Okkupationsregime in Polen. – Berlin(O), 1964; Бертольд В. «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма: Пер. с нем. – М., 1964;

²⁵⁹ VfZ, 2001, Jg., 49. – S. 294.

²⁶⁰ Fastmann U. J. Reichskulturkammer. Aufbau, Funktion. – Aachen, 1995. – S. 5.

²⁶¹ Hermand J. Der alte Traum vom neuen Reich. Völkische Utopien und Nationalsozialismus. – Frankfurt am Main, 1994.

²⁶² Petzold J. Die Demagogie des Hitlersfaschismus. Die politische Funktion der Naziideologie auf dem Wege zur faschistischen Diktatur. – Berlin, 1982.

²⁶³ Das Dritte Weimar: Klassik und Kultur im Nationalsozialismus / Hrsg. von L. Ehrlich... – Köln; Weimar; Wien; Boehlau, 1999. – S. 9.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Родовое поместье Вагнера.

²⁶⁶ Mann Th. Meine Goethereise. In Gesammelte Werke in 13 Bänden. Bd. 13. – Frankfurt am Main, 1974. – S. 71.

²⁶⁷ Das Dritte Weimar. – S. 343.

²⁶⁸ Ibid. – S. 16.

²⁶⁹ Ibid. – S. 349.

²⁷⁰ Lange G. Das Kino als moralische Anstalt: soziale Leitbilder und die Darstellung gesellschaftlicher Realität im Spielfilm des Dritten Reiches. – Frankfurt am Main, 1994. – S. 23–25.

²⁷¹ VfZ, Jg. 43., 1995. – S. 222.

²⁷² Richard Wagner im Dritten Reich : ein Schloss Elmau– Symposium / Hrsg. von S. Friedlaender und Ruesen J. – München, 2000. – S. 20, 49, 53, 147, 273 u. a.

²⁷³ Niemöller K. W. Das Problem der Modernität in der Musik nach 1933 // Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland... – S. 329–330.

²⁷⁴ Цит. по: Lieder in Politik und Alltag des Nationalsozialismus / Niedhart G., Broderick G. (Hrsg.). – Frankfurt am Main, 1999. — S. 5.

²⁷⁵ Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland... Kapitel III, IV.

Глава 4

ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В РАМКАХ СПОРОВ О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ

4.1. Проблемы расизма, геноцида и Холокоста

Расовая теория фашизма явилась идейным «обоснованием» политики «очищения» и «оздоровления» собственной нации, а также преследования других народов и рас. В борьбе за «жизненное пространство» для «арийцев» нацисты планировали существенно изменить этническую карту Европы. «Нордическая» англо-саксонская раса во главе с немцами должна была занять господствующее положение на континенте и в мире. А остальные расы, в частности славян, – сделать своими рабами. Предполагалось вытеснить из Европы и в перспективе – уничтожить так называемые «паразитические» расы – евреев, цыган и др. С началом войны нацисты стали планомерно осуществлять эту программу. Жертвами расовой политики нацистов стали сто тысяч умерщвленных «расово неполноценных» и «асоциальных» элементов среди самих немцев; 300 000 убитых европейских цыган; 5,8 млн убитых и задушенных в газовых камерах евреев; 20 млн «восточных» рабов из военнопленных и угнанного на принудительные работы в Германию гражданского населения.

Длительное время изучение расовой теории и практики нацистов находилось на обочине немецких исследований по нацизму. Внимание консервативно настроенных авторов было сосредоточено на вопросах континитета или разрыва консервативной идеологии с нацизмом. Либеральные и демократически настроенные авторы уделяли внимание связям между «старыми» и новыми империалистическими планами нацистов, террористическому и пропагандистскому аппарату нацизма, влиянию этого аппарата на массы. Урсула Бюттнер напрямую говорит и о том, что нежелание заниматься этой темой было вызвано «укоренившейся антипатией по отношению к евреям»¹. Ссылка в этом случае на работу известного немецкого историка Фридриха Майнеке, в который тот не уделил проблеме Холокоста специального внимания, на наш взгляд безосновательна. В своей работе, написанной сразу после войны, он ставил другие задачи².

Думается, что в первое послевоенное десятилетие мешало изучению

расовых доктрин нацизма психологическое состояние общества: внутренний страх заглянуть в пропасть расовых проблем и предрассудков, стыд и шок от совершенных преступлений, стремление отмахнуться от них и забыть, как страшный сон. Требовалась определённая временная дистанция и, – конечно, новое поколение историков, чтобы поставить вопрос о причинах, по которым расизм занимал столь большое место в нацистской идеологии и практике³.

Изучение нацистской политики уничтожения напрямую ставит вопрос об ответственности тех, кто принимал решения, кто организовывал массовые депортации к местам уничтожения, кто, в конце концов, убивал людей. Частично на этот вопрос ответил Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками 1946 г., а также многочисленные последовавшие за ним процессы конца 40-х – начала 60-х гг. над участниками и исполнителями разного уровня нацистской политики геноцида. Важную роль в подготовке этих процессов играло послевоенное поколение немецких историков, собиравшее архивный и документальный материал о преступлениях нацистского режима. Но вплоть до начала 60-х гг. тема преследования евреев и Холокоста находила отражение только в небольшом количестве литературы, а основное внимание уделялось вопросам гибели Веймарской республики и прихода нацистов к власти, утверждению их диктатуры.

Изменение в подходе к этой теме началось с начала 60-х гг., когда Мюнхенский институт современной истории подготовил к публикации ряд документов. Новое поколение молодых учёных стало более основательно заниматься нацистской политикой в отношении евреев и антисемитской традицией в Германии. Большой эмпирический материал, а также процессы против нацистских преступников, прошедшие в Иерусалиме (процесс против Эйхмана) и в ФРГ (процесс по Освенциму), привлекли большое общественное внимание к этой теме. В 1960 г. в Гамбурге была создана на постоянной основе «Исследовательская группа по истории национал-социализма». Эта группа под руководством её первого руководителя Вернера Йохмана решилась придать импульс и изучению темы враждебности к евреям и их преследования. Группой учёных было опубликовано много работ об антисемитских организациях Германии, откуда нацисты черпали свои идеи⁴. В 1972 г. появилась первая в западногерманской историографии работа У. Д. Адама, детально анализирующая процесс принятия политических решений, приведших к убийству евреев⁵.

И всё же вопрос о преследовании евреев и о Холокосте долго оставался темой преимущественно зарубежного исследования. В 1980 г. историк Конрад Квит отмечал фрагментарность и неудовлетворительность в раз-

работке темы Холокоста немецкими авторами, которые и получили упреки в том, что не ставился вопрос об ответственности германского общества за преследование евреев⁶ при освещении этой проблемы. Немецкий историк Ульрих Херберт пишет, что Холокост вплоть до середины 1980-х гг. не принадлежал к главным темам исследования современной германской истории⁷. Причиной такого положения вещей стало, на наш взгляд, сосредоточение в 60–70-х гг. XX века внимания историков на проблемах «дефиниций» фашизма, тоталитаризма, а также благодаря опосредованному влиянию историографии ГДР. Марксисты, трактуя нацистскую расовую и террористическую политику единственно как политику немецкого империализма (реакционного крупного капитала), рассматривали антисемитизм только как инструмент манипуляции немецким народом, а уничтожение европейских евреев как «особую форму проявления» германского империализма⁸.

Существенным толчком для активизации интереса к проблемам расовой политики, геноцида и Холокоста послужил «спор историков» ФРГ 1986–1987 гг., поставивший вопрос в целом о причинах массового геноцида народов в XX веке и о сравнимости преступлений против человечества не только по расовым, но и по классовым мотивам. Оживление внимания к тоталитаризму и его террористическим основам в странах бывшего «социалистического лагеря» явилось дополнительным, внешним стимулом к изучению этого аспекта истории национал-социализма. Параллельно с исследованием Холокоста немецкие авторы стали более активно изучать и судьбу других жертв нацизма – цыган, сексуальных меньшинств, наследственно и умственно больных, принудительно угнанных рабочих и рабочих, советских военнопленных⁹.

Работы по юстиции и законодательству Третьего рейха, по социальной политике и здравоохранению и медицине в целом¹⁰ способствовали обращению к темам геноцида. Улучшение доступа немецких историков к восточноевропейским архивам, взаимодействие с коллегами и музейными работниками этих стран, устные опросы свидетелей прошлого – всё это предоставило возможность лучше исследовать «зоны» массовых преступлений нацистов: гетто, концлагеря, «трудовые» лагеря, места казней гражданского населения¹¹.

Сразу после объединения Германии демократически ориентированные историки призвали к более глубокому изучению расовой теории фашизма. Карл Хайнц Рот и другие учёные настойчиво подчёркивали, что именно она является сердцевинной фашистской идеологии. Они отмечали, что расистское и националистическое мировоззрение нацистов недооценивается как интегрирующая общество сила или неправильно идентифи-

цируется с антисемитизмом. Авторы обращали внимание на попытки вождей нацизма обосновать свой расизм исторически, психологически, традиционалистски¹².

Расизм нацистов в определённой степени опирался на старые, традиционные представления о колонизационной, культуртрегерской миссии немцев на Востоке, полагают авторы. Нацисты использовали – и в чём-то даже возродили – «антизападнические» настроения, распространённые ещё со времён немецкого романтизма¹³, а также различные «народные» идеи, бытовавшие в Австрийской империи. Возрождению этих псевдореволюционных, националистических воззрений в первые десятилетия XX века способствовали и внешние обстоятельства (революция в России, большевизм).

Ряд учёных приходит к выводу, что расизм фашистов был не только антропологическим, но и социально-биологическим (что иногда неправильно квалифицируется как социал-дарвинизм). «Когда Гитлер говорил о победе «сильной» нации над «слабой», – пишут Г. Бурляйх и В. Випперман, – он имел в виду ещё и расовую гигиену, освобождение от биологической «криминогенности»¹⁴. После прихода к власти фашистов были приняты расовые законы не только против евреев, но и законы по принудительной стерилизации наследственных больных, «асоциальных» элементов. Ещё до фазы геноцида многое было сделано по расовой «чистке» нации. Были даже созданы специальные исследовательские группы по созданию «расово полноценной» нации¹⁵. Расовая теория, таким образом, трансформировалась в евгенику и политику «эвтаназии». Геноцид был не следствием войны, а следствием мировоззрения нацистов.

Бурляйх и Випперман подчёркивают, что расовая политика фашистов не имела «социально-экономических причин» и «классовых функций». Она не служила делу укрепления буржуазно-классового общества. Не была она и просто «модернизацией», т. е. «обновление на расовой основе» не выражало сути современного развития¹⁶. Учёные приходят к выводу, что в лице немецкого фашистского государства мировое сообщество впервые в истории имело дело со специфически расистским государством, где преследование «неарийских рас», в конечном итоге, превратилось в их физическое уничтожение.

Историки более пристально стали изучать политику расовой гигиены нацистов по отношению к собственному народу, который сам стал первой жертвой «расовой чистки». В начале 1990-х гг. появились дополнительные исследования Х. Бека по социал-дарвинизму, расовой гигиене и принудительной стерилизации «нежизнеспособных» в Третьем рейхе¹⁷. Насильственная стерилизация и эвтаназия была преступлением Третьего

рейха. В то же время учёные подходят к этой проблеме исторически. Например, дебаты вокруг эвтаназии не были только проблемой Третьего рейха и его «предшественников», а являются и до сих пор этической проблемой современного общества. Историк Шварцц показал, что сам по себе вопрос о возможности эвтаназии поднимался задолго до нацистов и дебатировался среди общественности и ученых¹⁸. При этом дебаты всё более смещались от вопросов морального сострадания к безнадежно больным людям в сторону вопросов социальной и экономической «пользы» эвтаназии. При этом, как отмечает автор, кризисные явления в экономике и обществе усиливали подобную тенденцию¹⁹.

На дебаты вокруг эвтаназии в значительной степени влиял политический и общественный контекст, в котором они велись. В кайзеровской империи и в Веймарской республике вопросы эвтаназии не поднимались в «центрах науки и политики». При нацистах же пропаганда «расовой чистоты» стала играть одну из ведущих ролей, и фашисты решились на проведение этой идеи в жизнь, приняв соответствующий закон²⁰. Историки выделяют две волны нацистского политического давления в пользу стерилизации и эвтаназии. Первая стала оказывать влияние с 1933 г., в связи с принятием «закона о прерывании нежизнеспособного поколения». Вторая – с 1939 г. в связи с началом войны и освобождением от «лишних ртов». Историки тем не менее обращают внимание на тот факт, что в обоих случаях продолжали существовать и *противники эвтаназии* в кругах общественности, экспертов и церкви, так что палачи были вынуждены проводить подобные экзекуции скрытно²¹.

Крайним и поражающим воображение проявлением нацистской расовой политики стало, конечно, вытеснение из общественной и экономической жизни Германии **евреев**, их преследование, физическое массовое истребление в годы войны на территории оккупированной Европы. Расправа осуществлялась посредством расстрелов. А затем преимущественно в газовых камерах лагерей уничтожения, таких как Освенцим, Собибор, Бельжец и др. Холокост стал важнейшей составной частью расовой, мировоззренческой «войны на уничтожение», провозглашённой Гитлером в 1941. г. Всего за годы Второй мировой войны, по приблизительным подсчётам, было разными способами уничтожено 5,8 млн евреев из 8 млн, проживавших перед войной в Европе. В этой связи изучение места антисемитизма в расовой идеологии и политике нацизма, проблемы Холокоста занимают в современной историографии особое место и являются предметом широкого интернационального исследования. Жизнь и положение евреев в нацистском государстве впервые были обобщённо представлены в книге «Евреи в Германии в 1933–1945 гг.» под

редакцией руководителя Берлинского центра по исследованию антисемитизма Вольфганга Бенца²².

К настоящему времени уже нет недостатка в количестве публикаций по антисемитизму и Холокосту. К началу XXI века эта тема насчитывала уже более двух с половиной тысяч названий²³. Факты уже более или менее известны, изучены многочисленные специальные аспекты. Несмотря на это, немецкие историки продолжают заниматься этими проблемами, особенно, в связи с активной разработкой в последние 10 лет тем «расовой войны на уничтожение» на Востоке, преступлений вермахта, системы концентрационных лагерей, а также отношения общества к Холокосту. Существуют проблемы интерпретации и противоречивые выводы относительно выстраивания и оценок отдельных фактов (например, относительно времени начала массовых убийств, количества жертв еврейского населения и др.)²⁴.

Каким же образом интерпретируют немецкие историки проблемы антисемитизма и Холокоста? Чем объясняют это беспрецедентное в истории преступление из расовых мотивов? Как разворачивался процесс преследования, приведший к массовому убийству евреев? В немецкой историографии существует группа очень авторитетных историков (Э. Нольге, а также «структуралисты» У. Д. Адам, М. Брошат, Г. Моммзен), которые считают, что уничтожение европейских евреев было не изначально «запланированным», а «импровизационным» актом. Оно явилось результатом «кумулятивной радикализации»²⁵ военных событий 1942–1943 гг.²⁶ Им противостоит группа т. н. «интенционалистов», или «программологов» (Э. Йекель, К.-Д. Брахер, М. Функе), а также израильских историков, которые больше склоняются к оценке убийства евреев, как деянию, логически вытекающему из мировоззрения нацистов, особенно Гитлера, т. е. изначально «запланированному»²⁷.

Отражением первой точки зрения явилась оценка реакции немецкого населения на преследование евреев в 1933–1943 гг. историками Г. Моммзеном и Д. Обстом. На конкретных примерах и на основе документов они показали, что, по крайней мере, до большого погрома 1938 г. нацистское правительство было вынуждено по экономическим и внешнеполитическим мотивам сдерживать антисемитские выходки штурмовиков и эсэсовцев. У абсолютного большинства немцев ни бойкоты, ни погромы не находили широкого отклика и оставались в рамках действий в основном террористических нацистских организаций, таких как штурмовые и эсэсовские отряды²⁸. Что стали сразу и неуклонно проводить нацисты – так это «очищение» от евреев государственной службы, «аризацию» прессы и интеллектуальной жизни. Эти действия шумно не одобрялись, но и

не встретили особого протеста со стороны «арийских» коллег. В обществе «как правило, отсутствовало принципиальное отрицание и осуждение антисемитизма», пишут авторы²⁹. Большой погром 1938 г. большинством немцев осуждался, но не из-за симпатий к евреям, а главным образом из-за нарушения порядка и спокойствия. Но были и отдельные случаи помощи преследуемым «неарийцам»³⁰.

В период войны её события заслонили для немцев «еврейский вопрос». Авторы пишут, что трудно установить, насколько глубоко действовала на население нацистская пропаганда о том, что евреи – главные зачинщики войны. Но, как показывают документы, пропаганда против «восточных евреев» с началом войны против Польши и Советского Союза оказывала существенное влияние на жителей восточной части Германии и соседних с ней областей. Молчаливое согласие с депортацией евреев проявили обе церковные конфессии и народ в целом³¹. Авторы пишут, что жители «рейха» не хотели воспринимать неудобную правду о том, что делается на оккупированных восточных территориях. Долгое время и сами союзники по антигитлеровской коалиции всерьёз не принимали сведения, доходившие до них. Авторы приходят к выводу, что сочетание опасности репрессий, воздействие пропаганды, жизнь «под бомбами», которая также приписывалась пропагандой к «козням международного еврейства» – всё это сделало немецкий народ (за редким исключением) равнодушным к судьбе евреев³². Холокост был организован бюрократически, специальными службами, при взаимодействии полиции, СС, частей вермахта, местной коллаборационистской власти. «Убийство евреев стало страшной реальностью в условиях привычки к насилию, обстоятельств войны, моральной нечистоплотности и коррумпированности служаков, автоматизма исполнителей, двойной морали не только нацистской верхушки, но и немецких буржуа в целом», – заключают авторы³³.

Высказанная Моммзеном и Обстом точка зрения на отношение населения к преследованию евреев и Холокосту стала определяющей в немецкой историографии в последующие годы. Она стала уточняться и дополняться публикациями документов и исследований на региональном и на местном уровне – от таких крупных земель, как Бавария, крупных городов, как Гамбург, до небольших местностей и городов, как, например Фулда³⁴, а также при изучении роли отдельных служб в организации преследований и Холокоста³⁵.

Учёных из «старой» ФРГ длительное время мало привлекала внимание политика нацистов по лишению еврейского населения собственности на средства производства (как один из пунктов преследования евреев). В отличие от них, восточногерманские историки внесли большой вклад в

эту область исследования (наряду с американцами). В связи с национализацией крупной собственности в ГДР историки получили там широкий доступ к архивам частных банков и концернов. В рамках изучения государственно-монополистического капитализма историки ГДР уделили внимание взаимоотношениям отдельных концернов и банков с нацистским режимом³⁶. А. Баркай посвятил несколько работ вопросам экономического выживания евреев³⁷. По части же средней еврейской собственности Й. Людвиг³⁸ один из первых исследовал процесс «аризации». Он показывает «аризацию» пивных заведений, универмагов, мастерских; раскрывает роль Дрезденского банка, тесно связанного в своей деятельности с нацистским режимом, особенно СС; отмечает, что подъём некоторых немецких торговых заведений был тесно связан с отчуждением еврейской собственности³⁹.

При осуществлении этих мероприятий, отмечает автор, господствовали коррупция, моральная нечистоплотность. Всё это имело место ещё до войны, а во время неё все моральные ограничения были сняты. Эти обстоятельства частично помогают объяснить, почему индустрия и банки не осуждали нацистскую политику насилия. Они во многих отношениях имели от неё прибыль. Работой Й. Людвига было положено в ФРГ начало более основательному, историко-критическому осмыслению процесса «аризации» еврейских ремесленных и средних предприятий. А. Ферзе-Херрман⁴⁰ проследила процесс лишения евреев собственности в сельском и лесном хозяйствах. Разработка этой тематики пришлось, в основном на 90-е гг. и проводилась главным образом на региональном уровне⁴¹.

Учёные проявляют также большой интерес к антисемитизму в Веймарской республике, где он был, например, сильным в высшей школе. Антисемитизм конкретизировался и приобрёл политические формы в нацистской партии и штурмовых отрядах. Решению этого вопроса помогает анализ антисемитской политики, который проводится рядом немецких историков в широком контексте истории евреев в Германии. Такой работой, например, является сборник статей, посвящённый положению евреев от Средневековья и до конца Третьего рейха⁴². Её авторы сетуют на то, что под влиянием Холокоста новейшая историография изображает историю немецко-еврейских отношений обычно как антисемитскую. Авторы книги показали, что она не была насквозь антисемитской, но было между немцами и евреями и сотрудничество, и взаимопонимание. В книге отмечается, что в XIX веке в Германии сравнительно благополучно шёл процесс эмансипации евреев (статьи Р. Вальца, Ш. Ерш-Венцеля и др.). Такие историки, как Р. Рюруп, Д. Блазиус, Д. Динер, Г. Моммзен и др., попытались выяснить – каким образом и почему именно при нацизме произошёл

разрыв отношений между евреями и немцами в Германии⁴³, благополучно складывавшихся уже с XIX века. Они показали, что именно при национал-социализме произошло разрушение длительной традиции сосуществования немецко-еврейской истории, и произошёл откат в процессе превращения евреев в «немцев еврейского происхождения». Низшей точкой шкалы немецко-еврейских отношений стало массовое убийство евреев в годы Второй мировой войны⁴⁴.

Д. Блазиус считает, что этому разрыву сотрунических отношений способствовало разрушение правового государства в Третьем рейхе⁴⁵. Несмотря на это, Д. Динер приводит доказательства того, что и после принятия в 1935 г. «расовых законов», и вплоть до большого погрома 1938 г. («хрустальная ночь»), многие евреи считали: в Германии возможно жить⁴⁶. Г. Моммзен в своей статье показал, что «хрустальная ночь» была выражением насильственного, поработачающего характера антисемитизма «Третьего рейха» и была предпринята с целью запугивания евреев, ускорения «аризации» еврейской собственности и побуждения их к эмиграции. Она была также связана с влиянием внешнеполитических «успехов» нацистов в 1938 г. – «аншлюса» Австрии и присоединения Судетской области Чехословакии. Играли роль, по его мнению, и экономические соображения. В связи с осуществлением 4-летнего плана подготовки войны потребовалось дополнительное вложение денег (как известно, после погрома евреи должны были всё восстановить за свой счёт, и выплатить государству «контрибуцию» в размере 1 млрд рейхсмарок)⁴⁷. Он отмечает, что с 1938 г. евреи полностью лишаются юридической поддержки государства, а ведение с ними дел переходит почти исключительно в компетенцию СС⁴⁸.

В то же время Моммзен настаивает (в противоположность некоторым израильским и американским историкам), что путь от погрома к Холокосту был не «прямым», а «извилистым», многоступенчатым и связан с разными соображениями и обстоятельствами.

Соединение в одной книге анализа длительной истории еврейства в Германии и политики в отношении его со стороны нацистского государства даёт возможность подойти исторически к объяснению антисемитской политики национал-социалистов. В то же время в указанной книге не очень убедительно прозвучало объяснение индифферентной реакции населения на вытеснение евреев из немецкого социума.

Общеизвестно, что антисемитизм не был изобретением нацистов, но в годы их правления он стал основой государственной политики и принял законодательный характер. «Расовые законы 1935 г.», лишившие евреев немецкого гражданства, интерпретируются историками и юристами как

проявление действия одной из сторон так называемого «двойного государства», существовавшего при Гитлере, и в частности законов «государства мероприятий». Отныне еврейская часть населения Германии отделялась от остальной части, и евреи принудительно объединялись в общины. Жизнь еврейского населения ставилась под неусыпный контроль специальной службы СС. В рамках истории «повседневной жизни» освещается положение евреев в 1933–1938 гг. по их собственным воспоминаниям⁴⁹.

На основе многих новых источников (в том числе материалов советско-российских архивов) новые подходы к теме политики в отношении евреев продемонстрировал Гётц Али в книге «Окончательное решение. Депортация народов и уничтожение европейских евреев»⁵⁰. Оставляя в стороне вопрос о генезисе расовой теории и антисемитизма, главное внимание он сосредоточивает на анализе *процесса* осуществления геноцида. В своей работе Али показывает, что программа «окончательного решения еврейского вопроса», прозвучавшая из уст Гейдриха в 1940 г. была тесно увязана с империалистическими планами нацистов по переустройству «нового восточного пространства» германского рейха в целом. Эти планы включали депортацию и других народов: поляков, сербов, хорватов, словенцев. Выселяемые должны были освободить места для возвращения на «родину» 500 тысяч этнических немцев, живущих в Балтии, Италии, Румынии. Последние получали жилища, орудия труда, дворы, мастерские, скот изгнанных (в основном евреев)⁵¹.

Али показывает, как работала государственно-бюрократическая машина нацистов в этом направлении, роль отдельных немецких учёных и экспертов в области народонаселения, участие которых до этого было мало освещено в историографии. Автор приходит к выводу, что планы депортации рухнули в связи с неудачами немцев на Восточном фронте. Началось ускоренное строительство лагерей уничтожения и массовое «индустриальное» убийство еврейского народа. Автор подчёркивает, что перед его началом нацисты уже имели опыт массовых экзекуций советских военнопленных, евреев, партизан, «подозрительных лиц» в оккупированных районах Советского Союза. Практика массовых убийств, таким образом, вытекала не только из зоологического антисемитизма нацистов, но и из их расово-политических идей в целом, из социально-экономической и расовой сущности самого нацистского государства⁵².

Довольно бурная дискуссия относительно сущности «окончательного решения еврейского вопроса», принятого нацистами на конференции в Ванзее в январе 1942 г., началась в 90-е гг. Сборник документов бывших историков ГДР К. Петцольда и Э. Шварца по «окончательному решению еврейского вопроса»⁵³ был переиздан. Часть историков, особенно амери-

канских и израильских, считает, что под этим термином скрывались намерения планового массового физического истребления евреев. Между тем, в протоколах конференции прямо не говорится о массовом физическом истреблении евреев⁵⁴.

Спор развернулся между «интенционалистами» и «структуралистами». Первые настаивали на том, что нацисты, согласно их расовой теории, изначально собирались физически истребить еврейское население Европы. То есть, дорога в крематорий была прямой⁵⁵. «Структуралисты» же считают, что она была более извилистой и сложной, зависела от многих факторов. Так, известный специалист по проблемам геноцида М. Вильдт не считает программу нацистов 1940–1941 гг. по переселению евреев на о. Мадагаскар только маскировкой планов убийства⁵⁶.

Позже он писал, что слова Гитлера от марта 1941 г., о том, что «генерал-губернаторство (Польшу) следует очистить от евреев», совсем не означало, что к этому времени было решено еврейское население истребить физически. Многие факты говорят о том, что нацистское руководство верило в скорую победу над Советским Союзом, располагало бы большим пространством вплоть до Северного моря, чтобы депортировать туда евреев⁵⁷. Известный историк Ульрих Херберт призвал коллег более тщательно изучать участие отдельных подразделений и служб в политике уничтожения, места, где осуществлялся массовый террор. «Традиционное исследование Холокоста, – писал он – только издали изображает убийство и обходится преимущественно теоретическими дебатами и интерпретацией событий»⁵⁸.

Изучение геноцида остаётся трудной проблемой. Многие документы были уничтожены фашистами в последние месяцы войны. Большую роль играют соображения морального порядка. Такие издания вызывают особо острую реакцию историков, публицистов, населения. В них поднимаются вопросы личной ответственности каждого немца и коллективной ответственности всего народа за злодеяния фашистов. Публикации на эту тему показывают, что участие людей в преступных делах было вызвано не только страхом перед террором, материальными и карьеристскими соображениями, «научными» интересами, но и достаточно высокой степенью добровольного восприятия нацистских идей.

Исследование мотивов участия «нормальных немцев» в экзекуциях – важное и одновременно тяжёлое направление историографии Холокоста. Современные авторы применяют постмодернистские методы исследования: изучение социальной принадлежности исполнителей приговоров, их мировоззрения, биографических истоков – всего того, что образует индивидуальный менталитет, а также групповую психологию исполнителей приказов о казнях. Это люди – непосредственно «виновные» в пре-

ступлениях, «ответственные» за убийства.

Хороший пример в этом отношении подал английский исследователь К. Браунинг в книге «Совершенно нормальные мужчины»⁵⁹. На примере анализа действий полицейского батальона № 101 он показал, что же приводило людей в экзекуционные команды. Это были не идеологическая ослеплённость, не крайняя степень ненависти к евреям, а совсем другое: душный климат жестокости, групповое давление, эксцессы на почве алкоголя, карьеристские соображения и др. Как он пишет – «не антисемитизм, а общая диспозиция к применению насилия. Такой климат, в свою очередь, насаждался политически управляемым путём»⁶⁰.

Подхватил эту тему и придал новый импульс изучению Холокоста американский историк Д. Гольдхаген в своей книге «Добровольные подручные Гитлера. Совершенно нормальные немцы и Холокост», появившейся на немецком языке в 1996 г. и получившей большой резонанс в прессе⁶¹. В предисловии к ней автор цитирует слова Ханны Аренд на процессе Эйхмана: настораживающим является тот факт, что сами по себе эти люди не являются ни извращенцами, ни садистами. Может, поэтому Гольдхаген захотел узнать мотивацию действий «нормального немца» в ходе Холокоста. По мнению Гольдхагена, Холокост стал возможен в условиях небывалого влияния антисемитизма на политическую культуру Германии⁶²: совершенно «нормальные немцы», увлечшись определённым сортом антисемитизма, пришли к выводу, что евреи должны умереть»⁶³. Исключительный антисемитизм существовал задолго до Гитлера и он только «развязал ему руки».

Гольдхаген исследует историческое развитие антисемитизма, его влияние на немецкое общество и его системный характер в условиях нацистской Германии, приведший к Холокосту. Большая часть книги посвящена конкретному изображению массовых казней в оккупированных восточных областях Европы, а также уничтожению непосильным трудом или в результате «маршей смерти» евреев на исходе войны. Как заметил Г. Али: «в его (Гольдхагена) книге сделана попытка описать исторические процессы, которые лежат на границе возможности их описания» – опираясь при этом на замечание М. Брошата, что «...массовые экзекуции и газовые камеры являются для обычного языка и рефлексий историзма «ломкой стиля»⁶⁴.

Книга Гольдхагена не является научной в строгом смысле слова. Но само её появление на столь острую тему способствовало тому, что дискуссия о нацизме и Холокосте помогла исследователям сконцентрироваться на мотивах исполнителей и страданиях жертв. Она вызвала большие дебаты и критику как в Германии, так и за рубежом. Его выводы, действительно, во многом односторонни. Так, он, на наш взгляд, преувеличивает степень

влияния антисемитизма на немецкую политическую культуру, упуская из виду процесс эмансипации евреев, который шёл достаточно активно в XIX веке в странах Запада, в том числе и в Германии. Кроме того, историк обвиняет всех немцев в антисемитизме и склонности на этой почве к убийству из расовых побуждений. С резкой критикой таких выводов Гольдхагена, игнорирования других свидетельств и обстоятельств выступил уже упоминавшийся историк Браунинг, доказывающий более широкую, чем антисемитизм, мотивацию действий членов батальона (тем более что и тот, и другой использовали материалы полицейского батальона № 101)⁶⁵.

Суждение Браунинга поддерживает Ганс Моммзен, который пишет, что «окончательное решение еврейского вопроса» следует рассматривать не в узком контексте немецкого антисемитизма, а в контексте гитлеровских планов переустройства восточноевропейского пространства. «С точки зрения такой перспективы, – пишет Моммзен, – Холокост является негативным «фоли»⁶⁶ и оборотной стороной гипертрофированного видения пространства, уходящего далеко на Восток»⁶⁷. Большую роль, по его мнению, играл также бюрократический процесс, что, кстати, подтверждается современными исследованиями Холокоста. В этом вопросе Моммзен также полемизирует с Гольдхагеном, который игнорирует этот аспект Холокоста и большое значение в его объяснении придаёт, по словам Моммзена, идеологии и эмоциональным мотивам⁶⁸. В этой полемике своеобразно отразилось столкновение попыток рационалистического объяснения исторических фактов и иррационального подхода к ним.

Усилилось внимание немецких авторов к самой **организации** геноцида. Одной из первых книг в этом направлении явилась серия документов под редакцией О. Когона⁶⁹, касающаяся применения газовых камер. Активизация изучения Холокоста стала возможной в связи с открытием доступа к архивам судебных процессов против нацистских исполнителей преступных приказов⁷⁰.

Большую роль в интенсификации исследований сыграли история повседневности и ментальности, усиление международных исследований. Институт современной истории в Мюнхене инициировал проект исследования числа жертв – работы под редакцией В. Бенца, Д. Поля и др.⁷¹. Их авторы видят решение этой проблемы в более интенсивном изучении отдельных преступных акций, мест убийств, личностей убийц и их жертв. В книге «Нормальность преступления» подводились итоги и перспективы исследования преступных деяний государства с точки зрения новой политической реальности – объединения Германии и сравнения послевоенного немецкого прошлого по отношению к жертвам и палачам немецкой диктатуры⁷².

Импульс к изучению Холокоста был дан и в ходе исследования политики эвтаназии и роли врачей, больничных заведений, экспертов по «нароdonаселению». Исследовалась также роль учреждений партии и СС, а ещё – традиционной этики, науки и индустрии. Г. Али и С. Хайм привлекли внимание к такой проблеме, как «экономика» при организации Холокоста⁷³.

Эти тезисы были развёрнуты авторами в книге о связи строительства лагеря Освенцим, эксплуатации его узников, массовых убийств в нём – с нацистскими планами ликвидации «этнической чересполосицы» («Völkischer Flurbereinigung») на Востоке⁷⁴. Али и Хайм подчёркивают, что «зачистка» пространства восточнее Германии касалась не только евреев, но и поляков, русских и других народов. Они приходят к выводу, что планы депортации вылились в практику геноцида, прежде всего по отношению к тому народу, который изображался пропагандой как главный национальный враг, т. е. против евреев⁷⁵.

Большую роль при исследовании Холокоста сыграли работы по организации геноцида в отдельных регионах, например, в Галиции (Т. Зандкюлер), в Белоруссии (К. Герлах) и в других областях. Авторы проследили связи в осуществлении этой политики между региональными немецкими соединениями, гражданским и военным управлениями, а также – по вертикали – с высшим руководством СС и СД, и выяснили, каким образом решения сверху спускались на места⁷⁶. Большинство авторов исходным пунктом практики геноцида считают июнь–декабрь 1941 г.

В связи с книгой Гольдхагена были поставлены вопросы: какую роль играли в Холокосте «обычные немцы» и какое значение имела позиция народных масс по отношению к Холокосту. Различным аспектам отношения немцев к преследованию евреев посвящена книга под редакцией У. Бюттнер «Немцы и преследование евреев». В ней раскрываются факты как участия немцев в преследовании евреев, так и помощи им. В целом же авторы приходят к выводу: для населения была характерна позиция равнодушия и индифферентности⁷⁷. Говоря о массовых убийствах в СССР, историки, например Дикман, подчёркивают, что при этом главными были не расовые, а политические мотивы⁷⁸. Экономические соображения также учитывались: одних использовать как рабочую силу, других уничтожить как «лишние рты». Последнее было связано с проблемами пропитания населения⁷⁹. Выводы авторов сводятся к тому, что евреев никто не защищал, в отличие от актов эвтаназии, где «увечные» немцы имели родственников, были членами религиозных общин и т. п.

В целом авторами отмечается постепенное ступенчатое ужесточение политики в отношении евреев. Во времени это выглядит следующим образом:

- 1) единичные эксцессы 1933–1935 гг.;
- 2) большой погром 1938 г. («хрустальная ночь»);
- 3) планы депортации 1939–1941 гг.;
- 4) план «окончательного решения еврейского вопроса» (конференция в Ванзее в январе 1942 г.);
- 5) Холокост: 1942 – лето 1944 г.

Холокост был обусловлен идеологическими и утилитарными соображениями. Взаимодействовали разные варианты антисемитизма: исторический, бытовой, местный (например, в Литве и на Украине). Со стороны отрядов СС – «мировоззренческий». Собственные деяния убийц оправдывались соображениями необходимости на пути к достижению некой высшей цели, когда перестают играть роль соображения гуманизма.

Как отмечает У. Херберт, в занятых восточных областях действовали обыкновенные аморальные группы людей, которые «были готовы сами инициировать преследование евреев не из ненависти к ним, а интуитивно, лишь бы утвердить себя как победителей»⁸⁰. Преследования и убийства оправдывались также борьбой за безопасный тыл вермахта, где могли быть шпионы и диверсанты. Массовые убийства на Востоке не были секретом. Местное население не только не протестовало, но и в некоторых случаях помогало в преследовании евреев. Многие немецкие служащие знали об этом. Хотя 60 % евреев были уничтожены в газовых камерах, многие были убиты и «традиционным» способом. И даже «индустриальное убийство» не было анонимным, утверждает Херберт.

В 1996 г. вышла обобщающая книга Л. Хербста «Нацистская Германия в 1933–1945 гг. Развёртывание террора: Расизм и война». В ней отражен отмеченный выше уровень суждений о расизме и Холокосте, достигнутый историками к этому периоду. Автор соглашается с выводами К. Петцольда относительно места в преследовании евреев конференции в Ванзее (январь 1942 г.). Она отражала ситуацию 1941 – начала 1942 гг., связанную с провалом блицкрига в войне Германии против СССР. По мнению участников «конференции» для евреев больше не существовало средств пропитания и жизненного пространства. Ситуацию с их уничтожением надо упорядочить. Речь шла уже обо всех европейских евреях. Последовало распоряжение, а именно: всем оккупационным службам сделать свою территорию «свободной от евреев»⁸¹. Подводя итоги, Хербст дополнительно подчёркивает, что в существовании Холокоста имело место много мотивов: осуществление планов на Востоке; индивидуальные и идеологические цели; равнодушие немцев к судьбе евреев; ситуация войны и порабощения в целом. Он убеждён, что нужны дополнительные, специфические исторические исследования Холокоста и дискуссий вокруг него⁸².

По мнению историка К. Герлаха, для развязывания террора против евреев и последовавшего за ним Холокоста решающую роль сыграла речь Гитлера от 12.12.1941 г. в Берлине по поводу вступления США в войну и превращения её в мировую. В ней фюрер пригрозил, что за этим последует «расчёт с евреями». Автор считает дискуссию о том, существовал или не существовал «приказ» Гитлера уничтожить европейских евреев – бессмысленной, так как сама речь достаточно прозрачно свидетельствует о подобном намерении Гитлера. С этого времени, пишет Херберт, убийство евреев выступает как умалчиваемый, негласный, но общий проект «окончательного решения»⁸³.

К настоящему времени в немецкой историографии превалирует точка зрения «структуралистов» о том, что убийство евреев тесно связано с трансформацией немецкого общества в период войны и стало его интегральной частью. Такая точка зрения, например, характерна для многотомной истории Германии в период Второй мировой войны⁸⁴. Её авторы пишут, что «если бы Гитлер не начал войны, Холокоста не было бы. Только война изменила национал-социалистическую «политику в отношении евреев»⁸⁵. Далее авторы пишут, что начало и провал блицкрига против Советского Союза, когда стала просматриваться угроза устойчивости нацистского режима, привели Гитлера к необходимости «окончательного решения» еврейского вопроса прежде чем окончится война. «Больше не «окончательное решение» (еврейского вопроса – Endlösung) через «окончательную победу» (Endsieg), но «окончательная победа» посредством «окончательного решения» стала изменившейся стратегией, которая привела к Освенциму и массовым отравлениям людей в газовых камерах»⁸⁶.

Такая оценка ярко выражена в разделе книги о немецком обществе периода войны⁸⁷. Соглашаясь с мнением автора (Т. Йерзак) о тесной связи войны и Холокоста, зависимости расовой политики от хода войны, всё же отметим, что нам представляется искусственной точка зрения о перемене значений терминов «война» и «Холокост» в «расово-территориальной войне» (термин автора). Нацисты вели обе эти «войны» постоянно и одновременно. Менялась только тактика. Представляются более обоснованными выводы других немецких «структуралистов»: Холокост стал следствием нарастания в 1942–1943 гг. общего ужесточения войны, когда фашисты стали «освобождаться» от «лишних ртов», угроз в своём «оккупационном тылу» и т. п. В этот период были полностью развязаны руки и антисемитам, и всем тем, кто стремился уничтожить сопротивление нацистскому режиму в оккупированной Европе. Что касается вопроса об отношении немецкого общества к Холокосту, то здесь можно только поддерживать точку зрения Йерзака о том, что общество знало о начавшемся ис-

треблении евреев, но его ужасные масштабы в пределах «старого рейха» держались в тайне. Дискутируя по вопросу «нормальности немислимого» в войне, автор справедливо констатирует, что оно могло стать «нормой» только в условиях нарастающей лжи вокруг правды о происходящем⁸⁸.

Участь преследования и массового убийства постигла также европейских цыган, и изучение геноцида в отношении цыганского населения Германии и Европы выдвинулось в ряд приоритетных, появились первые крупные работы в этой области. Способы уничтожения цыган в фашистском государстве исследуются в работе Р. Розе и В. Вальтера⁸⁹. Историк М. Краусник в книге, построенной на документальных материалах, интервью и воспоминаниях, реконструирует судьбы отдельных цыганских семей, характерные для политики расовой дискриминации и уничтожения «неполноценных» в Третьем рейхе⁹⁰. Большой вклад в изучение этой темы сделал историк Циммерман, который осветил различные стороны преследования «синти и рома»: вытеснение цыган, стерилизация, депортация, убийство⁹¹.

Существенный пробел в исследовании нацистской политики стерилизации устранил историк Х. Рихерт. В своей работе он осветил эту политику в отношении цыган. Ведь наряду с убийством в Освенциме 20 тысяч цыган, 3000 из них были насильственно стерилизованы на территории Германии и Австрии. Для них это было трагедией, т. к. в традиции цыган олицетворением счастья было множество детей⁹². Преследования цыган развивались в направлении запрета на браки до принудительной стерилизации в соответствии с «законом о здоровье семьи». Уже по закону 1933 г. о «прерывании нездорового поколения» многие цыгане попадали под его действие как «наследственно больные»⁹³.

Х. Рихерт раскрывает деятельность конкретных организаций, занимавшихся проведением в жизнь этих законов: секции «евгеники» и «расы» под руководством советника доктора Герберта Линдена, в отделе здравоохранения министерства иностранных дел, исследовательской группы «расово-гигиенических проблем» в имперской службе здоровья под руководством д-ра Роберта Риттера. Они изучали «смешанное» население и выдавали рекомендации по «решению цыганского вопроса». Так, для небольшого круга «постоянно кочующих» цыган сохранялась определённая свобода передвижения. «Смешанные» же пары считались опасными для арийского «народного сообщества» и подвергались стерилизации, чтобы позднее «исчезнуть»⁹⁴. Историк отмечает, что в первой фазе войны предпочтение отдавалось не стерилизации цыган, а их депортации в лагеря. Когда в 1943–1944 гг. основная масса цыган оказалась в КЦ Освенцим-Биркенау, то по отношению к «смешанным» парам стала применяться при-

нудительная стерилизация. В то же время цыгане попадали под категорию т. н. «асоциальных элементов». Это развязывало руки лагерным врачам и при проведении там опытов над людьми они часто выбирали именно цыган. Это исследование подтверждает тезис, что по мере ужесточения войны имело место и ужесточение геноцида.

Другой известный исследователь проблемы преследования цыганского населения – М. Циммерман указывает, что во время войны для геноцида населения широко использовалось клише «лишних ртов», а ещё и – «шпионства» цыган, а также евреев. «Подобные стереотипы помогали убийцам оправдывать свои преступления...»⁹⁵. Учёный указывает также на существенную разницу в преследовании цыганского и еврейского населения, причиной которой была иерархическая структура расовой политики нацистов. Согласно ей, «цыгане» разрушали «народное сообщество» «снизу». Евреи же – «изнутри», поскольку глубоко проникли в интеллектуальную и экономическую сферу немецкого общества, будучи одновременно «враждебной» арийцам расой. Поэтому, объясняет автор, «цыганский вопрос» не играл центральной роли в нацистской расовой доктрине и их преследование не носило столь радикального характера, как преследование евреев, хотя способы гонений и убийства были одинаковыми⁹⁶.

Таким образом, за последние 20 лет в Германии были достигнуты большие успехи в исследовании нацистского варианта расизма, геноцида, подготовки и проведения Холокоста. Причинами широкого охвата тем и глубины исследования стали региональные и локальные исследования, новые источники, постмодернистские методики. Проводимое в ряде случаев изучение групповой и персональной ментальности людей, задействованных в расовых преступлениях, помогает лучше, конкретнее показать действия и судьбы жертв не только евреев, но и других народов и социальных (маргинальных) групп. Ясно, что изучение Холокоста движется к завершению. Но, несмотря на то, что в этом направлении достигнуты впечатляющие результаты, вряд ли феноменология Холокоста будет объяснена «до конца».

4.2. Немецкая армия и преступления нацистского режима

Армия нацистской Германии имела сравнительно небольшую историю – немногим больше десятка лет, но, несмотря на малый срок существования, по поводу места, занимаемого нацистской армией в обществе, до сих пор идут споры. Многие высшие чины рейхсвера Веймарской республики связывали приход нацистов к власти с возрождением национального величия Германии. Но спустя двенадцать лет нацистская Германия

оказалась в состоянии тотального поражения в ходе Второй мировой войны. Союзный Контрольный Совет в распоряжении № 34 от 20 августа 1945 г. полностью распускал вермахт. Такое случилось впервые в германской истории. Позднее, в двух разных германских государствах были построены новые вооружённые силы, но совершенно на других основаниях.

В ФРГ армия (бундесвер) была вписана в правовую систему демократического государства и Атлантическую военную доктрину безопасности. В строительстве армии значительное участие принимали бывшие солдаты и офицеры вермахта. При этом в обществе и военных кругах всё время стоял вопрос о том, «как относиться к вермахту» в плане понимания военных традиций в бундесвере.

В западногерманском обществе была широко распространена точка зрения о «чистом» вермахте, почти незапятнанном преступлениями нацизма. Якобы действия против человечности совершали не войсковые части, а специальные отряды СС, СД, полиции, местной вспомогательной полиции, ведшие борьбу и уничтожение большевистских комиссаров, евреев и партизан. Превалировала точка зрения о том, что если вермахт и совершал преступления, то они носили единичный характер, и армия в условиях нацистского режима невольно была втянута в них. Немецкие же солдаты честно выполняли свой долг. Многие историки считали, что вермахт не был простым инструментом гитлеровской власти, а играл свою, особую роль в нацистском государстве.

И сегодня тема вермахта является предметом острой и во многом эмоциональной дискуссии, предметом общественного интереса. Центральным вопросом дискуссии является вопрос о роли вермахта в силовых структурах «Третьего рейха». Насколько вермахт соответствовал властно политическим и идеологическим целям нацистской системы, а может – и противостоял им. Как далеко рейхсвер, а позднее – вермахт позволил нацистскому режиму превратить себя в простой инструмент преступной завоевательной войны – войны на уничтожение? В какой степени вермахт участвовал в преступлениях, в исполнении и даже выработке преступных приказов? Какова вина высшего руководства вооружённых сил, командующих, офицерского корпуса, унтер-офицеров и рядового состава в преступлениях нацизма? И вообще, что представлял собой сам вермахт? Таковы основные вопросы, которые занимают историков, а также общественность.

Политическую ангажированность вермахта впервые глубоко и убедительно исследовал Манфред Мессершмидт. Он систематически разрушал миф об аполитичности и самостоятельной роли вермахта в нацистском государстве. Начиная с 60-х гг. и вплоть до начала 2000-х гг. Мессершмидт

в своих работах убедительно показал, как руководство армией планомерно и в совместной работе с Гитлером стремилось к развязыванию Второй мировой войны и выполнению целей Гитлера по созданию «нового порядка в Европе»⁹⁷.

Апология вермахта стала активно разрушаться в 80-е гг. Новое поколение историков интересовали проблемы стратегии и тактики, те области военной истории, где имели преимущество союзники по антигитлеровской коалиции. Их интересовал вопрос об экономическом пространстве, в котором нацистам удавалось вести мировую войну. При этом они не восхищались, так сказать, умением нацистов, а остро критиковали руководство, делая выводы об авантюристичности политики нацистов⁹⁸. Историк Райнхард Рюруп говорил в 1991 г.: «Вермахт в целом был важнейшей частью преступных деяний. В научном исследовании по этому поводу к настоящему времени больше нет разногласий. Но в общественное мнение эти знания ещё не проникли глубоко»⁹⁹.

В середине 90-х гг. вокруг роли армии в нацистском государстве вновь разразились ожесточенные споры. Это было связано с выставкой 1995 г., посвящённой преступлениям вермахта в годы войны на Восточном фронте. В ходе дискуссии на эту тему высказывались и публицисты, и историки, а также немало бывших солдат. Их оценки были неоднозначными. Неудовольствие многих было направлено против историков нового поколения, которое покушается, по их мнению, на согласие, сложившееся в западногерманском послевоенном обществе относительно исторической роли вермахта.

Общественная дискуссия о вермахте, по мнению историка Р.-Д. Мюллера, ограничивает непредвзятое исследование преступлений, мешает созданию истории самого вермахта, чтобы вписать её в более широкий исторический контекст¹⁰⁰. Именно этими задачами руководствовалось МГФА¹⁰¹, когда устраивало большую конференцию о вермахте летом 1997 г. При этом её организаторы стремились показать историю вермахта «снизу», определить его социальный корпус. По результатам конференции вышла объёмная работа «Вермахт. Мифы и действительность». Этот компендиум можно считать итогом работы, суммирующей результаты исследования историографии вермахта и привносящей нечто новое в исследование этой темы¹⁰². В намерения авторов труда входило решение задачи как «историзации» вермахта, так и дифференциации суждений о её (историзации) трудных и спорных сторонах.

В центре внимания исследований стоят вопросы исторического континуитета вермахта, его социальной структуры, истории повседневности и менталитета. В работах прослеживается влияние этих обстоятельств на

ведение военных действий, в том числе против Советского Союза, и оккупационной политики на его территории. Авторы книги ставят также вопрос и об оценке вермахта властями других государств. В частности, К. Арльт в статье «Вермахт в расчётах Сталина» исследует эту проблему, опираясь как на работы российских историков, так и на архивные документы. Автор приходит к выводу, что к моменту вступления в войну советское руководство не имело чёткой концепции действий против вермахта, что, по мнению автора, опровергает тезисы о превентивной войне Германии¹⁰³.

К.-Ю. Мюллер, развивая тему об оценке вермахта союзниками, подчёркивает, что политическое и военное руководство Советского Союза имело больше опыта взаимодействия с вермахтом, чем англо-американское военное руководство. Оценки вермахта командованием Советской Армии и союзными войсками также были разными и зависели от многих факторов: длительности соприкосновения с противником, общей культуры солдат, традиций и др. Для немецких военных имел большое значение факт участия в борьбе на Восточном фронте¹⁰⁴.

Историков занимает и такой вопрос, как стратегическое мышление, профессиональность и военная ответственность руководства вермахта. Историк Гревельд высказывает мысль о том, что стремление по-новому оценить военную мысль и достижения вермахта во Второй мировой войне – непростая задача, т. к. историография собрала и осмыслила достаточно много фактов, и уже сложились объективные оценки. Попытки их пересмотра могут привести к отрыву от исторической основы¹⁰⁵.

Это обстоятельство не помешало историку К. Х. Фризеру в статье «Немецкие блицкриги: Оперативный триумф – стратегическая трагедия» подвергнуть сомнению широко распространённый тезис, что гитлеровские блицкриги были основной военной стратегией Гитлера. Схема стратегии: «очередь» коротких войн, а в промежутках – пополнение ресурсов за счёт побеждённых. Особенно часто историки говорят об «экономике блицкрига». Такой взгляд особенно характерен для «интенционалистов» с их концепцией ступенчатости действий Гитлера (напр., историк Хильгрубер). Фризер называет эту теорию «зачаровывающей»¹⁰⁶. По мнению автора, блицкриги были не стратегическим, а военно-тактическим феноменом. Особенно это касается военной кампании на Западе, где руководство Германии не ожидало, что война будет столь короткой. Вот почему, по мнению Фризера, в кампании на Западе была велика роль случайностей и мала – плановости¹⁰⁷.

Эти обстоятельства, по его мнению, были учтены при подготовке военной кампании против СССР. В отношении Союза была задумана действительно молниеносная война, где было больше стратегии. На деле же

оказалось: в случае западных союзников имела место переоценка их сил, а в случае Советского Союза – недооценка его силы.¹⁰⁸ Г.-Г. Вильгельм стал первым историком, показавшим, как по заданию руководства вермахта и под предлогом «борьбы со шпионами и диверсантами» специальные команды СС осуществляли на территории Польши и Советского Союза запланированную охоту на людей и обдуманную заранее депортацию еврейского и нееврейского населения в концлагеря¹⁰⁹. Анализируя вопрос о сотрудничестве руководства вермахта с полицией безопасности, историк Р. Отто на основе новых документов показывает особую активность вермахта в проведении репрессивной политики в отношении советских военнопленных¹¹⁰.

В ряде статей книги о вермахте исследуются отдельные дивизии и армии, их поведение на советско-германском фронте, их участие в оккупационном режиме, в расстрелах, в способах подавления сопротивления местных жителей, а также отказа от этого. Эти темы, тесно связанные с историей повседневности и ментальности находят отражение и в современной исторической периодике. Так, например, В. Буссман осветил деятельность и опыт штаба 46-го танкового корпуса во время операции вермахта «Цитадель» под Курском, Орлом и на Днепре¹¹¹, а Й. Хюртер – действия и оккупационную политику 18-й армии под Ленинградом осенью и зимой 1941–42 гг.¹¹². Показывая отношение армейского подразделения к голодающим военнопленным и гражданскому населению, Хюртер отмечает, что простые солдаты выказывали им больше сочувствия, чем командование¹¹³.

Следует отметить активизацию интереса историков, особенно молодых, к деятельности вермахта на Восточном фронте. Это объясняется во многом тем, что учёным стали более доступны архивы бывших социалистических стран включая СССР и выросла возможность создания более объективной картины действий немецкой армии, а также общим интересом к проблемам «войны на уничтожение». Историк Циман исследует мотивы дезертирства из армии, которые имели разную окраску: политическую, личную, ментальную, (психологическую) (усталость от войны и др.)¹¹⁴.

Значительный интерес представляет работа П. Хайдера о реакции вермахта на образование в СССР Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» (12–13 июля 1943 г.) Вермахт помогал распространять листовки против этих организаций пропагандистского и репрессивного содержания. Хайдер анализирует мотивы, по которым пленённые генерал Зайдлиц и фельдмаршал Паулюс предложили сформировать из немецких военнопленных подобие освободительной не-

мецкой армии или добровольческого корпуса в составе Красной Армии для борьбы с фашизмом в Германии, которые, однако, не имели успеха¹¹⁵.

Взаимопонимание вермахта и полиции по отношению к советским военнопленным освещает Й. Остерло. Опираясь фактами многочисленных документов, историк делает выводы, что вермахт следовал планам нацистов уничтожить в восточных областях Европы в ходе этнических чисток около 10 млн людей¹¹⁶. Историк подробно описывает лагеря военнопленных, их рацион питания. Он отмечает временное улучшение питания с августа 1944 г., но при этом добавляет, что это – не от гуманности, а для сохранения рабочей силы, особенно в военном производстве. «Голод, – пишет он, – продолжал оставаться постоянным и опасным спутником военнопленных»¹¹⁷. Остерло показал, что командование не протестовало против «преступных приказов» нацистского руководства, исходящих из расово-идеологического характера войны, а принимало и выполняло их. Протесты со стороны высшего немецкого руководства были, но очень редкими. Самым открытым и чётким фактом сопротивления этому был рапорт на имя высшего командования со стороны руководителя контрразведки (Абвера) адмирала В. Канариса – рапорт, осуждающий практику антигуманного обращения с русскими военными¹¹⁸. Трудную судьбу советских военнопленных в Германии и после войны в СССР первым осветил в немецкой историографии Бернд Бонвеч¹¹⁹.

Несмотря на активизацию интереса к теме советских военнопленных, следует согласиться с мнением М. Е. Ерина, обстоятельно изучившем эту проблему, что «отдельные аспекты проблемы немецкого плена либо слабо изучены, либо ещё не подвергались научному анализу и требуют дальнейших усилий в этом направлении». Далее он перечисляет такие проблемы как освоение архивных источников России, Белоруссии и Украины, изучение отдельных лагерей на территории СССР и др.¹²⁰

Т. Рихтер анализирует участие вермахта в борьбе против партизан. В противоположность апологетам идеи о «чистом» вермахте, он доказывает, что «немецкая политика в оккупированных областях была не реакцией на действия партизан, а... заранее и сознательно избранной позицией»¹²¹. Этому, например, служило создание вокруг немецких линий продвижения «смертельных зон», где под видом борьбы с партизанами, осуществлялся Холокост. В целом, подразделения СД использовали около 300 000 солдат армии в экзекуциях против партизан¹²². Вывод автора сводится к тому, что вермахт был во многих случаях инициатором в борьбе за «безопасность» немцев в занятых ими областях. Причины этого: идеологизация войны, приказы Гитлера и, частично, – провоцирующие действия партизан. Всё это сделало вермахт соучастником и ответственным за гено-

цид населения. Заранее выбранная жёсткая позиция по отношению к населению привела к тому, что оно было преимущественно на стороне партизан¹²³.

Известный историк Ю. Фёрстер анализирует в своей статье вопрос о связи войны вермахта и Холокоста. Он отмечает актуальность темы, вызванной книгой Гольдхагена и выставкой, посвящённой преступлениям вермахта. Прошлое вновь стало современностью. Инициаторам выставки удалось лучше и выразительнее, чем историкам показать преступления вермахта на Востоке и на Балканах. Историк признаёт, что у вермахта и у айнзацгруп СС были разные функции. Вермахт наносил первый удар по населению. Он выявлял и идентифицировал евреев, собирал и строил лагеря. Затем приходили отряды СС, которые проводили массовые расстрелы. Бабий Яр – типичный пример сотрудничества СС и вермахта¹²⁴. Автор подчёркивает, что вермахт находился под сильным влиянием нацистской идеологии создания на Востоке «народно-немецкой» поселенческой зоны и искоренения здесь «азиатско-еврейского» населения. В борьбе против партизан широко использовалась «легенда об ударе ножом в спину» времён Первой мировой войны.

Фёрстер пишет, что «горькая правда состоит в том, что вермахт стал добровольным подручным Гитлера в его расово-идеологической войне на Востоке. В отношении Холокоста вермахт выступал в разных лицах – убийцей, помощником, свидетелем, соучастником»¹²⁵. Это ни в коем случае не исключает несогласия, возражения и даже сопротивления со стороны некоторых офицеров и солдат. Ряд офицеров был против участия солдат в массовых расстрелах гражданского населения, против убийства евреев, против «юстиции линчевания». Но это – только в отдельных дивизиях и подразделениях¹²⁶. Некоторые офицеры и солдаты, побывавшие на Восточном фронте, увидев злодеяния нацистов (фон Штауфенберг, Г. Шморель, Г. Шолль и др.), вступили в Сопротивление.

Г. Швендеманн рассматривает вопрос о заключительном этапе войны и задаётся вопросом, почему немецкие солдаты сражались практически до конца, т. е. до капитуляции. Он считает, что действовало несколько причин:

- 1) вера военного руководства в «гений фюрера, который найдёт какой-нибудь выход»;
- 2) намерение, в отличие от 1-й мировой войны, сражаться до конца на своей территории;
- 3) превращение каждого города и деревни в крепость, призыв «фольксштурма»¹²⁷, объявление отечественной войны;
- 4) приказы Гитлера; например, от 14 сентября 1944 г.: «В зоне боевых действий наша борьба должна подняться до высокого уровня ожесточён-

ности и при участии каждого боееспособного мужчины. Каждый бункер, каждый жилой блок в каждом немецком городе и в деревне должен стать укреплением, в котором враг либо истечёт кровью, либо погибнет в рукопашной схватке. Остаётся только либо устоять до конца, или погибнуть», – цитирует автор¹²⁸.

5) гауляйтеры наделялись государственно-военными функциями.

6) драконовские методы против солдат (летучие суды)¹²⁹.

7) мотивация более ожесточённой борьбы на советско-германском фронте состояла в страхе перед насилием со стороны Красной Армии и советским пленом. Как отмечает автор, на Востоке немецкие войска находились под более сильным пропагандистским давлением, чем на Западе, где англо-американские войска вели себя корректно с населением, а в советских войсках имели место бесчинства против немецкого гражданского населения¹³⁰. Швендеман и другие историки квалифицируют позицию борьбы «до последнего патрона» как стратегию самоуничтожения, которая полностью разрывала с прусско-милитаристскими традициями¹³¹.

Для немецкой историографии войны очень характерно сравнение Второй мировой войны с Первой мировой войной, где Германия тоже потерпела поражение. Авторы обращают внимание на такой факт, например: союзники в первой войне (Антанта) не боролись против внутреннего режима Германии (монархии Гогенцоллернов), а во Второй войне – и против внутреннего, нацистского режима в Германии. Другим было отношение к военнопленным. Так, в период Первой мировой войны не было идеологической работы с ними. Во Второй мировой войне западные союзники работали с немецкими военнопленными по части их «денацификации»: распространялись опросные листы для выявления степени участия военнопленных в нацистских организациях и структурах власти, поощрялась демократическая самоорганизация военнопленных. Историки отмечают, что, напротив, советские власти практически широко этим не занимались, и только НКСГ¹³² проводило работу среди военнопленных. Руководство же Советского Союза, как считают авторы, было больше заинтересовано в военнопленных как в рабочей силе¹³³. Эти выводы историков наводят на мысль о том, что со стороны западных союзников война тоже приобретала мировоззренческий характер.

Историки войны отмечают, что немецкие военные и сам Гитлер постоянно оглядывались на опыт Первой войны и при планировании операций, и в отношениях с населением. В сравнении с первой мировой войной политика в отношении населения носила на Западе некоторые традиционные черты и совершенно другие – на Восточном фронте – против Польши и СССР. Историки также подчёркивают, что в поле зрения наци-

стского режима постоянно оставались проблемы снабжения продовольствием гражданского населения, т. к. нацисты опасались волнений в случае недостатка продовольствия, боялись революции и «удара ножом в спину», как это случилось в ноябре 1918 г.¹³⁴.

В более ранней основательной статье историка вермахта Р.-Д. Мюллера, посвящённой проблеме эволюции послевоенной историографии вермахта, уделено много внимания освещению преступлений этой военной организации. В то же время он настаивает, что преступления – не вся история вермахта. Подход к военной истории вермахта должен быть, по его мнению, дифференцированным. «Преступники, их помощники или свидетели – все они должны быть отделены от не участвовавших (солдат и офицеров) в преступлениях, или ничего не ведавших о них», – пишет Мюллер¹³⁵.

Р.-Д. Мюллер, считает, что нельзя смешивать оценки юристов, занимающихся случаями отдельных преступлений солдат и офицеров с оценками историков. Он понимает процесс «историзации» вермахта как процесс его очищения от политико-юридических оценок. **«Оценки юристов – обвинителей, адвокатов или прокуроров – не должны мешать оценкам историков, которые не обвиняют, а пытаются объяснить прошлое»**, – пишет Мюллер¹³⁶. Такой разрыв оценок, на наш взгляд, неправомерен, т. к. мешает полноте исторических взглядов на то или другое историческое явление.

В 1990-е гг. историк М. Мессершмидт продолжает традицию критики идеологов бундесвера по отношению к «историзации» вермахта и в этот раз исследует проблему наказаний и штрафов в вермахте. По его мнению, эта система полностью отвечала духу и букве нацистского режима¹³⁷. О вовлечении вермахта в преступления нацистского режима пишет и Г. Юбершер: «Новейшие исторические исследования 80–90-х гг., во взаимодействии со свидетельствами очевидцев, материалами судов, дневниками и содержанием писем полевой почты показывают, что соединения вермахта были активно задействованы в экзекуциях евреев, в военных преступлениях везде в оккупированных областях, но особенно на Востоке Европы...»¹³⁸.

Р.-Д. Мюллер противится столь резкой оценке. Он пишет, что вермахт уже 50 лет как история. «Сейчас он уже не является частью нашей современности, нашей политической культуры или хотя бы нашей военной политики. Дорога должна вести от исторической политики к «историзации», а затем снова ближе к науке и подальше от лагерного мышления! История лежит в руках историка, и он сближается с ней посредством своих орудий труда и постановкой вопросов. «Историзация» темы вермахта является сегодня ещё только задачей, но никак не решением¹³⁹. Он считает, что надо

прислушаться к призыву историка Тамера о необходимости уйти от политической педагогики к историческим понятиям и что это относится и к историографии вермахта. «Спор историков» совершенно оставил в стороне историю вермахта. С опозданием на десятилетие разразился этот спор, инициированный выставкой 1995 г. о преступлениях вермахта на Восточном фронте.

Естественно, что Р.-Д. Мюллер отрицательно оценил выставку, которая, по его мнению, создаёт новую легенду – легенду об изначально преступном вермахте. Спор сосредоточился на преступлениях вермахта. Однако этого недостаточно для установления согласия между армией и обществом¹⁴⁰. Некоторые исследования, представленные и в книге «Вермахт...», противоречат плакатным лозунгам о верноподданнических отношениях нацизма и вермахта¹⁴¹. Политические девизы (political slogans) всегда эмоциональны, а их источники нередко сомнительны. Историк ставит задачу расширения методики исследования по проблемам: менталитет солдат, события войны, внутренние взаимоотношения армейских подразделений. Р.-Д. Мюллер саркастически замечает, что в Германии сразу поднимается волна подозрений насчёт апологетики вермахта, как только кто-то заговорит о «понимании» настроений или мыслей солдат¹⁴².

Только после «преодоления» прошлого, отказа от политизации и морализаторских выступлений можно руководствоваться трезвым и деловым научным подходом, а это требует новой методической и теоретической переориентации – констатирует редактор компендиума. Опыт и сознание людей в войне – вот главное. Это одна из стратегий. Но это не означает фронтального противостояния имеющейся историографии. Это всё составная часть историографии войны. Всё это надо связать с ментальной и культурной историей войны с социальной историей и с историей будней. «Только расширенный междисциплинарный подход поможет создать действительный синтетический труд по истории вермахта. Он будет в состоянии преодолеть трудности «исторического пересказа» и передать научные знания литературными средствами», – заключает Р.-Д. Мюллер¹⁴³.

Применительно к изучению немецкого общества периода войны в центре внимания историков остаются вопросы нацистской «унификации» вооружённых сил¹⁴⁴. Так Ю. Фёрстер останавливается на развитии «духа военного руководства», особенно с началом Второй мировой войны. Он подчёркивает прямо-пропорциональную зависимость веса «духовного попечительства» и «мировоззренческого воспитания» солдат в зависимости от длительности войны.

В конце 1943 г. Гитлер провозгласил необходимость пропитывания армии нацистским мировоззрением с помощью введения должности «на-

ционал-социалистического руководящего офицера» (НСФО). С этого момента, как замечает Фёрстер, «военное руководство утратило (хотя бы внешне) упорно отстаиваемую от партии автономию в деле духовного руководства вооружёнными силами»¹⁴⁵. В решении Гитлера ввести в вермахте институт, напоминающий должность политического комиссара, большую роль сыграл шок немецкого руководства от поражения под Сталинградом. Как считает Фёрстер, эта должность оправдала себя и, несмотря на безоговорочную капитуляцию армии, задача, поставленная властями Третьего рейха и руководством вермахта – о недопущении чего-либо подобного ноябрю 1918 г. (революция в Германии. – Л. К.), была выполнена¹⁴⁶.

На уровне макро- и микроистории продолжается изучение отдельных дивизий, особенно пехотных, с точки зрения их социального профиля, принадлежности солдат к различным родам войск и связанного с этим менталитета. Подвергается анализу не только социальное, но и региональное происхождение солдат, степень их близости нацизму, образование. Интересными представляются попытки выделить элементы коллективных солдатских биографий: отношение солдат к мобилизации и к военной учёбе; далее сама служба; перенесённые ранения; пребывание в плену; приобретённые болезни; впечатление от смерти воевавшего рядом солдата, да и врага – и другие моменты военных будней¹⁴⁷. Работы такого свойства как раз пытаются преодолеть зазор, существующий между историей «сверху» и историей «снизу», о необходимости ликвидации которого и создании некой «синтетической» истории писал Р.-Д. Мюллер.

Большое место в исследованиях историков нового поколения стали занимать вопросы жизни и действий солдат на Восточном фронте. К работам подобного рода относится книга Кристофера Расса «Человеческий материал: немецкие солдаты на Восточном фронте»¹⁴⁸. Автор исследует этот вопрос на материалах внутренней жизни одной из пехотных дивизий и источниках, относящихся к социальной истории вермахта. На примере 253-й дивизии Рассом были прослежены вопросы социального и ментального профиля. Сначала эта дивизия воевала на Западе, а затем с 1941 по 1945 г. участвовала в военной кампании на Востоке. Выяснилось, что будущие солдаты тесно увязывали свои интересы с нацистским режимом. Три четверти из них прошли через разные нацистские организации, прежде чем стали солдатами вермахта.

Одна из центральных тем его книги – солдатская масса дивизии: персональный состав, изменения в нём, социальный профиль, условия жизни и обстоятельства смерти. Много внимания уделяется также организации и функционированию военной системы дивизии, которая подразделяется автором на «управление и руководство», и на «управление и власть». В первом

случае речь идёт о военной субординации; во втором – о мотивациях действий солдат и офицеров посредством оплаты, наград, через социальное обеспечение, путём карьерного роста. Здесь же рассматриваются вопросы военной юстиции и идеологизации войск. Специальная глава посвящена конкретному участию дивизии в завоевательном походе на Восток, оккупации, эксплуатации и уничтожении мирного населения.

Анализируя военные преступления дивизии, Расс приходит к выводу об активном участии в них приблизительно десятой части солдат. У каждого были свои мотивы совершения преступных актов – либо мировоззренческие, либо ментальные, либо сугубо персональные¹⁴⁹. Изучая социальный профиль власти и примеры исполнительности, Расс заключает, что солдаты зависели от распоряжений, идущих, в конечном счёте, от тоталитарной системы и преступного характера войны в целом. Это привело к тому, что многие действующие лица стали участниками преступлений, несмотря на то, что солдаты были «самыми маленькими кирпичиками» большой институциональной и социальной структуры вермахта¹⁵⁰.

Результаты его работы показывают, что ведущей позицией офицеров дивизии была их преданность национал-социализму. Офицеры более низкого ранга в конфессиональном, социальном и политическом отношении рекрутировались из всех слоёв немецкого общества. Унтер-офицеры имели самое большое влияние и образовывали стабилизирующий элемент. Они дольше всех оставались в составе дивизии. Простые солдаты происходили преимущественно из рабочих и низших слоёв. Для крепости военного соединения значение имели не отдельные элементы, например, принуждение, дисциплина, или идеологическая доктрина, но, как пишет автор, «больше всего конгломерат факторов из позитивных и негативных элементов»¹⁵¹.

Что касается взаимоотношений вермахта и национал-социализма, то автор видит их тесное сотрудничество ещё в 1933–1939 гг., а в ходе войны возникла широко охватывающая сеть, разрешающая или просвещающая солдат относительно того, что им можно делать, а что нельзя. Автор отмечает, что «война на уничтожение» делала возможным участие «совершенно нормальной пехотной дивизии» в военных преступлениях нацистского руководства¹⁵². Дивизия активно сотрудничала со специальными командами СС в геноциде и в преследовании гражданского населения. Таким образом, по мнению автора, многие солдаты дивизии, благодаря социализации и воспитанию в довоенное время были не только готовы к армейской службе в тоталитарном государстве, но и, не будучи членами НСДАП, готовы были служить ему как национал-социалисты¹⁵³.

Результаты работы в этом направлении открывают возможности для

создания более детальной картины вермахта. При этом вырисовывается более чёткая картина сложных процессов за период от создания до гибели этой грандиозной военной машины. Кристофер Расс выделяет три периода развития вермахта в течение войны: стадия строительства (1939 – июнь 1941 г.), стадия «приспособления» (середина 1941 – середина 1944 г.) и стадия распада социальных и институциональных структур (лето 1944 г. – до конца войны). Именно во второй стадии существовали довольно большие сухопутные соединения в более или менее стабильной форме. Лучше всего социальный профиль проявляется в таких соединениях, как дивизия, поскольку это было типичное большое соединение вермахта¹⁵⁴.

Первичные группы солдат действовали вплоть до последней стадии существования вермахта, и они проявляли высокую готовность к действиям. «Эта готовность создавала возможность для участия в исполнении всё более радикальных приказов военного руководства, а также, параллельно, для понимания, каждого по-своему, требуемого от солдат ужесточения действий»¹⁵⁵. «Комбинация этой готовности солдат с юридически обоснованной системой подчинения образовывали костяк социальных связей почти до конца войны. Они же были основой для функционирования всех военных соединений вермахта и всех исполнительных органов немецкого военного руководства», – заключает автор¹⁵⁶. Расс, таким образом, проливает дополнительный свет на вопрос о причинах более или менее нормального функционирования немецкой армии почти до самого конца войны.

В связи с полемикой по вопросу ответственности вермахта за преступления нацистов Кристиан Хартманн в обстоятельной статье решил классифицировать степень вины вермахта в ходе войны на Востоке¹⁵⁷. Какие части военных и кто лично виноват больше? Внимая утверждению К.-Д. Мюллера, что десятки тысяч солдат немецкой армии не имели никакого отношения к преступлениям нацистов, автор статьи довольно скрупулёзно рассматривает эту тему. Он выделяет четыре вида больших преступлений на Востоке и по каждому виду разбирается в степени вины Хартманн приходит к выводу, что как *институт*, вермахт был задействован наряду с другими органами нацистской власти во всех 4 видах преступлений на Востоке (советские военнопленные, партизаны, экономическая эксплуатация, геноцид). Почти единоличную ответственность вермахт несёт за страдания и гибель советских *военнопленных* в 1941–1942 гг.¹⁵⁸.

Наряду с институциональной ответственностью служб самого вермахта автор выделяет и персональную ответственность её функционеров. Но она, по мнению автора, распределяется неравномерно и характеризуется разным уровнем ответственности за допущенные нарушения и сотворён-

ные преступления. За нарушающее законы отношение к военнопленным – главная вина лежит на функционерах высшего командования. Именно для них, прежде всего, «противник» не был «товарищем»¹⁵⁹.

В отношении борьбы с *партизанами*, как считает Хартманн, сложнее установить вину немецкой армии, поскольку границы между войной с партизанами и расово-идеологической войной быстро стёрлись. Главная ответственность за преступления под видом борьбы с партизанами лежит опять на командовании, которое приняло эту концепцию войны. Главная роль в этой охоте принадлежала небольшим воинским соединениям в составе оккупационных войск, и, таким образом, только очень малая часть вермахта была задействована в охоте на партизан. Все остальные немецкие солдаты слышали о партизанах, напрямую же редко сталкивались с ними¹⁶⁰. *Геноцид и убийство народов*. Наиболее тяжким преступлением в этой сфере Хартманн читает массовое убийство евреев. Свои суждения о степени участия вермахта в Холокосте автор строит на результатах многочисленных, глубоких работ на эту тему историков Фёрстера, Мессершмита, Герлаха, Лонгериха и др. Он считает, что такое внимание немецкой историографии к этой теме вполне оправданно. Обращая внимание на административно-бюрократическую организацию Холокоста, он пишет: «без последовательной и административной помощи вермахта в этом направлении, никогда не был бы возможен геноцид такого размаха. Все главнокомандующие поддерживали акции СС и полиции. Именно в этом вопросе больше всего проявилась институциональная ответственность вермахта. Но *активно участвовавших солдат – мало*»¹⁶¹. В этом месте оценки немецких авторов расходятся. Так, историк Поль говорит о 10 тысячах солдат, участвовавших в геноциде¹⁶². Ханс Хеер считает, что 80 % солдат участвовало в нём¹⁶³. Рольф-Дитер Мюллер называет цифру в 5 % от численности вермахта¹⁶⁴. Принимая последнюю цифру, Хартманн считает, что она – достаточно большая, т. к. от 10 млн общей численности вермахта составляет 500 000 человек. «Это – немало, – заключает автор, – учитывая расходящиеся от их действий круги»¹⁶⁵.

В свою очередь, автор уточняет отношение солдат к различным видам преступлений на оккупированной территории. Так, он утверждает, что, поддерживая депортацию местного населения, солдаты воспринимали это без воодушевления. В то же время в разрушении гражданских и производственных объектов многие солдаты участвовали активно, и эта активность возрастала по мере отступления. В этот время особенно быстро стала «размываться граница между военными преступлениями, сделанными по приказу, и/или мотивированными индивидуально»¹⁶⁶.

Выводы Хартманна подтверждаются документами книги «Немецкая

экономическая политика». В ней говорится о том, что «гражданские службы, формально ответственные за угон населения, работали в тесной увязке с интендантскими службами и отделами по военнопленным дивизий и армий»¹⁶⁷. Известный историк Петер Лонгерих соглашается с Хартманном: руководство Германии рассматривало войну как одно из радикальных средств перевоспитания солдат в духе нацизма. И в определённой степени это сделать удалось¹⁶⁸.

Почему генералы вермахта во имя исполнения расово-идеологических целей Гитлера охотно последовали на Восток? К этому вопросу вновь обратился признанный специалист Ветте в книге «Вермахт, картины врага, война на уничтожение»¹⁶⁹. Он указывает на период – ещё до Первой мировой войны и между войнами – когда в части военного истеблишмента латентно формировался антирусский и антисоветский образ врага. Теперь же шествие войск во исполнение гитлеровской идеи было обнажившимся следствием прошлой заговорщицкой причины. Проявлением безоговорочной поддержки гитлеровских целей стала встреча фюрера 30 марта 1941 г. с 250 генералами восточной военной группировки. Заявление Гитлера о беспощадной, мировоззренческой войне на уничтожение народов Востока не встретило никаких возражений¹⁷⁰. Поэтому Ветте считает неправильным говорить о том, что вермахт был «вовлечён» в военные преступления. Речь, по его мнению, должна идти о соучастии, о совместной осведомлённости¹⁷¹.

Во второй книге – «Спасители в униформе» – под редакцией этого же историка представлены те члены вермахта, которые воспротивились преступным приказам, которые пытались спасти от гибели людей – военнопленных, евреев и др.¹⁷². Авторы здесь пытаются оценить границы действий этих людей и их численность – границы оказались узки, а количество – малочисленно. Таких солдат было немного. Отдавая дань уважения таким людям, авторы тем не менее утверждают, что «спасителями» были, как правило, простые солдаты, по тем или иным причинам – нонконформисты и что этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании¹⁷³.

Период от конца января и до конца марта 2004 г. стал временем закрытия второй выставки, посвящённой преступлениям вермахта. Тем самым был положен конец почти десятилетнему проекту Гамбургского института социальных исследований по этой теме. Проект вызвал ожесточённую дискуссию в общественных, политических и научных кругах о нацистском прошлом. Когда открывалась первая выставка, в марте 1995 г., никто и не подозревал о такой бурной реакции общественности на это событие. Впервые со времени «спора историков» 1986 г., в этот раз речь шла не только об исключительности нацистских преступлений в отноше-

нии евреев, но и об историческом исследовании участия в них конкретных исполнителей. Это привело к тому, что структуралистски-ориентированные исследования стали отступать на второй план, а вперёд выдвинулись исследования индивидуального и группового поведения конкретных лиц, их содействия преступным акциям нацистов и (соответственно) ответственности за эти антигуманные акции. На исследования такого особого рода подействовали как выставка, так и дебаты вокруг тезисов Гольдхагена. Во всяком случае, к этому событию была привлечена вся – и это не будет преувеличением – немецкая общественность: ведь вопрос стоял об ответственности вермахта¹⁷⁴.

Выставка вызвала и среди публики, и среди историков как положительные, так и отрицательные эмоции. Противники в печати упрекали организаторов за недооценку того факта, что солдаты вермахта были не только палачами, но ведь они были и жертвами. Инициаторов обвиняли также и в том, что часть фотоматериалов – фальшивые (и даже провоцирующие) снимки. Следует отметить, что организаторы выставки, проведя экспертную проверку материалов, вновь открыли её в ноябре 2001 г. в Берлине под названием «Преступления вермахта. Размах войны на уничтожение 1941–1944». Выставка была показана в 12 городах.

На вторую выставку сильно повлиял процесс «историзации» нацизма, сделав выставку более продуманной и строго документированной, в противовес драматичности и эмоциональности первой. Но «изобилие материала и дифференцированная аргументация представили ещё более мрачную картину преступлений вермахта, чем на первой выставке»¹⁷⁵. Главное различие между первой и второй выставками лежит как раз в более полном *знании* действий участников преступлений, отдельных людей, *полученном* в результате так называемого «исследования преступников» (Täterforschung).

Теме двух выставок о вермахте, о давлении консерваторов в связи с материалами, обличающими вермахт в преступлениях, рассказал в своей книге руководитель первой выставки Ханнес Хеер. Он подверг острой критике вторую выставку, о которой он саркастически выразился в том смысле, что «война на уничтожение состоялась, но при этом никто не присутствовал». «Ревизионисты», по его мнению, искажают факты, отрицают связи и превращают палачей в жертв. Он выступает против деполитизации и «историзации» дебатов по вермахту, как это прозвучало из уст авторитетных учёных на совместной конференции Гамбургского института социальных исследований и Мюнхенского института современной истории, проходившей в марте 2004 г., считая, что они будут способствовать замазыванию преступлений вермахта¹⁷⁶.

На результаты второй выставки уже сильно повлияли суждения о мотивах действий убийц из числа солдат и офицеров вермахта, об их групповой или личной ответственности. Дебаты о прошлом ещё не закончились. Углублённые исследования поведения немецких войск по отношению к гражданскому населению во время войны и оккупации показали достаточно высокую степень участия вермахта в преступлениях нацистского режима.

4.3. Историки о преступном характере войны на Востоке

Цели и задачи Гитлера в войне против СССР, разбросанные в его книге «Майн кампф», в речах, беседах и выступлениях 20–30-х гг. после войны были чётко выписаны историком А. Хильгрубером и до сегодняшнего дня считаются отправными для исследования. Ими являются:

- 1) истребление «еврейско-большевистского» руководящего слоя, и вообще всех евреев Восточной Европы;
- 2) завоевание колониального и жизненного пространства для Третьего рейха;
- 3) порабощение славянских масс со стороны немецкого государства;
- 4) образование на завоёванных территориях так называемых «рейх-комиссариатов»¹⁷⁷.

Целью такого завоевания должно было стать возведение автократического, стойкого для блокады «большого пространства континентальной Европы» под гитлеровским господством. При этом завоёванное советское пространство будет образовывать экономическую зону для обеспечения географических, ресурсных, поселенческих преимуществ континента, чтобы оказалась достижимой более далёкая цель нацистов – «мировое господство».

Истребительный характер войны со стороны нацистов проявлялся не только в войне против Польши и СССР. В меньших масштабах, чем на Востоке, но во всей Европе террористическим аппаратом нацистской Германии была организована охота на противников фашизма: партизан, деятелей Сопротивления, а также «расовых врагов», среди которых большую часть составляли евреи. Из всех уголков оккупированной Европы потянулись эшелоны на восток континента, где создавались лагеря для депортированных евреев и других неугодных оккупантам людей. Там они стали уничтожаться непосильным трудом, голодом, ужасными условиями жизни, а дети и старики истреблялись – как «лишние рты». Символом таких лагерей стал Освенцим. Именно во время войны преследование евреев вылилось в их массовое, индустриальное уничтожение – Холокост. Одно-

временно с территории занятых нацистами Польши и части СССР потянулись эшелоны насильственно вывезенных на принудительные работы в Германию славян.

Подготовка, развязывание и осуществление военной экспансии и оккупации на востоке Европы остаётся до настоящего времени одной из активно изучаемых страниц немецкой истории. В этом направлении в 1990-е – начале 2000 гг. продолжали интенсивно трудиться Ветте, Нольте, Юбершер, Мессершмидт. Историки, сделавшие большой вклад в освещение специфически нацистского характера этой войны. В ходе анализа «мировоззренческой расовой войны по уничтожению на Востоке» на передний план выступает тема военных будней и нацистских преступлений.

Современные методы исследования распространились и на военную историю. Интерес историков стали привлекать сюжеты жизни и смерти на войне, взаимоотношения солдат между собой и с офицерами, их социальный профиль, отношения к событиям на войне и в собственном тылу. Для этого в качестве источников стали использоваться письма солдат, воспоминания участников войны, донесения различных служб о настроениях воинов. Интерес к таким темам был вызван новыми документами по истории войны и оккупационного режима, найденными в архивах других стран, особенно Польши и бывшего СССР.

Книга Клауса Латцеля «Немецкие солдаты – национал-социалистическая война?»¹⁷⁸ относится к работам такого рода. В ней рассматриваются как индивидуальные судьбы участников войны и их военный опыт, так и некий коллективный портрет солдата, возникающий на основе анализа писем полевой почты. В работе отражены поведение и взгляды солдат, как на передовых позициях, так и оккупационном тылу: отношение к гражданскому населению, к военнопленным, и (что не может не затрагиваться) – к Холокосту. Рассматриваются проблемы «нормальной войны» и войны на уничтожение. Проводится сравнительный анализ преступлений против военнопленных во время Первой мировой войны и Второй мировой войны.

Отдельная глава посвящена проблемам смерти на войне и сопутствующим им концептам – «убийство», «судьба», «жертва», «герои», «мужество», «честь» и др. Затрагиваются вопросы смысла и бессмысленности войны и место собственной личности солдата в ней, роль веры в постулаты национал-социалистической идеологии: «фюрера», «народного сообщества», «отечества» и др.

Делая выводы относительно языка солдатских писем, автор утверждает, что его нельзя идентифицировать только как национал-социалистический по содержанию и окраске, чего бы хотелось нацистам. Но он всё же

является в чём-то родственным нацистской пропаганде. Латцель переносит известные слова М. Мессершмидта о «частичной идентичности целей руководства вермахта и НСДАП» на исследуемую ситуацию и говорит, что в письмах отражается «частичная идентичность мотивов действий солдат вермахта и целей национал-социализма»¹⁷⁹.

Автор отмечает, что вера в «фюрера» проявляется у солдат в более устойчивой форме, чем у гражданского населения. В письмах видно большое влияние пропагандируемого нацистами образа «мужчины-солдата», между тем как расовые представления о «народном сообществе» как «сообществе по крови» имели лишь частичное хождение. Латцель подмечает такую черту в письмах: когда солдаты входили в контакт с «внешним миром», их взгляды становились расистскими. «Они оживлялись при соприкосновении с материальными и социальными условиями жизни гражданского населения на Востоке и при их сравнении с собственным положением», – пишет он¹⁸⁰.

Интересен его вывод о том, что по отношению к солдатам Красной Армии оценки были более сдержанными и редко соответствовали полным ненависти тирадам фашистской пропаганды¹⁸¹. И всё же автор говорит о существовании некоего набора взглядов солдат, близких нацизму, важнейшим из которых была готовность к насилию и уничтожению. «Эта готовность облегчала солдатам вести такого рода войну, какую они волей-неволей вели в Советском Союзе», – заключает автор¹⁸². Книга Латцеля представляет собой пример научного исследования средствами постмодернистской историографии и помогает более дифференцированно воспроизвести и место войны в истории национал-социализма, и место нацизма в истории войны.

Наиболее изучаемыми и, частично, дискуссионными проблемами войны Германии против СССР являются следующие: 1) как оценивается пакт «Молотова-Риббентропа»; 2) в чём состоит идеологический характер войны против СССР; 3) какова стратегия блицкрига, 4) так ли уж «чист» вермахт от преступных действий; 5) какова оккупационная политика Холокоста и число его жертв; 6) тема защиты вермахтом в конце войны на Восточном фронте немецкого мирного населения от наступающих советских войск. Какую роль должен был сыграть договор о ненападении между СССР и Германией от 22 августа 1939 г. («пакт Молотова-Риббентропа») в осуществлении целей Гитлера, «жертвой» которого становилась Польша?

Консервативные немецкие авторы считали «пакт» решающей предпосылкой для начала Второй мировой войны. Он развязывал Гитлеру руки для нападения на Польшу. Причину подписания договора со стороны

СССР они видели в том, что Сталин был неравным партнёром в переговорах с Западом, и подписанием соглашения с Гитлером он хотел заставить западные страны считаться с ним¹⁸³. Английский историк Тейлор считал, что Гитлер хотел мирно разрешить проблемы Версаля. Война – результат ошибок дипломатии всех стран. Политика Сталина была мирной, направленной на коллективную безопасность. Когда она рухнула, он искал альтернативу и заключил «пакт о ненападении»¹⁸⁴.

В западногерманской историографии до конца 80-х гг. этот договор трактовался консерваторами в русле теории тоталитаризма как сговор двух диктаторов против западных демократий. Много значения в этом «пакте» придавалось историками идеологическим мотивам и мало – тактическим и стратегическим шагам обоих партнёров¹⁸⁵. 50-летие начала войны в 1989 г. вновь оживило интерес историков к «пакту», к вопросу о целях Гитлера в войне на Востоке и её идеологическую обусловленность (историки Михалка, Грамль и др.). Их подход к теме более широкий и реалистический. Не ставится под сомнение изначальное желание Гитлера начать войну и передел мира, но договор августа 1939 г. рассматривается не в узком смысле – как сговор двух диктаторов, а в широком контексте внешнеполитических отношений. Международная политика 30-х гг. создала плацдарм, с которого Гитлер начал в 1939 г. войну – смысл выводов Грамля в его работе «Европейский путь к войне. Гитлер и великие державы»¹⁸⁶. Он рассматривает «пакт» Гитлера со Сталиным, прежде всего, с точки зрения гитлеровских политических и военных намерений.

Убедительную и объективную оценку «пакта», на наш взгляд, демонстрирует И Фляйшхауэр, которая на всём протяжении 90-х гг. и до настоящего времени пишет на эту тему. Фляйшхауэр подвергла критике тезис о сговоре Гитлера и Сталина. Его не могло быть, т. к. они не доверяли друг другу. У них был разный тип политического мышления. Анализируя, прежде всего, мотивы Сталина для подписания договора с Германией, автор констатирует, что ими были предприняты поиски стабильности и безопасности после внутренних потрясений 30-х гг. Сталину было важно сохранение на международной арене «статус-кво», который был нарушен Мюнхенским сговором, поставившим СССР в политическую изоляцию. Гитлер же, в противовес Сталину, всё время проявлял беспокойство и волю к изменению соотношения европейских сил¹⁸⁷.

Суть концепции заключается в том, что Сталин исходил при заключении «пакта» из идеи безопасности своей страны. Переговоры с западными державами ничего бы реального для СССР не дали. «Пакт» играл роль «опережающей защиты» от угрозы изоляции СССР на международной арене и от «дилетантского военного планирования» сразу после чис-

ток среди военных¹⁸⁸. К тому же Сталин видел, что «промежуточные» между Германией и СССР страны Восточной Европы (Румыния, Венгрия, Болгария) из страха за себя искали, прежде всего, покровительства сильной Германии.

Справедливо мнение автора, подтверждённое большинством немецких историков, что хозяйство Германии в 1939 г. стояло на грани кризиса из-за дефицита ресурсов и капитала, накопления большого числа вооружений¹⁸⁹. Потому у гитлеровской войны были не только идеологические, но и экономические причины. Если немецкое хозяйство сравнивать с советским – после глубоких структурных перемен, связанных с коллективизацией и индустриализацией и социальными изменениями, то последнее накануне войны выказывало признаки выздоровления, и с этой позиции война не была нужна Сталину¹⁹⁰.

У Гитлера были чёткие идеологические мотивы экспансии, велась серьёзная военная подготовка в этом направлении. Об экспансионистской политике Сталина говорить нельзя, т. к. он показал себя трезвым политиком и понимал, что для этого у СССР не хватило бы ни экономического, ни военного потенциала. Утверждения об экспансии Сталина – это «психологическая и литературная спекуляция»¹⁹¹.

Вывод Фляйшхауэр заключался в том, что «пакт» 1939 г. – это переход внешней политики СССР на реалистические, оборонительные позиции. Сталин понимал, что он играл с Гитлером в опасную игру, но у него не было выхода. Советский Союз встал на путь «умиротворения» Германии – путь, по которому западные державы пошли в Мюнхене в 1938 г., удовлетворив требование Гитлера на Судетскую область Чехословакии. Такая политика была возможна только за счёт кого-то. В случае с Мюнхеном это была Чехословакия, а в случае с «пактом» – Польша¹⁹².

Современная немецкая, да и англо-американская, историография в целом разделяют точку зрения Фляйшхауэр. Они лишь добавляют или уточняют кое-что. Так, говоря о политике Сталина, добавляют, что «пакт» был свидетельством перехода внешней политики СССР с идеологических рельс на политические: соблюдение «своих» интересов, присущее великим державам. Современные исследователи этого вопроса подчёркивают особую роль при заключении «пакта» министра иностранных дел Германии Риббентропа. В частности, указывают, что он был сторонником длительного сотрудничества с СССР и воспринимал «Московский пакт 1939 г.» как создание континентального блока против островной Англии, как ответ на гарантии Англии поддержки Польши в случае нападения на неё¹⁹³.

Из позиции современных историков в оценке «пакта» вытекает и их в целом отрицательное отношение к давнему тезису о якобы превентив-

ном характере войны Германии против СССР. Этот тезис не нашёл отклика среди серьёзных историков. Попытки правых оживить «превентивность» гитлеровской войны в «споре историков» ФРГ 1986–87 гг., не имели успеха. Даже более поздние выступления писателя Василия Суворова, как и его сторонников в историографии, в защиту тезиса о «превентивности» войны со стороны Советского Союза, в конце концов, вызвали сопротивление большинства немецких учёных¹⁹⁴, специализирующихся на этой теме. Современные авторы единодушно признают, что утверждение Гитлера о превентивном ударе против СССР затушёвывает расово-мировоззренческий и экспансионистский характер, присущий этой войне, и истинные цели Гитлера на Востоке¹⁹⁵. Опубликовано очень много документов по теме завоевания «жизненного пространства», по подготовке и масштабам «войны на уничтожение», по реализации Генерального плана «Ост», например, в книге-документе Петера Лонгериха¹⁹⁶.

Разоблачению истинного характера войны на Востоке и против СССР посвятили свои работы такие демократически настроенные историки, как Юбершер, Ветте, Х.-Х. Нольте. В 1992 г. под редакцией Х.-Х. Нольте была опубликована книга «Человек против человека. Размышления и исследования по поводу немецкого нападения на СССР»¹⁹⁷. Эта книга задавала тон всем последующим исследованиям темы войны Германии против СССР. В этой книге, в статье Юбершера «Россия наша Индия», убедительно показано, что война Гитлера задумывалась с самого начала как «война на уничтожение». Она привела к огромным человеческим и материальным потерям и к «уничтожению» не СССР, а Германии¹⁹⁸.

И всё же не все авторы разделяют оценку об изначальном характере войны против СССР как «войны на уничтожение». Историк Вальтер Пост, например, считает, что Гитлер развязал войну против Советского Союза не столько из идеологических и расовых мотивов, сколько из реально-политических событий 1940 – начала 1941 г. Публикуя и сравнивая военно-оперативные планы СССР и Германии, Пост констатирует, что обе стороны понимали военный конфликт как войну наступательную, с применением внезапного нападения. Война с обеих сторон должна была вестись с массированным применением – кроме пехоты и артиллерии – самолётов и танков. Однако степень внезапности и скорость развёртывания войск Советского Союза по ряду внутриполитических причин была ниже и меньше, чем у Германии¹⁹⁹.

В своём заключении автор попытался спорный тезис о «превентивной войне» заменить тезисом о простом «нападении» и обосновать, что немецко-советская война разворачивалась в драматическом поле мировой политики в целом, а не только, как злая воля Гитлера. Некоторые из его

тезисов звучат убедительно и создают новое поле для размышлений. В то же время, по сути, представляется неправильным отрывать военно-оперативные планы Германии против Советского Союза от идеологических мотивов нацистского руководства, которые и стали ярко проявляться в ходе войны.

Без каких-либо ссылок Пост говорит о том, что «приказ о комиссарах» был позаимствован немцами из практики Красной Армии в борьбе против своих идеологических и политических противников. Малоубедительно выглядит также попытка прикрыть гитлеровский тезис о «превентивной войне» против СССР ничего не значащим термином «нападение», при котором Пост отнял у этого слова существенный, качественный признак: «заранее подготовленное нападение»²⁰⁰.

Стоит отметить высокую степень критической оценки современными историками действий вермахта против СССР. В своих работах они показали, что на Восточном фронте переставало действовать традиционное для немцев уважение к сильному противнику, что именно здесь, как нигде более, проявлялось разлагающее влияние расистской пропаганды. Всё это в условиях военного времени развязывало руки и облегчало совершение преступлений как руководством армии, так и офицерами и солдатами.

В работе Р.-Д. Мюллера впервые в немецкой историографии были согласованно рассмотрены две стороны военной стратегии: цель на Востоке и конкретное осуществление поселенческой задачи. Автор книги представил тесное концептуальное единство и практическое сотрудничество в осуществлении этих связей между СС, руководством вермахта и экономическими ведомствами²⁰¹.

Историки Г. Али и Хайм проанализировали в своей работе деятельность немецких учёных по «планированию восточного пространства» для проживания немецкого населения. При нацистском режиме, который вдохновлял, оживлял творческую активность его приверженцев, некоторым научным сотрудникам удалось сделать на этом поприще индивидуальную карьеру. Своей деятельностью некоторые учёные в значительной степени содействовали бесперебойному функционированию машины нацистского убийства²⁰².

С одной стороны, вырисовывается вполне отчётливая картина того, как многочисленные учреждения нацистской Германии рука об руку работали над планами перемещения и депортаций народов («ликвидация этнической чересполосицы»). А с другой стороны, в книге показаны конечные результаты их работы и планов конкретных мероприятий, осуществлённые нацистами. Многие из разработок учёных привели к концентрационным лагерям и массовому убийству народов. Али и Хайм, на наш

взгляд, слишком уж прямолинейно связали работу учёных (не бюрократов, организовывавших депортации) с убийствами нацистов. «Предложения» учёных представлены как простой конечный результат систематической проработки на всех ступенях и плоскостях режима нацистских идей.

Вместе с этим в нацистской практике «освоения восточного пространства», в деле уничтожения людей было много хаотичного, сумбурного, что показывает иррациональный характер системы. Тем не менее, тот нацистский порядок, который разжёг невиданный террор в восточной Европе (концепция жизненного пространства), лежал в основе и общей концепции европейского порядка. Они гетерогенны для всех проектов и планов по переустройству Европы.

Разрушение политического и идеологического противостояния в Европе позволило немецкой общественности более широко познакомиться с результатами исследований нацистского «планирования восточного пространства» и практики геноцида на более широком поле, чем деятельность отдельных служб и людей по книге Али и Хайм.

Расширение европейского сотрудничества в 1990-е гг. способствовало углублению связей немецких историков со своими восточноевропейскими коллегами. Особенно этот процесс повлиял на интенсивность изучения теории и практики фашистского «переустройства» Восточной Европы. В этой связи представляется логичным интенсификация исследования «Генерального плана Ост» и задач новой должности Гимmlера как «рейхскомиссара по укреплению немецкой народности» (Volkstum).

В центре научных интересов группы историков оказался нацистский «Генеральный план Ост (Восток)» – империалистический план по переустройству аннексированных нацистами восточных земель в русле нацистской расово-поселенческой идеологии.

Результатом их совместной работы явилась публикация исследования главных направлений национал-социалистического планирования «восточного пространства» и политики уничтожения на его территории «чуждого» немцам народонаселения с приложением некоторых новых документов по данной проблематике²⁰³. При этом внимание восточноевропейских авторов концентрировалось в основном на освещении практики геноцида нацистских властей. Немецкие же авторы – М. Росслер, С. Шляйермахер, К. Х. Рот, В. Випперман, Д. Айхгольц и др. – сосредоточили основное внимание на исторических и организационных проблемах осуществления «Генерального плана Ост», этапах его становления.

Немецкие учёные основательно исследовали связь планирования и «освоения» аннексированного восточноевропейского пространства с решением социальных проблем в самом немецком рейхе. Так, историк Рот

осветил участие в этом процессе учёных «Немецкого научного института труда» (АвИ), образованного в рамках Немецкого трудового фронта (ДАФ). Специалисты по народонаселению, биологи, градостроители и другие «интеллектуалы» всерьёз рассчитывали количество населения Восточной Европы и оккупированных областей СССР, которое, по их мнению, было возможно германизировать. Также были определены цифры населения, приговорённого к изгнанию со своего места проживания ради размещения этнических немцев из других стран. При этом авторы обращают внимание на тесную связь идей антисемитизма с антиславянизмом. Первым условием выполнения такой «программы» должно было стать полное «очищение» этих мест от евреев и большинства поляков²⁰⁴. Упомянутый план «окончательного решения еврейского вопроса», выдвинутый 20 января 1942 г. на конференции в Ванзее, был составной частью «Генерального плана Ост». В работе над планом «Институт труда» тесно взаимодействовал со специальными службами СС: РСХА и СД. Последние занимались практикой геноцида, депортациями, экономической эксплуатацией оккупированных территорий, осуществляя при этом связь с промышленными и партийно-государственными структурами.

Грандиозные планы нацистов по преобразованию восточного пространства – строительство новых городов и посёлков для немецких поселенцев, реконструкция старого жилья и строительство нового, развитие транспортной сети, облагораживание природы – должны были снять социальное напряжение в немецком рейхе, расширить социальную базу нацистского режима. Политика уничтожения и депортации народов Восточной Европы не носила, таким образом, «бессмысленный» или «необъяснимый» характер (Г. Хайбер), а имела под собой реальные проблемы социального, политического и экономического порядка²⁰⁵.

Другие историки показали в своих статьях преемственность «восточной» нацистской политики со старыми планами колонизации Востока германцами, пангерманцами и немецкими империалистами конца XIX – начала XX века. Особенностью нацистского варианта восточной экспансии было её сочетание с антисемитизмом и геноцидом (В. Випперман), с реальными нуждами военной экономики Германии (Д. Айххольц). Большинство учёных считает, что в случае если бы нацистская Германия более продолжительное время оставалась в состоянии страны-победительницы, «Генеральный план Ост», каким бы утопичным он ни казался сегодня, был бы осуществлён в полной мере²⁰⁶.

Авторы, занимавшиеся анализом «Генерального плана Ост», видят непрерывность истории Третьего рейха и западногерманской ФРГ в использовании последней (т. е. ФРГ) строительных планов нацистов, в пол-

ном отсутствии денацификации в области различных плановых дисциплин, в высоком социальном положении бывших планировщиков «нового нацистского порядка». Учёные отмечают, что исследования немецких биологов в период нацизма в области растениеводства, где были использованы научные результаты Института генетики им. Вавилова, захваченные нацистами во время войны, широко применялись в практике послевоенного неокOLONиализма западных стран.

В направлении изучения нацистского расового «преобразования Европы» появились основополагающие работы, такие, например, как «Коричневое общество» Ф. Янка²⁰⁷. За ней последовали исследования отдельных учреждений и служб, воплощавших в жизнь человеконенавистнические планы Гитлера и нацистской партии.

К числу таких работ принадлежит книга о специальной «службе СС по расовым и поселенческим вопросам» И. Хайнемана²⁰⁸. В ней раскрываются планы и деятельность этого отдела в направлении «расово-политического преобразования» Европы. Роль этой службы довольно долго недооценивалась историками. Со времени открытия доступа к новым архивам в 90-е гг., появились дополнительные материалы по вопросу о том, кто и как готовил преступления нацистов. Среди них были и «эксперты по расовым вопросам» указанной службы, которые организовывали расовые опыты по программе «Лебенсборн» среди юных польских и украинских принудительных работниц. Расовые соображения брались в расчёт и при использовании принудительного труда голландских и норвежских женщин²⁰⁹.

Интерес к различным аспектам военного периода истории нацистской Германии, его политическая актуальность в середине 90-х годов вызвали стремление ряда историков подвести определённые итоги изучению некоторых проблем военной истории, в частности, войны нацистской Германии против Советского Союза. Подобного рода работа принадлежит перу немецких учёных демократического направления Р.-Д. Мюллеру и Г. Юбершеру «Гитлеровская война на Востоке 1941–1945 гг.», которую они, вновь и вновь повторяя, оценивают как империалистическую, расово-мировоззренческую войну на уничтожение²¹⁰.

Большое место стала занимать историография **военных преступлений на Востоке**. Объектами исследования в этой области стали социальные и функциональные группы внутри «институтов» Третьего рейха. Определённые группы действующих лиц – участников преследований и убийств – становятся объектом исторических исследований. Это же касается и руководящих лиц Третьего рейха – и по отношению к ним применяется разнообразный спектр методов исследования. Меньше изучается группа действующих лиц более низкого ранга, от которой во многом зави-

села реализация нацистских задач²¹¹. Простые солдаты принадлежали к подавляющему большинству вермахта, но некоторые из них без принуждения и приказа участвовали в немецких преступлениях. Эти факты также становятся объектами исследования. Практически неисследованными до сих пор остаются служебные команды одного ранга, а также унтер-офицеры вермахта и группы другого ранга – важнейшие социальные группы внутри вооружённых сил Третьего рейха²¹².

Внимание историков привлекают и отдельные события на Востоке. Так историографическим эхом отозвалось 50-летие Сталинградской битвы²¹³. В этой книге, правда, ощущалось влияние консервативной волны начала 90-х гг., которая воспроизводила старые тезисы о солдатах вермахта как «героях-мучениках», не имевших отношения к преступлениям нацистов. Спустя десятилетие это миф был развеян в ряде работ историков демократического направления²¹⁴. Сотрудничество немецких и российских историков ярко проявилось в ходе празднования в 2003 г. 60-летия Сталинградской битвы. В Волгограде состоялась большая международная конференция, в которой с немецкой стороны приняли участие наиболее известные специалисты по войне на Востоке²¹⁵. В их суждениях ярко отразилось современное историческое понимание событий войны и Сталинградской битвы.

Хайнс-Хайнрих Нольте в своём выступлении поднял вопрос о вине и прозрении немецких солдат. Так, он обращал внимание на тот факт, что, несмотря на отказ Советского Союза подписать в 1929 г. международную конвенцию об обращении с военнопленными, Германия её ратифицировала. Кроме того, основные положения международной Гаагской конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях войны, осуждавшие грабежи и насилия, были воспроизведены на обложках солдатских книжек вермахта. Преступления, которые совершали солдаты и офицеры вермахта, вытекали из сущности нацистского режима. В то же время, тем офицерам и солдатам, которые отказывались участвовать в преступных действиях, не грозила смертельная опасность. К сожалению, отмечает автор, «у большинства солдат и офицеров оккупационных войск такое мужество отсутствовало»²¹⁶.

На конференции завязалась дискуссия между самими немецкими историками, которые в своих выступлениях затрагивали вопрос о восприятии Сталинградской битвы в коллективной исторической памяти немцев. Норберт Фрай настаивал на том, что эволюция этой памяти связана не с уровнем развития историографии, а с особенностью восприятия исторических событий их непосредственными участниками и теми, кто не был свидетелем этого времени. Он весьма скептически оценил усилия историков переломить оценку Сталинградской битвы в сознании старшего поко-

ления. «Возможно, такие трагические события как Сталинградская битва смогут «стать историей» только тогда, когда память о прошлом не будет связана с личным опытом»²¹⁷.

Вольфрам Ветте, наоборот, подчёркивал значение новых оценок роли вермахта в войне и его участия в нацистских преступлениях для формирования культуры исторической памяти немцев. Он заметил, что новые оценки наталкиваются на сопротивление со стороны некоторой части историков – сторонников «превентивной войны против СССР». Они, – пишет Ветте, – стремятся противопоставить «неопровержимым фактам преступлений германской армии» тезисы об «истребительной сталинской войне против вермахта»²¹⁸.

Ветте сослался на то, что к настоящему времени имеются неопровержимые доказательства, что на пути к Сталинграду 6-я армия активно содействовала преступной политике нацистов. Его поддержал Манфред Мессершмидт, в оценках которого проявились свойственные ему радикальные и непримиримые суждения о преступном характере войны и ложном героизме немецких солдат. «Те, кто говорят о катастрофе немцев под Сталинградом, должны проследить предшествующий путь 6-й армии через Украину и рассматривать эту армию не в качестве пассивного инструмента, но как сознательного проводника преступных идеологических целей»²¹⁹.

Оценивая историческое значение Сталинградской битвы, историк акцентировал внимание не только на неспособности вермахта добиться военного перелома, но и заявил, что битва положила конец «всей германской военно-политической концепции национал-социалистической Европы и мирового господства»²²⁰. Его суждения оказались близки оценкам отечественных авторов. Однако, говоря о начале заката Третьего рейха, Мессершмидт тесно увязывает битву в Сталинграде с другими событиями Второй мировой войны 1943 г., – как в самой Германии, так и за её пределами.

В материалах сборника рельефно высветилось стремление немецких историков демократического направления разрушить старые мифы о нацизме, войне и Сталинграде, бесстрашно глядя в глаза исторической правде. Их активность в деле формирования исторической памяти нового поколения заметно выросла за последние десять лет.

К работам такого рода относится, например, книга А. Ангрика о действиях специальной (айнзацгруппы) группы «Д» в южных областях Советского Союза в 1941–1943 гг.²²¹ В ней прослежен весь кровавый путь, проделанный этим карательным соединением – с момента его формирования (июнь 1941 г.) до роспуска (май 1943 г.). В работе Ангрика задействован богатый фактический материал²²², прослежено структурное оформление группы, профессиональная принадлежность, а также социальный

профиль её членов (около 600 человек) во главе с Отто Олендорфом. Всё это анализируется в тесной связи с задачами «плана Барбаросса», с военным положением в Буковине, Бессарабии, в Крыму и на Кавказе. Автор показывает, что главной задачей специальных команд было проведение мероприятий в соответствии с нацистской концепцией «нового порядка» в Европе, основой которых было насаждение политических и расовых представлений нацистов. Автор описывает судьбу жертв нацистской экспансии на Восток – еврейского населения, коммунистов, советских солдат, цыган, партизан, душевнобольных и физически уязвимых людей. Он показывает и первые шаги по переустройству территории в духе «Генерального плана Ост» – защиту так называемых «фольскдойче» (этнических немцев) и «германизацию» некоторых областей.

Картины действий специальных команд показаны через призму поведения некоторых её активных членов, таких как Олендорф. Они проявляли энтузиазм, рвение в способах достижения поставленных задач, а также были инициаторами новых методов и путей к достижению цели и формирования аппарата убийств. Ангрик описывает «пункты ужасных деяний»²²³, где производились экзекуции и воспроизводит события, связанные с умерщвлением людей посредством массовых расстрелов и применения газовых машин²²⁴. Рисуя социальный профиль и типологию членов репрессивных команд, он показывает, что среди них были как простые полицейские, так и остепенённые учёные. Эти группы «не были однородны». «Несмотря на это, убийственные действия групп были ужасающе «гомогенны», – пишет автор²²⁵. Убийства были как массовые, так и единичные. Они стали повседневностью. «Методы были везде одинаковые: схватить жертв, сконцентрировать, убить. Затем ограбить и присвоить имущество. Высшей целью было, чтобы ни один еврей не избежал этой участи»²²⁶.

Ангрик показал в своей работе, каким образом сравнительно небольшая группа людей смогла развязать столь убийственные деяния, учитывая число жертв и географию деятельности. Одной из причин этого, по мнению автора, было то, что «меры» принимались к жертвам «без исключения и без ограничения». «В отличие от других областей, занятых нацистами, где пленным в гетто казалось *возможным* выжить, – пишет автор, – на территории, подвластной действиям «айнзацгруппы Д», такой возможности не предусматривалось»²²⁷.

Анализируя политику нацистов по «переустройству» завоёванного пространства (например, обусловленных военными задачами грандиозных планов строительства или озеленения), автор показал, что и здесь массе населения нечего было ждать пощады, поскольку «убийство народов было предопределено общей программой руководства Третьего рейха... и слу-

жило средством политики против Советского государства»²²⁸. «Айнзатц-группа Д» стала первым и радикальнейшим инструментом обустройства покорённого «жизненного пространства». «Прежде чем последует его заселение людьми – на тогдашнем жаргоне – «хорошей крови и хорошей воли» – должны быть закончены мероприятия по изгнанию и уничтожению (неудобного нацистам местного населения. – Л. К.)²²⁹.

Что касается обеспечения средствами гестапо и СД «защиты народонаселения» и «политики безопасности», то они предусматривали контакты с местными политическими и военными силами: украинской националистической организацией (УНО) и союзниками Германии, в частности Румынией. При этом полным абсурдом считалось создание независимого украинского государства. Немцы играли также на противоречиях между украинскими националистами и румынским военно-политическим руководством на оккупированной территории. Существовали также противоречия между ним и СД. Олендорфа и его людей некоторые высокопоставленные румынские офицеры считали коррумпированным и недисциплинированным соединением, которое неспособно проводить чёткую политическую линию и придерживаться договорённостей с союзниками²³⁰. Работа Ангрика высоко оценивается историками. Она является одной из лучших и подробнейших работ по теме «войны на уничтожение» на Востоке. По её установкам можно мерить дальнейшие исследования в данном направлении²³¹.

Книгу «Места ужасов»²³², под редакцией Г. Р. Юбершера, можно назвать атласом мест свершения преступлений против человечества во время Второй мировой войны. Это собрание коротких рассказов о более чем 25 местах массовых убийств и расстрелов в годы войны. При этом называются пункты не только массовых преступлений нацистов – в Хатыне, Лидице, Орадуре, Бабьем Яру и других. Здесь помещены рассказы и об убийстве польских офицеров в Катыне службистами НКВД (1940 г.), и мирного немецкого населения в Чехословакии (1945 г.) советскими солдатами в Восточной Пруссии. Рассказано о гражданских жертвах американской бомбардировки в Дрездене и других трагических событиях. При этом издатель видел свою задачу в создании некоего коллективного воспоминания об ужасах Второй мировой войны и нарушении гуманитарного права²³³. При всей сомнительности помещения в одной книге мест преступлений нацистов и тех, кто воевал против них, сами тексты документов по немецким преступлениям свидетельствуют о тесном сотрудничестве руководства вермахта и СС в проведении преступных акций. Книга показывает, что расово-идеологическая война велась нацистами не только на Востоке Европы, но и на юге континента.

* * *

В последние десять лет как никогда много германские историки дискутировали о национал-социализме, войне и преступлениях. Холокост объясняется не только антисемитизмом, но множественными факторами. Его изучение соединяется с анализом планов и реальных действий нацистов на Востоке.

В рамках интенсивного изучения войны против Польши и Советского Союза в последние годы немецкими историками достигнут настоящий прорыв. Особенно это касается оккупационной политики и масштабов убийств нацистами мирного населения и военнопленных, трактовки мотивации участников массовых убийств и расстрелов – всего того, что делало «войну на Востоке» преступной по своему характеру. Работы по этой теме благодаря опоре на богатый фактический материал являются не просто отражением исторической истины, но и несут в себе большой заряд антифашистской силы.

На оценку участия немецкой армии в нацистских преступлениях сильно воздействовали не только общественные дебаты о степени «чистоты» вермахта, но и кропотливая работа историков над вопросами истории отдельных воинских соединений и оккупационных войск. Они показывают огромное значение вопроса об опасности вовлечения армии в преступные цели власти не только для политической культуры Германии, но и других стран в современный период. Также видно стремление учёных показать роль коллаборационистов, без помощи которых нацистская власть в Европе не смогла бы осуществлять столь масштабные преступления против человечности. Крушение стены между Востоком и Западом предоставило возможности глубже ознакомить современное немецкое общество с «тёмной» стороной нацистского двуликого Януса, укрепляя антифашистское сознание в исторической памяти немцев.

Примечания к главе 4

¹ Ursula Büttner. Die deutsche Gesellschaft und die Judenverfolgung – ein Bericht über Forschungserträge und ungelöste Fragen. // Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich / Ursula Büttner (Hrsg.). – Frankfurt am Main, 2003 (1. Aufl. Hamburg, 1992). – S. 9.

² Meinecke Friedrich. Die Deutsche Katastrophe. – Wiesbaden, 1947.

³ Хотя и в это время единично выходили работы по теме преследования евреев в связи с изучением системы концентрационных лагерей. Это, прежде всего, первая основательная работа Когона Е.: Kogon Eugen. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. – München, 1946.

⁴ Büttner U. Op. cit. – S. 17.

⁵ Adam Uwe Dietrich. Judenpolitik im Dritten Reich. – Düsseldorf, 1972.

⁶ Цит. по: Büttner U. Die deutsche Gesellschaft... – S. 18.

⁷ Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversen. Hrsg. von Ulrich Herbert. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 15.

⁸ См., напр.: Pätzold Kurt. Von der Vertreibung zum Genozid // Faschismusforschung. Positionen, Probleme, Polemik / Hrsg. von Eichholtz D. und Gossweiler K. – Berlin: Akademie-Verlag, 1980. – 459 S. Здесь – S. 190–191, 208.

⁹ Работы Ульриха Херберта – об иностранных рабочих (1985), Шмидля – о расовой гигиене (1987), Циммермана – о цыганах (1989), Йелокона – о гомосексуалистах (1990) и др.

¹⁰ См., напр.: Medizin ohne Menschlichkeit. Dokumente des Nuernberger Artzprozesses / Hrsg. von Mitscherlich A. und Mielke Fr. – Frankfurt am Main, 1991. – 297 S.

¹¹ См., напр.: Orte des Grauens. Verbrechen im Zweiten Weltkrieg / Hrsg. von Gerd R. Ueberschär: Primus Verlag, Darmstadt, 2003. – 269 S.

¹² Faschismus und Rassismus. – Berlin. 1992. – S. 131–137.

¹³ Авторы имеют в виду концепцию «особого немецкого пути» развития.

¹⁴ Faschismus und Rassismus... – S. 135–140.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. – S. 139.

¹⁷ Beck Ch. Sozialdarwinismus, Rassenhygiene, Zwangssterilisation und Vernichtung «lebensunwerten» Lebens. – Bonn, 1992.

¹⁸ Schwartz M. „Euthanasie-Debatten“ in Deutschland (1895– 1945) // VZG, 1998, Hf. 4. – S. 664.

¹⁹ Ibid. – S. 678.

²⁰ См., напр., из «закона о пресечении наследственно больного поколения»: История Германии: в 3 т.: Учебное пособие. – Т. 3. Документы и материалы. Отв. ред. Васютин С. А., Галактионов Ю. В., Корнева Л. Н. – Кемерово: Кузбассвузизд, 2005. – 544 с.: илл., карты. Здесь – док. № 278, с. 321–322.

²¹ См., напр.: Wend B.-J. Das nationalsozialistische Deutschland. – Opladen, 2000. – S. 161 и далее.

²² Benz W. (Hrsg.) Die Juden in Deutschland 1933–1945. Leben unter nationalsozialistischer Herrschaft. – München, 1988.

²³ Библиография западноевропейских и израильских работ по преследованию евреев и Холокосту содержит 2 612 названий. А для сравнения – другие темы: хорошо изученная внешняя политика нацизма содержит 3220, Вторая мировая война – 4 350 названий. Остальные темы – на несколько порядков ниже. См.: Ruck Michael. Bibliographie des Nationalsozialismus. Band 1, 2: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – Darmstadt, 2000. – S. 291–381; 1012–1052; 1053–1166.

²⁴ Büttner U. Die deutsche Gesellschaft... – S. 18.

²⁵ Этимологически: *simulus* (холм), *radix* (корень).

²⁶ Подробнее см. ниже.

²⁷ См., например: Longerich Peter – Schoeps Julius. (Hrsg.) Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung der europäischen Juden. 4 Bde. – München, 1995. – Zus. 1914 S. Kart.

²⁸ Herrschaftsaltag im Dritten Reich. Studien und Texte. Hrsg. von Mommsen Hans und Willens Susanne. – Düsseldorf, 1988. – S. 374–375.

²⁹ Ibid. – S. 381.

³⁰ Ibid. – S. 391, 394.

³¹ Ibid. – S. 398, 404.

³² Ibid. – S. 406.

³³ Ibid. – S. 420.

³⁴ См., напр.: Benz Wolfgang. «Evakuierung». Deportation und Vernichtung der Juden aus Bayern // Benz W. Herrschaft und Gesellschaft im nationalsozialistischen Staat. – Frankfurt, 1990. – S. 167–179; Lochalm Uwe. Die nationalsozialistische Judenverfolgung in Hamburg 1933 bis 1945. Ein Überblick. – Hamburg, 1999; Berge Otto. Der Schicksalsweg der Fuldaer Juden im Dritten Reich // Heinemayer Walter u. a. Fulda in seiner Geschichte. – Fulda; Marburg, 1995. – S. 503–528. В библиографии Рука М. содержится 717 названий работ о судьбе еврейского населения по территории довоенного нацистского рейха, большая часть которых была опубликована в рассматриваемый период.

³⁵ Подробнее об этом ниже.

³⁶ См., напр., на русском языке в кн.: Германский империализм и Вторая мировая война. – М., 1961 статьи Клинга В., Хембергера Х., Раданта Г., Дробиша К. о концернах «ИГ-Фарбениндустри», АЭГ, «Мансфельд», «Цейс» и др.; Thieleke Karl-Heinz. Die «Arisierungen» des Flick-Konzerns. Eine Studie zur Geschichte des staatsmonopolistischen Kapitalismus. – Diss. Humboldt Universität. – Berlin (O), 1963. – 369 S., а также соответствующие главы книги о «Немецком банке»: Чихон Э. Банкир и власть: Пер. с нем. – М., 1977. Последнее переработанное издание: Czichon Eberhard. Die Bank und die Macht. Hermann, Abs Josef, die Deutsche Bank und die Politik. – Köln, 1995. – 518 S.

³⁷ См., напр.: Barkei Avraham. Vom Boykott zur «Entjudung». Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich 1933–1943. – Frankfurt, 1988. – 235 S.

³⁸ Ludwig Johannes. Boykot, Enteignung, Mord. Die «Entjudung» der deutschen Wirtschaft. – Hamburg; München: Facta oblita, 1989. – 400 S

³⁹ Ibid. – S. 281 u. a.

⁴⁰ Angela Verse-Herrmann. Die «Arisierungen» in der Land- und Forstwirtschaft 1938–1942. – Stuttgart, 1997. – 202 S.

⁴¹ См.: Ruck M. Bibliographie des Nationalsozialismus... – S. 785–788.

⁴² Zerbrochene Geschichte. Leben und Selbstverständnis der Juden in Deutschland / Hrsg. von Blasius D. und Diner D. – Frankfurt am Main, 1993.

⁴³ Ibid. – S. 100–101.

⁴⁴ Ibid. – S. 8–9.

⁴⁵ Ibid. – S. 127–137.

⁴⁶ Ibid. – S. 158.

⁴⁷ Ibid. – S. 167.

⁴⁸ Ibid. – S. 170.

⁴⁹ Limberg M., Rübsaat H. (Hrsg.). Sie durften nicht mehr Deutsche sein. Jüdischer Alltag in Selbstzeugnissen 1933–1938. – Frankfurt am Main, 1990.

⁵⁰ Aly G. «Endlösung». Volksverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – Frankfurt am Main, 1995.

⁵¹ Ibid. – S. 25.

⁵² Ibid. – S. 389.

⁵³ Pätzold K., Schwarz E. Tagesordnung Judenmord. Die Wansee-Konferenz am 20. Januar 1942. Eine Dokumentation der Endlösung. – Berlin, 1992.

⁵⁴ См.: «Из протокола правительственного совещания в Ванзее (20 января 1942 г.)» // История Германии: В 3 томах. – Том 3: Документы и материалы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 354–355.

⁵⁵ См., напр., книгу американского историка Брайтмана: Breitmann R. Der Architekt der «Endlösung». Himmler und die Vernichtung der europäischen Juden. – Aus dem engl. – Paderborn; München; Wien, 1996. – 348 S.

⁵⁶ Wildt Michael. (Hrsg.) Die Judenpolitik des SD 1935–1938. Eine Dokumentation. – München, 1995, – 220 S.

⁵⁷ Buchbesprechungen 20. Jahrhundert // Historische Zeitschrift, Band 265 (1997). – S. 809.

⁵⁸ Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversen / Hrsg. von Ulrich Herbert. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 29.

⁵⁹ Browning Ch. R. Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. – Reinbeck bei Hamburg, 1993. Здесь – новое издание, 1999.

⁶⁰ Ibid. – S. 283.

⁶¹ Goldhagen Daniel Johan. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und Holocaust // Aus dem Amerikanischen... – Berlin, 1996. Более подробно о книге Гольдхагена Д. и дебатах см.: Артёмов В. А. «Добровольные подручные Гитлера»: Критические заметки о книге Гольдхагена Д. // Германия и Россия. События. Образы. Люди: Сборник российско-германских исследований. – Вып. 1. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1997. – С. 194 и далее. См., также: Buchbesprechungen 20. Jahrhundert // Historische Zeitschrift, Band 265 (1997). – S. 255–259, а также

специальный раздел, посвящённый дебатам по книге (105 названий): «Goldhagen-Kontroverse» in Ruck M. *Bibliographie des Nationalsozialismus*, Bd. 2. – S. 1323–1328.

⁶² Goldhagen Daniel Johan. *Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und Holocaust*. – Aus dem Amerikanischen... – Berlin, 1996. – S. 533.

⁶³ *Ibid.* – S. 28.

⁶⁴ Aly G. *Macht, Geist, Wahn. Kontinuitäten deutschen Denkens*. – Berlin, 1997. *Обе цитаты*: S. 209.

⁶⁵ Browning Ch. R. *Die Debatte über die Täter des Holocaust // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversen*. Hrsg. von Ulrich Herbert. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 149–169.

⁶⁶ Folly: разговорное фонетическое произношение – «фоли» в переводе с англ. означает глупое предприятие, прихоть, причуда.

⁶⁷ Mommsen H. *Barbarei und Genozid (1999) // Von Weimar nach Auschwitz. Zur Geschichte Deutschlands in der Weltkriegsepoche. Ausgewählte Aufsätze*. – Stuttgart, 1999. – S. 269.

⁶⁸ *Ibid.* – S. 272.

⁶⁹ Kogon E., u. a. (Hrsg.). *Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas. Eine Dokumentation*. – Hamburg, 1991. – 539 S.

⁷⁰ Rückerl A. *NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung*. – Heidelberg, 1984; Steinbach P. *NS-Prozesse und historische Forschung // Lichtenstein H., Romberg O. R. Täter – Opfer-Folgen. Der Holocaust in Geschichte und Gegenwart*. – Bonn, 1997. – S. 314–325.

⁷¹ Benz W. (Hrsg.). *Dimension des Völkermords*. 1991; Pohl D. *Nationalsozialistische Judenmord als Problem von osteuropäischer Geschichte*. – Berlin, 1992.

⁷² Grabitz Helge u. a. (Hrsg.). *Normalität des Verbrechens: Bilanz und Perspektiven zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen*. – Berlin, 1994. – S. 480–502.

⁷³ Heim Susanne, Aly Götz. *Sozialplanung und Völkermord. Thesen zur Herrschaftsrationalität der nationalsozialistischen Vernichtungspolitik // Wolfgang Schneider (Hrsg.) «Vernichtungspolitik». Eine Debatte*. – Hamburg, 1991. – S. 11–23.

⁷⁴ Aly G., Heim S. *Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung*. – Hamburg, 1991. – 539 S.

⁷⁵ *Ibid.* – S. 387.

⁷⁶ Sandkühler Th. «Endlösung» in Galizien. *Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944*. – Bonn, 1996. – 592 S. Gerlach Ch. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944*. – Hamburg, 1999. – S. 503–774.

⁷⁷ Büttner U. (Hrsg.). *Die deutsche Gesellschaft und die Judenverfolgung...* – S. 38.

⁷⁸ Diekmann Ch. *Der Krieg und die Ermordung der litauischen Juden // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik...* – S. 318–329.

⁷⁹ Korn G., Horst G. *Brot-Butter-Kanonen. Die Ernährungswissenschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers*. – Weinheim, 1996.

⁸⁰ *Vernichtungspolitik...* – S. 63.

⁸¹ Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg. – Frankfurt am Main, 1996. – S. 378.

⁸² Ibid.

⁸³ Vernichtungspolitik... – S. 57.

⁸⁴ Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Здесь: Bd. 9–1. Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939–1945. Politisierung, Vernichtung, Überleben. – München, 2004.

⁸⁵ Ibid. – S. 97.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Jersak Tobias. Entscheidungen zu Mord und Lüge. Die deutsche Kriegsgesellschaft und der Holocaust // Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939–1945... – S. 277–355.

⁸⁸ Ibid. – S. 355–356.

⁸⁹ Rose R., Walter W. Sinti und Roma im «Dritten Reich». Das Programm der Vernichtung durch Arbeit. – Göttingen, 1991.

⁹⁰ Krausnik Michail. Wo sind sie hingekommen? Der unterschlagene Völkermord an den Sinti und Roma. – Gerlingen: Bleicher, 1995.

⁹¹ Zimmermann M. Verfolgt, vertrieben, vernichtet. Die nationalsozialistische Vernichtungspolitik gegen Sinti und Roma. – Essen, 1993. – 142 S.; ders. Rassenutopie und Genozid. Die nationalsozialistische «Lösung der Zigeuner Frage». – Hamburg, 1996. – 574 S.

⁹² Riechert H. Im Schatten von Auschwitz. Die nationalsozialistische Sterilisationspolitik gegenüber Sinti und Roma. – Münster; New York. – 1995. 191 S.

⁹³ Op. cit. – S. 57.

⁹⁴ Ibid. – S. 265.

⁹⁵ Zimmermann M. Die nationalsozialistische Verfolgung der Juden und «Zigeuner» // Überlegungen zur Diskussion um das Mahnmal für die ermordeten Sinti und Roma // ZfG, 2004, № 1. – S. 62.

⁹⁶ Ibid. – S. 65–68.

⁹⁷ См. его статьи разных лет, посвящённые военной юстиции, воспитанию солдат вермахта, роли генералитета в исполнении преступных приказов, против наведения глянца на историю вермахта и др.: Messerschmidt Manfred. Was damals Recht war... NS-Militärjustiz im Vernichtungskrieg / Hrsg. Wolfram Wette. – Essen, 1996; а также в материалах выставки 1995: Heer Hannes – Naumann Klaus. (Hrsg.) Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941bis 1944. – Hamburg, 1995. – S. 153–180; 551–568.

⁹⁸ См., напр.: Der nationalsozialistische Krieg. – Frankfurt am Main, 1990.

⁹⁹ Rürup Reichard. Die Deutschen und der Krieg gegen die Sowjetunion // Emanzipation: Zur russischen und deutschen Entwicklung; 1917–1991. – Essen; Klartext, 1993. – S. 139.

¹⁰⁰ Die Wehrmacht. Mythos und Realität. – Oldenburg, 1999. – S. XII.

¹⁰¹ MGFA (Militärgeschichtliches Forschungsamt) – центр военных исследований во Фрайбурге.

¹⁰² Die Wehrmacht. Mythos und Realität. – Oldenburg, 1999. – 1318 S.

¹⁰³ Ibid. – S. 115.

¹⁰⁴ Ibid. – S. 88–89.

- ¹⁰⁵ Martin van Creveld. Die deutsche Wehrmacht: eine militärische Beurteilung // Die Wehrmacht... – S. 33.
- ¹⁰⁶ Die Wehrmacht.. – S. 182.
- ¹⁰⁷ Ibid. – S. 189–191.
- ¹⁰⁸ Ibid. – S. 192.
- ¹⁰⁹ Wilhelm H.-H. Rassenpolitik und Kriegsführung. Sicherheitspolizei und Wehrmacht in Polen und der Sowjetunion. – Passau, 1991.
- ¹¹⁰ Otto R. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht und Stapo bei der «Aussonderung» sowjetischer Kriegsgefangene im Reich // Die Wehrmacht.. – S. 765–766.
- ¹¹¹ VfZ, 41. Jg., 1993. – S. 503.
- ¹¹² VfZ, 49. Jg., 2001. – S. 377–440.
- ¹¹³ VfZ, 49. Jg., 2001. – S. 377.
- ¹¹⁴ Ziemann B. Fluchten aus dem Konsens zum Durchhalten. // Die Wehrmacht... – S. 591.
- ¹¹⁵ Die Wehrmacht... – S. 632–633.
- ¹¹⁶ Ibid. – S. 785.
- ¹¹⁷ Ibid. – S. 793–794.
- ¹¹⁸ Ibid. – S. 787–788.
- ¹¹⁹ Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // ZfG, 41, 1993. – S. 267–279.
- ¹²⁰ Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования... – С. 176.
- ¹²¹ Die Wehrmat... – S. 844.
- ¹²² Ibid. – S. 851.
- ¹²³ Ibid. – S. 857.
- ¹²⁴ Förster J. Wehrmacht, Krieg und Holocaust // Die Wehrmacht... – S. 951.
- ¹²⁵ Ibid. – S. 963.
- ¹²⁶ Ibid. – S. 963.
- ¹²⁷ Фольксштурм – народное ополчение.
- ¹²⁸ Schwendeman H. Strategie der Selbvernichtung: Die Wermachtsfuring im «Endkampf» um das «Dritte Reich» // Die Wehrmacht... – S. 233.
- ¹²⁹ Ibid. – S. 233–234.
- ¹³⁰ Ibid. – S. 235.
- ¹³¹ Ibid. – S. 229.
- ¹³² НКСГ – Национальный комитет «Свободная Германия», образованный немецкими коммунистами в 1943 г. в городе Красногорске, под Москвой, из пленённых солдат и офицеров.
- ¹³³ Die Wehrmacht. Mythos und Realität. – Oldenburg, 1999. – S. 127.
- ¹³⁴ Ibid. – S. 135.
- ¹³⁵ Müller R.-D. Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistische Regime 1933–1940. – Stuttgart, 1989. – S. 141.

¹³⁶ Ibid. – S. 144.

¹³⁷ Messerschmidt M. Was damals Recht war... NS-Militärjustiz im Vernichtungskrieg / Hrsg. Wette W. – Essen, 1996. – 320 S.

¹³⁸ Enzyklopädie des Nationalsozialismus / Hrsg. Benz V. W., Graml H. und Weiss H. – München, 1997, 2000. – S. 106.

¹³⁹ Müller R.-D. Die Wehrmacht... – S. 144.

¹⁴⁰ Müller R.-D. Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung // Die Wehrmacht... – S. 30.

¹⁴¹ Ibid. – S. 32.

¹⁴² Die Wehrmacht... – S. 35.

¹⁴³ Ibid. – S. 37.

¹⁴⁴ Ранее всех на эту тему написал работу ныне один из самых видных знатоков истории вермахта – Манфред Мессершмидт. Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination. – Hamburg, 1969.

¹⁴⁵ Förster J. Geistige Kriegführung in Deutschland 1919–1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 9–1. Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Politisierung, Vernichtung, Überleben. – München, 2004. – S. 560.

¹⁴⁶ Ibid. – S. 610.

¹⁴⁷ Humburg, M. Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtssoldaten aus der Sowjetunion 1941–1944. – Opladen; Wiesbaden, 1998; Klaus L. Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegererlebnis-Kriegererfahrung 1939–1945. – Paderborn, 1999; Gerlach Ch. (Hrsg.) Durchschnittstäter. Handeln und Motivation. – Berlin, 2000; Rass Ch. Das Sozialprofil von Kampfverbänden des deutschen Heers 1939–1945 // Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Politisierung, Vernichtung, Überleben. – München, 2004. – S. 641–738.

¹⁴⁸ Rass Ch. «Menschenmaterial». Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945. – Paderborn, 2003. – 486 S.

¹⁴⁹ Ibid. – S. 399–402.

¹⁵⁰ Ibid. – S. 14–15.

¹⁵¹ Ibid. – S. 406–407.

¹⁵² Ibid. – S. 410.

¹⁵³ Ibid. – S. 411.

¹⁵⁴ Rass Ch. Das Sozialprofil von Kampfverbänden des deutschen Heers 1939–1945 // Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. Politisierung, Vernichtung, Überleben. – München, 2004. – S. 739.

¹⁵⁵ Ibid. – S. 740–741.

¹⁵⁶ Ibid. – S. 741.

¹⁵⁷ Hartmann Ch. Verbrecherischer Krieg- Verbrecherische Vermacht? // VfZ, 52 Jahrgang, Heft 1, Januar 2004.

¹⁵⁸ Ibid. – S. 14.

¹⁵⁹ Ibid. – S. 21.

¹⁶⁰ Ibid. – S. 29.

- ¹⁶¹ Ibid. – S. 30.
- ¹⁶² Frei N. (Hrsg.) *Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik (Schauplatz Ukraine)*. – Frankfurt am Main; München, 2000. – S. 151, 169.
- ¹⁶³ Hartmann Ch. *Verbrecherischer Krieg...* – S. 30.
- ¹⁶⁴ Ibid. – S. 81.
- ¹⁶⁵ Hartmann Ch. *Verbrecherischer Krieg...* – S. 71.
- ¹⁶⁶ Ibid. – S. 64.
- ¹⁶⁷ *Die deutsche Wirtschaftspolitik...* – S. 329.
- ¹⁶⁸ Peter Longerich. *Die Politik der Vernichtung*. – München, 1998. – S. 297.
- ¹⁶⁹ Wette W. *Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden*: Fischer Verlag. – Frankfurt am Main, 2002. – 376 S.; Wette W. (Hrsg.). *Retter in Uniform. Handlungsspielräume im Vernichtungskrieg der Wehrmacht*: Fischer Verlag. – Frankfurt am Main, 2002. – 256 S.
- ¹⁷⁰ Ibid. – S. 96.
- ¹⁷¹ Ibid. – S. 286.
- ¹⁷² Wette W. (Hrsg.). *Retter in Uniform. Handlungsspielräume im Vernichtungskrieg der Wehrmacht*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2002. – 256 S.
- ¹⁷³ Ibid. – S. 7.
- ¹⁷⁴ Описание «глазами очевидца» см. в книге Борозняка А. И. «Искупление», гл. 8 «Иди и смотри», с. 230–262.
- ¹⁷⁵ *ZfG*, 2004; № 2. – S. 173.
- ¹⁷⁶ Heer H. *Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei*: Aufbauverlag. – Berlin, 2004. – 395 S.
- ¹⁷⁷ Hillgruber A. *Der Zweite Weltkrieg. Kriegsziele und Strategie der großen Mächte*. – Stuttgart; Berlin u. a., 4. Aufl., 1985.
- ¹⁷⁸ Latzel K. *Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945*. Paderborn; München, 1998. – 451 S.
- ¹⁷⁹ Ibid. – S. 370–371.
- ¹⁸⁰ Ibid. – S. 371.
- ¹⁸¹ Ibid.
- ¹⁸² Ibid. – S. 374.
- ¹⁸³ Hildebrand K. *Deutsche Außenpolitik. Kalkül oder Dogma?* – Stuttgart; Berlin, 1980.
- ¹⁸⁴ Müller R.-D. *Politik und Strategie // Müller R.-D. Ueberscher G. Hitlers Krieg im Osten 1941–1945. Ein Forschungsbericht*. – Darmstadt, 2000. – 22 S.
- ¹⁸⁵ Müller R.-D. *Ueberscher G. Hitlers Krieg im Osten*. – S. 30.
- ¹⁸⁶ Graml H. *Europas Weg in den Krieg. Hitler und die Mächte 1939*. – München, 1990.
- ¹⁸⁷ Fleischhauer I. *Der Pakt. Hitler Stalin und Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939*. Berlin u. a., 1990. – S. 123.
- ¹⁸⁸ Fleischhauer. *Op. cit.* – S. 87.
- ¹⁸⁹ См., например: Eichholtz D. *Geschichte der deutschen Wirtschaft 1939–1945. Band I. 1939–1941*. – Berlin, 1984.

- ¹⁹⁰ Fleischhauer. Op. cit. – S. 206.
- ¹⁹¹ Ibid.
- ¹⁹² Ibid. – S. 310.
- ¹⁹³ Kleys. Hitler, Ribbentrop und die Entfesselung des Zweiten Weltkriegs. Padeborn u. a., 1996. – S. 356–359.
- ¹⁹⁴ Müller R.-D., Ueberscher G. Hitlers Krieg im Osten 1941–1945. – S. 27.
- ¹⁹⁵ Enzyklopädie des Nationalsozialismus / Hrsg. von Benz W., Graml H., Weiß H. – München, 1998, – S. 322.
- ¹⁹⁶ Longerich Peter. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. – München, 1998.
- ¹⁹⁷ Nolte H.-H. (Hrsg.) Der Mensch gegen den Mensch. Überlegungen und Forschungen zum Überfall auf die Sowjetunion. – Hannover, 1992.
- ¹⁹⁸ Ibid. – S. 173.
- ¹⁹⁹ Post W. Unternehmen Barbarossa: deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940–41. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 1996. – S. 222, 296 u. a.
- ²⁰⁰ Ibid. – S. 330.
- ²⁰¹ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. – Frankfurt am Main, 1991.
- ²⁰² Aly G, Heim S. Vordenker der Vernichtung. Ausschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. – Hamburg, 1991. – 539 S.
- ²⁰³ Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik / Hrsg. von M. Rossler u. a. – Berlin, 1993.
- ²⁰⁴ Roth H. Das Arbeitswissenschaftliche Institut der deutschen Arbeitsfront und die Ostplanung // Der «Generalplan Ost»... – S. 215–225.
- ²⁰⁵ Ibid. – S. 135.
- ²⁰⁶ Ibid. – S. 290.
- ²⁰⁷ Janka F. Die braune Gesellschaft. Ein Volk wird formatiert. – Stuttgart, 1997.
- ²⁰⁸ Heinemann I. «Rasse, Siedlung, deutsches Blut». Das Rasse und Siedlungshauptamt der SS und die Rassenpolitische Neuordnung Europas. – Göttingen: Fischer Verlag, 2003. – 704 S.
- ²⁰⁹ Ibid. – S. 150 u. a.
- ²¹⁰ Mueller R.-D., Ueberschär G. R. Hitlers Krieg im Osten 1941–1945. Ein Forschungsbericht. Neue Ausgabe. – Darmstadt, 2000.
- ²¹¹ См.: напр.: Schröder H.-J. Alltagsleben im Rußlandskrieg 1941–1945. Eine deutsche Perspektive // Jakobsen Hans-Adolf (Hrsg.). Deutsch-russischen Zeitenwende- Krieg und Frieden 1941–1995. – S. 388–409.
- ²¹² Rass Ch. «Menschenmaterial»... – S. 15.
- ²¹³ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. – München, 1992; Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. – М., 1994.
- ²¹⁴ Schüddekopf C. Im Kessel. Erzählen von Stalingrad. – München, 2001; Pätzold K. Stalingrad und kein zurück. Wahn und Wirklichkeit. – Leipzig, 2002.

²¹⁵ Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: Материалы международной научной конференции, г. Волгоград 3–5 апреля 2003 г. – Волгоград, 2004.

²¹⁶ Там же. – С. 45.

²¹⁷ Там же. – С. 122.

²¹⁸ Там же. – С. 155; Hoffmann J. Stalinsvernichtungskrieg 1941–1945. – München, 1995.

²¹⁹ Там же. – С. 162.

²²⁰ Там же. – С. 163.

²²¹ Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. – Hamburg, 2003. – 796 S.

²²² Ibid. – S. 23–32.

²²³ Orte des Grauens. Verbrechen im Zweiten Weltkrieg / Hrsg. von Gerd R. Ueberschär. – Darmstadt: Primus Verlag, 2003. – 269 S.

²²⁴ Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord... – S. 179, 387, 644.

²²⁵ Ibid. – S. 450.

²²⁶ Ibid. – S. 308.

²²⁷ Ibid. – S. 733.

²²⁸ Ibid. – S. 731.

²²⁹ Ibid. – S. 732.

²³⁰ Ibid. – S. 735.

²³¹ ZfG, 2004, № 6. – S. 576–577.

²³² Gerd R. Ueberschär (Hrsg.). Orte des Grauens. Verbrechen im Zweiten Weltkrieg...

²³³ Ibid. – S. XI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкая историография национал-социализма имеет большие заслуги перед наукой и обществом. Она практически полностью освоила огромный документальный архив периода нацизма. Активная публикация материалов по германскому фашизму сделала возможным доступ к ним практически любому, кто интересуется историей человека и человечества. Маститые историки и публицисты считают своим профессиональным долгом выступать с разъяснением своей позиции в спорах вокруг проблем демократии и тоталитаризма не только на страницах специальных журналов, но и в массовой печати.

Коренные перемены в Европе 90-х гг. XX века с особой остротой поставили вопрос о континуитете германской истории, особенно в свете нового объединения германских земель. В особой мере это относится к истории Третьего рейха. Его изучение во многом мотивируется проблемой непрерывности истории. Это обстоятельство подтолкнуло к определённому переосмыслению некоторых сторон истории нацизма, не затрагивая при этом его преступной сущности. Особое внимание обращается на те стороны внутренней жизни нацистского рейха, которые можно было бы взять за точку опоры непрерывности исторической традиции как в прошлом, так и в послевоенной истории Германии.

Понятным в свете этого становится новое обращение к сюжетам нацистской политики, анализ которых носит не столько характер исторического, сколько политологического исследования. Отсюда и новая большая волна обобщающих исследований, принадлежащих перу уже не послевоенного поколения учёных, а тех, кто сформировался в условиях демократического развития ФРГ.

За последние 20 лет в области довоенной истории нацизма шло уточнение характеристик роли институтов нацистского государства, добавление деталей. История национал-социализма стала приобретать всё более мозаичный характер и расцветиваться красками не только красно-корич-

невными, но и других оттенков. Некоторая часть историков заговорила об опасности «нормализации» нацистского режима и ползучей ревизии его оценки как преступного.

Методологический арсенал исследовательской практики оставался прежним, обогатившись главным образом за счёт постмодернистских методов исследования: изучение менталитета, культурологических и других аспектов. За счёт них несколько сдвинулись и оценки нацизма с точки зрения континуитета германской истории. Особое значение при освещении тех или иных вопросов истории нацизма стало придаваться проблеме реакции населения на те или иные события. «Немцы и Гитлер», «немцы и Холокост», «немцы и начало крушения режима» – такие вопросы, как правило, сопровождают сейчас практически все сколько-нибудь значимые работы по фашизму.

В современной историографии 1985–2005 гг. довольно чётко выделяются два календарных десятилетия, которые и притягиваются, и взаимно отталкиваются одновременно. При этом они практически не совпадают с таким важнейшим политическим событием, как ликвидация в 1990 г. раскола Германии. Его влияние стало ощущаться позднее.

Первый период – 1985–1995 гг. Он проходил под флагом «историзации» национал-социализма, воздвигнутым Мартином Брошатом. Её смыслом стало создание многомерной картины исторического периода национал-социализма. Идея «историзации» нацизма была использована рядом историков и публицистов для релятивизации¹ нацистских преступлений, что особенно проявилось в ходе «спора историков» ФРГ 1986–1987 гг. В то же время «спор» послужил своеобразным толчком к более широкому развёртыванию исследования проблем расизма, геноцида, Холокоста. В эти годы во всей полноте проявило себя поколение историков, становление которых происходило в условиях демократического развития ФРГ. Особое внимание было уделено ответу на вопрос о причинах поддержки нацизма или лояльного отношения к нему со стороны большинства немецкого народа. Вновь обсуждался вопрос о модернизаторском воздействии нацизма на экономику и социальную политику Германии в 1933–1939 гг.

Литература этого периода сильно подчёркивала двойственный лик нацистского режима, который был одновременно модернистским и антимодернистским; традиционным и революционным; «монархическим»

---

¹ Здесь термин «релятивизация» используются в значении преуменьшения жестокости преступления: отрицание крайне жестокого характера нацистских преступлений. Всё относительно, а именно: уже были и ещё будут более кровавые, более бесчеловечные исторические события. Это, конечно, оправдание нацизма.

и «поликратическим». В этих суждениях чётко просматривалось влияние теории Э. Френкеля, согласно которой нацистский рейх сочетал в себе нормы обычного буржуазного права и «исключительного права» тоталитарного государства. Выдвижение на первый план идеи «двойственности» фашистского государства таило опасность утраты его оценки как антинародного государства, враждебного, по своей сути, миру и демократии.

Происшедшее в этот период объединение Германии в 1990 г., крушение социалистической системы, распад Советского Союза ослабили наметившуюся тенденцию к историзации фашизма, и политическая современность вновь стала оказывать сильное влияние на исторические исследования. Теория тоталитаризма переживает подъём, обсуждаются возможности и границы сравнительного исследования как в области «двух немецких диктатур», так и двух «больших» диктатур XX века – нацистской и сталинской.

Процесс «объективизации»² нацистского режима был негативно воспринят демократически настроенными историками, решившими напомнить обществу об изначально преступном характере нацистского государства. Предметом их исследования становится преимущественно террористическая основа нацистского режима, его преступления и те организации и лица, которые совершали эти преступления. Эта тенденция и определила развитие историографии второго периода – 1995–2005 гг. Рубежом стало открытие в 1995 г. выставки, развёрнутой Гамбургским Институтом социальных исследований и посвящённой преступлениям вермахта в войне против СССР.

После выставки в Германии лавинообразно развилась историография нацистской «расовой войны на уничтожение» на оккупированных восточных территориях. Видное место в ней занял анализ членоконевинистических планов и практики «расового обновления» Европы, геноцида населения. Этому способствовало также открытие архивов бывших социалистических стран и советских республик, особенно Польши, России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и развитие международного сотрудничества в этом направлении. Современные методы исследования позволили создать качественно новую историографию персональных и групповых преступлений, мест преступлений, историографию концентрационных лагерей, обращения с военнопленными (особенно, советскими), их труда и повседневной жизни, а также насильственно угнанных восточных рабочих («остарбайтеров»).

² Выделение действительно присущего нацизму общечеловечески преступного характера и акцентирование на нём.

Большую роль в процессе развития историографии в последнее десятилетие стало играть тесное сотрудничество российских и немецких историков в изучении диктатур XX века, расширение доступа историков к архивам Германии и России. Изменилась и география сотрудничества: наряду с Москвой международные конференции стали проводиться и в других центрах изучения и преподавания германской истории – Воронеже, Волгограде, Липецке, Кемерово и других городах.

Прямой диалог российских и немецких историков по проблемам тоталитаризма, нацизма, неонацизма, Холокоста, трагедии войны и плена, партизанской войны и антифашистского Сопротивления будет и в дальнейшем способствовать лучшему постижению истории германского фашизма.

Историография второй половины 90-х – начала 2000-х гг. характеризуется вхождением в пору зрелости очередного нового поколения историков, родившихся в конце 60-х – начале 70-х гг. Эту новую волну учёных многое отличает от старшего поколения исследователей. Для них история фашизма – это уже достаточно далёкое прошлое. Молодые историки практически не вступали в прямую полемику со своими отцами и дедами – свидетелями нацистского времени. Они менее отягощены грузом прошлой вины немцев за фашизм. Во многом молодое поколение не столько немцы, сколько европейцы. Это поколение начинало свою творческую деятельность после окончания холодной войны и больше предрасположено к использованию постмодернистских методов исследования и постмодернистской тематике, представляющих нацизм не в виде некоего цельного, однородного куса, а достаточно сложной мозаичной картины.

Благодаря тому, что представители старшего поколения историков (особенно историков демократической ориентации) в 90-е гг. преимущественно занимались сюжетами злодеяний нацистов, немецкое общество уже значительно больше знает о преступлениях фашизма как в отношении собственного, так и в отношении других народов. Изучение молодым поколением учёных таких проблем, как оккупация, «война на Востоке», Холокост, террор изначально велось в кооперации с молодыми коллегами из других стран (особенно Восточной и Юго-Восточной Европы). Всё это вместе взятое делает современную историографию национал-социализма адекватной объективному описанию действительной истории.

Следует отметить также возросшее в 1990-е гг. «воспитательное» значение подхода к истории национал-социализма. Демократическая общественность ФРГ в первые годы после объединения была сильно озабочена опасностью новой волны национализма, реваншизма и неонацизма. Её очень напугали националистические выступления начала 90-х гг. на тер-

ритории Восточной Германии. И эта опасность существует и до настоящего времени как некая политическая константа. И новое обращение к изучению нацизма, особенно молодых историков, остро ставит задачу сохранения и более полного восприятия антифашистского заряда, свойственного сложившейся после крушения Третьего рейха немецкой историографии.

На современную историографию нацизма влияют и политические процессы, в частности расширение европейской интеграции на Восток. В новых политических реалиях немецкие историки вместе со своими зарубежными коллегами в очередной раз пытаются подвести черту под нацистским прошлым, но не для того, чтобы забыть его, а чтобы предупредить от повторения пройденного.

Усиление внимания историков к войне, оккупации и преступлениям на востоке Европы способствует историческому примирению с соседями, а также со всеми народами, пострадавшими от нацистского режима и агрессии. За последние двадцать лет немецкие историки сделали очередной важный шаг к закреплению антифашистского сознания в исторической памяти немцев и всех народов. Главная заслуга в этом принадлежит историкам демократической ориентации, последовательно выступающим против той или иной формы реабилитации нацизма.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН АВТОРОВ

- Абельсхаузер, В. – 166
Абендрот, В. – 55, 183
Адам, У. Д. – 96, 207, 211
Айбер, Л. – 170
Айххольгц, Д. – 38, 39, 41, 158
Али, Г. – 157–159, 215, 217, 219, 245
Альберс, Д. – 84
Ангермунд, Р. – 31
Ангрик, А. – 129, 131, 251, 252
Аникеев, А. А. – 8, 18
Арапина, С. В. – 14, 18
Аренд, Х. – 53, 64, 70, 101, 110, 118, 217
Арльг, К. – 226
Арон, Р. – 92, 93
Артёмов, В. А. – 46, 47, 52, 256
Аубин, Г. – 185
- Баде, К. – 153
Байор, Ф. – 125
Банах, Й. – 129, 130
Барбиан, Я.-П. – 87, 173, 174
Баркай, А. – 213
Бартель, А. – 189
Бауман, Г. – 191
Бауэр, Т. – 171
Бек, Х. – 209
Беккерт, С. – 169
- Бенц, В. – 26, 40, 119, 141, 146, 147, 211, 218
Бертольд, В. – 205
Бжезинский, З. – 53
Биск, И. Я. – 8, 46
Блазиус, Д. – 213, 214
Бланк, А. – 8
Бланк, Р. – 156
Блэтман, Д. – 139
Бонвеч, Б. – 167
Бонхёфер, Д. – 120
Боркин, Дж. – 203
Борозняк, А. И. – 9, 10, 14, 16, 17, 23, 47, 49, 115, 261
Бош, К. – 180
Брайтман, Р. – 256
Бракман, А. – 185
Браунинг, К. – 132, 217, 218
Брахер, К. Д. – 8, 16, 25, 26, 34, 35, 48, 54, 55, 56, 58, 59, 66, 70, 74, 111, 141, 211
Брошат, М. – 20, 21, 22, 23, 44, 75, 81, 84, 91, 133, 171, 211, 217
Буллок, А. – 33, 66, 113
Бурляйх, М. – 209
Буссман, В. – 227
Буххайм, Г. – 133
Буххайм, К. – 166
Бёрш, К. Е. – 101, 102, 103, 104,

- 105, 106, 107, 108
Бюттнер, У. – 206, 219
- Вагнер, П. – 135, 138
Вайсбеккер, М. – 39
Вайсброт, Б. – 136
Вальгер, В. – 222
Васютин, С. А. – 254
Вебер, М. – 104
Велер, Х.-У. – 24, 157, 199
Вендт, Б. Ю. – 40, 104, 141
Ветте, В. – 237, 240, 244, 250
Виланд, Г. – 134
Вильгельм, Г.-Г. – 227
Вильдт, М. – 129, 130, 131, 137, 138, 216
Винклер, А. – 185
Винклер, Г. А. – 25
Випперман, В. – 11, 41, 53, 54, 63, 64, 74, 90, 110, 134, 164, 209, 247
Вондунг, К. – 97
- Гайсс, И. – 63–67, 74
Галактионов, Ю. В. – 9, 14, 16, 18, 50, 51, 113, 254
Галкин, А. А. – 8, 13, 18, 114
Гейден, К. – 33
Гелатели, Р. – 126
Гериг, А. – 165
Герлах, К. – 219, 221, 236
Гинцберг, Л. И. – 8
Гис, Х. – 172
Гольдхаген, Д. – 21, 45, 46, 52, 132, 143, 217, 218, 219, 229, 238, 256
Госсвайлер, К. – 37, 39, 41, 50
Грамль, Г. – 40, 242
Граф, К. – 128
Гревельд, М. – 226
Грёлер, О. – 40
Гроде, В. – 88, 89, 90
- Грухман, Л. – 126
Грюттнер, М. – 180
- Дам, Ф. – 190
Дарендорф, Р. – 77, 79
Дивальд-Керкманн, Г. – 127, 128, 153
Дикман, Х. – 137, 219
Дингель, Ж. – 165, 166, 169
Динер, Д. – 213, 214
Драбкин, Я. С. – 18, 42
Дробиш, К. – 134, 255
- Ерин, М. Е. – 8, 10, 14, 17, 18, 114, 228, 259
Ермаков, А. М. – 10, 17
Ерусалимский, А. С. – 114
- Зааге, Р. – 53
Зайдель, Г.-Х. – 168
Зандкюлер, Т. – 138, 219
Захсе, К. – 175
Зёземанн, Б. – 149, 150
Зигель, Т. – 31
Зофски, В. – 134, 139
- Иелокон – 254
Инахин, К. – 125
- Йекель, Э. – 33, 34, 211
Йерзак, Т. – 221
Йессе, Э. – 58, 64, 69
Йохман, В. – 207
- Кайенбург, Х. – 134
Квит, К. – 131, 207
Кершоу, Я. – 11, 103
Клемперер, В. – 44, 52
Клинг, В. – 255
Коган, О. – 133, 218
Кокка, Ю. – 24, 157

- Комолова, Н. П. – 18, 79
Конце, В. – 185
Копелев, Л. – 43, 51
Корнева, Л. Н. – 9, 15, 16, 50, 51,
110, 111, 114, 196, 254
Корни, Г. – 172
Костромина, Н. Г. – 14
Краусник, М. – 222
Кюнль, Р. – 55
Кюнрих, Х. – 41
- Латцель, К. – 240, 241
Лонгерих, П. – 236, 237, 244
Лоцек, Г. – 37
Любин, В. П. – 110, 112
Людвиг, Й. – 213
- Мадиевский, С. – 199
Майер, Г. – 94, 95
Майнеке, Ф. – 206
Максимычев, И. – 50
Мальман, К.-М. – 124, 128, 129, 130,
131, 169
Мерки Х. М. – 166
Мерцалов, А. Н. – 8
Мерцалова, Л. А. – 8, 9, 16, 42, 46
Мессершмидт, М. – 40, 43, 225, 231,
240, 241, 250
Мёлих, Г. – 86
Мильгон, С. – 135
Михайленко, В. И. – 110
Михалка, В. – 242
Могильницкий, Б. Г. – 8, 16, 110
Молль, М. – 125
Моммзен, В. – 145, 146, 185
Моммзен, Г. – 23, 32, 34, 35, 58, 67–
70, 82, 84, 85, 91, 121, 153, 176–178,
211, 213, 214
Морш, Г. – 135
Мэзон, Т. – 168
- Мюллер, К.-Д. – 235
Мюллер, К.-Ю. – 226
Мюллер, Р.-Д. – 225, 231, 232, 233,
245, 248
Мюнкель, Д. – 172
- Нестерова, Т. П. – 110
Никсдорфы, Д. и Г. – 31
Нимеллер, К. – 191
Ниппердей, Т. – 78, 79, 80, 81
Нойман, Ф. – 29, 152, 163, 197
Нольге, Э. – 8, 23, 25, 26, 33, 34,
43, 47, 48, 49, 54–58, 63, 67, 70, 74,
110, 111, 141, 211, 240, 244, 249
Нольге, Х.-Х. – 141, 244
Нольцен, А. – 150, 151, 152
Оберлендер, Т. – 185
Обст Д. – 32, 211, 212
Опитц, Р. – 16
Орлов, Б. С. – 42
Орт, К. – 134
Остерло, Й. – 228
Отто, Р. – 227
- Патель, К. К. – 13
Пауль, Г. – 127, 130, 131
Петцольд, Й. – 187
Петцольд, К. – 37, 39, 40, 41, 50,
187, 215, 220
Пингель, Ф. – 136
Пипер, Ф. – 137
Пипер, Э. – 98, 99
Пойкерт, Д. – 79
Поль, Г. – 169
Поль, Д. – 137, 218
Полян, П. М. – 18, 196
Пост, В. – 184
Принц, М. – 87, 90, 91
Проллиус, М. – 162, 163, 164
Пушнер, У. – 146

- Раданг, Г. – 255
Радкау, Й. – 90
Райхель, П. – 26, 61, 90, 143, 144, 145, 186
Расс, К. – 233–235
Рау, М. – 84
Рахшмир, П. Ю. – 8, 16, 114
Ребентиш, Д. – 29, 122–124
Ридл, Й. – 97
Риттер, Г. – 141
Риттер, Р. – 223
Рихерт, Х. – 222
Рихтер, Т. – 228
Розе, Р. – 222
Розе, Р. – 222
Розенкёттер, Б. – 165, 166
Ройбанд, К.-Х. – 128
Ройт, Р. – 149
Росслер, М. – 247
Рот, К.-Х. – 170
Ротлэйтнер, Х. – 71, 72, 73
Ротфельс, Г. – 21, 183, 185, 186
Руге, В. – 39
Рук, М. – 13, 122, 178
Рюруп, Р. – 43, 213, 225
- Салов, В. И. – 8
Смелсер, Р. – 148
Суворов, В. – 244
Сцёллэзи-Янзе, М. – 181
- Тамер, Г.-У. – 11, 26–30, 33, 61, 158, 232
Тарнер, Г. А. – 77, 82
Трейчке, Г. – 96
Туполев, Б. М. – 114
Тухель, Й. – 135, 136
- Умбрайт, Х. – 38
- Фальгер, Ю. – 26
Фастман, У. Й. – 187
Фауленбах, Б. – 11, 42, 43, 58, 70, 74
Ферзе-Херрман, А. – 213
Фест, Й. – 40, 49, 125
Фёрстер, Ю. – 229, 233, 236
Фингс, К. – 154
Фишер, Ф. – 34, 49, 141, 162
Фляйшхауэр, И. – 242, 243
Фогеляйн, Э. – 92, 93, 95, 117
Фолькер, К. – 124, 125
Фолькман, Х.-Е. – 163, 164
Фрай, Н. – 12, 16, 18, 26, 35, 40, 41, 61, 84, 104, 118, 166, 250, 258
Фрезе, М. – 176
Френкель, Э. – 31, 87, 121, 266
Фридендер, С. – 22, 23, 162
Фридрих, К. – 53, 64, 206
Фризер, К. Х. – 226, 227
Функе, М. – 34, 60, 211
Фюре, Ф. – 56, 146
- Хаар, И. – 185
Хабермас, Ю. – 24, 25
Хайбер, Г. – 247
Хайдер, П. – 228
Хайес, П. – 179
Хайм, С. – 219, 245, 246
Хайнеман, И. – 248
Хардах, В. – 55
Харманд – 187
Хартевиг, К. – 139
Хартманн, К. – 235, 236, 237
Хактман, Р. – 168
Хеве, У. – 149
Хеер, Х. – 236, 238
Хель, У. – 120
Хемберггер, Х. – 255
Херберт, У. – 135, 136, 166, 208, 216, 220, 221, 254

- Хербст, Л. – 160, 161, 162, 164, 220
Хильгрубер, А. – 26, 141, 226, 239
Хильдебрандт, К. – 26
Хойер, У.-Й. – 74
Хоман, Ю. – 171
Хуберт, Ф. – 147
Хуммель, К.-Й. – 104
Хюртер, Й. – 227
- Циман, Б. – 227
Циммерман, М. – 138, 139, 222, 223, 254
Цительман, Р. – 34, 44, 76, 82, 83, 84, 85, 88, 89, 90, 91
Цумпе, Л. – 39
Цфасман, А. Б. – 114
- Черкасов, Н. С. – 8, 9, 16, 24, 47, 50
Чихон, Э. – 255
- Швартц, М. – 210
Шварц, Э. – 138, 215
Швендеман, Г. – 229, 230
Шеель, Г. – 40
Шефер, Г. – 197
Шефер, Х. Д. – 85
Шёнбаум, Д. – 29
- Шёнвэльддер, К. – 183, 184
Шёпс, Й. Х. – 99–101
Шидер, Т. – 157, 185
Шлее, Й. – 134
Шляйермахер, С. – 247
Шмихен-Акерман, Д. – 126
Шнайдер, М. – 170
Шнайдер, Т. – 186
Шпёер, М. – 164, 165, 167
Шпрее, Р. – 120
Шпренгер, И. – 139
Штайнбах, П. – 21, 130, 134, 147
Штайнбахер, С. – 134
Штрауса, Г. – 182
Штреба, Й. – 166
Штюрмер, М. – 24
Шульц, Г. – 29
- Эльм, Л. – 74
Эрдман, К. Д. – 184, 185
- Юбершер, Г. – 12, 141, 231, 240, 244, 248, 252
- Якобсен, Х.-А. – 40
Янка, Ф. – 248

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

- Аденауэр, К. – 85
- Беверидж, У. – 76, 82
- Бисмарк, О. – 142
- Бонхёфер, Д. – 120, 269
- Борман, М. – 151, 153, 269
- Бош, К. – 180
- Вагнер, Р. – 97, 104, 189, 190, 204
- Вессель, Х. – 191
- Вильгельм II – 141, 143, 180, 181, 187, 188, 190
- Гebbельс, Й. – 19, 87, 97, 98, 102, 103, 104, 106, 125, 149, 174
- Гейдрих, Р. – 131, 148, 215
- Геринг, Г. – 104, 163, 165, 174, 175, 181
- Гесс, Р. – 104, 171
- Гёте, Й.-В. – 188, 189
- Гиммлер, Г. – 104, 106, 134, 148, 163, 173, 246
- Гитлер, А. – 7, 11, 16, 22, 23, 25, 26, 29, 31, 33–36, 38–41, 43–46, 49, 52, 58–61, 65, 66, 68, 74–77, 79, 81–85, 89–91, 94–108, 113–115, 117–120, 123–126, 136, 140–143, 146–149, 151, 155, 157–159, 161, 169, 171, 174, 177, 180, 182, 183, 186, 188, 190, 191, 199, 203, 209–211, 215–217, 221, 225, 226, 229, 230, 231, 233, 237, 239, 242–245, 248, 256, 265
- Грютнер, М. – 180, 270
- Дарре, Р.-В. – 148, 163
- Депп, А. – 120
- Достоевский, Ф. М. – 89
- Дуллгардт, Ю. – 175
- Зайдлиц, В. – 228
- Заукель, Ф. – 188, 189
- Кальтенбруннер, Э. – 148
- Канарис, В. – 228
- Кауфман, К. – 125
- Лагард, П. – 96
- Ланц, Й. – 96
- Лей, Р. – 76, 96, 97, 148, 163
- Ленин, В. И. – 59, 66, 227
- Линден, Г. – 222
- Лютер, М. – 100
- Макиавелли, Н. – 125
- Манн, Т. – 189
- Манштейн, Э. – 26, 30
- Менгеле, Й. – 89
- Молотов, В. М. – 241, 242
- Муссолини, Б. – 84, 153

- Ницше, Ф. – 189, 190
 Олендорф, О. – 251, 252
 Орфф, К. – 186
 Паулюс, Ф. – 228
 Планк, М. – 180
 Порше, Ф. – 177, 178
 Риббентроп, У. – 241, 242, 244
 Розенберг, А. – 97, 98, 99, 102, 104, 105, 106
 Руст, Б. – 180
 Сталин, И. В. – 41, 43, 60, 61, 65, 66, 68, 74, 83, 89, 100, 113, 141, 153, 155, 226, 233, 242, 243, 249, 250, 263, 272
 Федер, Г. – 5, 39, 42, 76, 91, 98, 178
 Фрик, В. – 147, 148, 188, 189, 272
 Чемберлен, Х. С. – 104
 Шморель, Г. – 229
 Шолль, Г. – 229
 Шпеер, А. – 174
 Штауфенберг, К. – 229
 Штрайхер, Ю. – 104, 117
 Шиллер, И. Ф. – 188, 189
 Шмитт, К. – 63, 96
 Эйхман, К. – 207, 217
 Эккарт, Д. – 98, 102, 103
 Эккарт, М. – 105
 Юнгер, Э. – 96, 186

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- ВИ – Вопросы истории
 ЕГИ – Ежегодник германской истории
 МИВИН – Методологические и историографические вопросы исторической науки
 ННИ – Новая и новейшая история
 НВ – Новое время
 ОИ – Отечественная история
 APZ – Aus Politik und Zeitgeschichte (Политика и современная история)
 AfS – Archiv für Sozialgeschichte (Архив социальной истории)
 BDIP – Blätter für deutsche und internationale Politik (Журнал немецкой и международной политики)
 ДН – Dachauer Hefte (Тетради Дахау)
 GG – Geschichte und Gesellschaft (История и общество)
 GWU – Geachichte in Wissenschaft und Unterricht (История в науке и преподавании)
 НЈВ – Historisches Jahrbuch (Исторический ежегодник)
 НZ – Historische Zeitschrift (Исторический журнал)
 JGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (Ежегодники по истории Восточной Европы)
 VfZ – Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (Ежеквартальник современной истории)
 ZfG – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Журнал исторической науки)

Научное издание

КОРНЕВА Лидия Николаевна

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА:
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ
(1985–2005)

Редактор *А. Ф. Великанов*

Технический редактор *В. И. Труханова*

Компьютерная верстка: *А. Ф. Великанов*

Подписано к печати 02.05.2007. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 320

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58–34–48
Отпечатано в типографии издательства «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7

Л. Н. Корнева

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА